Стэнли Милгрэм
Как хороший человек становится негодяем. Эксперименты о механизмах подчинения. Индивид в сетях общества

Психология. Высший курс –

Всё, что сокрыто теперь, раскроет некогда время.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27797979&lfrom=30440123

«Стэнли Милгрэм. Как хороший человек становится негодяем. Эксперименты о механизмах подчинения. Индивид в сетях общества»: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-982369-8

Аннотация

Услышав очередное сообщение о взрыве в метро или на улице, ужаснувшись числу жертв военных конфликтов, среди которых в основном не солдаты, а мирное население, мы задаем себе вопрос: как такое стало возможным?! Что движет человеком, надевшим военную форму и лишающим жизни простых людей – женщин, стариков, детей? Что двигало людьми, подвергавшими пыткам и отправляющими в газовые камеры во время Второй мировой войны тысячи жертв? Неужели все эти люди злодеи и садисты? Или «невинные» исполнители чужой воли и приказов?

Ответить на эти вопросы сумел американский психолог Стэнли Милгрэм, который провел и описал шокирующий эксперимент, ставший одним из самых знаменитых в социальной психологии. Ни одно исследование не дало науке такого понимания природы человека, ни одно не вызвало столько споров. В книге – не только описание этого эксперимента, но и множество других, позволяющих заглянуть в самые темные уголки человеческой души, увидеть, на что способен каждый из нас под давлением авторитета, общества, просто зрителей. Это знание даст вам понимание природы человека и позволит засомневаться и сказать «нет», когда кто-то захочет сделать вас «слепым орудием» в своих руках.

3-е специальное международное издание.

Специальное международное издание включает в себя в полном объеме разделы «Личность и власть» и «Личность и группа» из третьего издания книги «The Individual in a Social World. Essays and Experiments». Оригинальное англоязычное издание также включает

разделы «Человек и город» и «Человек в коммуникативной сети».

Стэнли Милгрэм
Как хороший человек становится негодяем. Эксперименты о механизмах подчинения. Индивид в сетях общества

Саше, Марку и Мишель

THE INDIVIDUAL IN A SOCIAL WORLD. ESSAYS AND EXPERIMENTS.
Third, abridged, edition by Stanley Milgram

*** * ***

Стэнли Милгрэм – один из наиболее влиятельных психологов XX века, чьи эксперименты в области подчинения авторитету стали величайшим вкладом в мировую психологическую науку.

Исследования Милгрэма делают именно то, чего мы и ожидаем от ответственных общественных наук: информируют разум, не упрощая явление.

Science

Это классика! Кто лучше Милгрэма объяснит нам склонность человека следовать приказам вне зависимости от их опасных последствий?

Washington Post Book World

Эксперименты Милгрэма – это шокирующая правда о власти! Вы не сможете понять историю нашей цивилизации без этой книги!

New York Times Book Review

Вы никогда не поймете, кто вы на самом деле и насколько глубока «кроличья нора» вашей души, если не прочитаете эту книгу!

Джером Майнер, Нью-Йоркский университет

НЕПРОСТАЯ, НО ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ КНИГА!

Тяжелая, шокирующая, но необходимая для каждого из нас книга! Вы не сможете больше думать, что живете в гуманном обществе, потому что власть легко сделает из вас раба. И никакой воли, никакой стойкости. Я был потрясен, когда прочел, что больше половины участников доходило до конца этих электрических пыток. Но чем страшнее мне было, тем яснее я осознавал, что без этой книги я и сам мог бы угодить в ловушку авторитета, выполнить приказ, не понимая, что приношу тем страдание.

Д. Дайсон

ЭТО УРОК ВСЕМ!

Не думайте, что солдата или смертника остановит ваша боль и страдания. Милгрэм преподносит нам урок, что человек под приказом готов на многое. Практически на все!

Кэролайн Уильямс

ТЕМНАЯ СТОРОНА СИЛЫ

Без этой книги человечество никогда не узнало бы, насколько оно подвержено влиянию авторитета! Стоит только кому-то сказать: «Я беру всю ответственность на себя», и мораль, гуманность, сострадание и даже здравый смысл отступают. Эти слова – спусковой механизмом человеческой жестокости! Милгрэм в своей книге показывает, что абсолютно все: женщины, мужчины, добропорядочные, мягкие, с высокими моральными устоями – готовы нажать на смертельную кнопку. Конечно, это неприятная правда, но это реальность, знание, достоверная информация. Может быть, владея ею, человечество научится говорить «нет. Для меня это великая книга!

Д. Дэвис

Вакцина неподчинения, или Не верь – мысли и действуй критически

Стэнли Милгрэма, при некотором пафосном к нему отношении, можно было бы

назвать Моцартом социальной психологии. Когда вплотную сталкиваешься с его экспериментами и текстами, такое сравнение не кажется преувеличением (поклонники Л. Выготского, надеюсь, простят меня). Писать предисловие к работам Моцарта – скорее тяжелый вызов, чем приятная честь. Добавлять интерпретации? Писать о последователях и подражателях? О личных впечатлениях от американской академической среды и тамошней культуры эксперимента? Это все для статей и лекций.

О самом С. Милгрэме и его главном эксперименте, который без всяких оговорок стал исторической вехой в познании человека человеком, есть изданный на русском языке превосходный очерк научной журналистки Лорин Слейтер «Обскура. Стэнли Милгрэм и повиновение властям» в книге с удачным названием «Открыть ящик Скиннера».[1]

Особую ценность этому очерку придают интервью с двумя участниками того эксперимента, «учителями», один из которых достаточно быстро отказался продолжать удары «ученика» током, а второй дошел до смертельных тумблеров. На месте издателя я бы поместил данный очерк в качестве приложения к сборнику работ С. Милгрэма. В любом случае настоятельно рекомендую его всем, кто хочет не просто изучить сухую статистику и отрешенное академическое описание методики эксперимента и его результатов, а еще и прочувствовать, что там происходило с реальными людьми, или попытаться представить себя на их месте.

В эпоху тотальной визуализации и Интернета можно не только прочитать о научных вскрытиях глубин человеческой психики, но и увидеть документальные видеоотчеты о них и художественные реконструкции этих прозрений, чтобы достичь уже максимально полного погружения в виртуальный мир жизни С. Милгрэма и в его лабораторию.

Не о каждом ученом снимают художественные фильмы спустя полвека, а о С. Милгрэме два года назад (2015) вышел фильм «Экспериментатор», в центре сюжета которого знаменитый эксперимент по подчинению авторитету, а тремя годами раньше, в 2012 году, на экранах шел фильм «Эксперимент „Повиновение“». Последний основан на реальной истории о том, как искусный манипулятор, притворившись офицером полиции, воспроизвел милгрэмовский эксперимент на ничего не подозревавших людях, фактически сломав им жизнь.

Существует и документальный киноотчет об эксперименте по подчинению, «Obedience» (1965), который озвучили на русский язык и показали в свое время по советскому телевидению в научно-популярной передаче «Под знаком Пи». Документальный фильм «Человеческое поведение. Эксперименты» (The Human Behavior Experiments, 2006) содержит небольшой отрывок интервью со Стэнли Милгрэмом и помещает его работу в контекст более поздних социально-психологических экспериментов и трагических жизненных ситуаций, наглядно их (эксперименты) иллюстрирующих. Оба фильма легко найти в Интернете и получить для себя сильный импульс – эмоциональный и интеллектуальный.

…

И вот когда вы дочитаете эту книгу, а к ней рекомендованный мною очерк, да еще посмотрите четыре фильма, два документальных и два художественных, но на документальной основе, то что с вами произойдет? Науке это неизвестно – и не будет известно никогда, что хорошо объясняется в книге, на которую я ссылаюсь ниже. И у вас почти наверняка возникнет вопрос, что практически полезное выкристаллизовалось из экспериментов С. Милгрэма и его коллег, которых он во множестве упоминает в своих работах?

Если вы студент или решили лично для себя или для каких-то профессиональных целей поглубже разобраться в научных знаниях о механизмах поведения «общественного

---

[1] *Слейтер Л.* Открыть ящик Скиннера. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 43–83.

животного», то следующей книгой на вашем столе должна быть монография «Человек и ситуация. Уроки социальной психологии» Л. Росса и Р. Нисбетта, в которой подводятся фундаментальные итоги социально-психологических открытий, в том числе и милгрэмовских.[2]

Напомню, что исследование подчинения было попыткой ответить на вопрос о причинах вовлечения миллионов вроде бы цивилизованных людей в уничтожение других миллионов на территории европейской культуры, породившей демократию, гуманизм, идею прав человека и научно-технический прорыв с фантастическими результатами.

Нашла ли социальная психология окончательный ответ, какие механизмы формируют человеческое поведение? Да, нашла. Дает ли этот ответ ключ к предотвращению катастроф вроде двух мировых и десятков «ограниченных», а теперь и «гибридных», войн? Понимаем ли мы сейчас, что необходимо делать, чтобы люди переставали поддаваться на уловки социопатов-манипуляторов, впитывать в себя пропаганду ненависти, подчиняться преступным приказам и преступной власти? Понимаем ли мы сейчас, что необходимо делать, чтобы люди как можно чаще принимали решения в любых сомнительных ситуациях взвешенно и самостоятельно, не увлекаясь мифической «харизмой» вождя или гуру и не копируя бездумно бездумную же «нормальность» «как все» или «как моя любимая группа»?

Решусь утверждать, что наработанная база теоретических моделей и эмпирических данных вполне позволяет современной социальной психологии давать точные объяснения и эффективные практические рекомендации, которые при их последовательной и повсеместной реализации способны обеспечить и всеобщий стабильный мир, и конструктивное решение почти что любых так называемых «непослушных» проблем (wicked problems), предполагающих согласование интересов и поведения больших масс индивидов и социальных групп.

В кратком изложении фундаментальные открытия социальной психологии и вытекающие из них объяснения коллизий человеческого поведения выглядят следующим образом.

Человеческое поведение управляется исключительно субъективной интерпретацией любых воспринимаемых стимулов и субъективным же конструированием того, что можно назвать аутостимулами, то есть стимулами, которые создает себе сам же индивид и которые не существуют больше нигде, кроме пространства его сознания, с разной степенью осознания или когнитивного автоматизма. В англоязычной литературе этот механизм называется *construal* , а наиболее адекватным переводом на русский язык был бы новый синтетический термин *конструпретация* – конструирование аутостимулов плюс интерпретация внешних стимулов.

Человек рефлекторно или с различной градацией осознанности дает сам себе моментальные поведенческие команды не на основании того, что происходит в объективной реальности, а на основании субъективной модели реальности, под которую он мгновенно подгоняет все акты восприятия. В процессе социализации у каждого человека формируется своя система конструпретации, но она сама конструпретируется – с позиции наивного реализма – как прямое отражение «мира как он есть».

Человек глубоко и безотчетно *верит* , что он точно, полно и объективно воспринимает и истолковывает мир, в котором он живет и который, как ему кажется, должны разделять с ним все «нормальные» люди. Это не означает, однако, что такая *вера* не способна интегрировать в себя новые ситуации и новый опыт и претерпевать быстрые и радикальные изменения.

Американский психиатр Роберт Дж. Лифтон около 40 лет назад провел уникальное исследование психологии немецких врачей, ставших палачами в нацистских концлагерях. Его занимал вопрос, близкий к тому, который породил милгрэмовский эксперимент: как

---

[2] См.: *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.

врачи, представители самой гуманной профессии, дававшие клятву Гиппократа, в условиях нацистского режима смогли стать методическими массовыми убийцами и экспериментаторами-извергами на живых людях, не проявляя ни признаков угрызений совести, ни душевных конфликтов, ни порывов раскаяния.[3]

Р. Лифтон исследовал множество документов, дневников, свидетельств, брал интервью у родственников и друзей этих врачей и в результате сформулировал гипотезу «удвоения я» (doubling self). Он предположил, что в процессе эволюции у человека выработалась способность в ситуациях экстремального разрыва между первично сформировавшейся системой жизненных верований (beliefs) и свойствами той социальной ситуации, в которой индивид оказался относительно постепенно или практически внезапно, надстраивать в своем сознании дополнительную систему конструпретаций, не конфликтующую и не смешивающуюся с первой. Врачи-нацисты продолжали быть прежними отцами, мужьями и любителями искусства в домашней обстановке, а в концлагерях становились невозмутимыми и педантичными убийцами и живодерами:

> «Ключом к пониманию того, как нацистские врачи смогли заниматься работой Освенцима, является психологический принцип, который я называю „удвоением“: разделение собственного „я“ (эго) на два функционирующих целых таким образом, чтобы частичное эго действовало как полноценное. Врач из Освенцима мог путем удвоения не только убивать и способствовать убийству, но и молча создавать от имени этой зловещей преступной программы целую эго-структуру (или эго-процесс), затрагивающую фактически все аспекты его поведения.
>
> Следовательно, удвоение было психологическим орудием фаустовской сделки врача-нациста с дьявольской обстановкой в обмен на его вклад в убийство; от имени привилегированного приспособления ему предлагались различные психологические и материальные выгоды. За пределами Освенцима всем немецким врачам предлагалось еще более крупномасштабное искушение: соблазн стать теоретиками и практическими исполнителями космического замысла расового исцеления посредством мучений и массового убийства.
>
> Человек всегда этически ответствен за фаустовскую сделку – ответственность ни в коем случае не аннулируется тем фактом, что удвоение в значительной части проходит неосознанно. Изучая удвоение, я занимаюсь психологическим исследованием со стороны разъяснения зла».[4]

Исследование Р. Лифтона показывает, вероятно, предельный случай способности человеческого сознания существовать не в одной, а сразу в двух субъективных реальностях. «Удвоение я» происходило, несомненно, и у большинства узников концлагерей, но у них второе «я» было «жертвой».

Несколько иная история – у миллионов тех, кто оказывался солдатом на войне и вынужден был начинать убивать хотя бы для того, чтобы попробовать остаться в живых. Мне довелось как-то в своей жизни выслушать длинную исповедь советского «афганца», боевая служба которого началась сразу с контактной рубки саперной лопатой афганца-«душмана», охранявшего караван с оружием. У моего собеседника рука поднялась убить незнакомого человека только в ответ на направленную на него винтовку конца XIX века. Без «удвоения я» подобный опыт вряд ли позволял бы продолжать хоть как-то сбалансированное «нормальное» существование. Возвращение же в мирную гражданскую среду не сопровождается безболезненным демонтажом «я-убийцы», почему и возникает

---

[3] См.: *Lifton R. J.* The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide. Basic Books, Inc., Publishers New York, 1986.

[4] *Lifton R. J.* The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide. P. 418.

посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – ситуация мирной жизни не дает поддержки «военному я», которое вдруг оказывается не только ненужным, но еще и подавляемым. Мой рассказчик создал секцию боевых единоборств по возвращению в родной город, чтобы хоть чем-то оправдать это второе «я» в новых условиях.

Война, концлагерь, коричневый или красный тоталитаризм – это экстремумы. А что происходит с человеческим поведением в условиях вроде бы благополучных и демократических – или гибридно-демократических – режимов? Победа ультрадемагога Трампа, Brexit, подъем правого национализма в Европе, война рядом с центром Европы, часы Судного дня переводят на 30 секунд ближе к угрозе термоядерного самоуничтожения человечества – что это такое?

А это второй фундаментальный принцип социальной психологии – принцип ситуационизма. Надежные эмпирические данные показывают, что личностные диспозиционные свойства людей, например, возраст, пол, профессия, образование, характер и т. д., определяют поведение человека в гораздо меньшей степени, чем социальная ситуация, в которой это поведение реализуется. Для многих известных ситуаций мы можем дать надежное предсказание, какой процент ее участников поведет себя тем или иным определенным образом, то есть получается, что человеческое поведение определяется в преобладающей степени не личностными качествами, а характеристиками ситуации.

Как это согласуется с принципом субъективной конструпретации? Довольно просто: люди разделяют множество стандартных конструпретаций, число которых ограничено. Социальные ситуации выявляют шаблонные представления и шаблонные реакции людей. Мы принципиально не можем точно предсказывать поведение конкретного человека, поскольку не можем знать точно его систему верований и то, как ему вздумается ее применить в данном случае. Но мы можем собрать довольно точные и надежные статистические данные о вероятности того или иного поведения некоторого множества людей и затем применять их в своих предсказаниях.

Выдающийся социолог Ирвинг Гофман заострил это открытие до теории фреймов, главной идеей которой было утверждение, что социальная жизнь складывается не из независимых индивидуальных активностей, а из множества социальных сценариев, которые и задают течение жизни индивида.[5] Не индивиды, получается, спонтанно формируют ситуации, а фреймы и ситуации разыгрывают индивидов как по нотам.

И современное общество продолжает напоминать расширенный зал милгрэмовской лаборатории, только вместо поддельного экспериментатора в белом халате в нем множество поддельных авторитетов в самых разных масках: масс-медиа, корпорации, политики, пропагандисты всех мастей, проповедники и гуру, «отцы наций» и «мужья отчизны», судящие обо всем «звезды» сцены и экрана – и несть им числа. А миллионы граждан до боли напоминают наивных подопытных, не способных решительно сказать «нет» глупостям избранной, полуизбранной и не выбиравшейся власти и послушно вовлекающихся в популистские авантюры и несбыточные мечтания, в перспективе которых не лабораторная имитация удара током, а социально-политические, экономические и экологические катастрофы, тысячи и тысячи реальных жертв, горящие города и годы страданий. Попытки же рассеять смертельно опасную наивность вызывают такую агрессию и ненависть, что начинаешь бояться слишком быстро приблизить крах карточного домика и быть им накрытым одним из первых.

Я имею более чем 20-летний опыт консультирования семей, в которых кто-то из близких оказался в так называемых деструктивных культах, манипулятивных и эксплуатирующих группах, члены которых верят, что обрели свое счастье, несмотря на явное несоответствие такого ощущения реальному положению дел. За это время практически все

---

[5] См.: *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. М.: Институт социологии РАН, 2003.

мои коллеги, с которыми довелось работать по этой проблеме, ушли из данного направления, как мне кажется, по причине фактически нулевой эффективности. Сектанты воспринимают любое поползновение на критику их субъективной реальности буквально как угрозу покушения на их жизнь, – но разве это можно сказать только о сектантах?

И с чем мы остаемся, со всем этим знанием возвращаясь в лабораторию С. Милгрэма к его чудовищному пыточному электроприбору, пусть и декоративному? Что он открыл один из поведенческих фреймов, из которого человеку некуда деться? Что можно поставить галочку, внести этот фрейм в реестр и принять как объективную неизменяемую данность?

Сам С. Милгрэм определенно мыслил оптимистичнее:

> «Мне думается, что темы подчинения личности групповому давлению, конфликта совести и власти и той конструктивной роли, которую играют группы в жизни личности, – это центральные вопросы опыта личности в социуме. То, что мы, появившись на свет, попадаем в социальную матрицу, – это основа человеческого бытия, однако каждый из нас борется за то, чтобы быть личностью. Без социальной матрицы невозможно строить жизнь, она снабжает нас языком и привычками, достойными цивилизованных людей, дарует нам цели, ценности и драгоценное общество себе подобных. Но как только нам даруют систему ценностей, она становится нашим личным достоянием, и тогда человеку приходится бороться, чтобы отстоять свою индивидуальную совесть, суждения и критическое мышление под давлением толпы и власти, которая навязывает ему свои представления.
>
> Самые яркие черты человечества – то, что люди получают от других: язык, навыки рационального мышления, человеческие ценности. Однако человек, чтобы сохранить в себе самое лучшее, зачастую вынужден в одиночку противостоять толпе и власти. Человек усваивает эти ценности, а потом должен их отстаивать – иногда в борьбе с тем самым обществом, от которого их получил. Хотя на человека зачастую оказывают колоссальное давление, чтобы он отказался от критического мышления, шел на сделку с совестью и отказывался от своей человечности, зачастую он оказывается упорным и стойким, выдерживает сиюминутное давление и снова обретает силу и целостность духа. Однако же, как показывают наши эксперименты, так бывает не всегда. Но это идеал, к которому стоит стремиться».

В этой цитате С. Милгрэм трижды упоминает критическое, рациональное мышление как важнейшее качество, позволяющее личности противостоять групповому и властному давлению. Является ли оно тем спасительным средством, которое может дать человеку вырваться из болота сансары его самообманов, или, как хорошо сказала Карин Шульц на одной из TED-конференций, «выйти за пределы этого крошечного, закошмаренного пространства правоты и посмотреть вокруг, друг на друга и обратить внимание на необъятность и сложность, и тайну Вселенной, и быть в состоянии сказать: „Ого! Я не знаю. Может, я ошибаюсь“?»[6]

Да, та же самая закошмаренная собственной правотой индивидуальная конструпретация позволяет не только истово предохраняться от признания своих ошибок и уютно гнить в застойной вере своего совершенства, но и научаться аналитической рефлексии, логике, примирению со своим несовершенством и ограниченностью и открытости аргументированной критике. Человек способен поверить практически в любую свою – или чужую – фантазию, и когда он каким-то образом обретает веру в критическое мышление, то она по крепости ничем не уступает любым другим верованиям, зато по рациональности и полезной эффективности оказывается абсолютно вне конкуренции.

Что же мешает овладению критическим мышлением не двумя-тремя, а хотя бы двумя-тремя *десятками* процентов населения? Кажется невероятным, что фантастический вклад

---

[6] https://www.ted.com/talks/kathryn_schulz_on_being_wrong/transcript?language=ru

критического, то есть научного, мышления в преобразование нашей материальной среды, средств коммуникации и образа жизни не вызывает сам по себе сильного желания приобщиться к его волшебной силе у всех хоть сколько-нибудь разумных граждан любого возраста. Все просто должны, вроде бы, неистово требовать от системы образования, парламентов, президентов и правительств, чтобы их неотложно обучили тем чудодейственным принципам и техникам мышления, благодаря которым ученые и инженеры успешно запускают марсоходы, создают невероятные гаджеты и искусственный интеллект, развивают генную инженерию, решают казавшиеся неразрешимыми загадки устройства Вселенной и спасают ранее неизлечимых больных. Массовых демонстраций с лозунгами «Обеспечить каждого гражданина критическим мышлением!», однако, почему-то не наблюдается, хотя представляется очевидным, что это и есть первоочередная задача для социума XXI века.

Вряд ли является случайным, что та же академическая среда, что породила С. Милгрэма, еще за почти четыре десятилетия до его знаменитого эксперимента стала и почвой для первого в мире теста критического мышления – теста Уотсона-Глейзера (Watson-Glaser™. Critical Thinking Appraisal), разработанного в 1925 году профессором Goodwin Watson и студентом E. M. Glaser в Columbia Teachers College. Спустя 65 лет, в 1990 году, была завершена организованная Американской философской ассоциацией двухлетняя работа методом Дельфи большой группы экспертов (выработка экспертного консенсуса) по созданию стандартной модели критического мышления. Результаты были зафиксированы в итоговом докладе «Критическое мышление: отчет об экспертном консенсусе для целей образовательного анализа, оценки и обучения».[7]

К настоящему времени в мире (англоязычном) разработано огромное множество учебных курсов критического мышления от уровня детского сада до самого продвинутого бизнес-образования, десятки или даже сотни тестов критического мышления любой профессиональной направленности – от вспомогательного медперсонала до топ-менеджеров. Одна страна за другой признает овладение критическим мышлением первоочередной целью всех ступеней образования и важнейшим компонентом профессиональной квалификации.

Старейшая и ведущая профессиональная организация США по продвижению критического мышления в образовательные и прочие массы, The Foundation for Critical Thinking, даже обозначила своей целевой миссией формирование «критического общества» (critical society) и «критической личности» (critical person), а недавно создала петицию с требованием сделать курсы критического мышления обязательными в школах и университетах (некоторые университеты уже делают это в экспериментальном порядке).

Представим себе, что миссия данного Фонда успешно реализована. С чем мы можем столкнуться в лаборатории, если попробуем воспроизвести эксперимент по подчинению с критическими личностями, растущими в критическом обществе? Доброволец-подопытный внимательно выслушивает вступительное объяснение цели эксперимента (напомню, что оно было ложным, отвлекающим), а затем требует серьезных научных обоснований и эмпирических подтверждений с предъявлением источников аргументов, прежде чем нажать хотя бы первый тумблер, иначе отказывается участвовать. Дополнительно он настаивает на вызове полиции, чтобы она предотвратила преступные планы экспериментаторов применить садистские и смертельно опасные удары током на живых людях. Эксперимент завершается, не начавшись. Что-то мне подсказывает, что С. Милгрэм был бы очень рад такому провалу…

Мне могут сказать, что такая картина выглядит из сегодняшнего дня скорее утопичной, чем реалистичной. Скептикам напомню, что когда-то утопией казались всеобщее избирательное право, всеобщая грамотность и многие другие социальные инновации. А затем люди им научились и поверили в них.

---

[7] http://evolkov.net/critic.think/basics/delphi.report.html

Евгений Волков,

научный редактор, эксперт, тренер и консультант по критическому мышлению, онтодизайну, социальному воздействию и социоинженерии

Предисловие к первому изданию

Покойный Гордон У. Олпорт учил, что предмет социальной психологии – воздействие предполагаемого, реального или воображаемого присутствия других людей на мысли, действия и чувства отдельного человека. В центре его определения стоит отдельный человек, личность, – и личность остается в центре моего собственного представления об этой сфере. Поэтому структура этой книги приблизительно отражает четыре основные категории фактов общественной жизни, с которыми сталкивается личность: город, власть, группы и средства массовой информации.[8]

В этой книге описаны исследования, которые я вел на протяжении 20 лет, и поблагодарить всех тех, кто помогал мне в отдельных экспериментах, уже не представляется возможным. Однако мне хотелось бы упомянуть нескольких человек, перед которыми я в особом интеллектуальном долгу. В первую очередь это покойный Гордон У. Олпорт, который с самого начала поддерживал во мне убеждение, что я могу принести некоторую пользу социальной психологии, и трое моих учителей и вдохновителей – Соломон Э. Аш, Роджер Браун и Джером С. Брунер.

Многие описанные здесь эксперименты проводились в контексте моих курсов по социальной психологии в Гарварде, Йеле и Городском университете Нью-Йорка. Многие студенты, участвовавшие в этих исследованиях, были моими полноправными партнерами, и я хотел бы выразить признательность каждому из них.

При подготовке этого труда к печати мне очень помогали Элис Б. Корнблит и Александра Милгрэм, работавшие как секретари и редакторы. Предметный указатель подготовила Джоан Гервер.

Наконец, мне хотелось бы поблагодарить нескольких издателей, которые разрешили мне перепечатать статьи, впервые опубликованные в их книгах и журналах.

Стэнли Милгрэм

Введение

Как социальный психолог я смотрю на мир безо всякого намерения управлять им, а с единственной целью понять его и передать это понимание окружающим. Социальные психологи – часть той самой социальной матрицы, которую они взялись анализировать, а следовательно, они могут опираться на собственный опыт как на источник знаний. Трудность в том, чтобы при этом не засушить окружающий мир, лишив его всей радости, спонтанности и живости.

Стремление понять социальное поведение присуще, разумеется, не только психологам, – это нормальное человеческое любопытство. Однако с точки зрения социальных психологов эта задача более насущная, более интересная, поэтому они идут на шаг дальше и превращают ее в дело всей жизни.

Исследования из этого сборника велись в течение 20 лет; их целью было изучить, как

---

[8] В настоящее издание вошли части вторая и третья монографии – «Личность и власть» и «Личность и группы». – *Прим. перев* .

социум влияет на поступки и опыт отдельной личности. При этом мы исходили из предположения, что личность, на которую влияют социальные силы, зачастую убеждена, что не зависит от них. Таким образом, это социальная психология реагирующей личности, реципиента сил и воздействий, исходящих из внешнего мира как такового. Это, разумеется, лишь одна сторона медали общественной жизни, ведь мы, отдельные личности, также совершаем действия исходя из внутренних потребностей и активно строим социум, в котором живем. Однако изучение комплементарной стороны нашей социальной природы я предоставил другим исследователям.

Социум сталкивается с нами не как набор отдельных переменных, а как живой, непрерывный поток событий, чьи составные части можно выделить лишь при анализе и чье воздействие можно убедительнее всего показать посредством логики экспериментов. Более того, социальная психология как раз и претендует на способность реконструировать разнообразные типы социального опыта в формате эксперимента, чтобы прояснить и выявить действие неочевидных общественных сил – и тогда их можно исследовать в терминах причинно-следственных связей.

Источник экспериментов, описанных в этой работе, – не учебники, не абстрактная теория, а фактура повседневной жизни. Они опираются на строго феноменологический подход. Каждый эксперимент – это ситуация с открытым финалом, не до конца понятная, неопределенная, чреватая неудачей. Иногда эксперимент лишь подтверждает очевидное, а иногда приводит к неожиданным открытиям. Неопределенность результата и есть самое интересное.

Эксперименты могут быть объективными, но редко бывают полностью нейтральными. Все эксперименты так или иначе проводятся с определенной точки зрения. Так, например, при изучении конформности и подчинения моральное превосходство всегда на стороне того, кто сопротивляется группе или власти. Похоже, в такой ситуации предпочтительнее одиночки. Однако сам экспериментатор, разумеется, задает условия так, что морально приемлемым вариантом может быть только сопротивление. Всеохватное влияние подобных имплицитных оценок само по себе не подрывает значимости экспериментов, однако придает им определенную окраску, которую невозможно определить строго научными методами.

Я не имею в виду, что эксперименты по социальной психологии сводятся к эмоциональному катарсису, главное в котором – чувства и потребности исследователя. Напротив! Даже если стимулом к исследованию были личные интересы, задачи или предвзятые представления, оно не может долго задерживаться на этом уровне. Эмоциональные факторы строго подчиняются экспериментальному методу и идеалам научной объективности.

Самые интересные эксперименты по социальной психологии рождаются на грани наивности и скептицизма. Экспериментатор должен быть достаточно наивным, чтобы усомниться в том, в чем уверены все остальные. Однако ему следует проявлять скептицизм на всех этапах – и при интерпретации данных, и при искушении поспешно подогнать то или иное открытие под общепринятые представления.

Хотя в большинстве статей из этого сборника изложены идеи экспериментов, цель некоторых работ состоит в том, чтобы обосновать эти идеи или отстоять их под напором критики. Иногда же они экстраполируют выводы экспериментов на более масштабные вопросы. Скажем, в раздел о личности и власти я включил статью в защиту этики эксперимента по изучению подчинения. В другой статье отстаиваются его методологические предпосылки. Конечно, без таких статей работа социального психолога немыслима, однако мне всегда было жаль отвлекаться ради них от более приятного занятия – изобретения экспериментов.

Приведу интервью, которое взяла у меня Кэрол Таврис для журнала «Psychology Today».[9] В нем подробно разъясняются некоторые замечания из этого введения и

---

[9] Это интервью было опубликовано под заголовком «The Frozen World of the Familiar Stranger»

затрагивается широкий спектр моих методологических и предметных представлений.

КЭРОЛ ТАВРИС: В основном ваши работы посвящены опыту городской жизни, и в них выявляются некоторые неосязаемые особенности, отличающие Осло от Парижа, Топику от Денвера и Нью-Йорк – от всех остальных городов. Как вам удается определять подобные особенности?

СТЭНЛИ МИЛГРЭМ: Во-первых, надо смотреть во все глаза, делать обобщения на основании большого числа конкретных случаев, понимать, складываются ли эти конкретные случаи в определенную закономерность, затем попытаться найти глубинные соответствия между мириадами поверхностных явлений в том или ином городе. Обобщаешь на собственном опыте и формулируешь гипотезу.

Затем надо подойти к делу систематически. Спрашиваешь разных людей, какие конкретные инциденты, с их точки зрения, характерны для жизни в том или ином городе, и смотришь, не проявляются ли какие-то закономерности или измерения. Если попросить американцев перечислить конкретные инциденты, которые, по их мнению, типичны, например, для Лондона, они зачастую сосредотачиваются на характерной для лондонцев вежливости. Если речь идет о Нью-Йорке, упоминают, как правило, бурный темп жизни и разнообразие. Отличие психолога от романиста или автора путевых заметок именно в том, что он пытается измерить, действительно ли эти черты – темп, приветливость, разнообразие – соотносятся с реальностью и отличают атмосферу одного города от другого. Так что вклад социальной психологии в многовековую традицию путевых заметок состоит как раз в *измерении* различий.

ТАВРИС: Какие особенности городской жизни интересуют вас в последнее время?

МИЛГРЭМ: Я уже много лет езжу на работу на электричке. И заметил, что на моей станции есть люди, которых я вижу много лет, но никогда с ними не разговаривал, люди, которых я стал про себя называть *знакомыми незнакомцами* . Мне почудилась в этом специфическая проблема: люди относятся друг к другу как к деталям окружающей среды, а не как к личностям, с которыми можно взаимодействовать. Такое происходит сплошь и рядом. Но все равно при этом ощущаешь горечь и неловкость, особенно если на станции вы только вдвоем – вы и человек, которого вы видите каждый день, но так и не познакомились с ним. Возникает барьер, который непросто преодолеть.

ТАВРИС: Как вы изучаете феномен знакомого незнакомца?

МИЛГРЭМ: Студенты из моего исследовательского семинара фотографировали на одной станции пассажиров, ожидающих поезда. Они делали копии фотоснимков, нумеровали лица, а через неделю раздавали групповые фотографии всем пассажирам на станции. Мы просили постоянных пассажиров отметить тех, кого они знают и с кем разговаривали, тех, кого они не узнают, и тех, кого они узнают, но с кем никогда не разговаривали. Пассажиры заполняли вопросники по дороге в поезде и возвращали их на Центральном вокзале.

Так вот, оказалось, что в среднем постоянные пассажиры знают 4–5 знакомых незнакомцев, и у них зачастую масса фантазий по поводу этих людей. Более того, среди знакомых незнакомцев оказались социометрические звезды. 80% пассажиров узнали одну женщину, хотя никогда с ней не разговаривали. Она была визуальным центром толпы на станции – вероятно, потому, что всегда носила мини-юбку, даже в холода.

ТАВРИС: Чем отношение к знакомым незнакомцам отличается от полных незнакомцев?

МИЛГРЭМ: Феномен знакомого незнакомца состоит не в отсутствии взаимоотношений, а в особого рода замороженных отношениях. Например, если нужно задать какой-то простой вопрос или узнать, который час, скорее обратишься к полному

(«Замороженный мир знакомого незнакомца») в журнале «Psychology Today», Vol. 8 (June 1974). P. 71–73, 76–78, 80. ©1974, Ziff-Davis Publishing Company. Публикуется с разрешения Александры Милгрэм.

незнакомцу, а не к человеку, которого видел много лет, но ни разу с ним не заговаривал. Вы оба сознаете, что между вами существует история не-коммуникации, и оба считаете, что это нормально.

Однако отношения со знакомыми незнакомцами обладают скрытым качеством, которое в определенных случаях становится явным. Я слышал историю, как одна женщина потеряла сознание у входа в свой подъезд. Ее соседка, которая видела ее 17 лет, но никогда с ней не разговаривала, тут же принялась действовать. Она ощутила себя ответственной, вызвала врача и даже поехала с ней в больницу. Вероятность заговорить со знакомым незнакомцем возрастает и в случае, если встречаешься с ним в необычном месте, не там, где всегда. Если бы я гулял по Парижу и наткнулся на кого-то из попутчиков со станции «Ривердейл», мы бы, несомненно, поздоровались – в первый раз. А поскольку знакомые незнакомцы часто начинают разговаривать друг с другом в чрезвычайной ситуации, это заставляет задать интересный вопрос: есть ли способ пробудить солидарность, не рассчитывая на чрезвычайные ситуации?

ТАВРИС: Чтобы изучить знакомых незнакомцев, ваши ученики непосредственно обращались к пассажирам. Характерно ли это для вашего стиля эксперимента?

МИЛГРЭМ: Методы сбора информации всегда следует согласовывать с решаемой задачей, и не все жизненные явления можно воссоздать в лаборатории. Часто приходится сталкиваться с задачей лицом к лицу, а чтобы задать человеку вопрос, лицензия не нужна. Мой стиль эксперимента нацелен на выявление социального давления, влияния которого мы не замечаем.

К тому же эксперимент осязаем – своими глазами видишь, как люди себя ведут, а это наталкивает на открытия. Вопрос в том, чтобы сводить вопросы на уровень, где они становятся очевидными, делать процессы видимыми. Социальная жизнь очень сложна. Все мы – хрупкие создания, запутавшиеся в паутине общественных ограничений. Эксперименты часто служат прожектором, который освещает мрачные аспекты бытия. А я уверен, что ящик Пандоры скрыт прямо под поверхностью повседневной жизни, так что нередко стоит лишь усомниться в том, что кажется тебе самым очевидным. И найдешь такое, что сам удивишься.

ТАВРИС: Например?

МИЛГРЭМ: Недавно мы изучали обстановку в метро – характернейший аспект нью-йоркской жизни. Если задуматься, что в час пик совершенно незнакомые друг другу люди прижаты друг к другу в шумном душном вагоне, и их со всех сторон толкают локтями, просто поразительно, что в метро так мало агрессии. Эта ситуация на диво регламентированная, и мы попытались разобраться, какие нормы позволяют держать ее под контролем. Для начала лучше всего было подойти к проблеме упрощенно, без лишних хитростей, поскольку хитрости слишком многого требуют от структуры, которую хочешь осветить.

ТАВРИС: Что же вы сделали?

МИЛГРЭМ: Я предложил студентам просто подойти к кому-то в вагоне и попросить уступить место. Сначала группа отреагировала точно так же, как и вы, – расхохоталась. Многие студенты подумали, что жители Нью-Йорка ни за что не уступят место незнакомому человеку только потому, что их об этом попросили. Затем мои студенты сделали еще кое-что, выдавшее их предвзятое отношение. Они сказали, что в таком случае нужно обосновать просьбу, сослаться на нездоровье, тошноту, головокружение, – они предполагали, что самой по себе просьбы будет недостаточно, чтобы заполучить место. Третья подсказка: я спросил у группы аспирантов, кто вызовется добровольцем, но они *en masse* сжались и попрятались. Очень красноречиво. Ведь им нужно было всего-навсего обратиться с тривиальной просьбой. Почему эта перспектива так их пугала? Иначе говоря, сама формулировка исследовательского вопроса генерировала эмоциональные подсказки для ответа на него. Наконец один храбрец по имени Айра Гудман взял на себя эту геройскую задачу и отправился на подвиги в сопровождении соученика-наблюдателя. Гудман должен был обращаться с этой просьбой очень вежливо, но не приводить никакого обоснования и

охватить 20 пассажиров.

ТАВРИС: И что потом?

МИЛГРЭМ: Не прошло и недели, как по рядам аспирантов поползли слухи: «Встают! Встают!» Эта новость вызвала изумление, восторг и восхищение. Студенты ходили к Гудману на поклон, словно он обнаружил какой-то величайший секрет выживания в нью-йоркской подземке, а на следующем семинаре он объявил, что половина тех, к кому он обратился с просьбой, встали и уступили ему место. Ему не пришлось даже приводить причину.

Однако в рассказе Гудмана мне бросилось в глаза одно несоответствие. Он обратился лишь к 14 пассажирам, а не к 20, как мы рассчитывали. Поскольку обычно Гудман очень добросовестно относился к заданиям, я спросил, почему так вышло. Он ответил: «Не мог – и все. Это было одно из самых трудных заданий в моей жизни». Была ли это какая-то личностная черта самого Гудмана или его слова открыли нам глаза на фундаментальное свойство общественного поведения в целом? Выяснить это можно было лишь одним способом. Каждый из нас должен был повторить эксперимент – не исключая ни меня самого, ни моего коллеги профессора Ирвина Курца.

Откровенно говоря, несмотря на опыт Гудмана, я считал, что задача очень проста. Я подошел к сидевшему пассажиру и приготовился произнести волшебные слова. Однако они словно застряли у меня в горле и не желали выходить. Я стоял, словно окаменелый, – а потом отошел, так и не выполнив задания. Студент-наблюдатель уговаривал меня попытаться еще раз, но я был сокрушен и парализован своей неспособностью ничего сказать. Я убеждал себя: «Не будь таким трусишкой! Ты же сам дал студентам это задание! Как ты будешь смотреть им в глаза, если не сумел выполнить собственное требование?» Наконец после нескольких безуспешных попыток я подошел к какому-то пассажиру и выдавил: «Простите, сэр, вы не уступите мне место?» Меня охватила неизъяснимая паника – но тут незнакомец встал и уступил мне место. Тут меня ждал второй удар. Сев, я ощутил непреодолимое желание вести себя так, чтобы оправдать свою просьбу. Голова у меня сама собой склонилась между коленей, я чувствовал, как лицо у меня побелело. Я не играл. У меня и правда было такое чувство, будто я сейчас умру. И третье открытие: стоило мне выйти на следующей станции, как все напряжение как рукой сняло.

ТАВРИС: Какие глубинные общественные принципы выявляет подобный эксперимент?

МИЛГРЭМ: Во-первых, это указывает на мощные механизмы подавления, которые мешают нам нарушать общественные нормы. Попросить человека уступить место – это тривиально, однако высказать эту просьбу необычайно трудно. Во-вторых, это подчеркивает сильнейшее стремление обосновать просьбу, для чего нужно, чтобы у тебя был больной или усталый вид. Должен подчеркнуть, что это не простое притворство, а полное погружение в свою роль в социальных взаимоотношениях. Наконец, поскольку все эти сильные чувства синтезируются в определенной ситуации и ею ограничиваются, это показывает, как влияют на поведение и чувства непосредственные обстоятельства. Стоило мне выйти из поезда, как я почувствовал себя гораздо лучше и вернулся в нормальное состояние.

ТАВРИС: Судя по вашим словам, реакция у вас была типичной для испытуемых в эксперименте по изучению подчинения. Многие из них чувствовали себя обязанными исполнять приказы экспериментатора и ударять током невинную жертву, хотя ощущали при этом сильнейшую тревогу.

МИЛГРЭМ: Да. Случай в метро позволил мне лучше понять, почему некоторые испытуемые подчинялись приказам. Я на собственном опыте понял, как им было тревожно, когда у них возникала мысль отказать экспериментатору. Эта тревожность создает прочный барьер, который нужно преодолеть и при важных поступках – отказе подчиниться властям, – и при тривиальных – просьбе уступить место в метро.

Вы знаете, что есть люди, предпочитающие погибнуть в горящем здании, лишь бы не выбежать на улицу без штанов? Неловкость, стыд и страх нарушить тривиальные на первый

взгляд нормы зачастую ставят нас в безвыходное положение и обрекают на непереносимые мучения. И это не мелкие регулирующие силы в общественной жизни, а самые ее основы.

ТАВРИС: Можете ли вы порекомендовать похожий эксперимент для тех из нас, кто живет в городах без метро?

МИЛГРЭМ: Если вы считаете, что нарушить общественные ограничения легко, сядьте в автобус и запойте. Как полагается, во все горло, никакого мурлыканья себе под нос. Многие скажут, что нет ничего проще, однако способен на это лишь один из сотни. Главное – не думать, как запоешь, а сделать это. Только в действии полностью понимаешь, какие силы определяют социальное поведение. Потому я и экспериментатор.

ТАВРИС: Однако мне представляется, что многие эксперименты при всей их занимательности не идут дальше того, что подсказывают чувство и чуткость. Вашу работу по исследованию подчинения зачастую критикуют словами «Это мы и так знали». Ведь сотни лет истории человечества пестрят случаями, когда люди исполняли приказы. Что пользы проводить эксперимент, подтверждающий исторические данные?

МИЛГРЭМ: Цель исследования подчинения – не подтвердить или опровергнуть исторические данные, а изучить психологическую функцию подчинения, какие для него нужны условия, какие механизмы защиты оно задействует, какие эмоциональные силы заставляют человека подчиняться приказам. Критическое замечание, которое вы приводите, – это все равно что сказать, мол, всем известно, что от рака умирают, так зачем его изучать?

Далее, людям трудно отличить то, что они знают, от того, что они только думают, будто знают. Самый яркий показатель нашего невежества по поводу подчинения – то, что, когда психиатров, психологов и так далее просили предсказать поведение испытуемых в ходе моего эксперимента, они катастрофически ошибались. Например, психиатры говорили, что лишь один из тысячи способен нанести даже самый слабый удар, так что ошиблись они в 500 раз.

Более того, мы должны задаться вопросом, действительно ли люди усваивают исторические уроки. А может быть, всегда есть «тот, другой», ни стыда, ни совести, который подчиняется властям, даже если при этом приходится нарушить элементарные моральные нормы? Думаю, многим трудно признать, что сами они потенциально способны на безграничное подчинение власти. Чтобы общество осознало эту проблему, нам следует задействовать все доступные педагогические средства – в форме как истории и литературы, так и экспериментов.

Наконец, если одна группа критикует эксперименты только за то, что они просто подтверждают исторические данные, не менее красноречивая группа яростно отрицает, что американские граждане способны подчиняться приказам в такой степени, какую показывает мой эксперимент, а следовательно, отмахивается и от меня самого, и от эксперимента. Советую прочитать мою книгу и сделать самостоятельные выводы.

ТАВРИС: Ваши исследования – и подчинения, и городской жизни – касаются сети социальных ограничений. Какие факторы кажутся вам самыми важными, скажем, в составе атмосферы большого города?

МИЛГРЭМ: Очевидно, степень моральной и социальной вовлеченности во взаимоотношения и те ограничения, которые накладывают на это объективные обстоятельства городской жизни. Людей и событий, с которыми нужно как-то взаимодействовать, настолько много, что часто приходится отказываться от потенциальных вложений в отношения, иначе не справиться с жизнью. Если живешь у проселочной дороги, можешь здороваться с каждым прохожим, но на Пятой авеню это, конечно, невозможно.

Например, в качестве меры социальной вовлеченности мы сейчас исследуем реакцию на потерявшегося ребенка в мегаполисе и маленьком городке. Девятилетний мальчик просит помочь позвонить домой. Аспиранты зарегистрировали огромную разницу между жителями мегаполисов и маленьких городков: в городе многие отказывались помогать девятилетнему ребенку. Постановка задачи мне понравилась, поскольку нет более значимой меры качества

культуры, чем то, как там обращаются с детьми.

ТАВРИС: Неужели в больших городах вырабатывается безразличие друг к другу? И с этим ничего нельзя поделать? На улицах китайских городов не встретишь пьяниц и попрошаек, но если бы такое случилось, все почувствовали бы себя обязанными помочь. Моральные нормы требуют помогать окружающим, так что никому не пришлось бы играть роль одинокого доброго самаритянина.

МИЛГРЭМ: Я бы не стал сравнивать город вроде Пекина, где вся атмосфера пронизана политическими доктринами и императивами, с западными городами. Но и с этой поправкой большие города не всегда одинаковы. Однако в целом намечается движение в сторону адаптации, одинаковой во всех городах. Сегодняшний Париж больше похож на Нью-Йорк, чем 20 лет назад, а через 50 лет они будут еще сильнее похожи, поскольку потребности в адаптации перевешивают местный колорит. Какие-то культурные различия останутся, но и они поблекнут, и лично меня это очень огорчает.

ТАВРИС: Вы только что провели год в Париже за изучением ментальных карт города. Что это такое?

МИЛГРЭМ: Ментальная карта – это картина города, запечатленная в сознании человека: улицы, соседи, площади, которые играют важную роль в его жизни, как они взаимосвязаны, какой эмоциональный заряд несет каждый элемент. Идею я почерпнул в книге «Образ города» Кевина Линча (Kevin Lynch. «The Image of the City»). Внешний город закодирован в мозге, и можно говорить о городе, существующем в сознании человека. Даже если внешний город будет разрушен, его можно воссоздать, опираясь на ментальную модель.

ТАВРИС: А что вы узнали о Париже?

МИЛГРЭМ: Во-первых, связь между реальностью и ментальными картами несовершенна. Например, Сена течет через Париж по большой дуге, практически описывает полукруг, однако парижане представляют себе гораздо более плавную кривую, а некоторые считают, что река течет через город по прямой. А закономерности в распределении знакомых и незнакомых районов просто поразительны – на востоке Парижа есть огромные области, которых не знает вообще никто, кроме жителей этих кварталов. Старики обычно хранят в сознании карту Парижа прежних лет, им трудно включать в нее новые элементы, даже самые масштабные.

ТАВРИС: А разве ментальные карты у разных людей не разные? Наверное, они зависят от жизненного опыта и экономического положения?

МИЛГРЭМ: Существует и универсальная ментальная карта Парижа, общая для всех парижан, и специализированные карты, основанные на личной биографии и классовой принадлежности отдельного человека. Мы опросили более 200 парижан – и рабочих, и квалифицированных профессионалов, – и классовые различия бросаются в глаза. Например, 63% квалифицированных профессионалов узнали снимок площади Фюрстенберга, ничем не примечательного уголка, который профессионалы считают буржуазно-сентиментальным; из рабочих ее узнали лишь 15%. И 84% профессионалов опознали комплекс ЮНЕСКО на площади Фонтенуа, в отличие от всего лишь 24% рабочих. Так что у ментальной карты есть мощная классовая подоплека. С другой стороны, площадь Сен-Мартен опознало одинаковое количество рабочих и профессионалов. А Нотр-Дам до сих пор, как и тысячу лет назад, олицетворяет для всех психологическое сердце города. Так что у ментальных карт есть и универсальные, и уникальные черты.

ТАВРИС: А для чего они нужны, эти ментальные карты?

МИЛГРЭМ: Многие важные решения люди принимают на основании именно своей концепции города, а не его реалий. Это давно доказано. Так что планировщикам важно знать, как укладывается город в головах горожан. А как познавательно было бы составить такие ментальные карты для Афин времен Перикла, для Лондона эпохи Диккенса! К сожалению, тогда не было социальных психологов и некому было составить подобные карты на основании систематического подхода, однако сейчас мы понимаем, насколько это нужно, и исполняем свой долг.

ТАВРИС: Мне бы хотелось обратиться еще к одному вашему исследованию реального мира – к насилию на телеэкране. Вы провели восемь тщательно организованных исследований и не выявили никаких различий между теми, кто смотрел телепередачу, где рассказывалось об антиобщественном поступке, и контрольной группой. Может быть, воздействие телевидения на поведение переоценивают?

МИЛГРЭМ: Переоценивают или нет, не знаю, но мы с коллегами не сумели установить причинно-следственную связь. С моей точки зрения, идеальным экспериментом было бы поделить страну пополам, исключить всякое насилие на телеэкране к западу от Миссисипи, а к востоку от Миссисипи его ввести, принять закон, чтобы никто не мог переезжать из одной части страны в другую, и посмотреть, что будет лет через пять-десять. Но мне сказали, что это технически неосуществимо, так что пришлось работать с тем, что есть.

Подход был таков: взять какой-то антиобщественный поступок, вписать его в реальную телевизионную программу (сериал «Медицинский центр»), потом одним показать серию с этим поступком, другим – без, а затем создать условия, в которых любой может повторить его. Я думал, мы сможем зарегистрировать подражание, но мы не смогли. В эксперименте контролировать можно что угодно, кроме результата.

ТАВРИС: Почему же вы не выявили связи?

МИЛГРЭМ: Вероятно, сам антиобщественный поступок – кража денег из кружек для пожертвований – был недостаточно эффектен. Вероятно, общественность так пресыщена насилием в СМИ, что один эпизод ни на что не влияет. Вероятно, такой связи нет. Этот эксперимент, как и большинство, – всего лишь крошечный кусочек сложной мозаики. Никакое исследование не даст полной картины. Мы не установили, что изображение насилия ведет к насилию, однако отказываться от этой гипотезы тоже не можем.

ТАВРИС: Планируете ли вы и дальше исследовать влияние телевидения?

МИЛГРЭМ: Не знаю. Честно говоря, мне думается, что на самом деле на человеческое восприятие пагубно влияет не содержание, а форма телепередач, – я имею в виду прерывание программ каждые 12 минут материалом, не имеющим отношения к теме, то есть рекламой. Хорошо бы выяснить, как ухудшается усвоение и понимание, когда дети смотрят телепередачу с такими помехами. По-моему, это важная проблема.

ТАВРИС: Если можно, вернемся ненадолго в прошлое. Почему вы заинтересовались психологией?

МИЛГРЭМ: В детстве я увлекался естественными науками. Был редактором школьного научного журнала, а первая моя статья в 1949 году была о воздействии радиации на частотность лейкемии среди выживших после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Эксперименты я проводил всю жизнь, это для меня естественно, как дышать, и я хотел разобраться, как что устроено. В колледже я отвлекался от науки ради курсов по политологии, музыке и изобразительному искусству. Однако в конце концов мне пришло в голову, что, хотя мне и интересно изучать вопросы, которые поднимали Платон, Томас Гоббс и Джон Локк, их метод получать ответы меня не устраивает. Меня занимали гуманитарные вопросы, на которые можно было ответить объективно. В 50-е годы фонд Форда запустил программу по привлечению исследователей в область поведенческих наук. Мне показалось, что это отличный вариант, и я стал заниматься социальной психологией на факультете общественных отношений в Гарварде. Тогда там управляли люди необычайно мудрые, и они создали климат, в котором всячески поощрялись и поддерживались новые идеи и стремление к совершенству.

ТАВРИС: Кто оказал на вас самое сильное влияние в Гарварде?

МИЛГРЭМ: Долгое время моим другом и наставником был Гордон Олпорт. Он был человек скромный, легко красневший, и от него исходило ощущение вселенской любви. Поскольку теория личности меня не интересовала, он не повлиял на сферу моих занятий с интеллектуальной точки зрения, зато помог мне вполне оценить мой собственный потенциал. Олпорт поддерживал меня духовно и эмоционально. Он был невероятно чуткий.

ТАВРИС: Если Гордон Олпорт был вашим духовным наставником, кто оказал на вас основное интеллектуальное влияние в студенческие годы?

МИЛГРЭМ: Соломон Аш – человек яркий и творческий, с большими философскими глубинами. Несомненно, он самый влиятельный социальный психолог, какого я только знаю. Когда он работал в Гарварде, я был его ассистентом, а позднее работал с ним в Институте передовых исследований в Принстоне. Он всегда был очень независимым. Вспоминаю день, когда США успешно запустили космический зонд после нескольких неудач. Было видно, как рады этому сотрудники Института, и я в том числе, как всех интересуют перспективы космических исследований. Однако Аш был удивительно спокоен, говорил, что у нас и на Земле хватает нерешенных проблем, и сомневался, так ли уж разумно отвлекаться на космос. Несомненно, это была поистине пророческая точка зрения, но тогда этого никто не понял.

ТАВРИС: А как же Генри Мюррей?

МИЛГРЭМ: Большой оригинал, чуждый ненужным академическим правилам и установлениям. Однако ярче всего мне помнится история с песней. Когда мне было едва за двадцать, я увлекался сочинением песен. И написал для Мюррея песню, которая, как он утверждает, помогла ему найти здание для психологического центра. Тогда снесли старую психологическую клинику, памятник истории, на Плимптон-стрит, и все, кто знал ее, конечно, очень огорчились. Мюррей попросил меня сочинить песню об этом, чтобы исполнить ее на званом обеде с ректором Гарварда Нейтаном М. Пьюси. Сначала я отказался, поскольку был по уши в работе. Однако песня более или менее материализовалась сама. Я отдал ее Мюррею и поехал в Европу собирать материал для диплома. И только через два года узнал, чем обернулась эта история.

ТАВРИС: И чем же?..

МИЛГРЭМ: Я разыскал Мюррея, чтобы отдать ему статью, которую давно должен был написать. Я был готов каяться, однако первое, что он мне сказал, было: «Стэнли Милгрэм! Жалко, что вы не видели, как все было! Представляете, благодаря вашей песне нам выделили здание!» Моя песня была для него важнее опоздания со статьей. Таких весельчаков, как Генри Мюррей, в Гарварде было полно, кое-кто и сейчас там работает. Роджер Мюррей 20 лет назад был подающим надежды ассистентом – а сейчас он выдающийся ученый; Джером Брунер был настоящим мотором, движущей силой Гарварда, – сейчас он, правда, остепенился и обосновался в Оксфорде.

ТАВРИС: Как вы считаете, какие качества необходимы хорошему социальному психологу?

МИЛГРЭМ: Сложный вопрос. С одной стороны, ему нужно быть отстраненным и объективным. С другой – он никогда ничего не откроет, если не чувствует эмоциональный пульс общественной жизни. Понимаете, общественная жизнь – это хитросплетение эмоциональных привязанностей, которые ограничивают, направляют и поддерживают человека. Чтобы понять, почему люди ведут себя именно так, а не иначе, надо понимать, какие чувства возникают в повседневных социальных взаимодействиях.

ТАВРИС: А кроме того?

МИЛГРЭМ: Восприятие этих чувств позволяет сделать кое-какие выводы. Это могут быть и формулировки принципов социального поведения. Но чаще открытия делаются в символической форме, и этот символ – эксперимент. Я хочу сказать, что то, как, например, драматург понимает человеческую ситуацию, принимает в его сознании форму пьесы, и точно так же творческая интуиция исследователя транслируется непосредственно в экспериментальный формат, который позволит ему одновременно и выразить свои интуитивные представления, и критически изучить их.

ТАВРИС: Были ли у вас в прошлом какие-то идеи, которые вам не удалось осуществить, а теперь вы об этом жалеете?

МИЛГРЭМ: Честно говоря, только одна. Она пришла мне в голову летом 1960 года, когда мы с приятелями решили разыграть сценки, как в уличном театре. Мы останавливались у ресторанов на Массачусетском шоссе и изображали обычные житейские

ситуации – например, разгневанная жена застала мужа с другой женщиной и кричит на него на какой-то неописуемой тарабарщине. Меня потрясло, что, несмотря на крайнюю эмоциональную насыщенность сцены, прохожие явно избегали вмешиваться, даже когда муж тряс и бил «жену» в ответ.

Когда я вернулся в свой гарвардский кабинет, то обдумал реакцию посетителей ресторанов и разработал серию экспериментов, в которых испытуемые сталкивались бы с людьми, которым нужна помощь. Испытуемые сидели бы в комнате ожидания и слышали бы за закрытой дверью спор между мужчиной и женщиной; мужчина вел бы себя все более агрессивно, постепенно распаляясь, и наконец женщина должна была позвать на помощь. Я собирался изучить, в какой момент люди стали бы вмешиваться и при каких условиях. Придумал даже встроить таймер в дверь, чтобы точно знать, сколько времени человек ждал, прежде чем прийти на помощь.

ТАВРИС: Синдром постороннего.

МИЛГРЭМ: Да, хотя тогда я назвал это «проблемой социального вмешательства». Через месяц после разработки экспериментов я начал преподавать в Йеле и готовить эксперименты по подчинению. У меня не было времени параллельно исследовать еще и социальное вмешательство, однако раз в год я торжественно объявлял студентам, что если они будут изучать синдром постороннего, то сделают существенный вклад в социальную психологию. Каждый год очень умные и перспективные студенты слушали меня с большим интересом – и каждый год отправлялись изучать изменение установок: тогда в Йеле это была модная тема.

ТАВРИС: Когда они осознали свои заблуждения?

МИЛГРЭМ: После убийства Китти Дженовезе, которое молча наблюдали 38 свидетелей. Этот случай привлек внимание всей страны, и специалисты в области социальных наук наконец-то подступились к экспериментальной формулировке проблемы. Мои студенты и аспиранты провели полевое исследование, в ходе которого актер, изображавший пьяного, приставал к женщине в прачечной-автомате, однако опубликовано оно не было. Женщина звала на помощь, вопрос состоял в том, сколько пройдет времени, прежде чем кто-то вмешается. Студентов это исследование очень увлекло. Однако тут нас настиг *Zeitgeist.* Вскоре началась целая волна подобных исследований. Лучшее из них – работа Бибба Латане и Джона М. Дарли, которые тогда работали в Колумбийском университете и Университете Нью-Йорка. Они выбрали нужные переменные, соотнесли их со случаем Дженовезе, проявили техническую сметку и рассказали о своей работе четким и понятным языком. И получили заслуженную премию Американской ассоциации содействия науке. Поле исследований синдрома постороннего процветает и по сей день.

ТАВРИС: Что вы тогда почувствовали?

МИЛГРЭМ: Утешали меня ровно два обстоятельства: во-первых, наконец-то начали исследовать вопрос, который я считал важнейшей социально-психологической проблемой, во-вторых, мой собственный экспериментальный анализ подобного рода ситуации послужил своего рода пророчеством, поскольку я провел его за три года до трагедии Китти Дженовезе, однако во многом предсказал ее.

Обычно считают, что социальные психологи придумывают свои эксперименты на основании реальной жизни, и в этом есть существенная доля правды. Однако правда и другое: события вроде случая Дженовезе – неизбежное проявление сил, на которые экспериментальный анализ зачастую указывает первым. В основе дурацкой сценки в ресторане лежал важнейший принцип общественного поведения, и если сосредоточиться на нем и обобщить его в ходе конкретного театрализованного эксперимента, можно предсказать некоторые неизбежные следствия такого принципа. Случай Дженовезе – всего лишь одно из множества выражений этого принципа, ставшее достоянием общественности. Поэтому, если провести анализ, а затем придумать ему некоторое драматическое воплощение, это позволит предвосхитить события на годы и десятилетия вперед.

ТАВРИС: У вас столько идей. Что с ними случается потом?

МИЛГРЭМ: Одни реализуются, другие витают в воздухе и вдохновляют других исследователей. Иногда их воплощают мои студенты. Иногда они просто блекнут и исчезают. Однако Лео Силард, несомненно, был прав, когда утверждал, что характер ученого определяют не те идеи, которые у тебя появляются, а те, которые ты воплощаешь. Любой ученый, наделенный воображением, уносит с собой в могилу массу отличных идей, так и не добравшихся до печати.

ТАВРИС: Как вам пришла в голову идея эксперимента по изучению подчинения?

МИЛГРЭМ: Я пытался придумать, как придать эксперименту Аша по изучению конформности больше личной значимости. Мне совсем не нравилось, что конформность изучалась на основании суждений о длине каких-то там отрезков. Я задался вопросом, сможет ли группа заставить человека совершить поступок, имеющий более очевидное отношение к собственно человечности – может быть, повести себя агрессивно по отношению к другому человеку, скажем, наносить ему все более сильные удары током. Однако для эксперимента по воздействию группы необходим еще и контроль: надо знать, как поведет себя испытуемый в отсутствие всякого давления группы. В этот миг меня и осенило – и я придумал, какой будет контроль в этом эксперименте. Как далеко зайдет человек, подчиняясь приказам экспериментатора? Это было настоящее озарение, слияние обобщенной идеи об эксперименте по подчинению с конкретной технической процедурой. Не прошло и нескольких минут, как на меня хлынул поток идей по поводу того, какие релевантные переменные надо задействовать, – только успевай записывать. Но потом, когда после завершения экспериментов по подчинению прошло уже много лет, я вдруг обнаружил, что начал размышлять о подчинении власти задолго до этого, еще на первом курсе аспирантуры.

ТАВРИС: Как это вышло?

МИЛГРЭМ: Во-первых, основные вопросы были символически выражены в одном рассказе, который я тогда сочинил. Коротко говоря, история была вот о чем. Некий служитель просит двух человек пойти за ним в старый грязный кабинет, и они соглашаются. Одному из них служитель сообщает, что на этот день назначена его казнь, и предлагает выбрать из двух способов. Тот говорит, что оба способа ему не подходят, и просит служителя убить его более гуманно. Так и происходит. А второй, тоже оказавшись в этой странной ситуации, просто встает и тихо выходит. И остается цел и невредим. Когда служитель замечает, что он ушел, то просто запирает кабинет, радуясь, что можно уйти с работы пораньше. Рассказ был довольно жуткий, однако помог мне разобраться в некоторых поразительных чертах общественного поведения. Кроме того, в нем заложены многие элементы будущего эксперимента по подчинению – особенно то, как герой принимает предложенные ему варианты. Он не подвергает сомнению легитимность всей ситуации в целом и думает только о том, какой выбор предлагает ему клерк, а не о том, нужно ли ему вообще здесь находиться. И забывает, что можно просто уйти, как сделал его друг. В точности так же наши испытуемые то тянут время, то слишком строго следуют инструкциям, то тревожатся из-за мелочей в попытке найти формулу, которая положит конец внутреннему конфликту. Они не видят более широкие рамки ситуации и, следовательно, не понимают, как из нее вырваться. Чтобы освободиться, нам нужна именно способность видеть более крупный контекст.

ТАВРИС: Каково же в таком случае решение проблемы хорошего человека, «просто исполнявшего приказы»?

МИЛГРЭМ: Прежде всего – понять, что простых решений нет. Чтобы получить цивилизацию, необходима какая-то степень власти. А когда власть установлена, неважно, как называется система – диктатура или демократия: обычный человек реагирует на политику правительства с предсказуемой покорностью что в фашистской Германии, что в демократической Америке.

ТАВРИС: То есть вы не думаете, что разные правительства требуют разной степени подчинения – с вашей точки зрения, вопрос в том, какую степень неподчинения они готовы

терпеть?

МИЛГРЭМ: В каждом обществе должна быть структура власти, но это не означает, что диапазон свободы одинаков во всех странах. И, разумеется, то, что Германия уничтожила в концлагерях миллионы невинных мужчин, женщин и детей – это самый злокачественный избыток подчинения, какой мы только видели. Однако требованиям американской демократии тоже случалось быть и жесткими, и негуманными – истребление индейцев, порабощение чернокожих, лагеря для японцев во время Второй мировой войны, Вьетнам. Всегда находятся те, кто подчиняется приказам, кто претворяет политику в жизнь. И если власть срывается с цепи, у отдельных людей, похоже, не хватает ресурсов ее удержать.

Однако это сложная проблема. Индивидуальные стандарты совести сами по себе тоже генерируются из матрицы отношений с властью. Мораль, как и слепое подчинение, насаждается властью. На каждого человека, совершающего аморальный поступок под влиянием власти, находится тот, кто воздерживается от этого.

ТАВРИС: Тогда как же нам защититься от злоупотреблений власти?

МИЛГРЭМ: Во-первых, нам надо осознавать проблему безоговорочного подчинения власти. И я всячески способствовал этой осознанности своей работой. Это первый шаг. Второй, поскольку мы знаем, что люди будут подчиняться даже самым злонамеренным властям, наш долг – выдвигать на позиции власти тех, кто скорее всего будет мудр и гуманен. Однако и у надежд тоже есть широкий диапазон. Люди изобретательны, и разнообразие политических форм, которые мы наблюдали последние пять тысяч лет, еще не исчерпало всех возможностей. Вероятно, наша задача – изобрести политическую структуру, которая даст совести больше шансов выстоять против заблуждений власти.

Часть первая. Личность и власть

Введение. Личность и власть

Парадигма эксперимента – это план исследовательской экспедиции. Она не гарантирует никаких находок, не предсказывает общую сумму затрат на это предприятие, а просто создает точку входа на неизведанную территорию. Со времен Второй мировой войны парадигмы экспериментов социальной психологии позволили изучить три важнейших человеческих конфликта. Каждый ставит личность перед дилеммой и дает личности возможность разрешить ее либо в соответствии с моральными ценностями, либо нет. Первый – дилемма истины-конформности, которая изучалась в ходе эксперимента Аша по влиянию группы. Второй – конфликт альтруизма и личных интересов, систематически исследованный в трудах Латане и Дарли. А третий – конфликт между властью и совестью, который я изучал в ходе своих экспериментов по подчинению.

Каждая парадигма ставит перед личностью задачу: должен ли я говорить правду или соглашаться с группой? Должен ли я помогать другим в беде или оставаться выше этого? Должен ли я ударить током невинного человека или ослушаться власти? Эти задачи изобрели не социальные психологи. Это неизбежные дилеммы, присущие человеческому бытию. С ними сталкивается каждый – просто потому, что он член общества.

У этих экспериментов есть существенная общая техническая особенность. В каждом случае зависимая переменная – это морально значимый поступок. Таким образом, эксперименты становятся значимы *prima facie* , поскольку показывают, что переменные увеличивают или понижают количество совершаемых поступков, а это не только конкретно и измеримо, но и говорит о важных человеческих ценностях. Однако в окончательном анализе вклад социальной психологии носит скорее интеллектуальный, нежели моральный характер. Он показывает, что образ действий в каждой ситуации не объясняется простыми моральными суждениями, а опирается на анализ ситуационных составляющих каждой дилеммы.

Истоки исследования подчинения как лабораторной парадигмы подробно описаны далее. Однако лабораторная парадигма всего лишь обеспечила научное выражение более общей озабоченности властью – озабоченности, которую в моем поколении из-за ужасов Второй мировой войны волей-неволей ощущает каждый, особенно если он еврей, как я. Вот как социальный критик Сьюзен Зонтаг описывает свою реакцию, когда она в первый раз увидела фотографии из лагерей смерти:

> Первая встреча с фотографическим отчетом о том, страшнее чего не может быть, – это своего рода откровение, вероятно, единственное откровение, доступное сегодня людям: отрицательное богоявление. Для меня это были фотографии из Берген-Бельзена и Дахау, на которые я случайно наткнулась в книжном магазине в Санта-Монике в июле 1945 года. Я еще никогда не видела ни на фотографиях, ни в жизни ничего, что поразило бы меня так остро, глубоко, мгновенно. С тех пор мне представляется, что я имею право считать, что моя жизнь раскололась на две части – до того, как я увидела эти фотографии (мне было 12), и после. Они изменили мою жизнь, хотя что именно на них было, я поняла лишь несколько лет спустя.

Влияние холокоста на мою собственную психику пробудило во мне интерес к изучению подчинения и подтолкнуло к выбору конкретной формы для исследования.

«Некоторые условия подчинения и неподчинения власти» – это обзор экспериментов по подчинению, до публикации моей книги,[10] представлявший собой самое полное описание исследования. Статья была опубликована в «Human Relations» в 1965 году, потом перепечатана в «The American Journal of Psychiatry», и тогда ее раскритиковали Мартин Орн и Чарльз Холланд. Они применили к исследованиям подчинения анализ «требуемых характеристик». Вскоре после этого меня пригласили провести коллоквиум в Пенсильванском университете. Я предложил сделать это в форме дебатов между мной и профессором Орном. Доктор Орн любезно согласился, и мы, наверное, оба были потрясены, когда увидели, что в аудитории столпилось несколько сотен зрителей, с нетерпением ожидавших гладиаторских боев. Дебаты вышли отличные, прошли на самом высоком уровне и в конечном итоге поспособствовали более глубокому пониманию проблемы. Мое мнение по этому вопросу подытожено в статье «Интерпретация подчинения. Ошибки и доказательства» («Interpreting Obedience: Error and Evidence»), которая вышла в 1972 году.

Акты подчинения и неподчинения можно изучать в лаборатории, однако главное их воплощение – это все же реальный мир. Эксперименты были начаты в 1960 году. Пять лет спустя страна увязла в непопулярной войне в Юго-Восточной Азии, и тысячи молодых людей, чтобы избежать призыва, бежали в Канаду, но были и такие, кто объявил о своих антивоенных взглядах и отправился в тюрьму. Во время вьетнамской войны психиатр Уиллард Гейлин опросил многих из этих отказников, и меня попросили написать рецензию на его книгу «Противники войны в тюрьме» (Willard Gaylin. «War Resisters in Prison») для «The Nation» (см. «Мятежные шестидесятые», с. 120).

Социальная психология – дисциплина кумулятивная. Исследователи с разными творческими способностями, у кого больше, у кого меньше, опираются на достижения предшественников. Недавно доктор Ричард Эванс в интервью[11] задал мне вопрос об экспериментах-предтечах исследований подчинения, а затем перешел к обсуждению этических и социальных выводов из этих исследований. Приведу отрывок из этого интервью, разговорный язык и интонацию которого я сделал несколько более официальными.

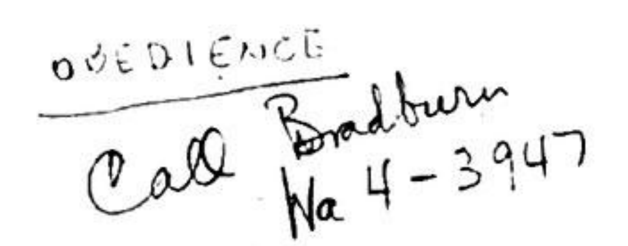
---

[10] *MILGRAM S.* Obedience to Authority: An Experimental View. New York: Harper & Row, 1974. Перевод на русский язык: «Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль». «Альпина нон-фикшн», 2016.

[11] *EVANS R.* (ed.). The Making of Social Psychology. New York: Gardner, 1980. Печатается с разрешения редактора.

ЭВАНС: Один из ваших экспериментов привлек внимание широкой публики. Он, можно сказать, вырос из исследования влияния группы: в нем вы проверяли, как поведут себя люди под давлением экспериментатора, ученого в чем-то вроде лаборатории. Как получилось, что вам пришел в голову такого рода эксперимент? Может быть, коротко расскажете нам?

МИЛГРЭМ: Когда у тебя возникает идея, у нее очень часто бывает несколько источников. Она не обязательно линейно следует из того, чем ты занимался раньше. В 1950–1960 годах я работал у Аша в Принстоне, в Нью-Джерси. И много думал о его эксперименте по изучению влияния группы. Его эксперименты критиковали, в частности, за то, что им недоставало очевидной значимости, – ведь если испытуемые в ходе эксперимента выносят суждения о длине отрезков, очевидно, что это для них не очень важно. Поэтому я спросил себя: как сделать из этого эксперимент, более значимый с общечеловеческой точки зрения? Я подумал, что, если вместо того, чтобы влиять на суждения о длине отрезков, группа потребует от человека чего-то значительно более важного, это станет шагом к тому, чтобы поведение, вызванное влиянием группы, приобрело очевидный вес и смысл. Я задался вопросом, может ли группа заставить человека быть жестоким к другому человеку… И представил себе ситуацию, очень похожую на эксперимент Аша, в которой участвуют много подставных лиц и один наивный испытуемый, и у них будут не отрезки на карточке, а по электрогенератору у каждого. Иначе говоря, я превратил эксперимент Аша в опыт, в ходе которого группа будет наносить человеку все более сильные удары током, и вопрос был в том, в какой степени личность последует за группой. Это еще не эксперимент по изучению подчинения власти, но все же мысленный шаг в том направлении.

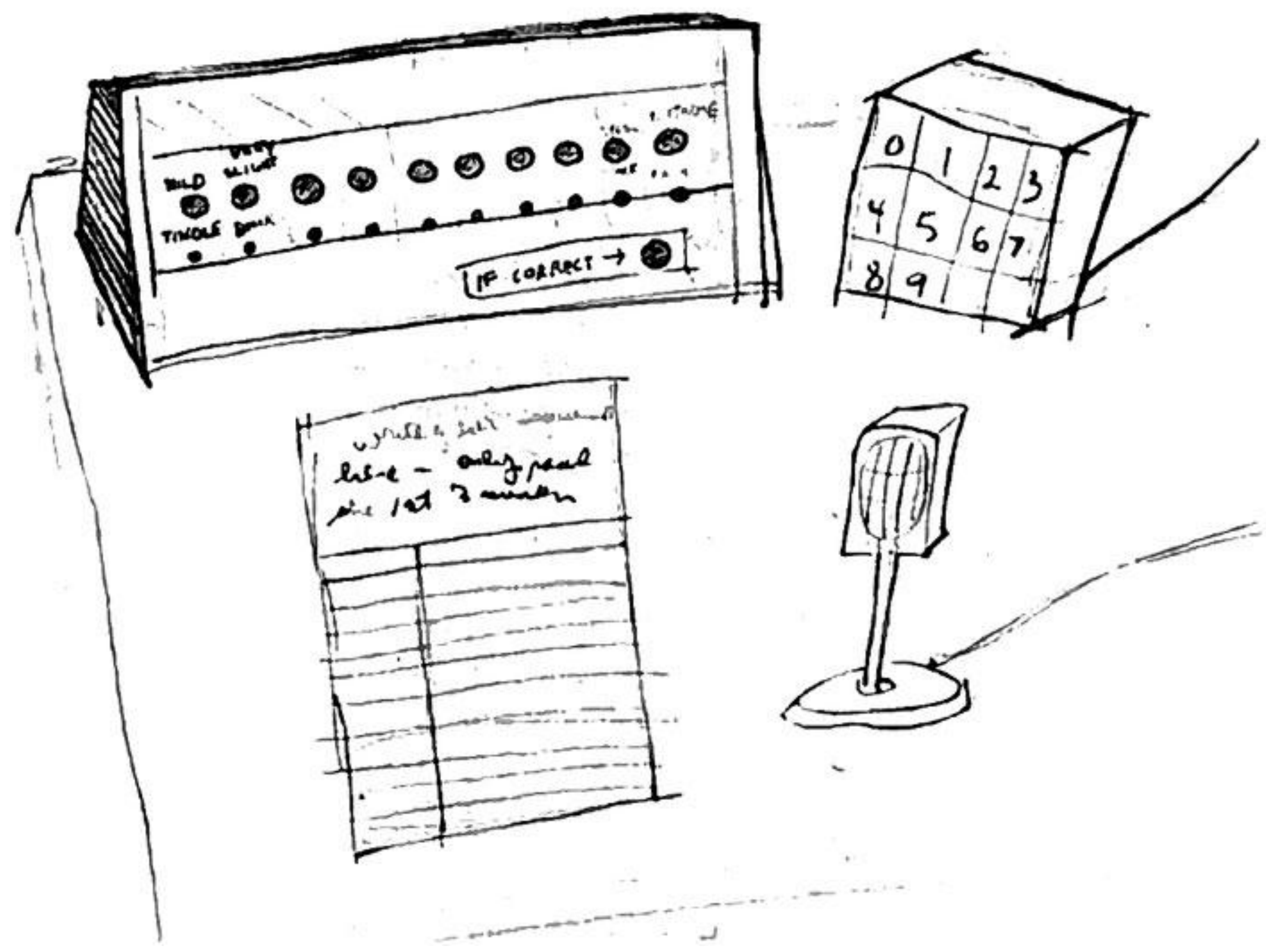

Рис. 1. Один из первых эскизов фальшивого электрогенератора, применявшегося в ходе экспериментов по подчинению. Принстон, весна 1960 г.

Потом я задумался, как все это организовать. Что будет в такой ситуации служить контролем? В эксперименте Аша контролем служила доля верных суждений, которые выносит человек в отсутствие давления группы. Тогда я сказал себе: «Хорошо, наверное, мне придется изучать человека в такой ситуации в отсутствие влияния группы. Но тогда что заставит его повышать силу ударов? То есть какова будет та сила, которая заставит его повышать напряжение?» И тут мне пришло в голову: «Ага, наверное, экспериментатору придется приказывать наносить удары все сильнее и сильнее. Интересно, далеко ли зайдет человек, если экспериментатор велит ему повышать силу ударов?» Тут я понял, что именно эту проблему и буду исследовать. Для меня это был очень волнующий момент, поскольку я понял, что, хотя вопрос очень прост, именно он позволит провести точное, количественно измеримое исследование. Сразу видно, какие переменные надо изучать, а независимой переменной будет то, насколько далеко зайдет испытуемый при нанесении ударов.

ЭВАНС: Давайте немного конкретнее. Можно говорить о власти в лице экспериментатора, а можно – о влиянии группы, о согласии с группой. Здесь есть очень

интересное различие.

МИЛГРЭМ: Есть и общие черты, и различия. Общего здесь то, что в обоих случаях мы имеем отказ от личного мнения перед лицом внешнего социального давления. Однако есть и совсем другие факторы. Мне нравится называть происходящее с испытуемыми Аша конформностью, а то, что происходит в моем эксперименте, – подчинением. Как показывает эксперимент Аша, в случае конформности группа не требует в явном виде, чтобы испытуемый с ней соглашался. Более того, если бы группа явно потребовала от испытуемого согласиться с ней, это, вероятно, придало бы ему сил сопротивляться. Отдельные члены группы Аша высказывают свои суждения; испытуемый ощущает их влияние и необходимость согласиться с ними, однако никто не настаивает на этом открыто. В ситуации подчинения экспериментатор открыто требует определенных поступков. Это первое различие.

Второе очень важное различие – то, что при конформности, как показывает эксперимент Аша, имеешь дело в основном с процессом, конечный продукт которого – гомогенизация поведения. Давление нацелено не на то, чтобы ты был лучше меня или хуже меня, а на то, чтобы ты был такой же, как я. Подчинение возникает из дифференциации социальной структуры. Начинаешь не с предположения, что все мы одинаковы, – у одного из участников изначально статус выше. И тебе надо не повторять его действия, а исполнять его приказы. И это ведет не к гомогенизации поведения, а к своего рода разделению труда.

Есть и еще одно различие, очень важное с точки зрения психологии. После того как испытуемые проходили эксперимент Аша и отвечали на вопросы экспериментатора, они практически всегда отрицали, что поддались группе. Даже если им указывали на ошибки в суждениях, они, как правило, приписывали их собственной невнимательности. Однако эксперимент по подчинению дает противоположный результат. Испытуемые отказываются от всякой ответственности за собственные поступки. Поэтому я думаю, что, конечно, у этих экспериментов есть общие черты. В обоих случаях мы имеем дело, так сказать, с отказом от личной инициативы перед лицом внешнего социального давления. Однако есть и существенные различия.

Да и с более общей философской точки зрения это тоже совсем разные эксперименты… Конформность – природный источник общественного контроля при демократии, поскольку ведет к подобной гомогенизации. Однако подчинение в предельных случаях – естественное воплощение фашистских систем, поскольку начинается оно с признания, что у разных людей разные права. Не случайно, что именно в фашистской Германии подчинение ценилось так высоко, а основой философии при этом служила идея высших и низших рас – я хочу сказать, что это всегда неотделимо друг от друга.

ЭВАНС: В качестве примера приведу исследование, в котором мы с вами сейчас участвуем; речь идет о весьма интересном явлении в нашей культуре – о курении. У нас накопились достаточно надежные доказательства, что курение, вероятно, – это реакция на давление среды, и именно это мы и будем изучать. С другой стороны, есть очень занятный факт: власти всячески подчеркивают, что эта привычка ведет к сердечно-сосудистым заболеваниям, раку и прочая и прочая. То есть налицо и давление среды, и авторитет власти. Как бы вы решили эту задачу в терминах различий, о которых вы только что говорили?

МИЛГРЭМ: Я попробую. Прежде всего, слово «власть» имеет много оттенков. Если мы говорим о власти как о медицинском авторитете, то имеем в виду специалистов, обладающих профессиональными знаниями. Это не совсем та власть, которую я изучал, – власть, при которой считается, что один человек имеет право контролировать поведение другого. Когда подросток слышит, как с экрана телевизора человек, наделенный властью, говорит, что курить нельзя, он не воспринимает как факт, что этот человек имеет право контролировать его поведение. Во-вторых, по-прежнему налицо конфликт между давлением среды и авторитетом власти. В ходе одного моего эксперимента было показано, что равноправные испытуемые в экспериментальной ситуации восстали против экспериментатора и подорвали его власть. Думаю, тут то же самое: на вас давит власть, но

одновременно влияет и среда, и это иногда нейтрализует влияние власти. Только когда, как в моем эксперименте, у тебя есть власть, которая в ходе основного эксперимента действует совершенно свободно, безо всяких встречных влияний, кроме протестов жертвы, получаешь чистейшую реакцию на влияние власти. Разумеется, в реальной жизни сталкиваешься с огромным количеством противоборствующих сил, которые сводят друг друга на нет.

ЭВАНС: Разумеется, вы прекрасно понимаете, в числе прочего, что отчасти из-за давления конгресса, отчасти из-за – как бы так выразиться? – некоторых вторичных морально-этических соображений в науке о поведении мы все сильнее и сильнее задумываемся, на что мы имеем право при работе с испытуемыми. Когда вы проводили то, первое исследование подчинения власти, очевидно, что вы действовали целиком и полностью в соответствии с этическим кодексом тогдашних психологов. Вы должным образом инструктировали испытуемых, жертвам на самом деле не причиняли никакого вреда и так далее. Однако сегодня при работе с испытуемыми мы очень сильно опираемся на так называемое «информированное согласие», а это ставит исследователя перед весьма сложной проблемой. Например, как бы вы поступили, если бы тот эксперимент пришлось проводить в соответствии с нынешними этическими стандартами «информированного согласия»? Скажем, вы собираетесь провести эксперимент, в ходе которого испытуемые подвергнутся некоторому стрессу. Стрессом может быть и то, что вы собираетесь приказать испытуемому ударить кого-то током.

МИЛГРЭМ: Ну, прежде всего, до начала эксперимента никогда не знаешь, будет стресс или нет.

ЭВАНС: Согласен, это верно подмечено.

МИЛГРЭМ: Испытуемый должен принять решение, однако мы не знаем, сопровождается ли это стрессом. Самая суть экспериментов в том и состоит, что самое интересное не узнаешь, пока не проведешь опыт. Так что говорить об «информированном согласии» – значит исходить из предположения, что тебе заранее известны фундаментальные результаты эксперимента, а в моих исследованиях так просто не бывает. Это одна сторона проблемы, но не проблема в целом. Дело еще и в том, что в ходе этих экспериментов я прибегаю к дезинформации, к мистификации. Например, в ходе эксперимента по изучению подчинения жертва не получает удары током, хотя испытуемому говорят, что получает. Более того, это эксперимент по изучению подчинения, в центре которого стоит именно испытуемый, а не жертва, однако легенда призвана отвлечь от этого внимание. Как проводить эксперимент, если мы заранее расскажем испытуемым, как все будет? Подробности выдавать ни в коем случае нельзя. В принципе, можно разработать систему, при которой испытуемым будут говорить в общих чертах, что их приглашают поучаствовать в психологическом эксперименте и что в психологических экспериментах иногда прибегают к мистификации. Иногда возникает стресс. Вероятно, можно создать банк испытуемых, которых задействуют в эксперименте не прямо сейчас, а когда-нибудь потом. Затем их пригласят на эксперимент, снабдив общими указаниями, что все это может возникнуть в ходе эксперимента, но не обязательно. Это один способ решения проблемы…

ЭВАНС: Разумеется, если речь идет об информированном согласии, необходимо сделать оговорку, что мы, в конце концов, работаем в ситуации чисто феноменологической. Как можно дать информированное согласие заранее, когда участвуешь в эксперименте, где общую массу чувств, переживаний и ощущений – и даже боли – на самом деле невозможно облечь в слова?

МИЛГРЭМ: Да, думаю, в какой-то степени это правда, и к тому же зачастую до эксперимента человек не знает, что его ждет. Реакция на подобные ситуации может быть разнообразной. 90% испытуемых реагируют совершенно спокойно, а кто-то вдруг разволнуется. Однако давайте разберемся: разве психология исключает стресс и возбуждение из своей сферы исследований? Неужели мы и в самом деле хотим сказать, что какие-то отрицательные эмоции не надо изучать? Думаю, на этот вопрос еще нужно ответить, однако лично я голосую за «нет». В то же время я не хочу оказываться в положении, когда буду

вынужден сказать, что готов на эксперименты любого рода.

ЭВАНС: Удивила ли вас реакция на ваш эксперимент по изучению подчинения?

МИЛГРЭМ: Должен сказать, что поток критики, хлынувший в ответ на мой эксперимент, меня совершенно обескуражил. Я считал, что задаю совершенно законный вопрос. Насколько далеко зайдет человек, если его попросят наносить другому человеку все более сильные удары током? Я думал, решение зависит от личности испытуемого. Возможно, не следовало начинать исследование со столь наивного вопроса. Да, в ходе эксперимента применялась дезинформация. Я бы не назвал это обманом, поскольку это само по себе предполагает какой-то базовый мотив. Ведь главная мистификация в ходе эксперимента состояла в том, что жертва не получала ударов током. Можно было бы последовать примеру исследователей, изучавших условные рефлексы по избеганию травм, когда людей, в сущности, доводили ударами тока чуть ли не до тетании. Я решил так не делать. Мне кажется, мистификация применялась ради благих целей.

Уверен, что большинство замечаний коренится в результатах эксперимента, даже если сами критики этого не понимают. Если бы все испытуемые отказывались участвовать в опытах после самого легкого или умеренного удара, это был бы весьма обнадеживающий результат, – и кто бы стал протестовать? Более того, я бы сказал, что в наши дни появилась тенденция намекать на преступные наклонности экспериментатора. Между тем я как человек и даже как профессионал был бы очень рад, если бы испытуемые покидали эксперимент после легких ударов.

ЭВАНС: Вы не ожидали, что они зайдут так далеко?

МИЛГРЭМ: Не ожидал, однако если бы они не были такими послушными, это не остановило бы мою исследовательскую программу. Я бы просто изучал переменные, которые ведут к повышению или снижению уровня подчинения. В сущности, можно сказать, что результаты, которые я получил, ставили палки в колеса дальнейших исследований, поскольку из-за того, что так много испытуемых подчинялись экспериментатору, пришлось вычеркнуть значительное количество переменных. Не удалось получить распределение ответов – то самое колоколообразное распределение, – при котором было бы удобнее всего исследовать эффекты конкретных переменных.

ЭВАНС: Иногда по поводу работ Зимбардо и ваших делались такие утверждения, что было бы, по-моему, только справедливо дать вам возможность высказаться в ответ. Некоторые, особенно журналисты, предполагали, что вы с доктором Зимбардо участвовали в экспериментах, которые были уникальны, интересны и увлекательны, а из-за шума по поводу этической стороны вопроса вам пришлось подводить под них рациональную основу в стремлении экстраполировать из своих находок что-то, что характеризовало бы общую картину. Например, что касается Зимбардо, то теперь он ратует за пенитенциарные реформы, утверждая, что этот маленький эксперимент научит человечество, какая страшная вещь тюрьма. Что же касается вас, то вы более или менее экстраполировали масштабный вопрос об опасностях авторитаризма в американской культуре. В своей книге «Подчинение авторитету» вы его подробно исследуете. Ну, доктора Зимбардо здесь нет и высказаться он не может, а вы что скажете по этому поводу?

МИЛГРЭМ: Самая первая моя статья о подчинении [«Behavioral Study of Obedience»], которую я написал еще до того, как кто-то успел отреагировать на эксперименты, была посвящена подчинению как социальной проблеме. Так что неправда, что попытка обобщить этот вопрос вызвана критикой его этической стороны. Кроме того, меня несколько беспокоит отсутствие всяческих предположений, что я исходил из благих побуждений и верил в хороший результат. Я убежден, что общество должно подходить к любому начинанию с определенным запасом доброй воли. Мне представляется, что подобного рода критика исходит из убеждения, что исследователи хотели чего-то дурного, а ни в моем случае, ни в случае Зимбардо это наверняка не имеет отношения к истине.

ЭВАНС: Может быть, мы обошли вниманием еще какие-то замечания к этому вашему исследованию, которые вас тревожат?

МИЛГРЭМ: Да, думаю, очень важный вопрос – это вопрос о границах возможного в эксперименте. Я считаю, что многие эксперименты не следовало проводить. Я не против критики, поскольку считаю, что у нее есть своя социальная функция. Исследователь хочет что-то изучать. Общество в лице некоторых критиков ставит ему границы. Думаю, в итоге установится какое-то равновесие между научными и прочими ценностями, но я не считаю, что большинство исследователей – и в том числе, конечно, я, – ограничиваются лишь научными ценностями. Есть тысячи экспериментов, которые могут принести большую пользу с точки зрения расширения знаний, но их никто никогда не станет проводить, поскольку каждый понимает, что они нарушают моральные принципы. Это не значит, что о них никто не думает. Например, эксперимент, в ходе которого новорожденных детей оставляют на необитаемом острове и наблюдают их развитие в течение трех поколений, исходя из предположения, что все они выживут, может оказаться невероятно информативным, но это было бы чудовищно аморально.

ЭВАНС: Перейдем к другой области вашей работы, очень занимательной: есть же еще ваши исследования опыта жизни в больших городах. В ходе прежних своих экспериментов вы изучали подчинение власти и как оно приводит к жестокости, и примерно тогда же стали заметны случаи вроде знаменитой трагедии Китти Дженовезе, когда у нас наблюдается, так сказать, другого рода жуткая реакция на ближнего. Однако в этом случае жестокостью была апатия, а не удары током в условиях эксперимента. Исследования Латане и Дарли (1970), а также множества их последователей позволили тщательно разобраться в природе так называемой апатии стороннего наблюдателя и одновременно задаться вопросом, есть ли в человеческом характере подлинный альтруизм. Открытие этого направления исследований показывают, что налицо основания для некоторого оптимизма. Мне кажется, ваш анализ жизни в больших городах (Milgram, 1970) дает очень широкий и интересный обзор и обобщение некоторых толкований подобного рода, поэтому было бы интересно услышать, что натолкнуло вас на исследования именно в этом направлении.

МИЛГРЭМ: Можно мне сначала провести некоторые параллели между исследованиями сторонних наблюдателей и исследованиями подчинения власти?

ЭВАНС: Да, конечно.

МИЛГРЭМ: В некоторой степени многие работы по изучению феномена стороннего наблюдателя показывают, что с усложнением общества возникают специализированные организации, например, полиция, которые обладают властью в определенных сферах, и тогда люди отказываются от ответственности в их пользу. Ведь в случае Дженовезе все свидетели считали, что это не их дело, не они за это отвечают, а те, кто у власти, то есть полиция, – вот пусть полиция что-то и предпринимает. Случай Дженовезе особенно трагичен еще и потому, что никто даже не сообщил в полицию. Из других работ Латане и Дарли следует и еще один вывод – я сейчас имею в виду в особенности эксперимент с курением. Они показали, что группа людей реагирует на сигнал об опасности с меньшей вероятностью, чем отдельный человек. В сущности, это показывает, как неэффективно функционируют люди в отсутствие власти. Если нет никакой групповой структуры, никакого заранее назначенного лидера, это приводит к полной неэффективности. Понимаете, у всех этих вопросов две стороны. При определенных обстоятельствах от власти очень много пользы. Уверяю вас, в человеческом обществе вообще не было бы никакой власти, если бы она не выполняла важнейшей адаптивной функции.

Литература

LATANÉ, B., & DARLEY, J ., 1970. The Unresponsive Bystander: Why Doesn't He Help? New York: Appleton.

MILGRAM, S. , 1963. Behavioral study of obedience // J. Abnorm. Soc. Psychol. 67:371–78.

MILGRAM, S. , 1970. The experience of living in cities // *Science* . 167:146–68.

Некоторые условия подчинения и неподчинения власти[12]

Ситуация, в которой один агент приказывает другому нанести ущерб третьему, снова и снова становится важной темой в человеческих отношениях. Яркое выражение она нашла в истории Авраама, которому Бог приказал убить своего сына. Не случайно Кьеркегор в поисках ориентиров для размышлений о центральных темах человеческого опыта избрал конфликт Авраама отправной точкой своей философии.

Война также развивает тему этой триады – власть приказывает человеку уничтожить врага; вероятно, вообще любое организованное насилие можно считать вариацией на тему трех элементов – власти, исполнителя и жертвы.[13]

Мы описываем недавно проведенный в Йельском университете цикл экспериментов, в ходе которых экспериментальными средствами изучалось конкретное выражение этого конфликта.

В самом общем виде проблему можно определить следующим образом: если X приказывает Y нанести ущерб Z, при каких условиях Y исполнит приказ X, а при каких откажется? В более конкретной формулировке, подходящей для лабораторных исследований, вопрос звучит так: если экспериментатор велит испытуемому нанести ущерб третьему лицу, при каких условиях испытуемый исполнит эти указания, а при каких откажется подчиниться? Лабораторная задача – не столько ослабленная версия общего утверждения, сколько одно конкретное выражение из множества форм, которые в принципе может принять этот вопрос.

Одной из целей исследования было изучение поведения в напряженной ситуации, имеющей далеко идущие последствия для всех участников, поскольку при ослабленных условиях невозможно задействовать психологические силы, возникающие в случаях острого конфликта, приближенного к реальной жизни.

Прежде всего, этот подход означал, что мы взяли на себя особые обязательства по защите благополучия и достоинства всех участников исследования; испытуемые, разумеется, были поставлены в очень трудное положение, поэтому мы принимали меры, чтобы обеспечить им хорошее самочувствие, прежде чем выпускать их из лаборатории. Для этого была разработана процедура тщательной постэкспериментальной терапии для всех испытуемых в любом состоянии.[14]

---

[12] Это исследование обеспечили два гранта Национального научного фонда – NSF G-17916 и NSF G-24152. Предварительные исследования, проведенные в 1960 году, финансированы грантом Фонда Хиггинса при Йельском университете. Выражаю признательность Джону Т. Уильямсу, Джеймсу Макдонаху и Эмилю Элджесу за их важную роль в проекте. Спасибо также Алану Элмсу, Джеймсу Миллеру, Такето Мурата и Стивену Стиру за их помощь в качестве сотрудников-аспирантов. Благодарю за помощь мою жену Сашу. Наконец, я в неоплатном долгу перед многими жителями Нью-Хэвена и Бриджпорта, которые участвовали в экспериментах как испытуемые.

Статья впервые вышла в журнале «Human Relations», 18, No. 1 (1965), p. 57–75. Исследование поддержано грантами Национального научного фонда и небольшим грантом Фонда Хиггинса при Йельском университете. Авторское право возобновлено Александрой Милгрэм в 1993 году. Печатается с разрешения правообладателя.

[13] Возьмем, к примеру, анализ войны, который проделал Дж. П. Скотт в своей монографии об агрессии:

«…хотя поступки ключевых фигур во время войны можно объяснить в терминах прямой стимуляции агрессии, в это вовлекается огромное количество других людей – просто потому, что они входят в организованное общество».

«…Например, в начале Первой мировой войны в Сараево был убит австрийский эрцгерцог. Через несколько дней солдаты со всей Европы уже маршировали навстречу друг другу – не потому, что печальная участь эрцгерцога стала для них стимулом к действию, а потому, что их приучили повиноваться приказам». (Цит. в несколько измененном виде по: Scott (1958), Aggression, p. 103.)

[14] Она состояла в подробном разговоре с экспериментатором и, что не менее важно, в дружеском примирении с жертвой. Испытуемым разъясняли, что жертва *не получала* никаких болезненных ударов током.

Терминология

Если Y исполняет приказ X, условимся говорить, что он подчинялся X; если он не исполняет приказа X, условимся говорить, что он не подчинялся X. Термины «подчинение» и «неподчинение» в том смысле, в каком они здесь применяются, относятся лишь к явным действиям испытуемого и не имеют никакого отношения к мотивации или эмпирическим состояниям, сопровождающим действия.[15]

Разумеется, повседневное применение слова «подчинение» также чревато определенными трудностями. Оно означает действие в пределах самого широкого диапазона ситуаций и связывает с этими ситуациями самые разные мотивы – подчинение ребенка отличается от подчинения солдата или, скажем, от обещания «любить, почитать и подчиняться» в классическом брачном обете. Однако в большинстве случаев, когда применяется это слово, оно непосредственно относится к поведению, к действиям: подчиняясь, человек делает то, что велит ему другой. Y подчиняется X, если выполняет предписание к действию, которое X к нему обращает; более того, это слово предполагает, что в ситуации, в которой происходит трансакция между X и Y, налицо какая-то форма доминирования-подчинения, есть иерархический элемент.

Если испытуемый исполняет всю серию экспериментальных приказов, условимся

После завершения цикла экспериментов всем испытуемым разослали подробный отчет обо всех целях и результатах программы. В итоге 83,7%испытуемых отметили, что рады, что приняли участие в исследовании, 15,1 % заявили, что у них нет ни отрицательных, ни положительных чувств, а 1,3 % сообщили, что жалеют о своем участии. Существенное число испытуемых по собственной инициативе попросили задействовать их в дальнейших экспериментах. Четыре пятых испытуемых полагали, что нужно проводить дальнейшие эксперименты подобного рода, а 74 % отметили, что в результате участия в исследовании сделали для себя лично значимые выводы. Более того, один психиатр, университетский преподаватель, имеющий опыт лечения амбулаторных больных, опросил выборку испытуемых, принимавших участие в нашем эксперименте, с целью выявить возможные неблагоприятные последствия участия. Ничего подобного выявлено не было. Более того, как правило, испытуемые считали, что участие в эксперименте было для них полезно и поучительно. Более подробно об этом вопросе см. Milgram (1964).

[15] Имеющие значение в ходе эксперимента действия Y можно описывать и другими терминами, помимо слов «подчинение» и «неподчинение». Можно сказать, что Y *сотрудничает* с X или *проявляет конформность* в отношении приказов X. Однако «сотрудничество» предполагает, что Y согласен с целями X и понимает связь своего поведения с достижением этих целей (впрочем, процедура эксперимента, в частности, требование экспериментатора, чтобы испытуемый наносил жертве удар током даже в отсутствие реакции жертвы, исключают такое понимание). Более того, сотрудничество предполагает равенство статусов сотрудничающих агентов и не учитывает элемент асимметрии, доминирования-подчинения, ясно выраженный в лабораторных отношениях экспериментатора и испытуемого. В других важных контекстах социальной психологии применяется также термин «конформность», который чаще всего относится к имитации суждений и поступков других в отсутствие явно выраженного требования их имитировать. Далее, в ходе этого исследования налицо два источника социального давления – давление экспериментатора, отдающего приказы, и давление жертвы, которая просит прекратить наказание. Отличительная черта конфликта в данном случае – противопоставление обычного человека (жертвы) власти (экспериментатору). В какой-то момент в ходе эксперимента жертва требует, чтобы ее освободили. Экспериментатор настаивает, чтобы испытуемый продолжал наносить удары. Какое действие испытуемого можно было бы классифицировать как конформность? Испытуемый может проявить конформность к желанию равного себе, а может – к желаниям экспериментатора, и конформность к одной из сторон означает отсутствие конформности к другой. Таким образом, опираться на это слово в данном сеттинге не имеет смысла, поскольку его значение исключает дуализм и конфликт взаимоисключающих социальных сил.

В окончательном анализе лингвистический символ, отражающий действия испытуемого, должен черпать смысл в конкретном контексте, в котором происходит действие, а в повседневном языке, вероятно, нет слова, которое охватывало бы ситуацию эксперимента во всей полноте, ничего не опуская и не вызывая ненужных ассоциаций. Поэтому слова «подчинение» и «неподчинение» применяются для описания действий испытуемого отчасти условно, ради удобства. В то же время наш выбор слов в существенной степени согласуется с их словарным значением.

называть его *подчиняющимся* или *послушным* испытуемым, если же он в какой-то момент отказывается исполнять очередной приказ экспериментатора, условимся называть его *неподчиняющимся, непослушным* или *непокорным* испытуемым. В рамках настоящей статьи эти слова относятся исключительно к поведению испытуемого во время эксперимента и не обязательно отражают его личностные свойства и склонность подчиняться или сопротивляться власти.

Выборка испытуемых

В ходе всех экспериментов испытуемыми были взрослые мужчины, жители Нью-Хэйвена, Бриджпорта и окрестностей, в возрасте от 20 до 50 лет и самых разных профессий. Каждый эксперимент, описанный в этой статье, задействовал 40 неопытных испытуемых, тщательно сбалансированных по возрасту и роду занятий. В каждом эксперименте участвовали: рабочие, квалифицированные и неквалифицированные, – 40%; работники умственного труда в области бизнеса и продаж – 40%; высококвалифицированные профессионалы – 20%. В рамках каждой группы проводилось деление на три категории по возрасту (испытуемые от 20 до 30, от 30 до 40 и старше 40, представленные соответственно в пропорции 20, 40 и 40 %).

Общая лабораторная процедура[16]

Главный объект исследования – количество электрических ударов, которое испытуемый наносит другому человеку, когда экспериментатор приказывает ему наказывать «жертву» все более и более сурово. Акт удара током помещен в контекст обучающего эксперимента, якобы организованного для изучения воздействия наказания на память. Помимо экспериментатора, в каждой сессии участвуют один наивный испытуемый и один сообщник экспериментатора. По прибытии каждый испытуемый получает плату в размере 4 долларов 50 центов.[17] После общей вводной беседы с экспериментатором, который рассказывает, как мало ученые знают о воздействии наказания на память, испытуемым сообщают, что в паре один будет учителем, а другой учеником. Проводится мошенническая жеребьевка, в результате которой наивный испытуемый всегда оказывается в роли учителя, а сообщник экспериментатора – в роли ученика. Ученика отводят в смежную комнату и пристегивают к «электрическому стулу».

Наивному испытуемому говорят, что его задача – заставить ученика выучить список парных ассоциаций, проверить, как он его усвоил, и наказывать за каждую ошибку. Наказание производится в форме удара электрическим током, который наносится ученику при помощи электрогенератора, а испытуемый им управляет. Учитель получает указание при каждой ошибке повышать силу удара на одно деление на генераторе. Согласно плану, ученик дает много неверных ответов, так что довольно скоро наивный испытуемый вынужден нанести ему самый сильный удар, обозначенный на шкале генератора. Каждый раз, когда учитель повышает силу удара, ученик все настойчивее требует остановить эксперимент, потому что ему становится все хуже и хуже. Однако экспериментатор ясно и недвусмысленно приказывает учителю продолжать процедуру, невзирая на протесты ученика. *Таким образом, наивный испытуемый должен разрешить конфликт между двумя*

[16] Подробнее о лабораторной процедуре см. Milgram (1963). О похожей независимо разработанной экспериментальной процедуре с участием жертвы, электрогенератора и обучающей задачи пишет Басс (Buss, 1961). Басс применял эту методику для изучения не подчинения, а агрессии и не применял фундаментальную переменную, задействованную в нашем исследовании, – момент отказа продолжать эксперимент.

[17] С учетом инфляции за 50 лет, прошедших с момента эксперимента, в наши дни эта сумма приблизительно эквивалентна 40 долларам. – *Прим. ред.*

взаимоисключающими требованиями, поступающими из социального поля. Он может либо продолжать исполнять приказы экспериментатора и наносить ученику все более жестокие удары, либо отказаться исполнять приказы экспериментатора и пойти навстречу просьбам ученика. Власть экспериментатора проявляется не в свободном поле, а в противовес постоянно усиливающемуся противодействию человека, подвергающегося наказанию .

Прежде чем перейти к описанию результатов эксперимента, следует уточнить несколько технических подробностей. Для нанесения удара применяется фальшивый электрогенератор со шкалой, на которой отчетливо отмечены 30 степеней напряжения – от 15 до 450 вольт. (Каждый уровень активируется одним из 30 отдельных тумблеров, расположенных в ряд горизонтально.) Наивный испытуемый получает удар в 45 вольт – он должен убедиться, что прибор действует. На генераторе расположены также таблички с вербальными предупреждениями – от «Слабый ток» до «Осторожно! Опасно для жизни».

Реакция жертвы записана на пленку и стандартизирована, каждый протест соотнесен с определенным уровнем напряжения на генераторе. Начиная с 75 вольт ученик начинает кряхтеть и стонать. При 150 вольтах он требует, чтобы его выпустили и прекратили эксперимент. На 180 вольтах он громко кричит, что не может больше этого выносить. На 300 вольтах он отказывается отвечать на вопросы, связанные с проверкой памяти, и настаивает, что не желает больше участвовать в эксперименте, и требует, чтобы его отпустили. В ответ на последний протест экспериментатор говорит наивному испытуемому, что отсутствие ответа следует толковать как неверный ответ и согласно процедуре наказывать ученика очередным ударом тока. Свое требование экспериментатор подкрепляет заявлением: «У вас нет выбора, вы обязаны продолжать!» (Этот императив применяется каждый раз, когда наивный испытуемый пытается прервать эксперимент.) Если испытуемый отказывается наносить удар следующей степени, эксперимент считается оконченным. Количественное значение приписывается поведению испытуемого на основании максимальной силы удара, который он нанес, прежде чем отказаться от дальнейшего участия в эксперименте. Таким образом, испытуемый может получить от 0 (если испытуемый отказался наносить самый слабый удар) до 30 баллов (если испытуемый дошел до самого высокого уровня на шкале). Каждый конкретный испытуемый и каждый конкретный эксперимент оценивается по степени подчинения испытуемых приказам экспериментатора, и эта оценка выражается численно в соответствии с разметкой шкалы генератора.

Эта лабораторная ситуация задает нам рамки для изучения реакции испытуемого на принципиальный конфликт эксперимента. Это, повторим, конфликт между требованиями экспериментатора продолжать наносить удары током и все более настойчивыми требованиями ученика прекратить эксперимент. Суть исследования – систематически изменять факторы, которые, как предполагается, влияют на степень подчинения приказам экспериментатора, чтобы выяснить, при каких условиях подчинение власти наиболее вероятно, а при каких на первый план выходит сопротивление.

Пилотные исследования

Пилотные исследования, предшествовавшие настоящему, завершились зимой 1960 года; от стандартных экспериментов их отличали некоторые подробности – в частности, жертву помещали за зеркальное стекло и ставили освещение так, чтобы испытуемый смутно различал ее (Milgram, 1961).

Хотя эти исследования были по существу качественными, а не количественными, они указали на некоторые существенные черты экспериментальной ситуации. Сначала в ходе эксперимента не задействовалась никакая голосовая обратная связь от жертвы. Считалось, что словесные предупреждения и пометки на шкале генератора, обозначающие силу удара, обеспечат достаточное давление, чтобы подорвать подчинение испытуемого. Однако оказалось, что это не так. Не слыша протестов ученика, практически все испытуемые,

получив приказ, доходили, не задумываясь, до конца шкалы, словно не замечая словесных предупреждений («Крайне интенсивный ток» и «Осторожно! Опасно для жизни»). Это лишило нас адекватной базы для оценки тенденции к подчинению. Нужно было ввести силу, которая укрепила бы сопротивление испытуемого приказам экспериментатора и выявила индивидуальные различия с точки зрения распределения моментов, когда испытуемый отказывался продолжать эксперимент.

Эта сила приняла форму протестов жертвы. Сначала были применены мягкие возражения, однако выяснилось, что этого недостаточно. Впоследствии в экспериментальную процедуру были введены более решительные протесты. К нашему ужасу, даже самые сильные протесты жертвы не помешали некоторым испытуемым применять по требованию экспериментатора самые суровые меры наказания, однако протесты все же несколько снизили среднее значение максимального удара и создали некоторое распределение в поведении испытуемых; поэтому крики жертвы были стандартизированы на магнитофонной пленке и включены в стандартную процедуру эксперимента.

Эта ситуация не просто выявила технические сложности в поисках действенной процедуры эксперимента, – она показала, что испытуемые готовы подчиняться власти в гораздо большей степени, чем мы предполагали. Кроме того, она показала, что для контроля над поведением испытуемого важно получать обратную связь от жертвы.

У пилотных исследований была и еще одна особенность: испытуемые часто избегали смотреть на человека, которого ударяли током, а иногда даже отворачивались – неловким, бросавшимся в глаза движением. Один испытуемый пояснил: «Я не хотел видеть последствия собственных действий».

Наблюдатели писали:

> …Испытуемые явно не хотели смотреть на жертву, которую видели сквозь стекло прямо перед собой. Когда им указали на это, они отметили, что им было неприятно видеть мучения жертвы. Однако мы подчеркиваем, что, хотя испытуемый не желает смотреть на жертву, удары током он наносит по-прежнему.

Это показывает, что очевидная реакция жертвы в какой-то степени способна регулировать поведение испытуемого. Если испытуемый, подчиняясь экспериментатору, обнаруживал, что не может выносить пристального взгляда на жертву, верно ли обратное? Если сделать так, чтобы реакция жертвы была заметнее испытуемому, будет ли он меньше подчиняться приказам? Ответить на этот вопрос должен был первый цикл стандартных экспериментов.

Непосредственное восприятие жертвы

Этот цикл состоял из четырех экспериментальных ситуаций. В каждой ситуации жертву делали «психологически» ближе испытуемому, который наносил удары.

В первой ситуации («Отдаленность») жертву помещали в другую комнату, откуда ее не было ни видно, ни слышно испытуемому, и только при ударе в 300 вольт она стучала в стену в знак протеста. После 315 вольт жертва больше не отвечала, ее не было слышно.

Во второй ситуации («Голосовая обратная связь») обстановка была точно такой же, однако добавились голосовые протесты. Жертва, как и в первой ситуации, находилась в смежной комнате, однако ее жалобы были отчетливо слышны из-за слегка приоткрытой двери и сквозь стены лаборатории.[18]

---

[18] Перенести на печатную страницу тон реплик жертвы невозможно, поскольку у нас нет адекватных средств для записи интенсивности голоса, точного ритма речи и общей интонации. Однако все эти черты необходимы, чтобы создать впечатление все более сильной реакции на нарастающее напряжение ударов током (в полной мере это можно передать, только если выслать заинтересованным лицам магнитофонные записи).

Третья экспериментальная ситуация («Близость») была похожа на вторую, но теперь жертва находилась в той же комнате, что и испытуемый, на расстоянии полутора футов (около полуметра) от него. Таким образом, жертву было не только слышно, но и видно, и испытуемый мог судить о ее состоянии по визуальным сигналам.

Четвертая, последняя экспериментальная ситуация в этом цикле («Близость и прикосновение») была точно такой же, как третья, за исключением того, что жертва получала удар током, только когда клала ладонь на специальную пластину. На уровне 150 вольт жертва требовала, чтобы ее отпустили, и в этой ситуации отказывалась класть ладонь на пластину. Тогда экспериментатор приказывал наивному испытуемому силой прижать руку жертвы к пластине. Таким образом, в этой ситуации подчинение предполагало, что испытуемый, чтобы наказывать жертву ударами током сильнее 150 вольт, должен вступить с ней в физический контакт.

В каждой ситуации исследовались сорок взрослых испытуемых. Данные показали, что при сближении жертвы с испытуемым подчинение значительно слабело. Средний максимальный удар в зависимости от ситуации приведен на рис. 2. С точки зрения соотношения подчиняющихся и неподчиняющихся испытуемых выяснилось, что в ситуации «Отдаленности» отказывались подчиняться экспериментатору 34% испытуемых, в ситуации «Голосовой обратной связи» – 37,5%, в ситуации «Близости» – 60% и в ситуации «Близости-прикосновения» – 70%.

Приблизительная картина такова: до удара в 75 вольт жертва никак не проявляет дискомфорта, а в этот момент в ответ на наказание слегка кряхтит. Подобным образом она реагирует и на удары в 90 и 105 вольт, а на 120 вольтах жертва кричит экспериментатору, что удары стали очень болезненными. После удара в 135 вольт слышны стоны от боли, а при 150 вольтах жертва кричит: «Экспериментатор, выпустите меня отсюда! Я больше не хочу участвовать в эксперименте! Я отказываюсь продолжать!» На удар в 270 вольт жертва отвечает истошным, чуть ли не предсмертным криком. Все это время жертва настаивает, чтобы ее отпустили и прекратили эксперимент. На 300 вольтах жертва в отчаянии кричит, что больше не будет отвечать на вопросы в рамках теста на запоминание, а на 315 вольтах издает страшный вопль и настойчиво повторяет, что больше не считает себя участником эксперимента. После этого жертва не отвечает на вопросы, а только вскрикивает после каждого удара, и так продолжается до 450 вольт. Разумеется, многие испытуемые к этому моменту уже отказываются продолжать эксперимент.

Во всех экспериментах вне цикла «Близость» применялась пересмотренная запись с более настойчивыми протестами. Естественно, при применении нового набора протестов для любых сопоставлений были разработаны новые значения базовых показателей.

Собраны неопровержимые доказательства, что огромное большинство испытуемых, и подчиняющихся, и непокорных, считали, что реакция жертвы неподдельна. Доказательством служат: (а) напряжение, возникавшее у испытуемых (см. обсуждение вопроса о напряжении), (б) очки по шкале «оценки боли» на основании вопросников, которые испытуемые заполняли сразу после эксперимента, (в) то, как сами испытуемые описывали свои чувства во время пост-экспериментальной беседы и (г) подлежащие количественной оценке ответы на вопросники, распространенные среди испытуемых через несколько месяцев после участия в экспериментах. Все это будет подобно разобрано в монографии, которая сейчас готовится к печати.

(Во всех экспериментальных ситуациях процедура состояла в том, что наивный испытуемый объявлял, какой силы удар собирается нанести, так что независимо от реакции жертвы он постоянно напоминал сам себе, что сила наказания с каждым разом возрастает.)

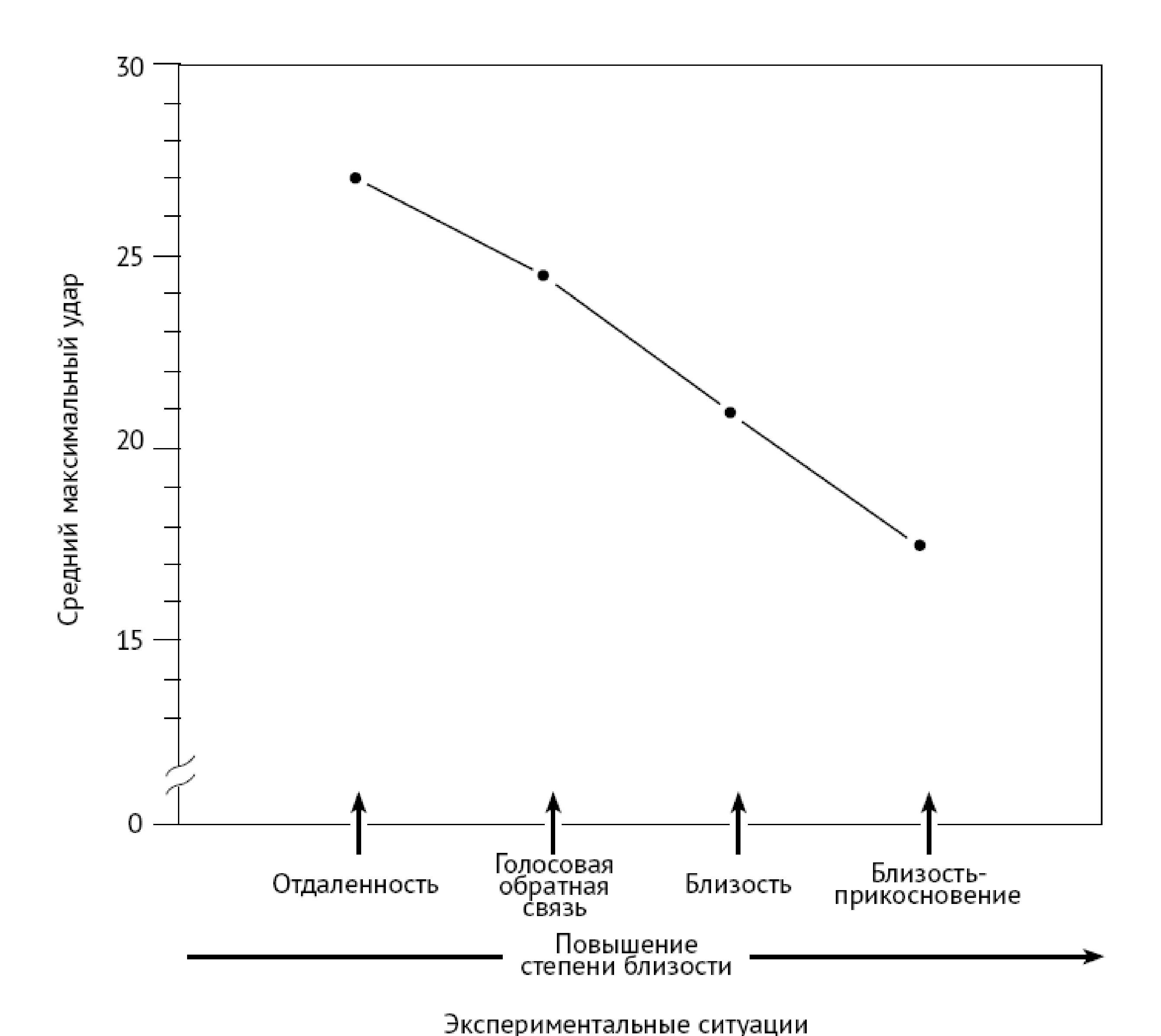

Рис. 2. Средний максимальный удар в цикле экспериментов от «Отдаленности» до «Близости-прикосновения»

Как нам следует расценивать подобный эффект? Первое, что приходит в голову, – что при близости к жертве испытуемый острее сознает интенсивность ее страданий и соответствующим образом регулирует свое поведение. Это логично, однако наши данные не подтверждают такой интерпретации. Во всех четырех ситуациях уровень приписываемой боли (то есть насколько больно было жертве по оценке испытуемых, для чего применялась 14-балльная шкала) был примерно одинаков. Однако нетрудно предположить наличие альтернативных механизмов.

Эмпатические сигналы. В ситуациях «Отдаленности» и в меньшей степени в ситуации «Голосовой обратной связи» страдания жертвы для испытуемого – нечто абстрактное и далекое. Он знает, что его действия причиняют боль другому человеку, но исключительно в концептуальном смысле: этот факт осознан, но не прочувствован. Это достаточно распространенное явление. Пилот бомбардировщика прекрасно понимает, что его бомбы принесут страдания и смерть, однако это знание лишено эмоциональной окраски и не позволяет в полной мере посочувствовать страданиям, вызванным его действиями. Подобные наблюдения делались во время войны. Вероятно, зрительные сигналы, связанные со страданиями жертвы, запускают у испытуемого эмпатическую реакцию и дают более полное представление об ощущениях жертвы. А может быть, эмпатическая реакция сама по

себе неприятна и обладает качествами, которые побуждают испытуемого прекратить то, что ее вызывает. Тогда снижение уровня подчинения в дальнейших экспериментальных ситуациях можно объяснить обогащением потока эмпатических сигналов.

Отрицание и сужение когнитивного поля. Ситуация «Отдаленности» позволяет сузить когнитивное поле, так что жертва исключается из сознания. Испытуемый уже не расценивает акт нажатия на тумблер как результат морального выбора, поскольку это действие больше не ассоциируется со страданиями жертвы. Если жертва близко, ее труднее исключать феноменологически. Она неизбежно вторгается в сознание испытуемого, поскольку ее все время видно. В ситуации «Отдаленности» ее существование и реакции осознаются только после того, как нанесен удар током. Слуховая обратная связь непостоянна, испытуемый получает ее лишь иногда. При «Близости» жертва непосредственно включена в поле зрения, она становится для испытуемого ярким элементом окружения. Испытуемый больше не может задействовать механизм отрицания. Один испытуемый, участвовавший в эксперименте «Отдаленность», сказал: «Удивительно, но ведь и в самом деле забываешь, что там живой человек, хотя и слышишь его голос. Довольно долго я был сосредоточен исключительно на том, чтобы нажимать тумблеры и читать надписи».

Поля взаимного влияния. Если в ситуации «Близости» испытуемый занимает положение, позволяющее наблюдать за жертвой, обратное тоже верно. Теперь жертва внимательно наблюдает за действиями испытуемого с близкого расстояния. Вероятно, когда человек не может наблюдать за твоими поступками, причинять ему боль легче, чем когда он видит, что ты делаешь. Если он смотрит, как ты совершаешь направленные против него действия, это пробуждает стыд и угрызения совести, которые затем помогают перестать действовать. Много свидетельств, что при конфронтации лицом к лицу возникает дискомфорт и она препятствует открытым действиям, мы находим и в языке. Часто говорят, что человека легче критиковать «за спиной», чем «говорить все в лицо». Если мы кому-то лжем, то, как всем известно, не можем «смотреть ему в глаза». Мы и сами «прячем глаза» от стыда или неловкости – это помогает снизить дискомфорт. Когда человека ставят перед расстрельной ротой, ему завязывают глаза якобы для того, чтобы ему было не так страшно, но на самом деле у этого действия есть и скрытая функция – снизить стресс у палачей. Короче говоря, в ситуации «Близости» у испытуемого, вероятно, возникает ощущение, что он сам становится ярким элементом поля осознанности жертвы. Возможно, испытуемому становится совестно и неловко, и вид жертвы мешает ему продолжать ее наказывать.

Единство действия и его последствий. В ситуации «Отдаленности» испытуемому труднее ощутить *соотнесенность* своих действий и последствий этих действий для жертвы. Поступок и его последствия разнесены физически и пространственно. Испытуемый нажимает на тумблер в одной комнате, а крики и протесты доносятся из другой. Эти два события связаны, однако им недостает убедительного феноменологического единства. Структура осмысленного поступка – «Я делаю человеку больно» – разрушается из-за пространственной организации эксперимента; в некоторой степени это аналогично исчезновению фи-феномена, если мигающие огни расположены слишком далеко друг от друга. В ситуации «Близости» единство поступка и следствия гораздо ощутимее, поскольку жертва физически ближе к действию, причиняющему ей боль. В ситуации «Близости-прикосновения» единство поступка и следствия ощущается в полной мере.

Образование зачаточной группы. Если жертва помещена в другую комнату, то не только жертва отдаляется от испытуемого, но и испытуемый с экспериментатором становятся относительно ближе. Формируется зачаточная группа, состоящая из экспериментатора и испытуемого, однако жертва из нее исключена. Стена между жертвой и

другими участниками эксперимента лишает жертву интимной связи, которую ощущают экспериментатор и испытуемый. В ситуации «Отдаленности» жертва – самый настоящий аутсайдер, она одинока и физически, и психологически.

Если поместить жертву ближе к испытуемому, им с испытуемым становится легче заключить союз против экспериментатора. Испытуемые уже не должны иметь дело с экспериментатором в одиночку. У них появляется союзник, который совсем рядом и рвется поддержать их мятеж против экспериментатора. Таким образом, изменение набора пространственных отношений в разных экспериментальных ситуациях приводит, вероятно, к смещению системы союзнических отношений.

Благоприобретенные поведенческие наклонности. Давно отмечено, что лабораторные мыши редко дерутся со своими собратьями по вольеру. Скотт (Scott, 1958) объясняет это в терминах пассивного подавления. Он пишет: «Когда животное ничего не делает в тех или иных обстоятельствах… оно тем самым учится ничего не делать, и об этом можно говорить как о пассивном подавлении… этот принцип играет важнейшую роль в обучении личности миролюбию, поскольку из него следует, что ей, чтобы научиться не драться, нужно просто не драться». Подобным образом мы, вероятно, учимся не причинять вреда окружающим, просто не причиняя им вреда в повседневной жизни. Однако подобное обучение происходит в контексте близких отношений с окружающими и, вероятно, не может быть обобщено на ситуацию, когда человек от нас физически далеко. Кроме того, в прошлом, вероятно, агрессивные действия против тех, кто был к нам физически близко, влекли за собой наказание, а это искоренило исходную форму реакции. А агрессия против тех, кто находится от нас на расстоянии, возможно, наказывалась лишь иногда. Так организм узнает, что безопаснее проявлять агрессию к тем, кто далеко, и остерегается нападать на противника на расстоянии вытянутой руки. Закономерности вознаграждений и наказаний вырабатывают склонность избегать агрессии с близкого расстояния, однако на дальние дистанции это не распространяется. И это может объяснять результаты экспериментов в ситуации близости и отдаленности.

Близость как переменная в психологических исследованиях достойна куда большего внимания ученых. Если бы люди не могли перемещаться, понять причину этого пренебрежения было бы просто. Но мы постоянно в движении, попадаем в разные пространственные отношения в разных ситуациях, и то, близко мы друг от друга или далеко, вероятно, оказывает мощнейшее воздействие на психологические процессы, определяющие наше поведение с окружающими. В нашей ситуации, когда жертва становится физически ближе к испытуемому, который наносит ей удары, повышается количество испытуемых, которые отказываются подчиняться экспериментатору и прекращают эксперимент. Конкретное, видимое, непосредственное присутствие жертвы играет важную роль в том, чтобы сопротивляться власти экспериментатора и генерировать неподчинение.[19]

Близость представителя власти

---

[19] Следует признать, что слова «близость», «непосредственность», «жертва как яркий элемент» используются достаточно вольно, да и сами эксперименты дают этой переменной лишь приблизительную оценку. Необходимы дальнейшие эксперименты, которые отточат определение близости и приведут в соответствие разнообразные факторы наподобие пространственной дистанции, видимости, слышимости, наличия барьеров и так далее.

В экспериментах серий «Близость» и «Близость-прикосновение» мы не имели возможности применять магнитофонные записи обратной связи с жертвой. Вместо этого жертву обучили отвечать в этих условиях точно так же, как и в ходе эксперимента 2 (где использовалась магнитофонная запись). Здесь нужны некоторые усовершенствования, поскольку необходимо, чтобы серию «Близость» было технически возможно проводить с применением записанной обратной связи.

Если взаимное расположение испытуемого и жертвы в пространстве влияет на степень подчинения, должно быть, играет свою роль и местонахождение испытуемого по отношению к экспериментатору. Есть причины полагать, что, когда испытуемый только появляется в лаборатории, он ориентирован в первую очередь на экспериментатора и лишь затем на жертву. Он пришел в лабораторию, чтобы вписаться в структуру, которую задает экспериментатор, а не жертва. И не столько собирается разобраться в своем поведении, сколько намерен предъявить это поведение компетентному ученому, а потому готов проявить себя в соответствии с требованиями этого ученого. Большинство испытуемых, судя по всему, хочет произвести впечатление на экспериментатора, и можно заметить, что это стремление в относительно новой незнакомой обстановке несколько подрывает чувствительность испытуемого к троякой природе социальной ситуации, в которую он попал. Иначе говоря, испытуемый так озабочен тем, как будет выглядеть в глазах экспериментатора, что влияние других частей социального поля не приобретает того веса, как в повседневной жизни. Излишняя ориентация на экспериментатора, вероятно, отчасти объясняет относительно бесчувственное отношение испытуемого к жертве, а кроме того, наталкивает нас на мысль, что изменение отношений между испытуемым и экспериментатором, вероятно, заметно повлияет на степень подчинения.

В ходе цикла экспериментов мы варьировали физическое расстояние и степень наблюдения со стороны экспериментатора. В одной ситуации экспериментатор сидел всего в нескольких шагах от испытуемого. В другой ситуации экспериментатор, дав вводные указания, покидал лабораторию и отдавал приказы по телефону. В третьей экспериментатор вообще не показывался, а указания давал посредством магнитофонной записи, которая включалась, когда испытуемые входили в лабораторию.

Как только экспериментатор оказывался физически удален из лаборатории, уровень подчинения резко падал. Количество подчиняющихся испытуемых в первой ситуации («Присутствие экспериментатора») было почти в три раза больше, чем во второй, когда экспериментатор отдавал приказы по телефону. В первой ситуации полностью подчинялись приказам 36 испытуемых, а во второй – только 9 (хи-квадрат «подчинение/неподчинение» в двух ситуациях df = 14,7; p < 0,001). Если испытуемые не сталкивались с экспериментатором лицом к лицу, им, похоже, было гораздо легче противостоять экспериментатору, а его власть над испытуемыми существенно слабела.[20]

[20] В третьей ситуации уровень подчинения также был гораздо ниже, чем в первой, в присутствии экспериментатора, однако тут налицо некоторые технические сложности, требующие серьезного обсуждения.

(a) Электрогенератор, применявшийся в ходе экспериментов. 15 из 30 тумблеров уже нажаты.

(б) Ученик пристегнут к стулу, к его запястью подсоединены электроды. Экспериментатор наносит электропроводящую пасту. Ученик дает ответы, нажимая тумблеры, которые зажигают лампочки с номерами на шкале с ответами.

(в) Испытуемый получает пробный удар током от генератора.

(г) Испытуемый прекращает эксперимент. Справа датчик, подсоединенный к генератору, автоматически регистрирует, какие тумблеры нажал испытуемый. (Из фильма «Obedience» («Подчинение»), кинопрокатная организация «Alexander Street Press».)

Рис. 3. Фотографии экспериментов по подчинению

Более того, в отсутствие экспериментатора в поведении испытуемых проявлялась интересная особенность, которой при экспериментаторе не наблюдалось. Некоторые испытуемые, продолжая эксперимент, наносили более слабые удары, чем требовалось, и не сообщили экспериментатору об отклонении от требуемой процедуры (сила ударов без ведома испытуемых записывалась при помощи датчика фирмы «Эстерлин-Энгус», подключенного непосредственно к генератору; этот аппарат обеспечил нам объективные данные о поведении испытуемых). Более того, некоторые испытуемые всячески уверяли экспериментатора по телефону, что повышали силу ударов согласно инструкции, а на самом деле постоянно нажимали лишь тумблер, якобы дававший самый слабый удар. Это поведение вызывает особый интерес: хотя очевидно, что эти испытуемые поступали вразрез с заявленными целями эксперимента, им было легче разрешить конфликт таким способом, чем пойти на открытый разрыв с властью.

Были созданы и другие экспериментальные ситуации – например, экспериментатор отсутствовал в начале эксперимента, однако возвращался в лабораторию в тот момент, когда испытуемый решительно отказывался подчиниться телефонному приказу о повышении силы удара. Хотя экспериментатор уже исчерпал властные ресурсы по телефону, ему зачастую удавалось добиться дальнейшего подчинения, появившись в лаборатории лично.

Эксперименты этого цикла показывают, что физическое присутствие представителя власти – важный фактор влияния на подчинение или непокорность испытуемого. В совокупности с первой серией экспериментов, где менялась степень близости к жертве, это наталкивает на мысль, что на поведение испытуемого влияет нечто похожее на силовые поля, которые слабеют пропорционально психологическому расстоянию от источника. Если

расстояние до жертвы ближе, испытуемому становится сложнее наносить ей удары. Если дистанция между испытуемым и жертвой остается постоянной, а представитель власти отдаляется, испытуемому становится проще прекратить эксперимент. В обоих случаях этот эффект имеет основополагающее значение, однако манипуляции с положением экспериментатора дали и еще более яркие результаты. Подчинение деструктивным приказам сильно зависит от расстояния между представителем власти и испытуемым.

Напряжение

Если привести окончательные количественные результаты экспериментов, это не в полной мере отразит поведение испытуемых, поэтому, прежде чем излагать численные данные, имеет смысл остановиться на общей реакции испытуемых на ситуацию.

Можно предположить, что испытуемый продолжает эксперимент или отказывается это делать на основании исключительно собственной совести и темперамента. Однако выяснилось, что это совсем не так. У существенной части испытуемых возникала мощная реакция напряжения и эмоциональной перегрузки. По наблюдениям, многие потели, дрожали, заикались, кусали губы и стонали, когда обнаруживали, что все сильнее погружаются в заложенный в эксперименте конфликт. Некоторое представление о настроении испытуемых можно получить по записям их реплик в момент отказа продолжать эксперимент. Вот что говорили два непокорных испытуемых:

> Это он стучит?.. Ему там плохо? Знаете, мало ли что с ним может случиться, я не желаю нести за это ответственность. Нет, я не согласен. Не знаю, может, ему там совсем нехорошо. Вдруг у него сердце больное и вообще… Нет, мне явно не стоит этого делать, это неправильно. Он стучит, чтобы позвать на помощь. Конечно, ему худо, иначе он не стал бы стучать… не вижу в этом никакого смысла – что, нужно, чтобы он там сознание потерял? Не вижу смысла…
> *[Испытуемый отказывается наносить удары током]*
> *[Испытуемый 0108]*

> Он стучит. Он хочет прекратить… извините. Если он хочет прекратить опыты, я тогда тоже лучше перестану… не хочу больше его бить… [в крайнем волнении] Давайте я верну деньги, но не буду делать больно этому человеку… простите, я не буду больше бить его, он же явно хочет прекратить опыты. Никакие деньги на свете не заставят меня делать больно другому человеку.
> *[Испытуемый 010X]*

А вот запись реплик послушного испытуемого. Сначала он был спокоен, но по мере продолжения эксперимента в нем нарастало напряжение. После удара в 150 вольт он очень занервничал и стал то и дело обращаться к экспериментатору:

> *После удара в 150 вольт.* Вы хотите, чтобы я продолжал?
> *После удара в 165 вольт* . Он там кричит. А тут еще много осталось. У него, наверное, сердце больное. Вы хотите, чтобы я и дальше его бил?
> *После удара в 180 вольт* . Он не выдержит! Я не хочу его убить! Слышите, как он вопит? Он вопит. Ему не вынести! А вдруг с ним что-то случится? Я не хочу, чтобы ему там стало плохо. А он кричит! Вы меня понимаете? Я имею в виду, что снимаю с себя всякую ответственность! Ему там плохо! Он там кричит! А здесь еще слишком много осталось. Кто его знает – может, ему совсем плохо станет? Тут слишком много осталось. Я хочу сказать, кто будет отвечать, если с тем господином что-то случится?
> *[Экспериментатор берет ответственность на себя.]*
> Ну ладно.
> *После удара в 190 вольт* . Понимаете, он ужасно кричит. Послушайте сами. Ну, я даже и не знаю!

[Экспериментатор говорит: «Эксперимент требует, чтобы вы продолжали».]

Да я знаю, сэр, но я имею в виду… ух… Он же не знает, на что подписался! А тут уже 195 вольт!

Удар в 210 вольт.

Удар в 225 вольт.

После удара в 240 вольт . Ой, нет! Вы имеете в виду, что я должен и дальше идти вверх по шкале? Нет, сэр. Я не хочу его убить! Я не буду ударять его током в 450 вольт!

[Экспериментатор говорит: «Эксперимент требует, чтобы вы продолжали».]

Да я понимаю, но он там так кричит, сэр…

Несмотря на бурные многословные протесты, которыми испытуемый постоянно сопровождал свои действия, он до конца подчинялся экспериментатору и дошел до самого сильного уровня на генераторе. Слово и дело у него расходились самым любопытным образом. Хотя на вербальном уровне он отказывался продолжать эксперимент, его поступки полностью соответствовали приказам экспериментатора. Этот испытуемый не хотел ударять жертву током, для него это была крайне неприятная задача, однако он не сумел изобрести ответ, который освободил бы его из-под власти экспериментатора. Многие испытуемые так и не нашли специфической словесной формулировки, которая позволила бы им отказаться от роли, предписанной экспериментатором. Вероятно, наша культура не дает приемлемых моделей неподчинения.

Несколько неожиданным признаком напряжения были регулярно встречавшиеся приступы нервного смеха. В первых четырех экспериментальных ситуациях явные признаки нервного смеха и улыбок наблюдались у 71 из 160 испытуемых. Смех был совершенно неуместным, даже жутким. У 15 из этих испытуемых произошли полномасштабные приступы неконтролируемого хохота. В одном случае мы наблюдали такой сильный конвульсивный приступ смеха, что пришлось срочно прервать эксперимент. В постэкспериментальных беседах испытуемые всеми силами подчеркивали, что они не садисты и что смех не означал, что им приятно ударять жертву током.

В беседе после эксперимента испытуемых просили отметить по 14-балльной шкале, насколько они нервничали и были напряжены в момент максимального напряжения (рис. 4). Шкала была проградуирована от «полное отсутствие напряжения и нервозности» до «крайняя степень напряжения и нервозности». Подобного рода самооценка обычно бывает точной лишь до определенной степени и в лучшем случае дает лишь приблизительное представление об эмоциональной реакции испытуемого. И тем не менее, со всеми оговорками, видно, что распределение ответов охватывает полный диапазон, причем большинство испытуемых сосредоточено в центре и ближе к верхнему пределу. Дальнейшее разбиение показало, что подчинявшиеся обычно оценивали свою нервозность и напряжение в момент максимального напряжения несколько выше, чем непокорные.

Как можно толковать возникновение напряжения? Во-первых, оно указывает на наличие конфликта. Если бы единственной психологической силой в этой ситуации была тенденция подчиниться требованиям власти, все испытуемые доходили бы до конца, и никакого напряжения не возникало бы. Предполагается, что напряжение – это результат одновременного присутствия двух и более несовместимых реактивных тенденций (Miller, 1944). Если бы действовала исключительно сила симпатии и сочувствия жертве, все испытуемые спокойно отказались бы подчиняться приказам экспериментатора. Тем не менее, кто-то подчинялся, а кто-то сопротивлялся, и это часто сопровождалось крайним напряжением. Конфликт возникает между глубоко укорененным стремлением не вредить окружающим и такой же непреодолимой склонностью подчиняться властной фигуре. Испытуемый быстро вовлекается в дилемму глубоко динамического характера, и крайнее напряжение указывает на то, что оба противодействующих вектора весьма сильны.

Наконец, напряжение можно считать показателем, что испытуемые считают ситуацию реальной. Нормальные испытуемые не дрожат и не потеют, если им не приходится заниматься делом, которое им глубоко и искренне отвратительно.

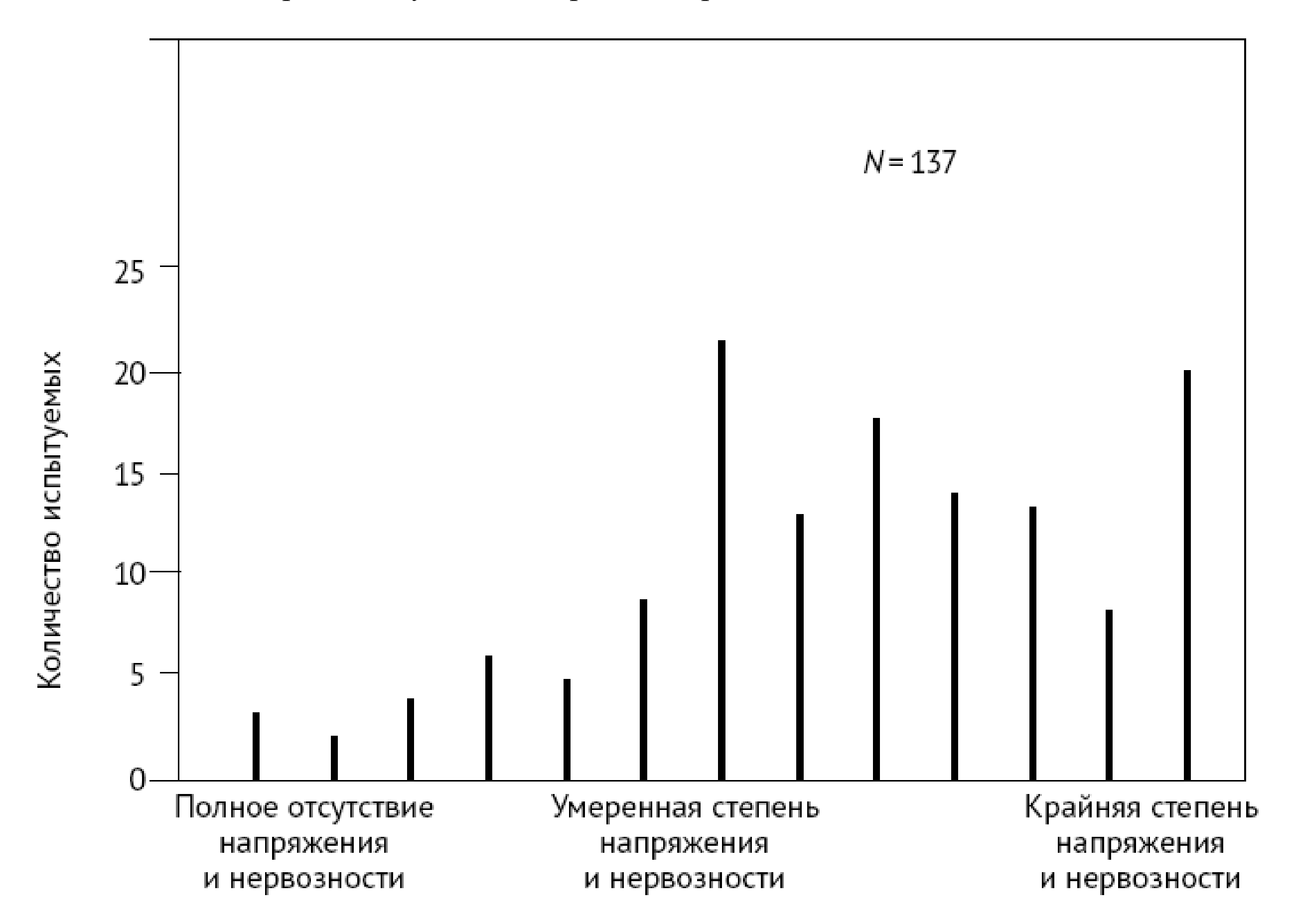

Рис. 4. Уровень нервозности и напряжения по самооценке «нервозности и напряжения» у 137 испытуемых в экспериментах цикла «Близость». Испытуемым предложили шкалу из 14 пунктов в диапазоне от «полное отсутствие напряжения и нервозности» до «крайняя степень напряжения и нервозности». Инструкция гласила: «Вспомните тот момент в ходе эксперимента, когда вы почувствовали самое сильное напряжение и нервозность, и отметьте соответствующий пункт на шкале крестиком». Результаты показаны в терминах серединных точек

Фоновый авторитет

В психофизике, обучении животных и других отраслях психологии интерпретация результатов не зависит от того, в каком именно учреждении они получены, главное – чтобы применялась адекватная измерительная техника и эксперименты проводились компетентно.

Однако в настоящем исследовании это совсем не так. Эффективность приказов экспериментатора, вероятно, существенно зависит от широкого институционального контекста. Все описанные выше эксперименты проходили в Йельском университете – организации, к которой большинство испытуемых относилось с уважением, а иногда и с восхищением. Во время постэкспериментальных бесед несколько участников отметили, что, поскольку исследование проводилось в таком месте и под эгидой такого уважаемого учреждения, они были уверены в честности, компетентности и благих намерениях персонала; многие испытуемые отметили, что вообще не стали бы наносить ученику удары током, если бы эксперименты проходили где-то еще.

Нам представляется, что для интерпретации полученных на настоящий момент результатов нужно учесть и фактор «фонового авторитета», более того, этот фактор играет важную роль во всех мыслимых теориях подчинения человека человеку. Рассмотрим, к примеру, насколько наша склонность подчиняться чужим приказам связана с определенными общественными институциями и местами. Мы по первому требованию подставляем горло человеку с бритвой в парикмахерской, однако откажемся делать это в обувном магазине, – зато там охотно подчинимся просьбе продавца снять ботинки и встать на пол в одних носках, чего ни за что не сделаем в банке. В лаборатории крупного университета испытуемые исполнят набор приказов, которым не подчинились бы ни в каком другом месте. *Всегда нужно исследовать отношение акта подчинения к тому, как человек воспринимает контекст, в котором действует* .

Чтобы изучить эту проблему, мы перенесли весь аппарат в деловой центр в промышленной части Бриджпорта и повторили условия эксперимента, но так, чтобы испытуемые не заметили никакой связи с университетом.

Бриджпортских испытуемых приглашали к участию в эксперименте такой же почтовой рассылкой, что и в йельском исследовании, с соответствующими поправками в шапке письма и пр. Как и в первом исследовании, за приход в лабораторию испытуемым платили 4 доллара 50 центов.[21] Распределение по возрасту и роду занятий, а также задействованный в эксперименте персонал были точно такими же, что и в Йеле.

Мы переместились в Бриджпорт, чтобы избавиться от каких бы то ни было ассоциаций с Йелем, и в этом отношении добились успеха. На сторонний взгляд исследование проводилось под эгидой некоей «Ассоциации исследователей Бриджпорта» – организации неуказанной направленности (название придумали нарочно для этого исследования). Для эксперимента отвели трехкомнатное офисное помещение в несколько обветшалом коммерческом здании, расположенном в торговом районе в центре города. Лаборатория была обставлена скромно, но чисто – прилично, однако отнюдь не богато. Когда испытуемые просили предоставить им сведения о профессиональной принадлежности экспериментаторов, им только сообщали, что мы частная фирма и проводим исследование для промышленных организаций.

Некоторые испытуемые скептически отнеслись к мотивам бриджпортского экспериментатора. Один господин записал, какие мысли посещали его, когда он садился за стол с генератором, и предоставил эти записи нам.

> …Может быть, отказаться от этого проклятого эксперимента? А вдруг он [жертва] упадет в обморок? Какие мы идиоты – надо было проверить, что это за затея. Откуда мы знаем, что эти люди не преступники? Ни мебели, ни телефона, голые стены. Надо бы сообщить в полицию или в Бюро по улучшению деловой практики. Это мне урок. Откуда я знаю, что мистер Уильямс [экспериментатор] говорит правду?.. Знать бы, сколько вольт надо человеку, чтобы потерять сознание…
>
> *[Испытуемый 2414]*

Другой испытуемый заявил:

> Когда я пришел, то засомневался, стоило ли [приходить]. Я сомневался и в законности всей этой затеи, и в том, не будет ли у меня неприятностей из-за участия в ней. Мне казалось, что тренировать таким образом память или обучать человека – это бессердечно, а делать это без врачебного наблюдения наверняка опасно.
>
> *[Испытуемый 2440V]*

---

[21] С учетом инфляции за 50 лет, прошедших с момента эксперимента, в наши дни эта сумма приблизительно эквивалентна 40 долларам. – *Прим. ред.*

Заметного снижения уровня напряжения у бриджпортских испытуемых не отмечено. То, насколько жертве было больно, испытуемые оценивали немного выше, чем в Йельском исследовании, – впрочем, отличие было незначительным.

Если бы в Бриджпорте не удалось добиться полного подчинения, это указывало бы, что крайнее послушание нью-хэйвенских испытуемых тесно связано с фоновым авторитетом Йельского университета; если бы и здесь большая доля испытуемых проявила полное подчинение, пришлось бы сделать совсем иные выводы.

Однако выяснилось, что, хотя степень подчинения в Бриджпорте и оказалась несколько ниже, чем в Йеле, отличие это было незначительным. Доля бриджпортских испытуемых, полностью подчинявшихся приказам экспериментатора, тоже была большой (удар максимальной силы в одной и той же экспериментальной ситуации нанесли 48% бриджпортских испытуемых и 65% йельских).

Как толковать подобные результаты? Вероятно, чтобы приказы, способные принести какой-то вред либо ущерб, казались законными, нужно, чтобы их отдавали под эгидой какой-то институциональной структуры. Однако из исследования очевидно, что это учреждение не обязательно должно обладать солидной репутацией или известностью. Бриджпортские эксперименты проводила ничем не примечательная фирма, которая не могла предоставить никаких рекомендаций, хотя лаборатория размещалась в респектабельном деловом центре и была указана в списке нанимателей помещений. Помимо этого не было никаких данных о ее благих намерениях и компетенции. Вероятно, нас заставляет слушаться *категория* учреждения, оцениваемая в соответствии с ее заявленными функциями, а не статус в пределах этой категории. Люди вкладывают деньги не только в роскошные, но и в очень скромные банки, не особенно задумываясь о разнице в предоставляемых гарантиях безопасности. Подобным же образом наши испытуемые, вероятно, считали, что обе лаборатории одинаково компетентны – ведь это научные лаборатории. Было бы полезно изучить поведение испытуемых и в других контекстах, где у экспериментатора было бы даже меньше поддержки авторитетного института, чем в бриджпортском исследовании. Не исключено, что за какой-то гранью подчинение вовсе сходит на нет. Однако в бриджпортской лаборатории эту грань перейти не удалось: почти половина испытуемых полностью подчинились экспериментатору.

Последующие эксперименты

Можно вкратце очертить некоторые дополнительные эксперименты в рамках Йельского цикла. Подчинение и неподчинение в повседневной жизни часто наблюдаются именно в группах. В свете многих исследований групп, уже проделанных в психологии, разумно предположить, что групповые силы оказывают колоссальное влияние на реакцию на власть. Для изучения этих эффектов проведен целый ряд экспериментов. Во всех случаях изучался один наивный испытуемый в час, однако он взаимодействовал с актерами, которых привлек экспериментатор без ведома испытуемого. В ходе одного эксперимента («Группы и неподчинение») в разгар эксперимента два актера отказались его продолжать. В таких условиях 90% испытуемых следовали их примеру и отказывались подчиняться экспериментатору. В другой экспериментальной ситуации актеры беспрекословно подчинялись приказу, но это лишь слегка укрепило власть экспериментатора. В третьем эксперименте переключать тумблеры, чтобы нанести «ученику» удар током, было поручено одному из актеров, а наивный испытуемый играл вспомогательную роль. Мы хотели посмотреть, как будет реагировать «учитель», если он участвует в происходящем, но сам ударов не наносит. В такой ситуации отказались продолжать эксперимент лишь трое испытуемых из сорока. В последнем групповом эксперименте испытуемые сами определяли, какой силы удар нанести. Два актера все время предлагали им повышать силу удара; одни испытуемые, невзирая на давление группы, настаивали, что удары должны оставаться

слабыми, другие шли на поводу у группы.

Были также проведены эксперименты с испытуемыми-женщинами, а также серия экспериментов с участием двойной, несанкционированной и конфликтующей власти. Последний эксперимент исследовал личные отношения между жертвой и испытуемым. О них следует рассказать в другой раз, иначе наша статья разрастется до размеров монографии.

Излишне упоминать о том, что в этой области следует провести дальнейшие изыскания по нескольким различным направлениям. Какая реакция жертвы чаще всего вызывает неподчинение у испытуемого? Пассивное сопротивление, похоже, эффективнее яростных протестов. Какие условия входа в систему власти приводят к повышению или снижению подчинения? Как влияют на поведение испытуемого анонимность и маскировка? Какие условия заставляют испытуемого взять на себя ответственность за свои поступки? Каждый из этих вопросов – тема для отдельного крупного исследования, которое, впрочем, также позволяет провести описанная общая экспериментальная структура с соответствующими коррективами.

Степень покорности и непокорности

В ходе экспериментов сделана одна фундаментальная находка, заслуживающая особого внимания: это высокий уровень подчинения, проявленный в экспериментальной ситуации. Испытуемые часто выражали глубокое неодобрение, что их заставляют бить человека током, невзирая на его протесты; часто звучали заявления, что это глупо и бессердечно. Однако многие испытуемые подчинялись приказам, хотя и возражали на словах. Доля послушных испытуемых значительно превысила ожидания экспериментатора и его коллег. В начале мы предполагали, что в целом испытуемые не выйдут за уровень «Сильного удара». Однако на практике многие испытуемые были готовы по команде экспериментатора наносить самые сильные удары на шкале. Для некоторых испытуемых эксперимент стал поводом сбросить агрессию. А для некоторых показал, как глубоко укоренена в нас склонность подчиняться, несмотря на то, к каким последствиям для окружающих это приводит. Однако и это еще не все. Испытуемый каким-то образом попадает в ситуацию, из которой не может найти выхода.

Расхождение результатов эксперимента с логичными ожиданиями удалось до некоторого предела формализовать. Процедура состояла в том, что экспериментальную ситуацию во всех подробностях описали группе компетентных специалистов, а затем попросили их предсказать поведение 100 гипотетических испытуемых. Чтобы отразить распределение моментов отказа, судьям предоставили схему шкалы генератора, и они записали свои предсказания, а затем получили сведения о реальном положении дел. Как правило, судьи недооценивали степень подчинения у испытуемых.

На рис. 5 мы сравнили предсказания 40 психиатров из одной крупной медицинской школы с реальным поведением испытуемых в ходе эксперимента. Психиатры предсказали, что большинство испытуемых не выйдет за предел 10-го уровня удара (150 В – на этом уровне жертва в первый раз выражает недвусмысленное требование, чтобы ее отпустили). Далее, они предсказали, что 12-й уровень удара (300 В – на этом уровне жертва отказывается отвечать) продолжат подчиняться 3,73% испытуемых, а самый сильный удар на шкале нанесет лишь немногим больше 0,1%. Однако, как видно из графика, реальное поведение существенно отличается от прогнозов. 62% испытуемых полностью подчинились приказам экспериментатора. Между ожиданиями и реальностью зияет колоссальная брешь.

Почему психиатры недооценивают степень подчинения? Вероятно, дело в том, что их предсказания основаны на неадекватном представлении о факторах, определяющих поведение человека, – на представлении, в центре которого стоит «мотивация в вакууме». Такая ориентация прекрасно подходила бы для восстановления ущербных импульсов, выявленных на кушетке психиатра, но как только наш интерес обращается к действиям в более масштабной обстановке, следует обратить внимание на ситуацию, в которой эта

мотивация проявляется. Ситуация оказывает на личность значительное давление. Она налагает ограничения и зачастую подталкивает в ту или иную сторону.

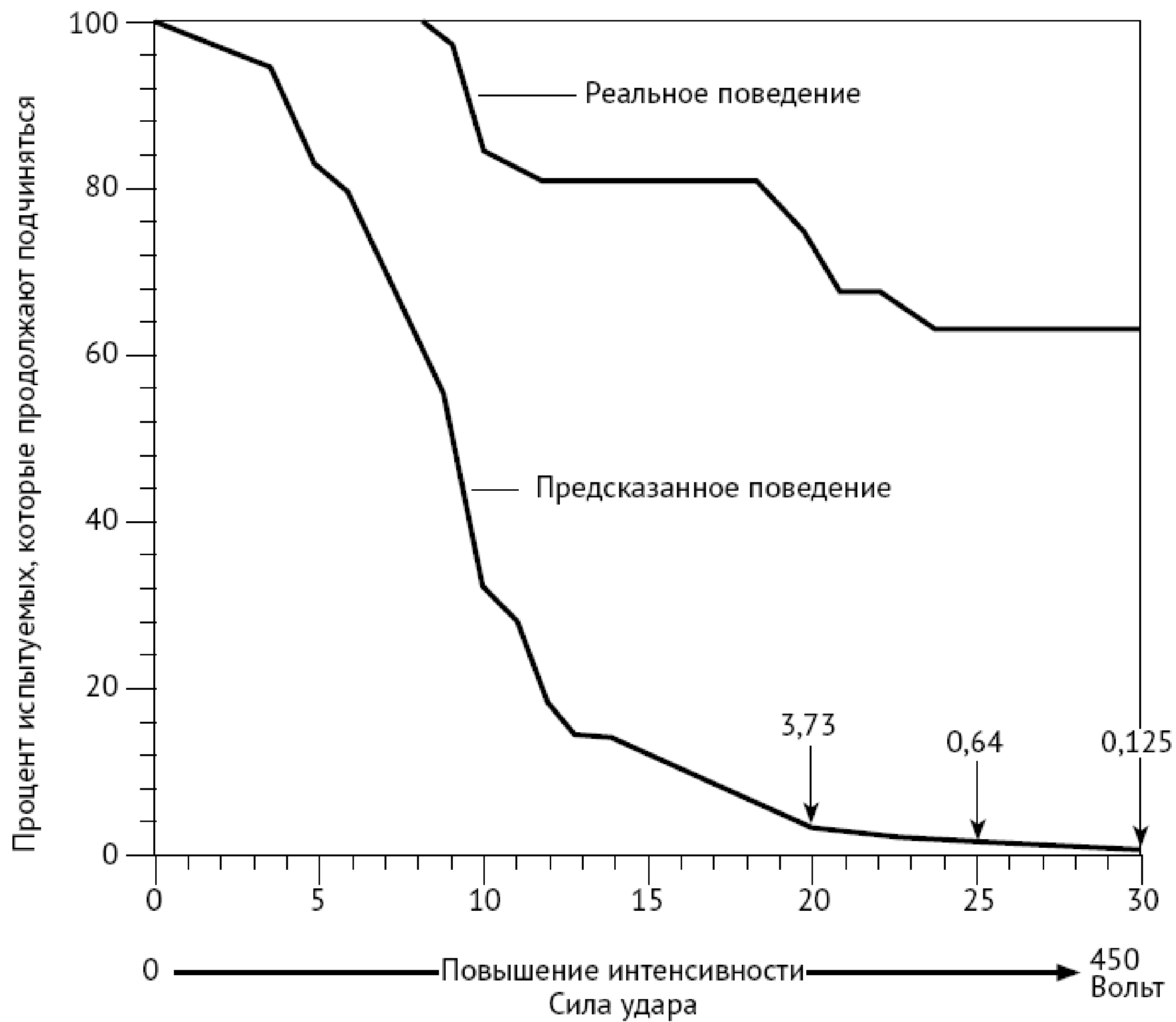

Рис. 5. Предсказанное и реальное поведение испытуемых при голосовой обратной связи

В некоторых обстоятельствах поведение человека определяется не столько тем, каков он как личность, сколько тем, в какую ситуацию он попал.

Многие из тех, кто недостаточно осведомлен об эксперименте, утверждают, что испытуемые, дошедшие до конца шкалы, – садисты. Нет ничего глупее, чем давать этим людям общую характеристику. Это все равно что утверждать, что человек, упавший в бурную реку, обязательно прекрасный пловец или очень силен, раз он так быстро движется относительно берега. Всегда нужно принимать в расчет контекст действий. Очутившись в лаборатории, личность вовлекается в ситуацию, обладающую собственной инерцией. Теперь задача испытуемого – выйти из ситуации, которая движется в совершенно неприемлемом направлении. А то, что найти этот выход так трудно, подтверждает, что испытуемого удерживают у шкалы генератора какие-то очень мощные силы. Можно ли понимать эти силы как мотивы личности и описывать их в терминах личностной динамики или же их следует рассматривать как факторы социальной структуры и векторы давления, возникающие в поле ситуации?

Мне думается, что полное понимание действий испытуемого требует комбинированного подхода. Личность приносит в лабораторию сложившееся отношение к власти и агрессии – и одновременно попадает в социальную структуру, которая оказывает на нее не менее объективное воздействие. С точки зрения теории личности резонно спросить,

какие личностные механизмы дают человеку возможность передать ответственность представителю власти, каковы мотивы, лежащие в основе подчинения и неподчинения, приводит ли ориентация на власть к короткому замыканию системы вины-стыда, какие когнитивные и эмоциональные защиты задействуются у послушного и непокорного испытуемого.

Однако описываемые эксперименты не нацелены на исследование мотивов, которые задействуются, когда испытуемый подчиняется приказам экспериментатора. Напротив, они изучают ситуационные переменные, отвечающие за запуск механизмов подчинения. В другой работе мы уже попытались разобрать некоторые структурные свойства экспериментальной ситуации, обеспечивающей высокий уровень подчинения, и нет нужды повторять здесь этот анализ (Milgram, 1963). Сами по себе экспериментальные вариации отражают наши попытки исследовать эту структуру, систематически меняя ее и отмечая влияние перемен на поведение. Очевидно, что в определенных ситуациях испытуемые больше склонны подчиняться приказам экспериментатора. Однако из этого не обязательно следует, что в них повышается или понижается сила какого-то одного определенного мотива. Вероятно, в ситуациях, больше всего способствующих подчинению, у каждого испытуемого, оказавшегося в обстановке эксперимента, запускаются самые мощные и при этом самые уникальные мотивы. А может быть, просто мотивов больше и они более разнообразны. Но какие бы мотивы ни влияли на поведение (крайне маловероятно, что мы когда-либо сумеем их выяснить), можно изучать действие как прямую функцию ситуации, в которой оно возникает. Именно таков подход настоящего исследования: мы стремились отметить поведенческие закономерности при манипулировании свойствами социального поля. В конечном итоге было бы хорошо, если бы социальная психология получила в свое распоряжение общую *теорию ситуаций* , которая, во-первых, обеспечила бы терминологию для определения ситуаций, далее разработала бы типологию ситуаций и, наконец, указала бы, как определимые свойства ситуаций трансформируются у отдельной личности в психологические силы.[22]

Постскриптум

В ходе исследования подчинения были изучены по отдельности около тысячи взрослых, и было сделано много конкретных выводов относительно того, какие переменные контролируют подчинение и неподчинение власти. Отчасти они очерчены в предыдущих разделах, а подробный разбор будет приведен в дальнейшем. Однако мне бы хотелось сформулировать еще несколько обобщений, которые невозможно вывести из проведенных экспериментов на основании строгой логики, но сделать их, мне кажется, все равно нужно. Это выводы интуитивного толка, и я волей-неволей пришел к ним в результате наблюдений над множеством испытуемых, отвечавших на давление власти. Они заставили меня изменить свое мнение, что было для меня мучительно, а поскольку я пришел к ним исключительно на основании прямых наблюдений, то избавлен от иллюзии, что с ними в целом согласятся и те, у кого не было такого же опыта.

Я видел, как хорошие, добрые люди с ошеломляющей регулярностью ломаются под напором власти и ведут себя жестоко и бессердечно. Люди, в повседневной жизни ответственные и достойные, поддавались различным искушениям – попадались в ловушки, которые расставляла им власть, позволяли контролировать свое восприятие, безусловно соглашались с тем, как определяет ситуацию экспериментатор, – и совершали страшные поступки.

Каков предел подобной покорности? Мы пытались задать границы в самых разных

---

[22] Благодарю профессора Говарда Левенталя из Йельского университета за формулировку этого пассажа, позволившую в должной мере расставить смысловые акценты.

местах. Испытуемые слышали крики жертвы – этого оказалось недостаточно. Жертва заявляла, что у нее больное сердце, – испытуемые все равно подчинялись приказу и били ее током. Жертва умоляла, чтобы ее освободили, датчики переставали регистрировать ответы на вопросы, – испытуемые продолжали ударять ее. В начале мы и представить себе не могли, что для пробуждения неподчинения нам придется прибегать к столь жестким мерам, и каждый шаг предпринимался лишь тогда, когда становилось ясно, что прежние приемы себя не оправдывают. Последней попыткой установить предел была экспериментальная ситуация «Близость и прикосновение». Однако первый же испытуемый в ходе этого цикла по приказу не стал слушать жертву и дошел до самого сильного удара. И так же повела себя в этой экспериментальной ситуации четверть испытуемых.

Результаты, которые автор увидел и ощутил в лаборатории, очень обеспокоили его. Они заставляют задуматься, что природа человека или, конкретнее, тип характера, выработанный американским демократическим обществом, вероятно, не гарантирует, что добропорядочные граждане не поведут себя жестоко и негуманно, если им так прикажет злонамеренная власть. Значительная доля людей делают то, что им велят, независимо от сущности поступка и безо всяких угрызений совести, если им представляется, что приказ исходит от законных властей. Если в ходе наших экспериментов анонимный экспериментатор сумел успешно заставить взрослых людей распоряжаться здоровьем и жизнью 50-летнего мужчины и наносить ему болезненные удары током, не слушая его протестов, можно лишь гадать, что может приказать своим гражданам правительство, наделенное неизмеримо большей властью и престижем. Но есть, конечно, и куда более существенный вопрос – могут ли в американском обществе возникнуть злонамеренные политические институты и насколько это вероятно. Наше исследование не позволяет сделать подобных оценок.

В статье под названием «Опасность подчинения» («The Dangers of Obedience») Гарольд Дж. Ласки пишет:

> …Цивилизация – это прежде всего нежелание причинять боль без нужды. В рамках этого определения те из нас, кто безоговорочно подчиняется приказам власти, не могут считаться цивилизованными людьми.
>
> …Если мы хотим прожить достойную жизнь, не совсем пустую и бессмысленную, наша задача – не соглашаться ни с чем, что противоречит нашему фундаментальному опыту, только потому, что это навязывают нам традиции, обычаи или власть. Вполне может быть, что мы ошибаемся, однако наше самовыражение искажается в корне, если реальность, которую нам навязывают, не совпадает с реальностью, которую мы воспринимаем. Вот почему условие свободы в любом государстве – это всеобщее и последовательное скептическое отношение к канонам, на которых настаивает власть.

Литература

BUSS, ARNOLD H., 1961. *The Psychology of Aggression* . New York and London: John Wiley.

KIERKEGAARD, S., 1843. *Fear and Trembling* . English edition. Princeton: Princeton University Press, 1941.

LASKI, HAROLD J., 1929. «The dangers of obedience». *Harper's Monthly Magazine* 159, June, 1–10.

MILGRAM, S., 1961. «Dynamics of obedience: experiments in social psychology». Mimeographed report, National Science Foundation, January 25.

MILGRAM, S., 1963.«Behavioral study of obedience».*J. Abnorm. Soc. Psychol.* 67, 71–378.

MILGRAM, S., 1964. «Issues in the study of obedience: a reply to Baumrind». *Amer. Psychol* . 19, 848–52.

MILLER, N. E., 1944. «Experimental studies of conflict». In J. McV. Hunt (ed.), *Personality and the Behavior Disorders* . New York: Ronald Press.
SCOTT, J. P., 1958. *Aggression* . Chicago: University of Chicago Press.

Как толковать покорность. Факты и заблуждения[23]

Примечательно, что до сих пор нам так и не удалось сформулировать такую экспериментальную задачу, от которой испытуемые отказывались бы и которую и в самом деле прекращали бы выполнять в экспериментальной ситуации…
M. Orne, 1962

I

В октябрьском номере «*International Journal of Psychiatry* » за 1968 год Орн и Холланд попытались найти альтернативное толкование результатам моих экспериментов по изучению подчинения и неподчинения власти. В этой статье я разберу их замечания, а кроме того, попытаюсь дать ответ на некоторые связанные с этим вопросы, отчасти повлиявшие на ход мысли Орна и выраженные в его критических замечаниях.[24] Прежде всего, хочу отметить, что Орн не подвергает сомнению данные о поведении испытуемых, полученные в ходе экспериментов по изучению подчинения: его интересует исключительно психологическая интерпретация этого поведения. То, что мы достигли согласия в отношении поведения, очень важно. Во-первых, это задает нам общую эмпирическую отправную точку для дискуссии. Во-вторых, это усложняет задачу критика. Отложим пока вопрос о том, действительно ли испытуемый насторожен и подозрителен, как постулирует Орн, и предположим лишь, что испытуемый внешне подчиняется экспериментатору. Тем не менее критик обязан спросить, почему, собственно, реакция испытуемых состоит в демонстрации внешнего подчинения. Нельзя же отмахиваться от вопроса, какие силы действуют в ситуации, которая вынуждает личность придерживаться навязанных извне форм. И точно так же, по-моему, продуктивнее не объяснять подобную покорность методологическими недочетами экспериментальной ситуации, а рассматривать ее как социальный факт, который интересен сам по себе. Ориентация на толкование подчинения в терминах требуемых характеристик ошибочна по двум соображениям: (1) она рассматривает подчинение как побочный результат исследования, тем самым отвлекая от существенных вопросов, лежащих в основе происходящего, и (2) такую интерпретацию лишь выдают за объяснение, а на самом деле она лишь умаляет значение подчинения как явления.

Однако у нас есть и еще одно основание усомниться в аргументации Орна. Разумеется, вполне законно принять поведенческие факты как данность и искать доводы в пользу тех или иных психологических установок, которые лежат в их основе. Однако следует сделать одну оговорку: подобная смена ракурса никоим образом не избавляет от необходимости доказывать свои доводы. К сожалению, Орн предположил, что стоило ему вывести

---

[23] Автор благодарит Барбару Клайн, Мэри Инглендер и Линн Стейнберг за содействие в подготовке этой статьи.
Статья впервые опубликована в «The Social Psychology of Psychological Research», Arthur G. Miller (ed.), New York: The Free Press, 1972, p. 139–54. Авторское право возобновлено Александрой Милгрэм в 2000 году. Печатается с разрешения правообладателя.

[24] Ради краткости я буду упоминать имя Орна исключительно в связи с вышеупомянутой статьей. Я ни в коем случае не желаю приуменьшить вклад доктора Холланда в написание статьи, однако стремлюсь к краткости и хочу сосредоточить свои критические замечания на общеизвестном корпусе методологии и философии, увидевшем свет за подписью Орна.

дискуссию с уровня поведенческих данных, как стало можно переходить к спекуляциям и описаниям частных случаев. Здесь он пагубно заблуждается. Обойтись без систематических доказательств невозможно, только они обеспечивают законность научного спора.

II

Для статьи Орна характерно неоправданное преувеличение значения одного обстоятельства, которое и в самом деле влияет на ход эксперимента, однако достаточно легко корректируется процедурами контроля и должно рассматриваться в соответствии с его подлинной ролью. Первый и главный довод Орна состоит в том, что испытуемые не верят, что эксперимент именно таков, как им говорят. Чтобы все окончательно прояснить, перечислим, чему именно испытуемые могут не поверить: (1) что цель эксперимента – изучение памяти и способности к обучению, (2) что ученик получает болезненные удары током, (3) что ученик и есть главный испытуемый. Для наших целей важен лишь второй пункт: если испытуемый убежден, что по приказу экспериментатора наносит ученику болезненные удары током, значит, манипуляционная цель эксперимента достигнута. Факт состоит в том, что большинство испытуемых и в самом деле верят, что удары болезненны, некоторые в этом сомневаются и единицы не верят (см. табл. 2). Это оценивалось в определенные моменты эксперимента, сразу после эксперимента, а также при анкетировании и в беседах с испытуемыми через год после эксперимента. Орн исходит из предположения, что по этому вопросу нет никаких данных. Это не так. В первом опубликованном отчете говорится:

> За единичными исключениями, испытуемые были убеждены в реальности экспериментальной ситуации и полагали, что они наносят другому человеку удары электрическим током и что самые сильные удары крайне мучительны. В ходе постэкспериментальных бесед испытуемым задавали вопрос: «Насколько болезненны были для ученика последние несколько ударов, которые вы ему нанесли?» Испытуемым давали указания отмечать свои ответы на отпечатанной 14-балльной шкале от «совсем не болезненны» до «крайне болезненны». Чаще всего испытуемые отмечали 14 («крайне болезненны»), а средняя оценка составила 13,42 (см. табл. 1). [1963, р. 375].

Экспериментальная ситуация	*Послушные испытуемые*		*Непослушные испытуемые*		
	x	*n*	*x*	*n*	*x*
Отдаленность жертвы	13,50	(20)	13,27	(11)	13,42
Голосовая обратная связь	11,36	(25)	11,80	(15)	11,53
Близость	12,69	(16)	11,79	(24)	12.15
Близость-прикосновение	12,25	(28)	11,17	(12)	11,93
Запись жалоб на сердце (а)	11,40	(26)	12,25	(14)	11,70
Запись жалоб на сердце (б)	11,98	(20)	12,05	(20)	12,02
Повтор в Бриджпорте	11,79	(19)	11,81	(18)	11,80
Испытуемые-женщины	12,88	(26)	12,07	(14)	12,60
Экспериментатор выходит из лаборатории	11,67	(9)	12,39	(31)	11,83

Таблица 1

Боль, ощущаемая жертвой, по оценкам испытуемых

Более того, испытуемые ощущали напряжение, а это очевидно доказывает, что они

искренне участвовали в конфликте, который был заложен в эксперименте, и это наблюдалось и описывалось и в стенограммах (1963), и при анализе оценок по шкалам (1965b), и при киносъемке (1965a). В ходе недавних дебатов с Орном (1969) один из зрителей указал, что ему было бы интересно взвесить вероятность, что испытуемые, как утверждает Орн, и в самом деле сообщали о себе искаженные сведения и пытались выставить себя в наилучшем свете, однако представления Орна несостоятельны, поскольку не учитывают, какое колоссальное напряжение ощущали испытуемые – а между тем это очевидно из данных наблюдений. Предположение Орна, будто испытуемые *притворялись* , будто они *нарочно* потели, дрожали и заикались, чтобы угодить экспериментатору, до обидного далеко от реальности и равносильно утверждению, будто больные гемофилией истекают кровью, чтобы их лечащим врачам было чем заняться. Признаться, я мог бы исправить неприятное впечатление, сложившееся обо мне у доктора Д. Баумринд (Baumrind, 1964) и других ученых, которые критиковали мои эксперименты за то, что они вызывали слишком сильное напряжение у испытуемых, если бы построил свою защиту на интерпретации Орна, но это была бы вопиющая ложь, поскольку конфликт имел место, переживался очень остро, и отмести его невозможно, как бы этого ни хотелось и как бы хитроумно ни была построена теория.

Во всех экспериментальных ситуациях испытуемые оценивали уровень боли как очень высокий – вплоть до верхнего предела. В ситуации (02) – «Голосовая обратная связь» (когда жертву слышно, но не видно) – среднее значение по 14-балльной шкале для послушных испытуемых составляло 11,36 и попадает в участок шкалы, помеченный как «крайне болезненный». Более половины послушных испытуемых дали самую высокую оценку, и по крайней мере один испытуемый поставил еще и «плюс», дав понять, что «крайне болезненный» – это недостаточно сильное выражение. Из 40 испытуемых, задействованных в этой экспериментальной ситуации, двое отметили, что не считают, что жертва получала болезненные удары (дали оценку 1 и 3 на шкале), и оба были послушными. Может показаться, будто на этих испытуемых манипуляции экспериментатора не подействовали. Однако и здесь все не так просто, поскольку отрицание некрасивого поступка может играть роль защиты, а некоторым испытуемым удалось представить свое поведение в благоприятном свете, просто переосмыслив свое состояние в тот момент, когда они наносили удары. Вопрос в том, какова природа их недоверия – они были и в самом деле твердо уверены, что жертва не страдает, или это просто приходило им в голову наряду с другими возможностями?

Широкую количественную картину того, как испытуемые рассказывают о том, во что они верили, а во что нет, можно, в частности, получить, изучив ответы на вопросники по следам эксперимента, которые разослали испытуемым приблизительно через год после участия в эксперименте. Пункт 4 из вопросника с количественным распределением ответов на него приведен в табл. 2.

Во время эксперимента	Послушные испытуемые	Непослушные испытуемые	Все испытуемые
1. Я был совершенно уверен, что ученик получает болезненные удары	62,5 % (230)	47,9 % (139)	56,1 % (369)
2. Хотя я несколько сомневался, но все же считал, что ученик, вероятно, получает удары	22,6 % (83)	25,9 % (75)	24,0 % (158)
3. Я не мог с уверенностью сказать, получает ли ученик удары током	6,0 % (22)	6,2 % (18)	6,1 % (40)
4. Хотя я и сомневался, но считал, что ученик, вероятно, не получает ударов током	7,6 % (28)	16,2 % (47)	11,4 % (75)
5. Я был уверен, что ученик не получает ударов током	1,4 % (5)	3,8 % (11)	2,4 % (16)

Таблица 2

Ответы на вопрос об уверенности в вопроснике по следам эксперимента

Описать результаты можно несколькими способами. Если мы хотим подчеркнуть положительную сторону, можно сказать, что только 4% испытуемых не сомневались, что ученик не получает никаких ударов, в то время как 96% в той или иной степени считали, что ученик получает удары. А можно привести самую пессимистическую интерпретацию результатов и предположить, что в полной мере экспериментатору удалось обмануть лишь половину испытуемых. Однако честнее всего будет истолковать данные следующим образом: три четверти испытуемых (первые две категории), по их собственным словам, в своих поступках исходили из предположения, что наносят жертве болезненные удары током. Тут удобнее всего было бы предположить, будто обман не удался. Однако это не так: лишь пятая часть группы признает, что у нее возникли серьезные сомнения.

Дэвид Розенхан из Суортмор-Колледжа повторил эксперимент по изучению подчинения, чтобы получить базовый критерий для своих дальнейших исследований в этой области. Он разработал очень хитроумную систему опроса испытуемых. Помимо всего прочего, он устроил так, чтобы после эксперимента испытуемых опрашивал независимый эксперт, который требовал от них подробного отчета об их состоянии во время эксперимента и изучал вопрос о доверии очень глубоко – вплоть до того, что спрашивал: «Неужели вы и в самом деле не заметили никакого подвоха?» Розенхан вводит очень строгие критерии полного доверия к эксперименту и на их основании сообщает, что (по данным независимых экспертов) 68,9% испытуемых были убеждены в подлинности экспериментальной ситуации. Изучив поведение этих испытуемых, Розенхан установил, что полностью подчинялись экспериментатору 85% (следует уточнить, что Розенхан задействовал выборку испытуемых, которые были моложе, чем в изначальных экспериментах, и мне думается, что этим и вызван более высокий уровень подчинения).[25] Когда сопоставимому анализу подвергли результаты

---

[25] В диссертации Холланда (Holland, 1969), несмотря на серьезные методологические погрешности, которые свели на нет успешное повторение эксперимента, все же содержатся данные в поддержку моей точки зрения. По собственным подсчетам Холланда, манипуляциям экспериментатора поддались лишь четверть испытуемых. Он был бы совершенно прав, если бы установил процентное соотношение послушных и непослушных

моих экспериментов, они практически не изменились. Например, в экспериментальной ситуации (02) – «Голосовая обратная связь» – из тех испытуемых, которые сообщили, что поддались на обман (категории 1 и 2), 58% были послушны, а из тех, кто подпал под категорию 1, послушание проявили 60%. При анализе всех экспериментальных ситуаций подобный метод контроля данных слегка уменьшил соотношение послушных и непослушных испытуемых. При этом соотношение между различными экспериментальными ситуациями осталось прежним, поэтому изменения не играют существенной роли в толковании результатов или общих закономерностях.

В целом большинство испытуемых верили в подлинность экспериментальной ситуации, и лишь немногие не поддались на обман. В пределах каждой экспериментальной ситуации, по моим оценкам, 2–4 испытуемых не считали, что наносят жертве болезненные удары током, однако я принял за правило не исключать из данных ни одного испытуемого, поскольку от выборочной отбраковки испытуемых по не вполне строгим критериям недалеко и до непреднамеренной подтасовки фактов. Даже теперь мне не хотелось бы отбрасывать этих испытуемых, поскольку неясно, чем была недоверчивость к эксперименту – причиной или следствием подчинения. Приходило ли Орну в голову, что если испытуемый твердо решил вести себя определенным образом, ему на помощь вполне могли прийти когнитивные процессы, позволяющие рационализировать поведение? Ведь испытуемому было бы очень просто объяснить свои поступки тем, что он якобы не верил, что ударяет жертву током, и некоторые испытуемые встали на эту точку зрения, чтобы обосновать свое поведение *post facto* . Такое объяснение ничего им не стоит, зато прекрасно способствует сохранению положительного представления о себе. К тому же налицо и дополнительная выгода – можно показать, какой ты умный и проницательный, раз сумел распознать обман, несмотря на тщательно продуманную легенду. Однако главное – распознать роль отрицания в общем процессе подчинения-неподчинения, поскольку отрицание – это не *deus ex machina* , который снисходит с небес в лабораторию и сметает все вокруг. Нет, это просто когнитивный механизм приспособления, которых в эксперименте задействовано несколько, и ему следует отвести должное место с точки зрения функционирования в поведении некоторых испытуемых.

III

Оставив в стороне доказательную базу этой дискуссии, рассмотрим доводы, которые приводит Орн в поддержку своего представления, что испытуемые способны заглянуть за завесу экспериментальной мистификации. Прежде всего, Орн утверждает, что испытуемые психологических экспериментов склонны «видеть свою задачу как учебную ситуацию, в которой им нужно определить, какое положение дел „реально“, и соответственно отреагировать». Я не разделяю его убежденности, что люди в большинстве своем подозрительны, недоверчивы и стремятся перехитрить авторитетных ученых, да и едва ли среди почтальонов, учителей, торговцев, инженеров и рабочих – наших обычных испытуемых – найдется много таких, кто знает о психологических экспериментах. Как говорит Орн, в университетских кругах ходят «слухи» о подобного рода начинаниях, и это так, однако это все же черта местной культуры того или иного кампуса и, как Орну, несомненно, известно, не имеет отношения к нашему исследованию, которое опирается в целом на испытуемых, далеких от университетской жизни (Milgram, 1963, 1965b). Среди наших испытуемых были люди самые разные – и очень умные, и весьма ограниченных

испытуемых. Как выяснилось, послушными были 70% его «хороших» испытуемых – эта цифра слегка превосходит мои данные, но порядок величины такой же. К сожалению, Холланд провел свои исследования в 1967 году и в качестве испытуемых привлек слушателей вводного курса психологии. Автор на его месте предпочел бы держаться от начинающих психологов как можно дальше: хуже испытуемых не найти, поскольку они заранее знают о содержании эксперимента, а это в данном случае играет фатальную роль.

интеллектуальных способностей. Лишь очень немногие приступали к участию в эксперименте с явным недоверием к экспериментатору. Они не пытались его перехитрить, а, напротив, стремились посоветоваться с ним по личным вопросам и, вероятно, путали психологический эксперимент с приемом у психиатра. Что же за мир описывает Орн? Мир, полный взаимного недоверия, где у каждого скрытые мотивы и свои тайные цели. Мне не верится, что это имеет отношение к реальности – даже к реальности психологического эксперимента. Меня поражает, что Орн не просто крайне подозрительно подходит к экспериментам как таковым, но и предполагает, что подобное мировоззрение свойственно и испытуемым. Он считает, что и они ищут скрытые мотивы и тайные смыслы, хотя на самом деле это можно сказать лишь о крошечной доле испытуемых, для которых в принципе характерна паранойя. Орн настаивает, что в экспериментальном процессе есть несообразности, выдающие обман. Он утверждает, что испытуемый решит, будто требование ударять током человека, чтобы проверить предполагаемую связь между наказанием и обучением, – это совершенно неправдоподобно, ведь экспериментатор вполне мог бы наносить удары сам. Однако если бы Орн ознакомился с выдержками из инструкций, которые прилагаются к первому отчету об эксперименте (Milgram, 1963), то смог бы сделать вывод, что испытуемому отводилась определенная роль и разъяснялась причина, по которой он должен был ударять током жертву. Вот что говорили испытуемому:

> Мы не знаем, как именно нужно наказывать ученика, чтобы добиваться наилучших результатов в обучении, и не знаем, насколько важно, кто именно его наказывает, насколько лучше взрослый учится у человека моложе или старше себя и многое другое в том же духе. Поэтому наше исследование состоит в том, что мы привлекаем много взрослых людей разного возраста и профессии. И одних мы просим быть учениками, а других учителями. Мы хотим выяснить, как влияют друг на друга разные люди в роли учеников и учителей, а также как влияет наказание на усвоение учебного материала в такой ситуации.

Следующее сомнительное обстоятельство, согласно Орну, – это «несоответствие между относительно тривиальным экспериментом и невозмутимостью экспериментатора, с одной стороны… и тяжестью страданий жертвы». Здесь можно с той же убежденностью возразить, что люди обычно не оценивают относительную важность научных исследований, а холодная профессиональная манера экспериментатора типична для любого представителя власти в наши дни, так что он ведет себя совершенно естественно, и это придает ситуации правдоподобия. Однако опровергнуть этот аргумент можно, только оценив, насколько доверяет ситуации сам испытуемый.[26]

Главный недостаток «требуемых характеристик» состоит в том, что этот подход всегда применяется *post facto.* Орн не способен предсказать, каковы будут результаты того или иного научного эксперимента. Он знает лишь, как оспорить уже поступившие результаты. Более того, он забывает, что с позиции анализа «требуемых характеристик» практически все слагаемые экспериментальной ситуации намекали испытуемым, что нужно прекратить эксперимент, однако многие не смогли этого сделать.

Наконец, иногда Орн описывает эксперимент задом наперед – предполагает, будто испытуемому приказывали с самого начала наносить опасные для здоровья удары заходящейся криком жертве. Напротив, эксперименту свойственно развитие, и это очень важная его черта, позволяющая испытуемому сдерживаться и управлять собственным поведением. На ранних стадиях эксперимент проходит спокойно, почти что бессобытийно, и

---

[26] Не так давно Ринг, Уоллстон и Кори (Ring, Wallston, and Corey, 1970) провели эксперимент по изучению подчинения, в ходе которого экспериментатор вел себя более оживленно и непосредственно, однако это ничуть не уменьшило уровень подчинения. Вместо ударов электрическим током авторы прибегли к крайне неприятным звукам, которые жертва слушала в наушниках. До максимального уровня шума дошли 91% испытуемых, проявив полное послушание.

конфликт нарастает лишь постепенно, с увеличением силы удара. Начало эксперимента выглядит так, что в нем вполне может участвовать любой здравомыслящий человек, и испытуемый вовлекается в конфликт постепенно, так что к моменту его возникновения поведение испытуемого уже вошло в привычку, он прилежно придерживается процедуры и именно поэтому не может найти выхода из ситуации. Постепенное изменение обстоятельств, поэтапное нарастание силы ударов играет важную роль в том, чтобы испытуемый вошел в состояние подчинения, более того, отличает наш эксперимент от всех прочих, в том числе от эксперимента с азотной кислотой, в котором подобная постепенность не предусматривалась.

IV

Поскольку Орн часто ссылается на собственные эксперименты, о них тоже следует рассказать. Многие из них вообще нельзя считать экспериментами: это просто «случаи из жизни» с участием одного-двух человек. Орн редко собирает достаточное количество частных случаев, чтобы получить весь диапазон возможных реакций. Однако подобный подход – это, можно сказать, еще и относительно сильная сторона исследовательского стиля Орна: зачастую он обходится вообще без научных данных и лишь с авторитетным видом рассказывает анекдоты. Анекдотический метод в науке не слишком популярен и, насколько мне известно, никогда не помогал разрешить споры. Тем не менее у нас есть возможность критически изучить некоторые истории Орна, хотя бы затем, чтобы выявить логические недостатки при попытке применить их к рассматриваемым вопросам.

Орн рассказывает о том, как лет 80 назад одну женщину под гипнозом вынудили совершить целый ряд антиобщественных поступков, например, ударить жертву ножом, однако так и не смогли заставить раздеться в присутствии мужчин. Орн заключает, что женщина не верила, что нож настоящий и она может поранить жертву. Во-первых, этот вывод совершенно безоснователен. Ни Орн, ни я не имеем ни малейшего представления, что происходило в сознании женщины, и нет никаких научных данных, которые позволили бы об этом судить.

Но самое главное даже не это. Орн утверждает, что поступок наподобие публичного раздевания обладает вполне конкретным значением, «выходящим за рамки контекста» [Orne, 1968, p. 228], а поэтому человека нельзя заставить совершить его даже под гипнозом. Так и видишь, как гипнотизер стоит над бедняжкой и завывает, словно Свенгали: «Ты в моей власти! Раздевайся! Раздевайся!» Чудная картина, однако непонятно, какое отношение она имеет к приказам, исходящим от представителя власти по обычным социальным каналам, – а ведь именно это составляет суть наших экспериментов по изучению подчинения.

Армейский офицер не нуждается в животном магнетизме и эффектных позах – подчиненные и так исполняют его приказы. Командир и солдаты встроены в социально определенную иерархическую структуру, и это и определяет их поведение. В социальной структуре нет ничего загадочного. Подчиненный убежден, что вышестоящее лицо по своему общественному положению имеет право диктовать ему, как себя вести.

Вернемся к случаю с женщиной, отказавшейся раздеваться, но теперь отвлечемся от гипноза, который не имеет отношения к нашей теме – социальной структуре. Всем известно, что при определенных ролевых взаимоотношениях, например, на приеме у гинеколога, любая женщина не только раздевается, но и разрешает подробно исследовать свое тело. Поэтому мы вынуждены заключить, что даже гипноз не может добиться того, что легко и непринужденно достигается законным распределением ролей в обществе. Именно это мы и исследовали: наших испытуемых никто не гипнотизировал, просто им отводилась общественная роль, которая ставила их в подчиненное положение по отношению к экспериментатору.

Следует отметить и еще одно обстоятельство. Женщина, проходящая медицинский осмотр, не отрицает, что раздевается при незнакомом мужчине, однако определяет смысл этого акта так, что подобный поступок становится законным. В ходе эксперимента

испытуемый не отрицает, что ударял жертву током, однако определяет смысл своего поступка в терминах конструктивных целей, продиктованных экспериментатором. Это не альтернатива подчинения власти, а типичная когнитивная компонента подобного подчинения.[27]

Орн утверждает, что из контекста эксперимента невозможно сделать никаких выводов о подчинении в реальной жизни. В доказательство он приводит спекулятивный анекдот, который якобы служит параллелью к эксперименту по изучению подчинения, однако анализ показывает, что он в данном случае неприменим и уводит в неверную сторону.

Орн пишет:

> Всякий, кто считает, что эксперимент по подчинению имеет отношение к реальной жизни, пусть попросит свою секретаршу напечатать письмо и, удостоверившись, что в тексте нет ошибок, потребует, чтобы она порвала письмо и напечатала все заново. За редчайшими исключениями два-три подобных опыта обеспечат, что экспериментатору придется искать себе новую секретаршу.

Непонятно, какое отношение этот анекдот имеет к моим экспериментам по изучению подчинения или к реальной жизни. В ходе эксперимента акт наносимого жертве удара током поставлен в соответствие с набором рациональных целей: по мнению испытуемого, он помогает больше узнать о влиянии наказания на усвоение учебного материала. Да и к подчинению в других ситуациях анекдот не относится. Даже в армии ни от кого не требуют совершать деструктивные поступки безо всяких обоснований. Если командир отдает приказ сжечь деревню вместе с мирными жителями, он объясняет, что это делается ради того, чтобы произвести впечатление на местное население, запугать его, заставить сотрудничать или показать, что значит закон военного времени. Если бы секретарше из анекдота Орна объяснили, что ее деструктивный акт служит рациональным целям, у истории был бы другой конец.

Эксперименты с правонарушениями, на которых Орн по большей части основывает свою аргументацию, также мало напоминают эксперимент по подчинению или жизнь вне лаборатории. В ходе этих экспериментов испытуемому просто приказывают ударить человека ножом или плеснуть в него азотной кислотой. По мнению Орна, испытуемый понимает, что на самом деле никому не причинят вреда, и поэтому подчиняется. Орн говорит, что это то же самое, что и эксперимент по изучению подчинения. Но ведь это совсем не так. Важная черта эксперимента с азотной кислотой – то, что от испытуемого требуют совершить бессмысленный деструктивный акт по прихоти экспериментатора. В ходе экспериментов по изучению подчинения акт нанесения удара током глубоко укоренен в набор социально-конструктивных целей – экспериментатор изучает процессы запоминания и обучения. Подчинение – не самоцель, а инструмент в ситуации, которую испытуемый считает осмысленной и важной. Более того, в противоположность эксперименту с азотной кислотой экспериментатор в этом случае прямо говорит, что с жертвой не случится ничего плохого. Он утверждает: «Удары током могут быть крайне болезненны, однако не вызывают необратимого повреждения тканей». (Кроме того, испытуемый наблюдает, как, прикрепив электрод, на запястье жертвы наносят мазь, «чтобы предупредить появление волдырей и ожогов».) О том, что это опасно, испытуемый знает из других источников и должен понять,

---

[27] Орн мог бы задать вопрос корректно: можно ли поставить эксперимент, в ходе которого женщины будут раздеваться добровольно? Разумеется, можно. Естественно, акт раздевания придется привести в соответствие с набором рациональных целей, с которыми испытуемая согласится. Более того, такой эксперимент уже провели Мастерс и Джонсон (Masters and Johnson, 1966) в Вашингтонском университете: в ходе исследований сексуальных реакций женщины – не только проститутки, но и обычные девушки – не просто раздевались перед исследователями, но и мастурбировали и участвовали в половом сношении. Можно ли рассчитывать, что Орн напишет статью, в которой заявит, что женщины на самом деле не думали, что участвуют в половом сношении, потому что исследователи держались холодно и невозмутимо?

что перевешивает: то, что он знает и чувствует сам, или доверие к экспериментатору и зависимость от него. Анализ Орна практически упускает из виду этот важнейший аспект эксперимента и никак не учитывает его.[28]

Подведем итог. Эксперименты по изучению подчинения отличаются от моделей, которые представляет Орн, по нескольким параметрам. Во-первых, мы имеем дело не с силой личности экспериментатора, как в случае гипноза, а с последствиями социальной структуры, заданной для конкретного действия, в явном виде. Между испытуемым и властью строятся четко определенные иерархические отношения. Во-вторых, цели, которые ставит власть, не бессмысленные и не глупые (как в исследовании с азотной кислотой): субъект охотно соглашается, что они полезны. В-третьих, у эксперимента есть временной аспект, и это существенно. Он начинается с взаимного согласия всех сторон и приводит к конфликту лишь постепенно.

V

Вопрос валидности эксперимента сводится к двум очень разным, однако в равной степени важным пунктам, которые в рассуждениях Орна проявлены не вполне четко. Первый вопрос – согласится ли испытуемый в контексте психологического эксперимента, что он наносит другому человеку против его воли болезненные удары током? Для ответа на него следует прибегнуть не только к риторике, но и к логике. Второй вопрос, совершенно независимый с аналитической точки зрения, таков: можно ли хоть в какой-то степени обобщить наблюдаемое в лаборатории и экстраполировать поведение испытуемых на иные обстоятельства или же экспериментальная ситуация настолько уникальна, что никакие наблюдения не влияют на общие представления о функциях подчинения в более широком контексте социальной жизни?

Орн отмечает, что в отношениях испытуемого и экспериментатора поведение обретает законные основания. Он видит это лишь как помеху установлению общих истин, хотя на самом деле цель нашего исследования как раз и состоит в попытке понять причины поведения в пределах узаконенных социальных отношений. То, что в глазах Орна лишь препятствие, в реальности – стратегия исследования.

Орн стремится показать, что то или иное поведение возникает лишь в уникальном контексте психологического эксперимента, однако в поддержку своей точки зрения приводит доводы, правдоподобные лишь на первый взгляд. Например, он сообщает, что «чтобы испытуемый совершал подобные поступки, было необходимо, чтобы он находился в реальных отношениях „испытуемый-экспериментатор“; как мы ни старались, никто из наших коллег не согласился совершать подобные действия». Это всего лишь говорит о том, что подчинение наблюдается только при условии легитимизированных иерархических ролевых отношений. Так и есть. Однако дальнейший вывод – что подобными свойствами обладают исключительно отношения «испытуемый-экспериментатор» – не просто произволен, но и говорит о том, что Орн вообще не видит реалий социальной жизни, пронизанной иерархическими структурами и в значительной мере состоящей из них. Коллеги Орна не подчинились ему по той же причине, по которой на параде, когда маршал выкрикивает «равняйсь», марширующая колонна поворачивает головы, а зрители на тротуарах – нет. Одна группа состоит из подчиненных в иерархической структуре, другая – нет. В момент отчаяния мы можем сделать вывод, что это парад – это уникальная социальная ситуация, а можем усмотреть в этом более глубокий принцип: на приказ реагируют только люди, заключенные в иерархическую структуру. А в ходе наших экспериментов мы изучали

---

[28] Кстати, Орн убежден, что если испытуемые не под гипнозом готовы плеснуть в человека азотной кислотой, то лишь потому, что уверены, что на самом деле не причинят ему никакого вреда. Мне представляется, дело не только в этом: они в какой-то степени не чувствуют себя в ответе за свои действия.

именно ситуацию, когда человек заключен в иерархическую структуру.

Пожалуй, главная причина путаницы в рассуждениях Орна – склонность забывать, что иерархически организованная социальная ситуация и социальная ситуация, в которой иерархии нет, – это совсем разные вещи. Он валит все в одну кучу, не учитывая принципиальную разницу, и это приводит к неразберихе. Ситуация, которую мы называем психологическим экспериментом, обладает общими структурными качествами с другими ситуациями, участники которых играют роль подчиненных и начальников. В таких обстоятельствах человек всегда реагирует не столько на содержание приказа, сколько на природу отношений с тем, кто его отдает. Более того, не удержусь и сформулирую этот принцип более жестко: если законная власть требует действий, *отношения перевешивают содержание* . Именно в этом и состоит важность социальной структуры, именно это и показано в ходе наших экспериментов.

VI

Эксперимент по изучению подчинения опирается на дезинформацию: ученик якобы подвергается ударам током, но на самом деле он просто актер. Орн утверждает, что согласно его анализу эксперимент постоянно подсказывает испытуемому, что все это постановка, и мешает принять происходящее за чистую монету. На самом же деле наблюдения и данные показывают, что догадка Орна неверна и большинство испытуемых убеждено в реальности происходящего.

Конечно, есть много и других способов сбора данных, и дезинформация и в самом деле несколько понижает степень уверенности в результатах, однако исследователь, желающий изучить вопрос подчинения, может поступить двояко. Во-первых, можно изучать поведение только тех испытуемых, которые полностью поддались на обман. Мы уже обсуждали, что данные Милгрэма и Розенхана даже при таком контроле дают уровни подчинения, сравнимые с результатами первоначального исследования. Второй подход состоит в изучении ситуаций, в которых не требуется никаких мистификаций, поскольку жертвой становится сам наивный испытуемый. Даже когда испытуемые в принципе не могут отрицать реальность происходящего, поскольку все происходит с ними самими, степень подчинения у них превосходит всякие ожидания. Так, Тернер и Соломон (Turner and Solomon, 1962) и Шор (Shor, 1962) показали, что испытуемые, привлеченные к участию в их экспериментах, готовы терпеть удары током на грани опасного. Нийоле Кудирка (Kudirka, 1965) провела необычайно интересный эксперимент, в ходе которого испытуемым было дано указание выполнять весьма неприятное, однако не опасное задание – есть горькое печенье (пропитанное крепким раствором хинина). Печенье было крайне невкусное, испытуемые кривились, кряхтели, стонали, у некоторых возникала тошнота. Поскольку в этом эксперименте испытуемый сам становится жертвой, критические замечания Орна по поводу дезинформации здесь неприменимы. Вопрос был в том, проявится ли и здесь сколько-нибудь значительное подчинение экспериментатору. Первые же результаты показали, что стремление подчиниться приказу так сильно, что в присутствии экспериментатора ни один испытуемый не отказался выполнять задание. Поэтому Кудирка сознательно ослабила власть экспериментатора – удалила его из лаборатории. Даже при таких обстоятельствах 14 из 19 испытуемых выполнили экспериментальное задание до конца, и каждому пришлось прожевать и проглотить – зачастую с огромным отвращением – 36 пропитанных хинином печений.

Сам Орн также приводил пример, когда испытуемые выполняли крайне скучные, нелепые и бессмысленные задания (Orne, 1962b) (скажем, долго складывали числа, а потом рвали листок с ответами), чтобы доказать, какой властью над испытуемыми обладает экспериментатор и на какие действия он способен их толкнуть. Он говорит, что, хотя на первый взгляд эти действия бессмысленны, испытуемые их выполняют, поскольку участвуют в психологическом эксперименте. Однако когда Орн переходит к разговору об

эксперименте по изучению подчинения, его аргументация меняется. Почему-то власть экспериментатора, которую он так тщательно продемонстрировал, испаряется без следа. Испытуемые Орна искренне соглашались исполнять приказы экспериментатора, а мои, как он утверждает, – нет. Это по меньшей мере извращенная логика, и очевидно, что Орну нужно выбрать что-то одно. С одной стороны, он уверяет, что экспериментатор всецело контролирует испытуемого, с другой – утверждает, что в моем эксперименте этого контроля не было. Гораздо логичнее считать, что эксперимент по изучению подчинения – это завершение последовательной череды экспериментов, доказывавших могущество власти: их эволюцию можно проследить от Франка (Frank, 1944) через Орна (Orne, 1962b) вплоть до моего исследования. Кроме того, доводы Орна ослабляются еще полным непониманием данных Бриджпортского варианта, когда из экспериментальной ситуации исключили связь с университетом. Орн всегда подчеркивал, что университетская среда, как и больничная, подрывает доверие к данным экспериментов по изучению антиобщественного поведения, поскольку слишком способствует получению искомых результатов. Однако, вопреки общим представлениям Орна, из Бриджпортского эксперимента следует, что университетская среда влияет на результаты не так уж и сильно и что антиобщественное поведение вполне может вызвать даже элементарная социальная структура, функционирующая независимо от уважаемых добропорядочных организаций.

В заключение своего критического разбора Орн призывает для прояснения подлинной природы человека ставить «эксперименты, участники которых не знают, что вовлечены в научное исследование». Однако я прошу его обратить внимание на исследование, испытуемыми в котором без своего ведома были медсестры, дежурившие в больничных палатах (Hofling et al., 1966). Медсестры получали по телефону распоряжение внепланово дать больному лекарство. Медсестры не могли узнать звонившего по голосу, однако он представлялся известным врачом; лекарства не было в листе назначений, поэтому медсестра не имела права его давать, к тому же предписанная доза в два раза превышала максимальную, указанную в инструкции к препарату, а процедура введения лекарства, согласно телефонному распоряжению, нарушала больничные правила. Однако из 22 медсестер, подвергшихся этой проверке, 21 дала больному лекарство, как было приказано. Когда контрольной группе медсестер дали вопросник, они указали, что не дали бы лекарство в таких обстоятельствах. Если сравнить результаты, полученные Хофлингом в естественной среде и в ходе моих экспериментов в лаборатории, обнаружатся поразительные параллели, что подтверждает валидность моих лабораторных данных.

Экологическая валидизация данных – это, в частности, установление диапазона условий, в которых наблюдается то или иное явление. Если Орн говорит, что необходимо проделать дальнейшие эксперименты, поскольку нынешние не дали ответов на вопрос, я с ним полностью согласен. Однако в конечном итоге Орн, похоже, просто отрицает научный метод. Он предает собственные высокие методологические стандарты, когда в стремлении доказать свою правоту искажает факты – неверно описывает саму организацию моего эксперимента или настаивает на своем вопреки очевидному. Возникает вопрос, полезна ли его теория, может ли она стать основой для научного анализа – или это лишь искусственная конструкция, не имеющая отношения к реальности, главные темы которой – заговор, недоверие, постороннее влияние и скрытые мотивы? Несомненно, вполне законно поинтересоваться, верили ли испытуемые, что жертву ударяют током и она страдает, однако ответ следует искать в данных, а не в непогрешимости представлений Орна.

Доводы Орна, построенные в основном на анекдотах, шатки и удовлетворяют разве что невзыскательные умы. Похоже, их цель – отрицать реальность явления, будь то гипноз (Orne, 1959, 1965), сенсорная депривация (Orne, 1964), психологический эксперимент (Orne, 1962b) или подчинение (Orne, 1968). Доводы Орна начинаются с предположения, что все испытуемые склонны к активной подозрительности и недоверию, если только доверие не становится составляющей, которая подрывает самую суть эксперимента, – тогда они вполне доверчивы (Orne, 1968, p. 291). Затем на сцену выходят требуемые характеристики: на самом

деле экспериментатор изучает совсем не то, что хочет изучить, поскольку испытуемый исключил всякую возможность объективных исследований и сообщает экспериментатору только то, что тот хочет услышать. Доказательств подобной точки зрения не существует, более того, не так давно Сигал, Аронсон и ван Хус (Sigall, Aronson, and Van Hoose, 1970) представили данные в ее опровержение.

Так или иначе, Орн понимает, что довод о «содействии испытуемого» не подрывает значимости нашего эксперимента, поскольку экспериментатор в явном виде рассказывает испытуемому, чего он «хочет», и цель эксперимента как раз и состоит в изучении того, в какой мере испытуемый готов это предоставить экспериментатору. Поэтому Орн в очередной раз подтасовывает аргументы и утверждает, что внешнее поведение – не то, чем кажется, и под его завесой таятся скрытые смыслы. Можно отметить, что Орн ищет скрытые смыслы в ущерб явному значению поведения и, по правде говоря, старается списать со счетов самое очевидное.

Орн не останавливается перед тем, чтобы на основании наших экспериментов дискредитировать гипнотические явления (Orne, 1965), а затем переходит к дискредитации самого эксперимента по изучению подчинения, по пути постоянно приводя доводы, не имеющие отношения к делу, и искажая факты. Далее он постулирует безоговорочную уникальность психологического эксперимента – и утверждает, что никакие их результаты не имеют отношения к реальной жизни. В целом линия его аргументации позволяет изучать те или иные явления – так их можно лишь дискредитировать. Орн не видит связи между подчинением, наблюдавшимся в ходе собственных исследований и наших экспериментов, поскольку его цель при публикации своих находок в области подчинения – показать, что экспериментальная ситуация не позволяет выявить научную истину. Наконец, он не ищет ни в чем сути – только методологические погрешности. Мне представляется, что Орн упорно насаждает подход к изучению социальной психологии, давно отошедший в историю. Я не думаю, что подобная односторонность позволяет сделать вклад в наше понимание поведения человека. Отдельные качества подобного мировоззрения иногда бывают полезны, однако жесткая предубежденность, пронизывающая эту идеологию, неизбежно исказит общую картину – в такой степени, что она утратит всякую связь с реальностью.

Впрочем, из рассуждений Орна следуют некоторые методологические поправки, в которых есть рациональное зерно. Безусловно, более подробная разработка эксперимента, скажем, тщательное интервьюирование испытуемых и работа над очевидными ошибками (в частности, не стоит привлекать в качестве испытуемых студентов-психологов) лишь повысят качество исследования. Однако подобные меры имеют смысл только тогда, когда принимаются безо всякой связи с узколобыми теориями заговоров и исключительно с целью решить насущную задачу.

VII

При всем своем красноречии статья Орна и Холланда пестрит ошибками и по большей части не имеет отношения к делу. Перечислим вкратце ее главные недостатки.

1. Доводы Орна основаны на предположении, будто испытуемые не считают, что наносят жертве болезненные удары. Он строит свою аргументацию не на разборе данных, а на анекдотах и на спекулятивном анализе, не основанном на фактах. При этом он отметает сведения, полученные при непосредственном наблюдении, на беседах, из вопросников и количественных оценок по шкалам, а между тем все они показывают, что большинство испытуемых убеждены в реальности происходящего.

2. Если нас беспокоит, в какой степени согласна с реальностью экспериментальной ситуации та крошечная доля испытуемых, которая распознала мистификацию, можно принять соответствующие шаги и рассматривать лишь тех испытуемых, которые, как мы точно знаем, полностью поддались на наши манипуляции. Ведь главный вопрос состоит не в том, удалось ли некоторым испытуемым разоблачить обман, а в том, не повлияли ли

особенности поведения остальных испытуемых на общие выводы. Данные нескольких исследователей показывают, что феномен подчинения в полной мере наблюдается и у испытуемых, совершенно уверенных в реальности происходящего.

3. Орн механически переносит на наши эксперименты свою критику явлений гипноза. Это ошибочная модель. Подчинение власти – это явное следствие влияния социальной структуры на поведение человека. Экспериментальная ситуация строится на иерархически определенных ролевых отношениях. Однако все примеры могущества социальных структур, которые приводит Орн, вопреки его мнению, не дискредитируют результаты эксперимента, а лишь показывают, насколько это глобальное явление.

4. Если ставить во главу угла дезинформацию, то исследователю подчинения нужно всего лишь поставить эксперимент, где жертвой будет испытуемый, и в таком случае критика Орна оказывается неприменимой. Подобные исследования проводились. Все данные, в том числе и полученные самим Орном, указывают, что испытуемые готовы подчиняться экспериментатору во всем и совершают глупые, скучные, неприятные, мучительные для них самих и вредные для окружающих действия. Сам же Орн пишет, что не сумел придумать экспериментальную задачу, от которой испытуемые отказались бы. Ему стоило бы серьезно отнестись к этой мысли и довести ее до логического конца.

5. Орн утверждает, что университетская среда подрывает доверие к результатам исследований антиобщественного поведения, однако упускает из виду, что эксперимент был повторен безо всякой видимой связи с университетом.

6. Главный недостаток «требуемых характеристик» состоит в том, что те, кто опирается на эту концепцию, не способны предсказать результаты эксперимента и могут лишь навешивать ярлыки, заполучив факты. Чтобы объявить результат недостоверным, можно выдвинуть сколько угодно «требуемых характеристик». Наверное, самый сильный довод против такого подхода – то, что в экспериментальной ситуации решительно все подсказывало испытуемому, что от дальнейшего участия следует отказаться. Однако многие так и не сумели разорвать отношения с представителем власти.

7. Главное логическое противоречие в аргументации Орна состоит в том, что он то постулирует, что испытуемые полностью подчиняются приказам экспериментатора, то утверждает, что такого подчинения в природе не бывает. В поддержку нигилистического мировоззрения приводятся самые шаткие аргументы. Гораздо логичнее будет поместить эксперимент по изучению подчинения в контекст исследований, которые все яснее и убедительнее показывают, к каким масштабным последствиям приводит подчинение власти – исследований, немаловажный вклад в которые внесла и одна из первых работ самого Орна (Orne, 1962b).

Литература

BAUMRIND, D. «Some thoughts on ethics of research: After reading Milgram's „Behavioral study of obedience"». *American Psychologist,* 1964, 19: 421–3.

FRANK, J. D. «Experimental studies of personal pressure and resistance».*Journal of General Psychology* , 1944, 30: 23–64.

HOFLING, C. K., BROTZMAN, E., DALRYMPLE, S., GRAVES, N., & PIERCE, C. M. «An experimental study in nurse-physician relationships». *The Journal of Nervous and Mental Disease,* 1966, 143 (2): 171–80.

HOLLAND, C. H. «Sources of variance in the experimental investigation of behavioral obedience». Unpublished doctoral dissertation, University of Connecticut, 1967.

KUDIRKA, N. K. «Defiance of authority under peer influence». Unpublished doctoral dissertation, Yale University, 1965.

MASTERS, W. H., & JOHNSON, V. E. *Human Sexual Response* . Boston: Little, Brown and Co., 1966.

MILGRAM, S. «Behavioral study of obedience».*Journal of Abnormal and Social Psychology*

, 1963, 67: 371–8.
MILGRAM, S. *Obedience* (a filmed experiment). Distributed by the New York University Film Library, Copyright 1965 (a).
MILGRAM, S. «Some conditions of obedience and disobedience to authority».*Human Relations* , 1965, 18: 57–75 (b).
ORNE, M. T. «The nature of hypnosis: Artifact and essence». *Journal of Abnormal and Social Psychology* , 1959, 58: 277–99.
ORNE, M. T. «Antisocial behavior and hypnosis: Problems of control and validation in empirical studies». В кн.: G. H. Estabrooks (ed.), *Hypnosis: Current problems* . New York: Harper and Row, 1962 (a).
ORNE, M. T. «On the social psychology of the psychological experiment: With particular reference to demand characteristics and their implications». *American Psychologist* , 1962, 17 (11): 776–83 (b).
ORNE, M. T., & EVANS, F. J. «Social control in the psychological experiment: Antisocial behavior and hypnosis». *Journal of Personality and Social Psychology,* 1965, 1, 189–200.
ORNE, M. T., & HOLLAND, C. C. «On the ecological validity of laboratory deceptions».*International Journal of Psychiatry* , 1968, 6 (4): 282–93.
ORNE, M. T., & MILGRAM, S. «Obedience or demand characteristics». A debate held at the University of Pennsylvania on February 19, 1969.
ORNE, M. T., & SCHEIBE, K E. «The contribution of nondeprivation factors in the production of sensory deprivation effects». *Journal of Abnormal and Social Psychology* , 1964, 68 (1): 3–12.
ORNE, M. T., SHEEHAN, P. W., & EVANS, F. J. «Occurrence of post-hypnotic behavior outside the experimental setting».*Journal of Personality and Social Psychology* , 1968, 9 (2, Pt. 1): 189–96.
RING, K, WALLSTON, K. & COREY, M. «Mode of debriefing as a factor affecting subjective reaction to a Milgram-type obedience experiment – an ethical inquiry».*Representative Research in Social Psychology* , 1970, 1 (1): 67–88.
ROSENHAN, D. «Some origins of concern for others».In P. Mussen, J. Langer, and M. Covington (eds.), *Trends and Issues in Developmental Psychology* . New York: Holt, Rinehart & Winston, 1969.
ROSENHAN, D. «Obedience and rebellion: Observations on the Milgram three-party paradigm». In preparation.
SHOR, R. E. «Physiological effects of painful stimulation during hypnotic analgesia under conditions designed to minimize anxiety». *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis* , 1962, 10: 183–202.
SIGALL, H., ARONSON, E., & VAN HOOSE, T. «The cooperative subject: Myth or reality?»*Journal of Experimental Social Psychology* , 1970, 6: 1–10.
TURNER, L. H., & SOLOMON, R. L. «Human traumatic avoidance learning: Theory and experiments on the operant-respondent distinction and failures to learn». *Psychological Monographs* , 1962, 76 (40, whole no. 559).

Реакция испытуемых. Неучтенные этические аспекты экспериментального исследования[29]

[29] Статья впервые вышла в журнале «The Hastings Center Report», October 1977, p. 19–23. © Hastings Center, 1977. Авторское право возобновлено Александрой Милгрэм в 2005 году. Печатается с разрешения правообладателя.

Предмет социальной психологии – влияние на поведение, мысли и действия человека присутствия других людей. Хотя в рамках этой научной дисциплины есть и другие методы сбора данных, главным инструментом исследований остается эксперимент. Поскольку социально-психологические эксперименты, как правило, проходят с участием людей-испытуемых, они неизбежно поднимают этические вопросы, и некоторые из них мы и рассмотрим в этой статье.

Информированное согласие

Информированное согласие принято считать краеугольным камнем этического кодекса при экспериментах над людьми. Однако социальная психология и по сей день не вполне способна внедрить этот принцип в свои привычные экспериментальные процедуры. Как правило, испытуемые участвуют в эксперименте, не подозревая о его истинной цели. Более того, иногда испытуемых приходится дезинформировать. Можно ли считать подобную практику законной и оправданной?

Герберт Келман приводит две совершенно разные причины, по которым потенциального испытуемого не информируют о природе предстоящего эксперимента.[30] Одну причину можно назвать мотивационной: если сказать испытуемому, в чем будет заключаться эксперимент, он может отказаться в нем участвовать. Дезинформировать человека, чтобы заручиться его согласием участвовать в эксперименте, – это, конечно, серьезное нарушение прав личности, и опираться на нее как на этическую основу при наборе испытуемых, как правило, нельзя.

Вторая, более распространенная причина, по которой испытуемого держат в неведении, состоит в том, что многие эксперименты в социальной психологии невозможно проводить, если испытуемый заранее обо всем знает.

Возьмем, к примеру, классическое исследование Соломона Аша, посвященное конформности и давлению группы.[31] Испытуемому говорят, что ему предстоит принять участие в исследовании восприятия отрезков. Его просят выбрать из трех предложенных отрезков тот, который по длине равен образцу, однако он делает это в присутствии других людей, которые без его ведома работают на экспериментатора и дают неверные ответы. Цель экспериментатора – посмотреть, согласится ли испытуемый с очевидно неверной информацией, которую предоставляет ему группа, или пойдет наперекор группе и даст правильный ответ.

Очевидно, испытуемого дезинформируют сразу по нескольким пунктам. Ему говорят, что он примет участие в эксперименте по изучению восприятия, а на самом деле изучается давление группы. Ему не сообщают, что другие присутствующие сотрудничают с экспериментатором, напротив, убеждают, будто они находятся с экспериментатором в тех же отношениях, что и сам испытуемый. Очевидно, что если испытуемому сообщить о подлинной цели до эксперимента, у него не возникнет психологического конфликта, который и есть главное в исследовании Аша. Испытуемому отказывают в информации не потому, что экспериментатор опасается, что он откажется участвовать в эксперименте, а по причинам сугубо эпистемологическим, примерно по тем же, по каким автор детективного романа не открывает читателю, кто убийца, – ведь иначе это погубит все удовольствие.

Примерно к такой же дезинформации прибегает и большинство экспериментов в социальной психологии. Некоторые критики объявляют это «обманом», в обиход вошел даже термин «обманный эксперимент», в особенности в контексте дискуссий об этичности подобных процедур. Однако в подобном контексте слово «обман» заставляет относиться к эксперименту предвзято. При описании подобных приемов лучше все же использовать слова

---

[30] Herbert Kelman. *Remarks made at the American Psychological Association* . New Orleans, 1974.

[31] Solomon E. Asch. *Social Psychology* . New York: Prentice Hall, 1952.

без излишних моральных коннотаций – «маскировка», «инсценировка» или «мистификация», – ведь невозможно вынести объективное этическое суждение о той или иной процедуре, если она описана в терминах, которые сами по себе имеют оттенок осуждения.

Оправдано ли применение мистификации в экспериментах? Самый простой ответ – и самый удобный в социальном и этическом смысле – безоговорочное «нет». Ни для кого не секрет, что честные и абсолютно открытые отношения с испытуемым – это очень хорошо, и экспериментатор должен по возможности добиваться именно этого. Сложность в том, что многие также всей душой верят в ценность исследований по социальной психологии, в ее способность разъяснить нам механизмы общественного поведения человека и в конечном итоге принести нам очень много пользы. Признаться, вера эта слепа, однако она подталкивает нас к тому, чтобы тщательно изучить, имеют ли какое-то право на существование мистификация и дезинформация, которых требуют эксперименты. Мы знаем, что в других сферах к мистификации относятся куда спокойнее, безо всяких моральных терзаний. Приведем простенький пример: в радиопостановках стук копыт обычно изображает звукооператор при помощи пустой кокосовой скорлупы, а чтобы воссоздать шум дождя, сыплют песок на металлический противень и так далее. Одни слушатели об этом знают, другие нет, однако мы же не обвиняем радиопередачи в том, что они обманывают слушателей. Скорее мы миримся с тем фактом, что это искусственные иллюзии, применяемые для вящего драматического эффекта. Большинство экспериментов по социальной психологии, по крайней мере хороших, тоже имеют драматическую составляющую. Более того, в ходе самых лучших экспериментов испытуемые попадают в драматургическую ситуацию, сценарий которой написан лишь отчасти, и дополняют его поступки испытуемого, которые и обеспечивают информацию, необходимую исследователю. Почему же искусственные иллюзии допустимы в радиопостановках, а в научных исследованиях запрещены?

В повседневной жизни сплошь и рядом с дезинформацией либо мирятся, либо считают ее законной и уместной. Мы, не поморщившись, дезинформируем детей по поводу Санта-Клауса, поскольку нам кажется, что это добрая мистификация, а здравый смысл подсказывает, что вреда от нее не будет. Более того, эта практика узаконена традицией. Мы дезинформируем именинника, когда устраиваем ему приятный сюрприз. Суровый моралист скажет, что и сюрпризы безнравственны, ведь при этом человек вынужден лгать другому. Но гораздо важнее сосредоточиться на чувствах человека, воспринимающего эту информацию. Как он к ней относится, обижен он или обрадован?

Одно очевидно: к маскировке и мистификации можно прибегать лишь в том случае, если без них исследование в принципе невозможно. Желательно всегда строить взаимодействие с людьми на честности и открытости. Это не снимает вопроса о том, допустимы ли подобные уловки, если в рамках научного исследования без них не обойтись.

У этой медали есть и обратная сторона. Практически в любой профессиональной деятельности бывают отступления от общепринятых моральных принципов, без которых эта деятельность невозможна. Например, поведение адвоката, который ведете дело обвиняемого в убийстве. Он узнает от клиента детали преступления и его моральный долг – сообщить о них. Однако адвокаты имеют право – более того, обязаны – соблюдать конфиденциальность и не разглашать то, что узнали от клиент. Даже если адвокат знает, что его клиент убийца, его профессиональный долг – не сообщать об этом властям. Иначе говоря, общепринятая моральная практика отходит на второй план и превращается в практику юридическую, поскольку мы полагаем, что в долгосрочной перспективе такое исключение идет на пользу обществу.

Подобным же образом в целом недопустимо ощупывать гениталии незнакомых женщин. Однако без этого технически невозможна работа акушеров и гинекологов. И мы снова отказываемся от общепринятых моральных правил, поскольку иначе невозможна профессиональная деятельность этих специалистов, а мы убеждены, что она полезна обществу.

Возникает вопрос: не следует ли сделать аналогичное исключение для социологов, поскольку их работа выдвигает определенные технические требования, а мы полагаем, что в долгосрочной перспективе она идет на пользу обществу? Конечно, отдельный участник эксперимента чаще всего не извлекает из него никакой выгоды. В основном выгоду извлекает общество в целом – или, по крайней мере, такова предпосылка любого научного исследования.

Есть и еще одна сторона использования инсценировок в социальной психологии, которую часто оставляют без внимания. Обычно мистификации в ходе экспериментов длятся совсем недолго. Иллюзии поддерживаются, лишь пока они нужны для целей эксперимента. Как правило, о подлинном характере эксперимента испытуемому сообщают сразу после участия. То есть экспериментатор утаивает правду от испытуемого в течение получаса, но по окончании этого срока демонстрирует доверие к испытуемому, раскрывая ему истинную цель и организацию эксперимента. Странно, что критики социально-психологических экспериментов так редко вспоминают об этой типичной черте экспериментальной процедуры.

С позиции формальной морали вопрос о дезинформации в социально-психологических экспериментах крайне значим, поскольку утаивание правды исключает информированное согласие. Более того, если делать упор на «обмане», это и вовсе исключает всякую дискуссию об этике среди социальных психологов. Иногда считают, что такой упор делать не следует. Эту точку зрения подтверждает Элинор Маннуччи в своем недавнем исследовании[32]. Она опросила 192 человека, не имеющих отношения к психологии, и изучила их реакцию на этические аспекты психологических экспериментов. Оказалось, что собственно обман их не смущает. Гораздо больше их волнует то, что им предстоит пережить в роли испытуемых. Например, по поводу эксперимента Аша большинство опрошенных выразило большой энтузиазм и восхищение его изяществом и значением для науки. Разумеется, мнение обывателя – отнюдь не истина в последней инстанции, но и отмахиваться от него нельзя, и в целом я считаю, что следует уделять гораздо больше внимания восприятию и воззрениям тех, кто на самом деле служит испытуемым в экспериментах.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОДЧИНЕНИЯ

Чтобы пристально рассмотреть феномен подчинения, я провел в Йельском университете простой эксперимент. Всего в нем поучаствовало более тысячи испытуемых, его повторили в нескольких университетах, однако поначалу концепция была очень простой. Человек приходит в психологическую лабораторию и узнает, что ему нужно произвести последовательность[33] действий, которые с каждым шагом все сильнее противоречат голосу совести. Главный вопрос – как долго участник будет подчиняться приказам экспериментатора, прежде чем откажется выполнять требуемые действия.

Однако читателю следует знать некоторые подробности эксперимента. В психологическую лабораторию приходят двое, которым предстоит принять участие в исследовании памяти и способностей к обучению. Одного из них назначают «учителем», другого – «учеником». Экспериментатор поясняет, что исследование посвящено влиянию наказания на усвоение учебного материала. Ученика отводят в комнату, сажают в кресло, пристегивают ему руки к подлокотникам, чтобы помешать слишком резким движениям, и

---

[32] Elinor Mannucci. *Potential Subjects View Psychology Experiments: An Ethical Inquiry* . Unpublished Doctoral Dissertation. The City University of New York, 1977.

[33] Elinor Mannucci. *Potential Subjects View Psychology Experiments: An Ethical Inquiry* . Unpublished Doctoral Dissertation. The City University of New York, 1977.

подсоединяют к запястью электрод. Ученику говорят, что ему надо выучить список парных слов; если он ошибется, его ударят током, и сила удара будет постоянно повышаться.

На самом деле цель эксперимента – изучить поведение учителя. Сначала он смотрит, как ученика пристегивают к креслу; затем учителя отводят в главную лабораторию и сажают перед электрогенератором самого грозного вида. Прежде всего бросается в глаза горизонтальная цепочка из 30 тумблеров – от 15 до 450 вольт с шагом в 15 вольт. Кроме того, шкала снабжена табличками – от «СЛАБЫЙ ТОК» до «ОСТОРОЖНО! ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ». Учителю говорят, что он должен провести человеку в соседней комнате тест на способности к обучению. Если ученик отвечает правильно, ученик переходит к следующему вопросу; если ответ неверен, учитель должен ударить ученика током. Начинать следует с минимального уровня (15 вольт), а затем каждый раз, когда ученик делает ошибку, включать следующий тумблер – 30 вольт, 45 вольт и так далее.

«Учитель» – наивный испытуемый, пришедший в лабораторию, чтобы принять участие в эксперименте. «Ученик», он же жертва, – актер, которому на самом деле никаких ударов током не наносят. Цель эксперимента – понять, насколько далеко зайдет человек в конкретной ситуации, которую можно оценить количественно, когда ему приказывают причинять все более сильные мучения протестующей жертве. В какой момент испытуемый откажется подчиняться экспериментатору?

Конфликт возникает, когда человек, которого бьют током, начинает показывать, что ему неприятно. После применения удара в 75 вольт «ученик» начинает стонать, при 120 – жаловаться на боль, при 150 требует, чтобы его отпустили. С нарастанием силы ударов протесты становятся настойчивее, сильнее и эмоциональнее. После удара в 285 вольт «ученик» издает отчаянный крик.

Очевидцы эксперимента единодушно говорят, что это захватывающее зрелище, которое очень трудно описать на бумаге. Для испытуемого все это отнюдь не игра, понятно, что он переживает сильный внутренний конфликт. С одной стороны, он видит, что ученик страдает, и это подталкивает его к отказу от дальнейшего участия. С другой – экспериментатор, представитель законной власти, перед которым у испытуемого есть некоторые обязательства, приказывает ему продолжать эксперимент. Каждый раз, когда испытуемый медлит, прежде чем нанести удар, экспериментатор приказывает ему делать свое дело. Чтобы найти выход из этого положения, испытуемый должен разорвать отношения с властью. Цель этого исследования – понять, когда и как люди откажутся подчиняться власти перед лицом очевидного морального императива.

Stanley Milgram. «Obedience to Authority: An Experimental View» (New York: Harper & Row, 1974), p. 3–4.

Отрицательное воздействие

Можно ли считать законным эксперимент, который оказывает на испытуемого отрицательное воздействие – вызывает отвращение или стресс? Здесь, по всей видимости, можно выделить два главных параметра: во-первых – интенсивность, а во-вторых – продолжительность отрицательного переживания. Очевидно, что все нижеизложенное относится к воздействию, которое не приводит к необратимым последствиям для испытуемого и в подавляющем большинстве случаев не сильнее переживаний, с которыми испытуемый сталкивается в повседневной жизни.

Одно очевидно. Если мы из соображений этики категорически запретим вызывать отрицательные эмоции в лабораторных условиях, из экспериментальной науки придется исключить крайне существенные сферы человеческого опыта. Например, мы никогда не сможем экспериментально изучить стресс или, скажем, поведение людей в конфликтных ситуациях. Иначе говоря, этичными темами для исследования можно будет считать лишь эксперименты, вызывающие нейтральные или положительные эмоции. Очевидно, подобные требования приведут к сильнейшему перекосу в психологии, и она перестанет отражать

подлинный человеческий опыт и сведется к карикатуре. Более того, исторически сложилось, что самые глубокие и познавательные эксперименты в социальной психологии – это именно те, в ходе которых изучалось, как испытуемые разрешают конфликты, например, исследование давления группы Аша изучало конфликт между истиной и конформностью, а исследования феномена стороннего наблюдателя Бибба Латане и Джона Дарли[34] – конфликт между тем, должен ли человек проявлять участие к несчастью другого или держаться в стороне; мои собственные эксперименты по изучению подчинения[35] создают конфликт между совестью и властью. Если категорически исключить конфликтный опыт из социальной психологии, мы автоматически откажемся от возможности изучать самые фундаментальные вопросы человеческой психологии экспериментальными средствами. Я убежден, что это нанесло бы непоправимый урон всем наукам о поведении человека.

Меня и самого критиковали за эксперименты по изучению подчинения, поскольку у некоторых испытуемых они вызывали стресс и внутренний конфликт. Выскажу по этому поводу несколько замечаний. Во-первых, в ходе этого эксперимента мне было интересно посмотреть, в какой степени человек согласится с наделенным властью экспериментатором, который приказывает ему совершать действия, причиняющие все более тяжкий вред третьему лицу. Я хотел узнать, когда испытуемый откажется продолжать эксперимент. Результаты эксперимента показали, что многим гораздо труднее сопротивляться власти экспериментатора, чем принято думать. Второе открытие состояло в том, что в ходе эксперимента у человека возникает значительный внутренний конфликт. В ходе эксперимента многие испытуемые ерзали, потели, разражались нервным смехом. Этическую сторону эксперимента я подробно разобрал в другой работе,[36] а здесь сделаю лишь несколько дополнительных замечаний.

Реакция испытуемого как неучтенный аспект

С моей точки зрения главное моральное оправдание моему эксперименту – то, что его сочли приемлемым сами испытуемые. Мне всегда казалось, что критиковать эксперимент, не учитывая толерантную реакцию его участников, мелко и недальновидно. По этому вопросу я собрал значительное количество данных, и они показывают, что подавляющее большинство испытуемых согласились с сутью эксперимента и призвали проводить дальнейшие исследования того же рода. В табл. 3 показана общая реакция испытуемых в этом исследовании на основании ответов в вопросниках. В целом критики не принимали во внимание эти данные или же обращали их против экспериментатора, в частности, утверждали, что «это просто когнитивный диссонанс. Чем сильнее эксперимент раздражает испытуемых, тем с большей вероятностью они утверждают, что он им понравился». Получается палка о двух концах. Критики эксперимента пренебрегают тем, что говорит сам испытуемый. И все же я полагаю, что мнение самого испытуемого – это очень важный, едва ли не главный аспект в рассматриваемом вопросе. В дальнейшем я приведу некоторые подходы к этическим проблемам, основанные на таком представлении.

---

[34] Bibb Latané and John Darley. *The Unresponsive Bystander: Why Doesn't He Help?* (New York: Appleton, 1970).

[35] Stanley Milgram. *Obedience to Authority: An Experimental View* (New York: Harper and Row, 1974).

[36] Stanley Milgram. «Issues in the Study of Obedience: A Reply to Baumrind», *American Psychologist* 19 (1964), 848–52.

Теперь, когда я прочитал отчет об эксперименте и выяснил все подробности...	Послушные, %	Непослушные, %	Все, %
1. Я очень рад, что участвовал в эксперименте	40,0	47,8	43,5
2. Я рад, что участвовал в эксперименте	43,8	35,7	40,2
3. Я не рад, но и не сожалею, что участвовал в эксперименте	15,3	14,8	15,1
4. Я сожалею, что участвовал в эксперименте	0,8	0,7	0,8
5. Я очень сожалею, что участвовал в эксперименте	0,0	1,0	0,5

Таблица 3

Ответы испытуемых на вопрос об их отношении к участию в эксперименте по изучению подчинения. Выдержка из постэкспериментального вопросника

Некоторые критики утверждают, что эксперименты вроде моего могут заставить испытуемого хуже относиться к самому себе. У него понизится самооценка, поскольку он узнал, что подчиняется власти гораздо сильнее, чем, возможно, думал. Конечно, я охотно признаю, что главнейшая задача исследователя – сделать так, чтобы лабораторная сессия была для испытуемого как можно более полезной, и объяснить испытуемому суть эксперимента в таком ключе, чтобы он переосмыслил свое поведение и сделал из него конструктивные выводы. Однако я вовсе не уверен, что нам следует утаивать от испытуемых правду, даже горькую. Более того, это лишило бы экспериментальную науку всякой связи с реальной жизнью. Ведь жизненные уроки часто бывают, мягко говоря, неприятными, если мы, скажем, проваливаем экзамен или не проходим собеседование при приеме на работу. И по моим представлениям участие в эксперименте по изучению подчинения подрывает самооценку участника гораздо меньше, чем отрицательные эмоции, вызываемые обычной школьной контрольной. Это совсем не значит, будто стресс на контрольной, как и отрицательное воздействие экспериментов по изучению подчинения, – это хорошо. Просто все познается в сравнении.

Я убежден, что крайне важно видеть грань между биомедицинскими вмешательствами и вмешательствами чисто психологического характера, особенно в ходе вышеописанного эксперимента. Вмешательство на биологическом уровне – это непосредственный «риск» для испытуемого. Даже крошечная доза химического соединения, даже крошечный надрез скальпелем в принципе могут нанести испытуемому травму. Напротив, во всех проводившихся социально-психологических экспериментах не было ни одного доказанного случая травмы. И нет никаких данных, что, когда человек делает выбор в лабораторной ситуации, даже трудный выбор, как в экспериментах по изучению конформности или подчинения, он получает какую бы то ни было травму или увечье, вредящее его благополучию. Как-то раз я спросил одного правительственного чиновника, ратовавшего за самое жесткое законодательное регулирование психологических экспериментов, чем он обосновывает подобные меры? Может быть, у него набралось много задокументированных случаев травм и увечий в результате психологических экспериментов? Он ответил, что ему не известно ни одного подобного случая. Если это так, то все разговоры о необходимости законодательных ограничений на психологические эксперименты не имеют отношения к действительности.

Разумеется, при обсуждении отрицательного воздействия экспериментов есть одна сложность – невозможно доказать, что его нет. В особенности это касается поведенческого и

психологического воздействия. Похоже, непредвиденные отрицательные последствия возможны при любой процедуре, и беседе, и заполнении вопросника, и так далее, даже если в ходе процедур они не выявляются. Поэтому невозможно дать абсолютную гарантию, что их не будет. Логически это так, однако опираться на это и утверждать, что психологические эксперименты всегда приводят к отрицательным побочным эффектам, мы не вправе. Можно лишь полагаться на здравый смысл и процедуры оценки, позволяющие установить факты, – и соответственно формулировать общие принципы экспериментальной практики.

Ролевая игра как возможный выход из положения

С учетом всех этих сложностей и особых требований, которые предъявляет к своим экспериментам социальная психология, встает вопрос, есть ли способ преодолеть эти трудности, чтобы защитить испытуемого, но при этом не отказываться от продолжения эксперимента. Многие психологи предполагали, что любой эксперимент, требующий дезинформации, можно заменить ролевой игрой. Вместо того чтобы вводить испытуемого в ситуацию, подлинную цель и характер которой от него утаивают, его следует полностью информировать, что он будет участвовать в инсценировке, однако должен действовать так, словно все это по-настоящему. Например, в случае нашего эксперимента испытуемому следовало бы сказать: «Притворитесь, будто вы испытуемый, участвующий в эксперименте, и ударяете другого человека током». Испытуемый знал бы, что на самом деле жертва не испытывает никаких мучений, и прошел бы процедуру до конца.

Несомненно, польза в ролевых играх есть. Более того, все хорошие экспериментаторы прибегают к такой игре, когда создают лабораторную ситуацию. Они зачастую проводят генеральную репетицию с помощниками, чтобы отладить процедуру. То есть в подобной симуляции нет ничего нового, просто теперь, по мнению исследователей, она становится конечной, а не отправной точкой экспериментальных исследований. Однако здесь таится фундаментальная методологическая сложность. Даже если пронаблюдать, как испытуемый играет свою роль в экспериментальной процедуре, нельзя ручаться, что он ведет себя точно так же, как наивный испытуемый на его месте. Поэтому нам все равно придется провести главный эксперимент – определить, как соотносится поведение в рамках ролевой игры с поведением наивного испытуемого.

Кроме того, и ролевая игра не лишена этических проблем. Самую впечатляющую инсценировку в истории социальной психологии провел Филипп Зимбардо в Стэнфордском университете.[37] Он набрал добровольцев, которые приняли участие в игре в тюрьму. Они должны были играть роль либо тюремщиков, либо заключенных, причем роли распределялись жеребьевкой. Добровольцев забрали из дома и доставили в «тюрьму» машины местной полиции. Даже в ролевой игре ситуация быстро стала неприятной и некрасивой: актеры-тюремщики жестоко обращались с актерами-заключенными. Эксперимент был рассчитан на две недели, однако исследователь прекратил его через шесть дней. Более того, эта ролевая игра подверглась весьма серьезной критике за неэтичность. Этические проблемы, от которых исследователь хотел избавиться, прибегнув к ролевой игре, вовсе не исчезли. Чем ближе поведение в ходе ролевой игры соответствует реальному поведению, тем больше реальных эмоций оно порождает, в том числе отвращение, враждебность и так далее. А чем дальше эмоции от реальности, тем хуже инсценировка, и тем меньше пользы науке она приносит. Поскольку при хорошей инсценировке все равно возникают неприятные эмоции, этических проблем она не решает.

Место инсценировки в науке хорошо определил Келман: он сказал, что инсценировка – не такой бесполезный инструмент исследований, как поначалу утверждали ее противники,

---

[37] Philip Zimbardo. «The Mind Is a Formidable Jailer: A Pirandellian Prison», *TheNew York Times Magazine* (April 8, 1973), p. 38.

однако и не такое удачное решение этических проблем, как думают ее сторонники.[38]

Предполагаемое согласие

Вспомним, что главная техническая сложность исследований по социальной психологии – если испытуемые заранее знают, каковы цели и детали эксперимента, это зачастую делает их непригодными для участия в нем. То есть информированное согласие остается идеалом, однако его не всегда можно получить. Взамен некоторые психологи попытались разработать понятие *предполагаемого согласия* . Для этого необходимо собрать мнения большого количества людей о приемлемости той или иной экспериментальной процедуры. Сами респонденты не будут привлекаться к участию в эксперименте, поскольку сам процесс ознакомления с целями и деталями эксперимента «испортит» их. Если можно предположить, что эксперимент приемлем, для участия в нем набирают новых испытуемых. Разумеется, с этической точки зрения эта доктрина значительно слабее опоры на информированное согласие участника. Даже если сто человек сказали, что охотно приняли бы участие в эксперименте, у человека, который был выбран для реального участия в нем, вполне могут возникнуть возражения. И все же мне представляется, что понятие «предполагаемого согласия разумного человека» лучше, чем никакого согласия. То есть когда в эпистемологических целях нельзя заранее разглашать характер исследования, можно попробовать определить заранее, согласится ли разумный человек стать испытуемым в подобном исследовании, и на основании этого либо проводить исследование, либо видоизменить его.

Вероятно, более перспективно получать *общее предварительное согласие* испытуемых перед тем, как вовлекать их в эксперимент. Это форма согласия, основанная на том, что испытуемые в целом знакомы с тем, какие процедуры применяются в психологических исследованиях, однако не знают, какие именно манипуляции задействованы в том эксперименте, в котором им предстоит участвовать. Первым шагом было бы создать базу добровольцев, готовых участвовать в психологических экспериментах. Прежде чем они согласятся войти в эту базу, им следует разъяснить, что иногда испытуемым дают ложную информацию о целях эксперимента, а иногда в ходе эксперимента у них возникает эмоциональное напряжение. Им необходимо дать возможность отказаться от участия в любом исследовании, при котором используется дезинформация или возникает напряжения, *если они того пожелают* . Кподобного рода экспериментам следует привлекать лишь тех добровольцев, которые выразили согласие в них участвовать, в течение года. Такая процедура позволяет примирить техническую необходимость прибегать к дезинформации с этической проблемой информирования испытуемых.

Наконец, поскольку я подчеркиваю, что главным критерием, продолжать эксперимент или нет, должны стать переживания испытуемого во время процедуры, мне думается, что можно было бы раздавать участникам эксперимента анкеты, которые они будут заполнять и передавать в какую-то независимую мониторинговую службу еще во время эксперимента. Соответствующей мониторинговой службой может стать, например, особая комиссия при профессиональной организации или комитет испытуемых при учреждении, проводящем эксперимент. Такая процедура позволила бы испытуемым сообщать о своей реакции на условия эксперимента, в котором он участвует или только что поучаствовал, а его замечания помогут определить, допустим ли подобный эксперимент. Я уверен, что в долгосрочной перспективе реакции испытуемого и его переживаниям будет отведено подобающее место в спорах по этическим вопросам, а предлагаемый механизм поможет достичь этой цели.

---

[38] Kelman. «Remarks».

Мятежные шестидесятые[39]

Если американец не желает убивать других людей за свою страну, его бросают в тюрьму. И наше поколение, как и любое другое, усвоило, что общество наказывает и поощряет своих членов в соответствии не с тем, как человек следует велениям собственной совести, а с тем, как его действия, по мнению властей, удовлетворяют потребности более крупной социальной системы. Так было всегда. Иисус Христос был хорошим человеком по любым меркам индивидуальной морали, однако представлял собой угрозу структуре римской власти. Каждая эпоха порождает высоконравственных людей, которые поневоле вступают в конфликт с государством именно из-за своей моральной чистоты. Задача демократии в том и состоит, чтобы сузить брешь между личной совестью и потребностями общества.

Отказ от военной службы – преступление лишь в чисто техническом смысле: он карается государством. Однако отказники – не преступники, а полная их противоположность. Во-первых, они действуют исходя из нравственных идеалов, а не вопреки им. Во-вторых, действия преступника нацелены на личную выгоду, а отказник готов терпеть лишения, только бы не пострадали нравственные идеалы. В-третьих, преступник стремится уклониться от закона, а отказник добровольно сдается властям. Но и революционером отказника не назовешь: он признает законность власти, просто не готов служить ей конкретными аморальными способами. Наконец, он и не отщепенец, поскольку тот, кто не так любит свою страну, мог бы просто уехать за границу и избежать тягот тюремного заключения.

Психиатр Уиллард Гейлин поставил перед собой цель изучить мотивы и мышление группы людей, оказавшихся в тюрьме за отказ от несения военной службы. Он рассуждает и о недостатках тюремной системы и в конце концов выражает сомнение, что заключение как таковое – это практика, достойная цивилизованных людей. «Чем больше я об этом думаю, тем чудовищнее мне кажется, что один человек может лишить другого пяти лет жизни просто в наказание». Разумеется, он прав, и когда-нибудь клетки для людей наверняка сочтут пережитком нашей варварской эпохи. И вдвойне позорно, когда люди попадают в тюрьму за то, что не пошли против совести.

На самом деле шансы попасть за решетку у разных людей разные, все зависит от того, насколько хитер отказник, есть ли у него деньги, и найдет ли он хорошего юриста, который поможет обойти закон. Если он приведет надежных свидетелей, которые подтвердят, что он человек глубоко религиозный, вполне возможно, что он получит статус лица, уклоняющегося от службы в армии по религиозно-этическим соображениям. Неравенство призывников перед законом – одна из сквозных тем глубокого и умного исследования Гейлина.

Все, кого изучал Гейлин, – отказники в особом смысле слова. Когда человек решает, что не пойдет служить в вооруженные силы, то оказывается на перепутье. Он может уйти в подполье (стратегия, лучше всего подходящая жителям негритянского гетто, где плохо налажен государственный учет). Может покинуть страну. Может уклониться от призыва, нашептав свои мнимые сексуальные секреты на ухо психиатру в призывном центре. Особенно идейные отказники идут в армию с целью развалить ее изнутри, и с точки зрения военных, несомненно, именно они опаснее всего.

Те, с тем говорил Гейлин, избрали иной путь. Они отказались от призыва и сдались властям, готовые сесть в тюрьму. Но даже в тюрьме еще остаются варианты – каждый сам решает, продолжать ли сопротивление, отказавшись в чем бы то ни было сотрудничать с

---

[39] Эта статья – рецензия на книгу Willard Gaylin, «In the Service of Their Country: War Resisters in Prison», New York: Viking, 1970. Рецензия впервые опубликована в The Nation, Vol. 211, No. 1 (July 6, 1970). Авторское право возобновлено Александрой Милгрэм в 1998 году. Печатается с разрешения правообладателя.

тюремной администрацией, или стать примерным заключенным. Как правило, отказники избирают второй путь – позицию, соответствующую их моральным убеждениям.

Жизнь в тюрьме ужасна, и с каждым днем все очевиднее, что наказанием становится не просто время, вырванное из нормальной жизни, но и погружение всвоего рода социальный ад, в котором изнываешь от скучной, бездушной авторитарной рутины и вынужден защищаться от товарищей по несчастью.

Отказники с радостью ждали очередной встречи с Гейлином, поскольку это была хоть какая-то передышка от тюремной рутины и возможность выговориться. Поэтому его исследовательский метод – пример того, какие конструктивные возможности открывает научное исследование. Сам процесс исследования стал для отказников светом в конце тоннеля. А поскольку Гейлин человек чуткий и наделен профессиональным тактом, его испытуемые вовсе не чувствовали себя подопытными кроликами. Это подкреплялось и тем, что Гейлин крайне осторожно применял психиатрические доктрины. В поисках бессознательных мотивов автор вовсе не отмахивается от сознательных. Психологические понятия для него дополняют объяснения, которые даются привычным повседневным языком, но ни в коем случае не заменяют их. Он не желает исходить из предположения, что если человек попал в тюрьму, это уже симптом невроза.

Главный исследовательский инструмент Гейлина – психоаналитическая беседа согласно принципу Фрейда, что «истина всплывает, как только перестаешь задавать вопросы». Лишь иногда он направляет разговор в интересующую его сторону. В основном он стремится изучать те чувства и мысли, о которых рассказывают сами отказники.

Такая процедура выявляет все сильные и слабые стороны психиатрической беседы. Каждая биография описана живо и образно и наделена собственным смыслом, найти что-то общее для всех случаев оказывается трудно. Интерпретирует Гейлин скудно, предпочитая, чтобы клиент сам нарисовал автопортрет. Самый перспективный с точки зрения науки факт – это порядок рождения: почти все отказники – первенцы, что предполагает, что в основе мотивации отказника лежат особые отношения с властью, следующие из роли «сына, которому предстоит занять место отца».

Симпатии Гейлина всецело на стороне отказников – подозреваю, не столько потому, что они против войны как таковой, а потому, что они сопротивляются участию в особенно грязной и отвратительной войне. Поэтому симпатии читателя будут соответственно окрашены общей антипатией к вьетнамской авантюре. Отнюдь не очевидно, что нравственное превосходство тех, кто отказался участвовать в войне в данный момент американской истории, автоматически распространится на всех отказников во всех войнах.

Хотя в некотором отношении добровольное тюремное заключение – это нечто вроде акта мученического самопожертвования, есть и разница: жизнь на этом не заканчивается, а лишь прерывается. Нам еще предстоит понять, как отказник задним числом инкорпорирует этот опыт в общую картину своей жизни. Было бы полезно побеседовать и с теми, кто отказался участвовать в других войнах и может теперь взглянуть на свои поступки с позиции прожитых лет. Особенно интересно было бы сравнить нынешних отказников с теми, кто отказывался идти на Вторую мировую войну, поскольку в то время население в целом относилось к отказу служить в армии безо всякой симпатии.

Мы восхищаемся отказниками за моральную стойкость, однако не надо путать это с действенным политическим выступлением. В тюрьмах отказники не находят себе последователей, их личное решение никак не влияет на эффективность военной машины, и если человек отказывается служить в армии, на его место просто берут следующего в очереди. Так что перед нами нравственно обоснованный, однако политически бесполезный акт, выступление героя-одиночки против системы. Поэтому ответственность за эффективное сопротивление ложится на плечи тех, кто готов пожертвовать чистотой совести ради достижения практических политических целей – избегают тюрьмы, организуют коллективные акции и готовы запятнать себя, лишь бы их сопротивление принесло плоды: можно привести пример исторических фигур вроде Вилли Брандта, который сбежал из

Германии, чтобы бороться с фашизмом в норвежском подполье. Некоторые немцы так и не простили Брандта, но все же страна выбрала его премьер-министром. Посмотрим, обеспечат ли американцы подобные политические перспективы тем, кто, так сказать, принял бой в Канаде, сбежав туда от призыва.

Поскольку всегда найдутся люди, отказывающиеся от призыва по соображениям морали и нравственности, государству следует работать над усовершенствованием законодательства. До недавнего постановления Верховного Суда непреложным условием статуса лица, уклоняющегося от службы в армии по религиозно-этическим соображениям, была вера во Всевышнего. Теперь достаточным основанием, чтобы освободить человека от военной службы, могут стать и философские убеждения – ведь это тоже своего рода религия. Но тогда человек должен быть противником любой войны. Это не отражает процесса формирования моральных суждений. Может быть, человек по морально-этическим соображениям готов участвовать в одной войне, но участие в другой для него отвратительно и немыслимо. Нужно, чтобы в законе учитывалось это обстоятельство и он допускал избирательное участие в войнах. Техническая трудность состоит в разработке процедур, позволяющих отличить возражения, основанные на соображениях морали, от простого себялюбия. Наконец, необходимо, чтобы государство не обрекало отказников на жестокое и бессмысленное тюремное заключение, а обеспечивало им полезную и созидательную альтернативную службу. Авторитет книги Гейлина поможет нам продвинуться в этом направлении.

О Джонстаунской трагедии и ситуационных силах[40]

Как люди примиряют требования властей с велениями совести – извечная проблема человеческого общества. В разные исторические эпохи и при разных формах правления положение то несколько облегчалось, то усугублялось, но искоренить эту проблему не удавалось никогда. В этой книге я не пытаюсь найти решение подобных проблем, а лишь исследую, как люди на самом деле ведут себя в случае внутреннего конфликта между совестью и властью. Таким образом, эта работа пытается научными средствами изучить общечеловеческую проблему.

Подчинение власти, как и сила тяжести, – жизненное явление, которое мы при обычных обстоятельствах воспринимаем как данность. Она не проникает в сознание человека в повседневной жизни, а становится центром внимания лишь в некоторых, крайне проблематичных обстоятельствах. Обстоятельства, которые вынуждают с вниманием отнестись к власти, естественно, время от времени меняются, это и есть те события, которые составляют поток истории. Когда я собирал материалы для книги «Подчинение авторитету», меня в основном заботили события Второй мировой войны, в особенности зверства фашистов. Однако история в движении своем неустанно порождает новые эпизоды, в которых особенно ясно видна роль подчинения властям, и мы вкратце рассмотрим несколько недавних событий, имеющих отношение к нашей теме.

Естественно было бы поддаться искушению и рассказать о самых сенсационных из них, хотя бы потому, что они выводят скрытые движущие силы на уровень, игнорировать который уже невозможно. Однако тогда мы рискуем выделить эти эпизоды из общей ткани бытия, как будто вызвавшие их скрытые принципы невозможно обобщить на обычную жизнь.

Рассмотрим в связи с этим страшные события в Джонстауне, столице Гайаны, где в 1978 году одновременно погибли более 900 человек – в основном они покончили с собой,

---

[40] Предисловие Стэнли Милгрэма ко второму французскому изданию книги «Подчинение авторитету», вышедшему в 1979 году в издательстве «Calmann-Levy». © Alexandra Milgram. Печатается с разрешения правообладателя.

выпив отравленный напиток по побуждению своего лидера преподобного Джима Джонса. Узнав об этом, журналисты первым делом кинулись за объяснениями к психиатрам. Предполагалось, что участники этого массового «самоубийства» страдали умственным помешательством, и психиатрия как наука о душевных болезнях обязана предоставить исчерпывающее объяснение случившегося. С позиции социального психолога и на основании опыта, который я получил в ходе исследования, описанного в «Подчинении авторитету», подобный «психиатрический» подход не вполне подходит. С точки зрения социальной психологии трагедия в Джонстауне вполне соответствует принципам, управляющим обычной социальной жизнью. Поведение сектантов определялось далеко не в первую очередь их характерологическими защитами, гораздо важнее была степень их погруженности в жизнь авторитарной группы, изоляция группы от общества в целом и практически полный контроль их лидера над поступающей информацией.

Конечно, в этой трагедии был патологический компонент – это те «грядущие бедствия», о которых сообщал преподобный Джонс членам своей секты: якобы «приближаются враги», которые будут их насиловать и убивать. Все это был плод паранойи Джонса. Однако у глубокого шока, в который повергло всех нас известие о трагедии, была и еще одна причина – общее ощущение, что мы столкнулись с необъяснимым безумием, ведь в глазах всего мира преподобный Джонс не обладал никакой законной властью. Мы признаем, что правительства государств имеют право определять политику, и даже если эта политика ошибочна и ведет к уничтожению тысяч невинных людей, мы не считаем, что у тех, кто исполнял приказы правительства, была какая-то «патология»: они просто исполняли свой долг. Различие в реакции зависит не столько от совершаемых действий, а от того, насколько законна в наших глазах власть тех, кто отдает подобные приказы.

Связь между страшными событиями наподобие Джонстаунской трагедии и экспериментами, описанными в книге «Подчинение авторитету», состоит в том, что в обоих случаях люди проявляли поразительное подчинение власти. При этом налицо и существенные различия: Джонс был харизматическим лидером с давней историей личных отношений со своими последователями. В ходе эксперимента испытуемые лишь вступали в краткий контакт с обезличенным представителем власти. Более того, представители власти в ходе экспериментов требовали, чтобы испытуемые своими действиями наносили вред невинной жертве, а Джонс приказал своим последователям совершить самоубийство, но сходства это не отменяет. Однако в этом контексте следует вспомнить и эксперимент доктора Нийоле Кудирка в Йельском университете. Доктор Кудирка позаимствовала общую модель эксперимента у меня, однако у ее экспериментальной ситуации было одно существенное отличие: ее испытуемые не наказывали другого человека, а сами были собственными жертвами. В ходе ее исследований испытуемым давали крайне неприятное, однако не опасное задание: они должны были есть печенье, пропитанное раствором хинина. Печенье было отвратительное на вкус, испытуемые кривились, кряхтели, стонали, некоторых затошнило. Вопрос эксперимента состоял в том, будут ли испытуемые в какой-то степени подчиняться экспериментатору. Кудирка обнаружила, что, если экспериментатор находится в одном помещении с испытуемыми, подчиняются практически все. Даже когда Кудирка сознательно ослабила власть экспериментатора и вывела его из лаборатории, 14 из 19 испытуемых продолжили эксперимент до конца: каждый съел по 36 пропитанных хинином печений, зачастую – с огромным отвращением. Таким образом, эксперимент Кудирка показывает, что реакция на власть – это всегда покорность, даже если человек сам становится жертвой.

Разумеется, Джонстаунская трагедия – не единственный относительно недавний пример, показывающий, каковы отношения личности и власти. Если глубочайшая покорность сектантов Джонса нас поражает, то пример советских диссидентов – Щаранского, Амальрика, Буковского и других – показывает, напротив, что отдельные люди наделены колоссальной способностью сопротивляться властям даже под непереносимым давлением. Это заставляет задаться вопросом о роли личности в социальном процессе.

В книге «Подчинение авторитету» описывается цикл из 18 экспериментальных ситуаций, в которых личность принуждают подчиниться злонамеренному экспериментатору, оказывая на нее давление то в большей, то в меньшей степени. Степень покорности очень сильно зависит от конкретных условий эксперимента. Однако важно отметить, что во всех экспериментальных ситуациях хотя бы некоторые испытуемые не стали возражать экспериментатору. Так что, несмотря на то что поведение, очевидно, определяется ситуацией, у медали есть и обратная сторона – личность, отказывающаяся подчиняться. И именно это мы и наблюдаем у советских диссидентов, что и делает их героями. Конечно, их сопротивление обеспечивалось некоторой социальной поддержкой: они основывали организации, распространяли самиздат, искали помощи на Западе. Но при всем при том для них была характерна поразительная личная смелость. Однако с точки зрения статистики советские диссиденты составляют несущественную долю общей популяции и поэтому не представляют интереса для количественного изучения проблемы подчинения.

Однако мы знаем, что человеческие взаимоотношения не всегда строятся на строго количественной основе. Героизм горстки людей зачастую вдохновляет других на подобные действия. Ярчайший пример не так давно привел историк Филип Холли. В своей книге «Кровь невинных» (Philip Hallie, «*Le Sang des Innocents* ») он рассказывает, как жители деревни Шамбон-сюр-Линьон во главе с пастором Андре Трокмэ сопротивлялись оккупантам и спасли от преследования фашистов пять тысяч беженцев. История отважной протестантской общины, которую закалил многовековой опыт существования меньшинства во враждебной среде, потрясает и вдохновляет. Однако здесь есть и социологический урок. Подобно тому как власть угнетателя сосредоточена не в одном человеке, а системе отношений в целом, сопротивление злонамеренной власти может быть подлинно действенным, только если основано на коллективной акции. Вот почему образ одиночки, борющегося с властью, который создают мои эксперименты в исследовательских целях, – это несколько романтически-искаженная картина того, как все происходит в реальном мире. Ведь если личность не сможет найти или сформировать группу поддержки, он скорее всего останется героем, но след в истории оставит жалкий.

В экспериментах 17 и 18 из «Подчинения авторитету» я попытался обобщить свои исследования и включить в них некоторые элементы группового давления. Дальнейшие эксперименты по изучению подчинения должны дать более полное представление о том, как реагирует на злонамеренную власть группа людей.

Сейчас мне бы хотелось остановиться на обобщении результатов, описанных в «Подчинении авторитету», на культуру в целом. Издание этой книги во Франции было глубоко интересным лично для меня, поскольку с тех пор, как я впервые побывал в Париже, – а это было в 1953 году, – я чувствую особое сродство с этой страной. Поэтому я был рад критике, которую вызвал выход в свет французского издания. Но когда о книгах говорят в популярной прессе, неизбежны искажения, которые меняют смысл работы, хотя на первый взгляд и незначительны. Так, например, рецензия Алена Бюлера начинается с вопроса «Êtes-vous capable de torturer votre prochain?» – «Способны ли вы пытать ближнего своего?», и некоторые популярные изложения содержания книги называют послушного испытуемого «палачом». Это почти правда – но не совсем. Это почти правда в том смысле, что испытуемые и в самом деле все сильнее наказывают невинную протестующую жертву. Пожалуй, это и в самом деле похоже на то, что делает палач. Однако у слова «палач» есть особый оттенок смысла: складывается впечатление, что боль причиняют из жестокости, ради того, чтобы жертва как можно сильнее мучилась. Между тем в лаборатории происходило совсем иное. Испытуемый считал, что участвует в законном научном эксперименте. Он был убежден, что наказание служит не для того, чтобы причинять жертве мучения, а для облегчения процесса обучения и усвоения материала. То, что он делал с жертвой, – не пытка, точно так же как шлепать ребенка – не значит его пытать.

Это вопрос деликатный. Однако, вероятно, очень важный – ведь многие испытуемые, которые в этом эксперименте вели себя послушно, скорее всего, не согласились бы

участвовать, если бы им сказали, что мы хотим проверить, насколько они способны пытать другого человека. Весь комплекс садизма, зла и жестокости, связанный со словом «палач», придал бы их действиям совершенно иной смысл и потому заставил бы многих испытуемых отказаться от участия.

Почему же в популярных пересказах книги так часто всплывают слова «палач» и «пытка»? Помимо погони за сенсацией – а эта тенденция не чужда коммерческой журналистике, – в обществе не утихли дебаты по поводу подозрений, что французские власти прибегали к пыткам в ходе Алжирского конфликта. Более того, вопрос о том, применяли ли французские военные систематические пытки к повстанцам, – самый обсуждаемый в прессе морально-этический вопрос, связанный с этой войной. Похоже, на наш эксперимент повлияли воспоминания об этических дебатах из недавней истории Франции – и они еле заметно, но на самом деле существенно исказили его смысл. Это иллюстрация одного важного обстоятельства, которое мой французский коллега-социопсихолог профессор Серж Московичи счел достойным подробного анализа: любая научная работа при ассимиляции в культуру претерпевает избирательное искажение.

Самое серьезное искажение, которое произошло при ознакомлении с экспериментом широкой публики, едва ли заметят те, кто не знаком с методами социально-психологического эксперимента. Однако с интеллектуальной точки зрения это важнее сего. Структура нашего эксперимента состоит из двух основных частей. Во-первых, это базовая парадигма – человек получает указание наносить протестующей жертве все более сильные удары током. Второй равноправный компонент исследования – систематические изменения в каждой из 18 экспериментальных ситуаций. Степень подчинения очень сильно зависит от того, как именно сочетаются в конкретной экспериментальной ситуации различные переменные. Скажем, в одной ситуации (голосовая обратная связь) полностью подчинялись экспериментатору 62,5% испытуемых, а в другой (в присутствии двух подставных «учителей», отказавшихся подчиняться экспериментатору) – лишь 10%. Так что вероятность подчинения очень зависит от того, в каких именно обстоятельствах очутился испытуемый, и для изучения этих обстоятельств и было организовано несколько вариантов эксперимента. Однако в популярной прессе об этих вариантах почти ничего не говорилось – либо предполагалось, что они не играли никакой существенной роли.

Склонность пренебрегать структурной вариативностью экспериментов и преуменьшать зависимость подчинения от конкретной экспериментальной ситуации говорит прежде всего о желании получить простые выводы, даже если реальность много сложнее. Кроме того, она выявляет укорененное в культуре стремление считать, что поступки определяются раз и навсегда сложившейся личностной чертой, а не вызваны взаимодействием личности со средой. Но ведь социальная психология давно доказала, что зачастую поступки личности определяются не тем, что он за человек, а тем, в какой ситуации он очутился.

Таким образом, результаты эксперимента крайне чувствительны к самым легким изменениям в экспериментальной ситуации. Так, может быть, именно поэтому люди так чутко реагируют на контекст своих поступков? Это не причуда, не мелкая подробность человеческой натуры, а одно из фундаментальнейших обстоятельств человеческого бытия. Природа вещей такова, что невозможно действовать в вакууме – все наши поступки совершаются в конкретной ситуации. Более того: что бы ни случилось с человеком, да, если уж на то пошло, с любым организмом, должно происходить в непосредственном физическом и социальном контексте, в котором человек оказался в то или иное время. Добро и зло, происходящее с человеком, проявляется в том, каковы его конкретные обстоятельства. Отсюда следует, что если организм хочет выжить, ему необходимо обрести механизмы, чутко подстраивающиеся под любые вариации в его непосредственном окружении, и способность прямо-таки автоматически приспосабливаться к любым флуктуациям в этом окружении. Именно это мы и обнаружили в исследовании подчинения: степень подчинения неразрывно связана с тем, в какую конкретную ситуацию испытуемый помещен, а вероятность подчинения систематически меняется в зависимости от вариантов ситуации. На

каком-то уровне этот анализ абсолютно тривиален. Однако людям на удивление трудно учитывать ситуационные силы, и они хотят получить полностью персоналистическую интерпретацию явления подчинения в отрыве от того, как именно давят на личность различные обстоятельства, а между тем по результатам наших экспериментов именно они определяют, будет человек подчиняться или восстанет.

Наконец, мы вправе задаться вопросом, чего автор желает добиться своей книгой. Анри Верней, который вместе с Ивом Монтаном работает над фильмом, отчасти основанном на этой книге, говорит мне, что многим французам трудно воспринимать ее, поскольку она не вписывается в привычные политические категории. Она не поддерживает ни левых, ни правых, ни даже анархистов. Я вынужден согласиться с этим режиссером – человеком умным и проницательным. Проблема власти – сложная проблема. Ведь и сами индивидуальные стандарты совести выросли из матрицы отношений с властью. Власть насаждает не только разрушительное подчинение, но и нормы морали. На каждого, совершившего аморальный поступок из подчинения власти, найдется другой, который удержался от него. Поэтому моя книга – не политический трактат. Едва ли она вызовет революцию. Но я уповаю на то, что она поможет лучше понять наше бытие. И надеюсь, что она поможет всем читателям осознать, как влияет власть на нашу жизнь, и в результате освободиться от бездумного подчинения, – и тогда в конфликте между совестью и властью каждый из нас сможет еще немного приблизиться к собственным моральным стандартам.

Часть вторая. Личность и группа

Введение. Личность и группа

Что такое группа – и как она вообще может существовать? Каждый участник группы – сложная личность со своими целями и мотивами, и все же группа способна функционировать слаженно, результативно и даже гармонично. Должно быть, дело в том, что каждый отдельный участник приспосабливает свое поведение к нуждам остальных, и социальные психологи стремятся понять природу и масштабы этих приспособлений. На следующих страницах мы исследуем групповые явления – как в малых группах, так и в больших скоплениях людей, которые мы условимся называть «толпой».

Этих общих наблюдений мало – необходимо также найти способ изучать групповые явления, очистив их от посторонних влияний. С моей точки зрения, идеальную парадигму для этого задали эксперименты по изучению группового давления, которые проводил Соломон Э. Аш.

В ходе экспериментов Аша группе из 4–6 испытуемых показывали отрезок определенной длины и просили сказать, какой из трех предложенных отрезков ему равен. Всех испытуемых, кроме одного, заранее тайно просили выбирать при каждой попытке не тот отрезок. Наивного испытуемого помещали так, что он слышал ответы большинства других в группе, прежде чем объявить о своем решении. Аш обнаружил, что при таком социальном давлении значительная доля испытуемых не верила глазам своим, а соглашалась с группой.

Мне выпало счастье быть учеником и коллегой профессора Аша и в Гарварде, и в Принстоне. Аш умеет вдохновлять – и даже не столько на официальных лекциях и семинарах, сколько тогда, когда он излагает ход своей мысли в разговоре. Он поистине гениален и при этом очень скромен.

Большинство статей в этом разделе – вариации на тему эксперимента Аша. Слово «вариации» я употребляю почти как музыкальный термин: так Брамс писал вариации на тему Гайдна. Как и в музыке, тема мастера иногда очевидна и почти не приукрашена. А иногда оригинальный мотив еле различим, поскольку вариации приняли новое направление и уже практически не зависят от изначальной мелодии. Самому мастеру не всегда по душе, как его

темы меняют тональность и акцент. *Tant pis* . С моей точки зрения, эксперимент Аша просто поворачивается разными гранями – словно вечный интеллектуальный бриллиант. Стоит направить на него аналитический свет, и он преломляет энергию и отбрасывает кругом новые интересные узоры. Более того, в аспирантуре я часто изобретал вариации на тему его эксперимента – и просто как мысленный эксперимент, и как учебное задание. Приведу десять моих любимых вариаций.

1. **Про-социальная конформность.** В эксперименте Аша показано, как группа ограничивает, сковывает и искажает реакцию личности. Одна вариация изучала про-социальное воздействие давления группы. Испытуемые свободно принимали решение о том, сколько пожертвовать на те или иные благотворительные мероприятия. Сообщники экспериментатора поднимали сумму пожертвований на каждое из восьми благотворительных мероприятий – и испытуемые под влиянием группы тоже жертвовали больше именно на это мероприятие. Эту традицию конструктивной конформности продолжает статья «Групповое давление как путь к освобождению» (с. 178).

2. **Последовательное влияние.** В ходе эксперимента Аша наивный испытуемый сталкивается с единодушным мнением всей собравшейся группы. В этой вариации испытуемые сталкиваются с единодушным мнением нескольких человек, однако каждый сообщник экспериментатора выступает против испытуемого поодиночке, в разные дни, в течение недели. Влияние накапливается и приближается к влиянию собравшейся одновременно группы.

3. **Влияние на враждебно настроенного.** Как повлияет на человека группа, к которой он относится отрицательно? Я предложил студентам придумать технику эксперимента по изучению влияния группы на враждебно настроенную личность. Одни студенты считали, что группа может побудить его совершать те или иные действия, публично призвав к противоположному, – они предположили, что враждебно настроенный человек поведет себя в пику тому, чего, по его мнению, хочет группа. Другие решили, что лучше работать над снижением враждебности.

4. **Конформность в действиях.** Испытуемые Аша поддавались влиянию группы в том, что касалось вербальных суждений. Но способна ли группа заставить человека совершать *действия* , в которые он в другом случае не дал бы себя вовлечь? (См. статью «Влияние группы и действия, направленные против человека» (с. 164).) Каков диапазон значимого поведения, на которое способна повлиять группа?

5. **Долгосрочные последствия подчинения группе.** Когда испытуемый подчинялся группе в ходе эксперимента Аша, это не имело для него долгосрочных последствий – все заканчивалось, когда он покидал лабораторию. Опыт был полностью самодостаточным. Но всегда ли так обстоят дела с давлением группы? Будет ли человек так же охотно подчиняться группе, если речь идет о действиях вне лаборатории? Например, даст ли испытуемый раскрасить себе лоб зеленкой, если на это согласятся все сообщники экспериментатора? Готов ли наивный испытуемый расписаться в брачном сертификате, если вся группа покорно это делает? Такого эксперимента пока не провели, а между тем ответить на эти вопросы немаловажно.

6. **Давление, оказываемое на группу.** Эксперимент Аша изучает, как личность реагирует на давление группы. А как реагируют *группы* , если они оказываются под единодушным давлением более широкого поля групп? Вариация Аша с партнерством затрагивает эту тему, но не раскрывает ее полностью.

7. **Конформность в бездействии.** Испытуемые Аша подвергаются влиянию большинства, предпринимающего какое-то активное действие (выносящего суждение). Но может ли группа вызвать пассивность, показав пример бездействия? Именно на этом построены типичные эксперименты по изучению феномена стороннего наблюдателя.

8. **Предупрежденные испытуемые.** В этом варианте мы прямо сообщаем испытуемым, что время от времени участники группы преднамеренно дают неверные ответы. Это меняет основную психологическую тональность опыта, однако, как ни странно,

некоторые испытуемые все равно идут на поводу у группы – у них наблюдается своего рода подражательный рефлекс.

9. **Повторение стимула.** Испытуемые в том варианте эксперимента Аша, где использовались звуковые сигналы (испытуемым давали послушать два гудка и просили отметить, какой звучал дольше; группа давала неверный ответ), имели право попросить повторить стимул, прежде чем выносить суждение. Тем самым они имели возможность уточнить свое представление, однако повторить гудки попросили лишь единицы. И этого практически никогда не делали те, кто пошел на поводу у группы в определении продолжительности гудка. Их конформность так глубока, что не позволяет им снизить уровень неуверенности, даже когда есть такая возможность.

10. **Конформность черного ящика.** В исследовании Аша испытуемый и группа обладают равным доступом к материалу-стимулу. Моя ученица Рита Дайтелл провела вариант эксперимента с «черным ящиком»: у группы был доступ к материалу-стимулу, а у испытуемого – нет. Это соответствует тому, что нам часто приходится решать, принимать ли на веру суждения других людей о событиях, которые они наблюдали, а мы нет.

Каждый из вариантов, в значительной мере основанный на парадигме Аша, проливает свет на новый аспект социального влияния и свидетельствует о том, каким невероятно плодотворным оказался оригинальный эксперимент.

В нескольких статьях из этого раздела рассказывается об экспериментах, продолжающих парадигму Аша. В статье «Национальность и конформность» изучается влияние группового давления на индивидуальные суждения и демонстрируется, что оно несколько – хотя и немного – различается в разных национальных культурах. Целью исследования было применить эксперимент Аша как меру для изучения уровня конформности в двух культурах. Этот опыт вынудил меня перестать интересоваться национальными культурами и переключиться на явление группового давления. Оно явно не ограничивается вербальными высказываниями.

Вопрос вербальной конформности, разумеется, крайне важен. Климат сообщества в целом зависит от того, насколько свободны отдельные личности в самовыражении. Способность группы высмеивать исходное высказывание и развенчивать любые идеи – немаловажный аспект социальной жизни. Однако конформность не ограничивается вербальным выражением. Группа зачастую определяет даже поступки человека, и на этом построена экспериментальная структура, описанная в статье «Влияние группы и действия, направленные против человека» (с. 164).

На с. 45 я уже писал о том, что мои эксперименты по изучению подчинения – это те же эксперименты Аша, в которых изменены два аспекта: во-первых, вербальное суждение заменено морально значимым поступком, во-вторых, я изучал не группы, а власть. В статье «Групповое давление как путь к освобождению» (с. 178) мы завершили полный цикл. Группа рвет оковы власти и своим примером восстанавливает способность человека сопротивляться произволу власти.

В реальной жизни конструктивное применение влияния группы выходит далеко за рамки того, что показал эксперимент. Отдельные личности зачастую ищут группы, чье влияние и стандарты помогут им поставить цель и достичь ее. Иногда давление необходимо нам, мы хотим проявить конформность и перенять цели группы, если у нее высокие идеалы или она поддерживает нашу систему ценностей.

Мне думается, что темы подчинения личности групповому давлению, конфликта совести и власти и той конструктивной роли, которую играют группы в жизни личности, – это центральные вопросы опыта личности в социуме. То, что мы, появившись на свет, попадаем в социальную матрицу, – это основа человеческого бытия, однако каждый из нас борется за то, чтобы быть личностью. Без социальной матрицы невозможно строить жизнь, она снабжает нас языком и привычками, достойными цивилизованных людей, дарует нам цели, ценности и драгоценное общество себе подобных. Но как только нам даруют систему ценностей, она становится нашим личным достоянием, и тогда человеку приходится

бороться, чтобы отстоять свою индивидуальную совесть, суждения и критическое мышление под давлением толпы и власти, которая навязывает ему свои представления.

Самые яркие черты человечества – то, что люди получают от других: язык, навыки рационального мышления, человеческие ценности. Однако человек, чтобы сохранить в себе самое лучшее, зачастую вынужден в одиночку противостоять толпе и власти. Человек усваивает эти ценности, а потом должен их отстаивать – иногда в борьбе с тем самым обществом, от которого их получил. Хотя на человека зачастую оказывают колоссальное давление, чтобы он отказался от критического мышления, шел на сделку с совестью и отказывался от своей человечности, зачастую он оказывается упорным и стойким, выдерживает сиюминутное давление и снова обретает силу и целостность духа. Однако же, как показывают наши эксперименты, так бывает не всегда. Но это идеал, к которому стоит стремиться.

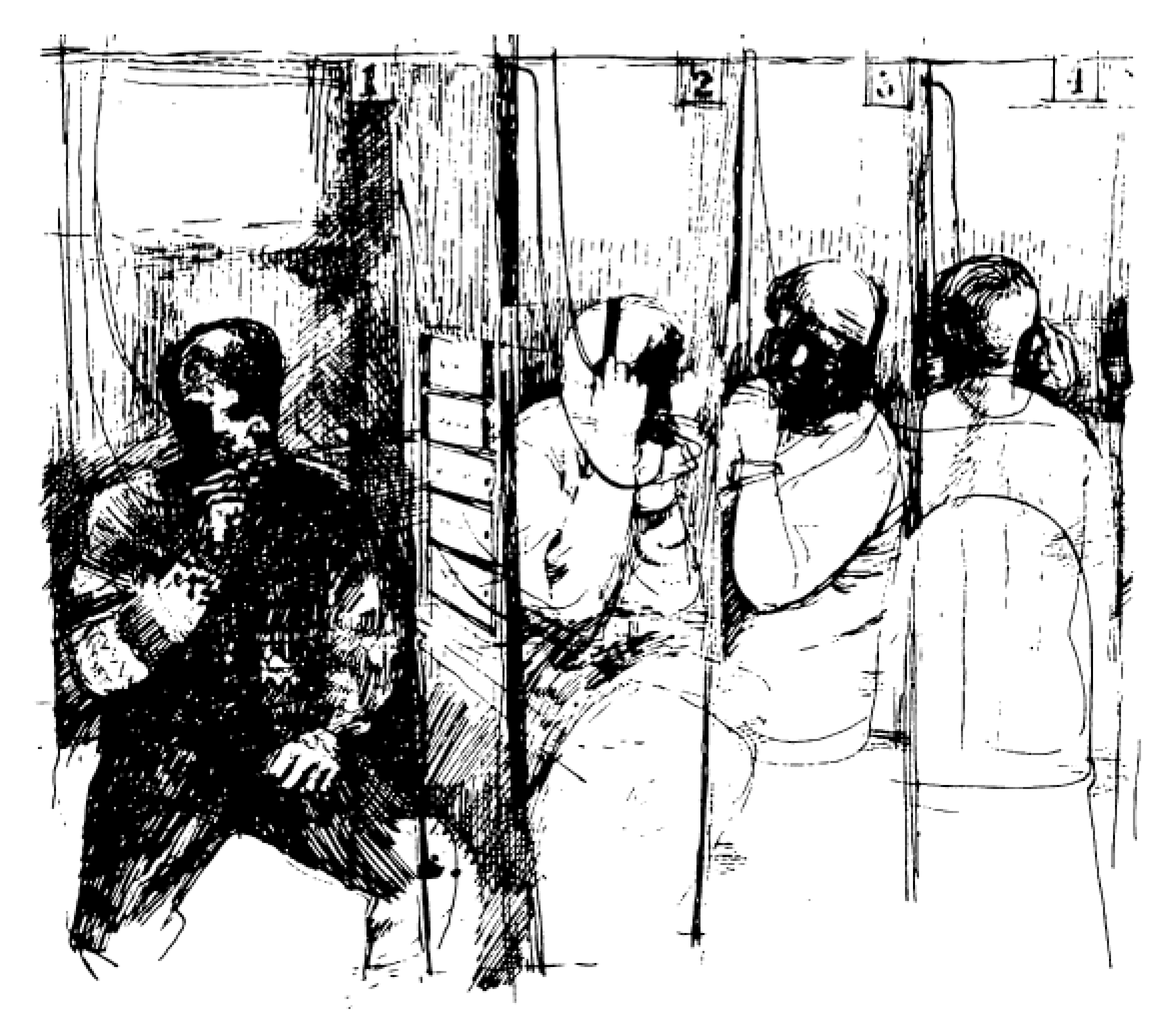

Рис. 6. Испытуемый-норвежец во время эксперимента по изучению влияния группы. (Рисунок Роя Сьюпериора)

Помимо статей об экспериментах, в этом разделе приведена выдержка из моей диссертации «Конформность в Норвегии и Франции», завершенной в 1960 году. Отрывок об этике с. 159, пожалуй, выглядит парадоксально: ведь пройдет всего несколько лет, и мои эксперименты по изучению подчинения станут центром жарких морально-этических дебатов. Впрочем, независимо от этичности и неэтичности экспериментов по изучению подчинения мои давние эмпирические исследования этики опровергают замечания некоторых критиков, что я якобы пренебрегаю этическими вопросами.

Литература

ASCH, S. E., 1956. «Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a

unanimous majority». *Psychological Monographs* , 70 (9, Whole No. 416).

DYTELL, R., 1970. «An analysis of how people use groups as a source of information on which to base judgments». Unpublished doctoral dissertation, The City University of New York.

Национальность и конформность[41]

Путешественники очень любят рассказывать, каковы жители разных стран, где им довелось побывать. Национальные стереотипы – неотъемлемая часть народной мудрости. Все знают, что итальянцы «легкомысленны», немцы «трудолюбивы», голландцы «опрятны», швейцарцы «аккуратны», англичане «замкнуты» и так далее. Привычка делать обобщения о разных национальностях – отнюдь не новинка. Даже в византийских учебниках по военному делу тщательно расписаны нравы и обычаи чужеземцев, а американцы и по сей день узнают себя в блестящем очерке национального характера, который оставил нам Алексис де Токвиль более ста лет назад.

И все же ученый скептик всегда должен задаваться вопросом: «Откуда мне знать, что то, что говорят о жителях той или иной страны, – правда?» Не исключено, что эти рассказы окрашены предубеждениями и предрассудками, а в отсутствие объективных данных нелегко отличить правду от вымысла. Таким образом, современный исследователь, не желающий ограничиваться литературным описанием, сталкивается с вопросом, как объективно анализировать поведенческие различия между национальными группами. При этом он имеет в виду просто анализ, не основанный на субъективных суждениях, анализ, который может подтвердить любой компетентный исследователь, применяющий те же методы.

Можно без труда объективно показать, что в разных странах обычно говорят на разных языках, едят разную пищу и соблюдают разные обычаи. Но можно ли пойти дальше и выявить национальные различия в «характере», в «личности»? Если обратиться к более тонким аспектам поведения, данных для изучения национальных различий практически нет. Однако нельзя с ходу отрицать существование подобных различий – просто у нас мало надежной информации, чтобы сделать окончательный вывод.

Прежде чем рассказывать о результатах своего собственного исследования, вкратце очертим попытки достичь объективности в решении этой сложной задачи в прошлом. Один из методов состоял в изучении литературы и других культурных продуктов нации в надежде выявить общие психологические характеристики. Например, Дональд В. Макгранахан из Гарвардского университета изучил имевшие успех театральные постановки в Германии и США и сделал вывод, что действующие лица немецких пьес больше следуют принципам и идеологическим установкам, а американские скорее стремятся добиться исключительно личных целей. Очевидно, что такое исследование имеет свои ограничения: изучаемое поведение и установки – синтетические, постановочные и, вероятно, практически ничем не напоминают реальную жизнь.

Возможен и другой косвенный подход – он опирается на инструментарий клинической психологии. Первопроходцами этого метода были антропологи, изучавшие маленькие первобытные сообщества, а к современным нациям и к городскому населению он начал применяться лишь недавно. Этот метод делает упор на тесты наподобие теста Роршаха с

---

41 В Норвегии исследование проводилось под эгидой Института социальных исследований в Осло и Психологического института при Университете Осло. Особая благодарность Эрику Ринде и Асе Грюде Скаард из этих учреждений за заинтересованное участие. При поиске площадки для исследований во Франции мне очень помог доктор Робер Пажис из Парижского университета. Моими ассистентами в ходе исследования были Гутторм Лангард и Мишель Мажис.

Статья была впервые опубликована в «Scientific American», Vol. 205, No. 6 (December 1961), p. 45–51. Иллюстрации Бернарды Брайсон. Печатается с разрешения правообладателя.

чернильными пятнами и тематический апперцевтивный тест (ТАТ). В ходе ТАТ испытуемому показывают рисунок с изображением ситуации, которую можно толковать по-разному, и просят составить по нему рассказ. Главный недостаток тестов – то, что достоверность их результатов трудно проверить, и в целом они имеют импрессионистический характер.

Наконец, в нашей стране задачу пытались решить при помощи особой разновидности выборочных вопросов, разработанных Эльмо Ропером и Джорджем Гэллапом. Английский социопсихолог Джеффри Джорер основал свое исследование «Английский характер» (Geoffrey Gorer.*«Exploring English Character»*) на анкете, которую он роздал 11 000 соотечественников. Вопросы касались разных сторон английской жизни: обычаев, связанных с ухаживанием, школьной жизни, домашнего уклада. К сожалению, ответы каждого отдельного человека не обязательно имеют отношение к фактам, и вот почему. Иногда человек сознательно искажает ответы, чтобы произвести благоприятное впечатление, а иногда искренне заблуждается в оценке собственного поведения, что можно приписать как плохой памяти, так и той слепоте, с какой люди часто относятся к своим поступкам и мотивам.

Нельзя отметать эти методы и недооценивать их важность в изучении национальных черт. Однако в принципе, если человек хочет узнать, отличается ли поведение представителей одной национальности от другой, будет лишь логично изучить релевантное поведение непосредственно, причем в условиях контролируемых наблюдений, чтобы снизить личное предубеждение и сделать измерения более точными.

Значительный шаг в этом направлении описан в статье об исследовании, предпринятом в 1954 году международной группой психологов, которые объединились в Организацию сравнительных социальных исследований. Эта группа изучала реакцию на угрозы и враждебность у школьников в семи европейских странах на основании гипотез, которые выдвинул Стэнли Шахтер из Колумбийского университета. Исследование было призвано не столько изучить национальный характер, сколько в целом проверить некоторые предположения об угрозах и враждебности на материале, полученном в разных странах. В ходе исследования и в самом деле были выявлены некоторые различия между странами, однако у исследователей возникло подозрение, что результаты не вполне достоверны. Дело было то ли в дефектах самого эксперимента, то ли в погрешностях стоящей за ним теории. Хотя целью эксперимента была проверка теории, это исследование стало вехой в кросс-культурных исследованиях. К сожалению, Организация сравнительных социальных исследований по завершении этого проекта закрыла свою программу.

Мои исследования начались в 1957 году. Целью их было проверить, применимы ли экспериментальные техники к исследованию национальных черт, в частности, посмотреть, можно ли измерить конформность в двух европейских странах – Норвегии и Франции. Я выбрал конформность по нескольким причинам. Во-первых, можно сказать, что национальная культура существует лишь пока люди придерживаются общих стандартов поведения – то есть проявляют конформность к ним. Это психологический механизм, лежащий в основе любого культурного поведения. Во-вторых, конформность стала больным вопросом для многих современных социальных критиков: они утверждают, что люди стали придавать слишком много значения мнению окружающих, и это нездоровая тенденция в современном обществе. Наконец, для измерения конформности разработаны хорошие экспериментальные методы.

Главным инструментом исследований стала модификация эксперимента по изучению давления группы, который ставил и Соломон Э. Аш, и другие социальные психологи. В оригинальном эксперименте Аша группе из шести испытуемых показывали отрезок определенной длины, а затем спрашивали, какой из трех других отрезков ему равен. Все испытуемые, кроме одного, заранее получали секретные указания выбирать либо при каждой попытке, либо в определенной доле попыток «неверный» отрезок. Наивному испытуемому отводили такое место, что он, прежде чем объявить о своем решении, слышал ответы

большинства товарищей по группе. Аш обнаружил, что при такой форме социального давления большая доля испытуемых предпочитала идти на поводу у группы, а не соглашаться с тем, что видят собственными глазами.

Наш эксперимент проводился не с отрезками на карточках, а со звуковыми сигналами. Пять испытуемых – сообщники экспериментатора, они вступают в заговор с целью оказать социальное давление на шестого. Испытуемые слушают два гудка, после чего их просят сказать, какой длиннее. Пятеро сообщников отвечают первыми, испытуемый, которому предстоит высказаться последним, слышит их ответы. Сообщникам было дано указание давать неверные ответы в 16 из 13 попыток, составлявших один эксперимент. Мы решили задействовать гудки, а не линии, они лучше подходят к экспериментальному методу с «фиктивными группами». Психологи из Йельского университета Роберт Блейк и Джек У. Брем обнаружили, что эксперименты по изучению влияния группы можно проводить и без личного присутствия сообщников. Достаточно, чтобы испытуемый думал, что они есть, и слышал их голоса в наушниках. Фиктивные группы легко создавать при помощи магнитофонных записей. Бобинам не нужно платить за час работы, и достать их несложно.

Когда испытуемый входил в лабораторию, то видел на вешалках несколько пальто, и у него сразу складывалось впечатление, что он не один. Его провожали в одну из шести закрытых кабинок, где выдавали микрофон и наушники. Пока он слушал в наушниках указания, до него доносились и голоса других «испытуемых», поэтому он предполагал, что все кабинки заняты. Во время самого эксперимента он слышал пять записанных ответов, после чего его просили дать собственный. Испытуемые никогда не догадывались, что их обманывают, если не происходило технических накладок. Большинство испытуемых очень увлекались происходящим, и когда они понимали, что им придется в одиночку выступить против пяти единодушных противников, у них возникало сильное напряжение. Эта ситуация создавала неподдельный, глубокий внутренний конфликт, который необходимо было разрешить, выбрав либо независимость, либо конформность.

Отточив процедуру в Гарвардском университете, мы были готовы проводить эксперимент за рубежом – с норвежскими и французскими испытуемыми. В какой из этих национальных культур люди чаще соглашаются с мнением группы, а в какой проявят больше независимости?

В ходе эксперимента по изучению конформности испытуемый должен был выслушать в наушниках два гудка разной продолжительности, а затем ответить на вопрос, какой гудок был длиннее. Целью эксперимента было измерить, в какой степени испытуемый будет соглашаться с неверными ответами, которые дадут пять других испытуемых, выслушав те же гудки. На самом деле ему так только казалось: других испытуемых в лаборатории не было, а иллюзия присутствия создавалась при помощи магнитофонных записей. Рисунок Бернарды Брайсон (рис. 7) сверху показывает, что видел испытуемый, когда входил в лабораторию. На рисунке в середине показано, как испытуемый, сидящий в дальней левой кабинке, представляет себе ситуацию, пока проходит испытание. На рисунке снизу изображено, как все обстоит на самом деле.

В норвежском исследовании большинство испытуемых были студентами Университета Осло. Поскольку это единственный в Норвегии полноценный университет, удалось получить большое географическое разнообразие. В нашу выборку входили студенты и из-за Полярного круга, и с фьордов на западе Норвегии, и из Тронхейма – древней столицы викингов.

Когда исследование переместилось в Париж, мы отбирали французских студентов так, чтобы они соответствовали норвежским по возрасту, уровню образования, специализации, полу, семейному положению и – по возможности – слою общества. Нам снова удалось добиться географического разнообразия, поскольку в Париж едут учиться студенты со всей Франции. Несколько французских испытуемых были из французских городов в Северной Африке. С культурной точки зрения это были такие же французы, как и жители метрополии, – они были из французских семей и учились во французских *lycées* .

В Норвегии эксперимент проводил норвежец, и все записи надиктовали актеры-норвежцы. Во Франции эксперимент проводили французы. Мы приложили много усилий, чтобы французская и норвежская группы были одинаковыми и по атмосфере, и по качеству. Было сделано много записей, пока носители соответствующих языков, чувствительные ко всем нюансам, не согласились, что нам удалось добиться эквивалентной атмосферы в группах.

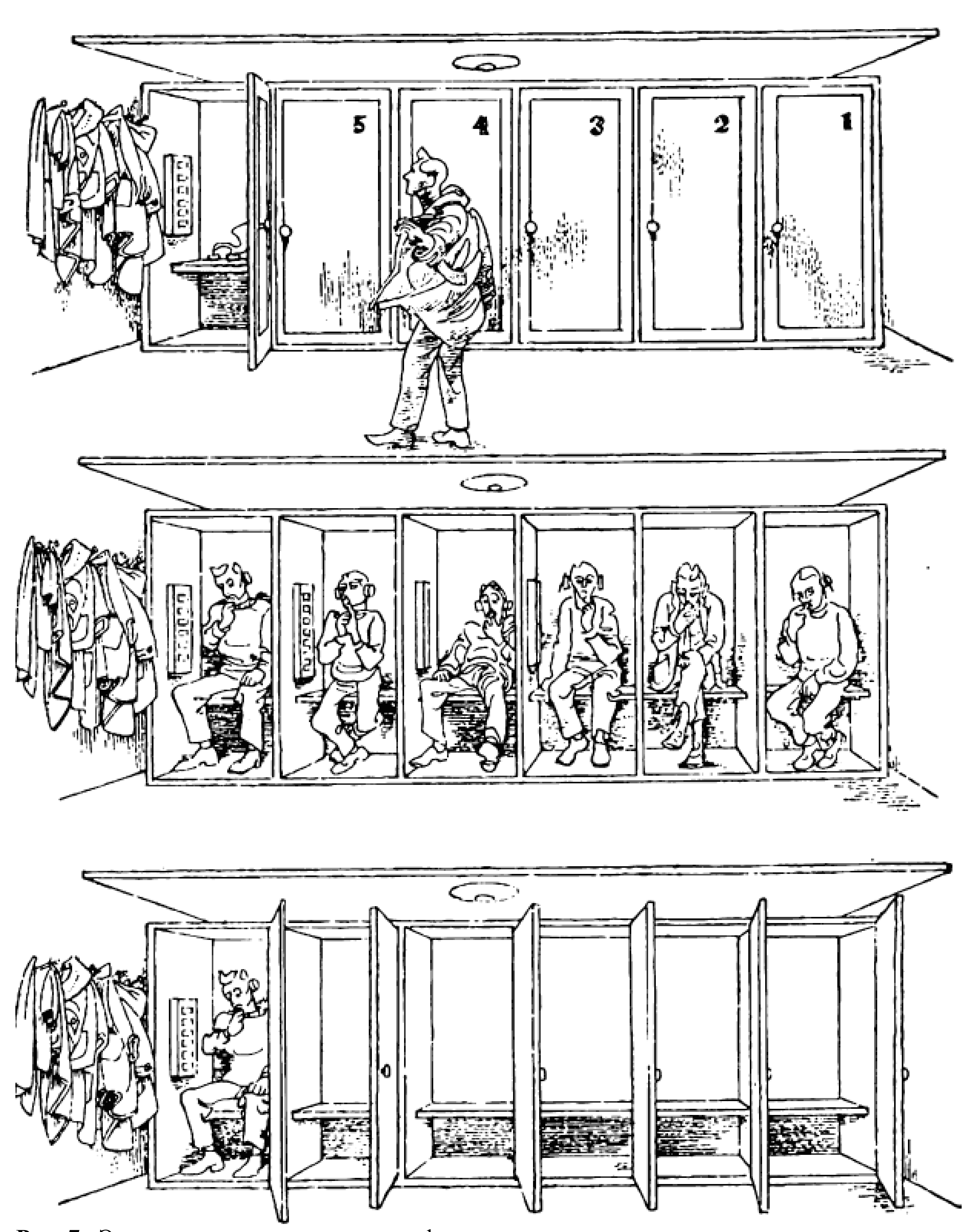

Рис. 7. Эксперимент по изучению конформности

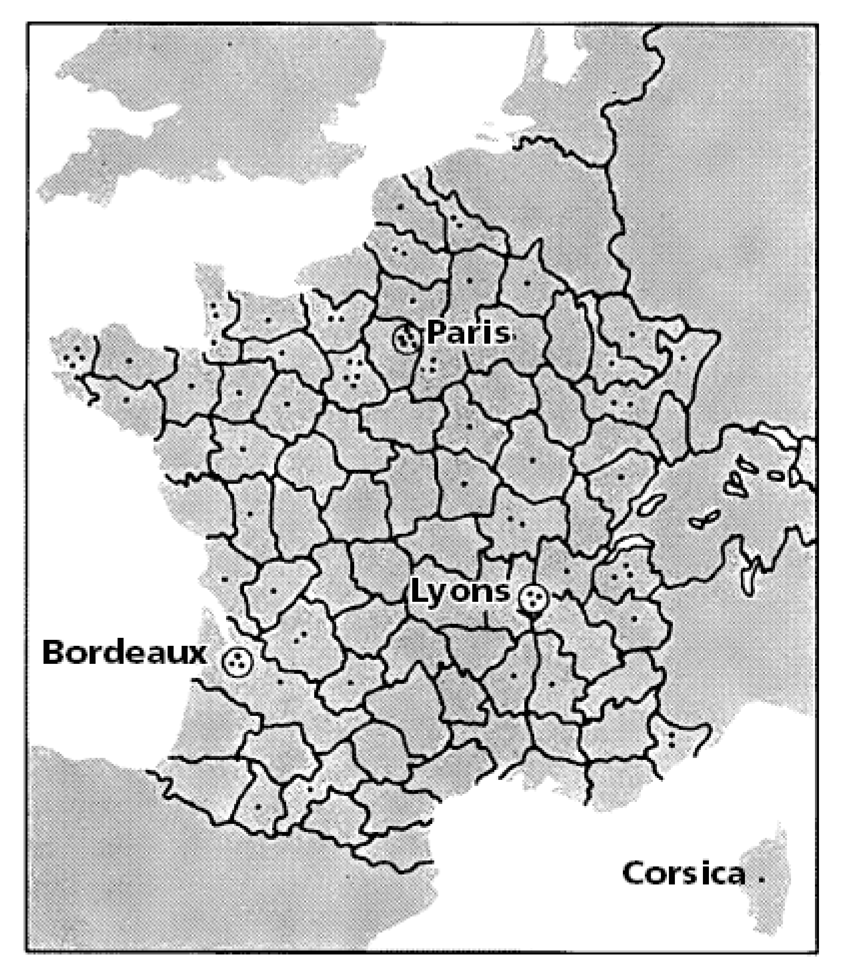
В первой серии экспериментов было задействовано 20 испытуемых-норвежцев и

столько же французов. Испытуемые-норвежцы проявляли конформность к группе в 62% информативных попыток (то есть попыток, в которых группа преднамеренно голосовала неверно), а французы – в 50% информативных попыток.

Каждому испытуемому, после того как он принял участие в эксперименте, рассказывали, что происходило в лаборатории на самом деле, а затем просили описать свою реакцию. Почти все участники в обеих странах не заподозрили обмана и признали, что ощущали сильное давление группы. Один норвежский испытуемый с фермы в Норленде за Полярным кругом сказал: «По-моему, это очень изобретательный эксперимент. Я и не подозревал, как все организовано, пока мне не объяснили. Конечно, мне было немного неприятно, что меня поставили в такое положение». Самокритичный студент из Осло заметил: «Это был отличный фокус, а я сглупил и попался на удочку… Весело, наверное, заниматься психологией». Такую же реакцию мы наблюдали и во Франции, где идея психологических экспериментов произвела на студентов сильное впечатление.

Рис. 8. Норвежские испытуемые были из Университета Осло, где учатся студенты со всей страны. Точками на карте отмечены родные города и округи ста студентов-участников.

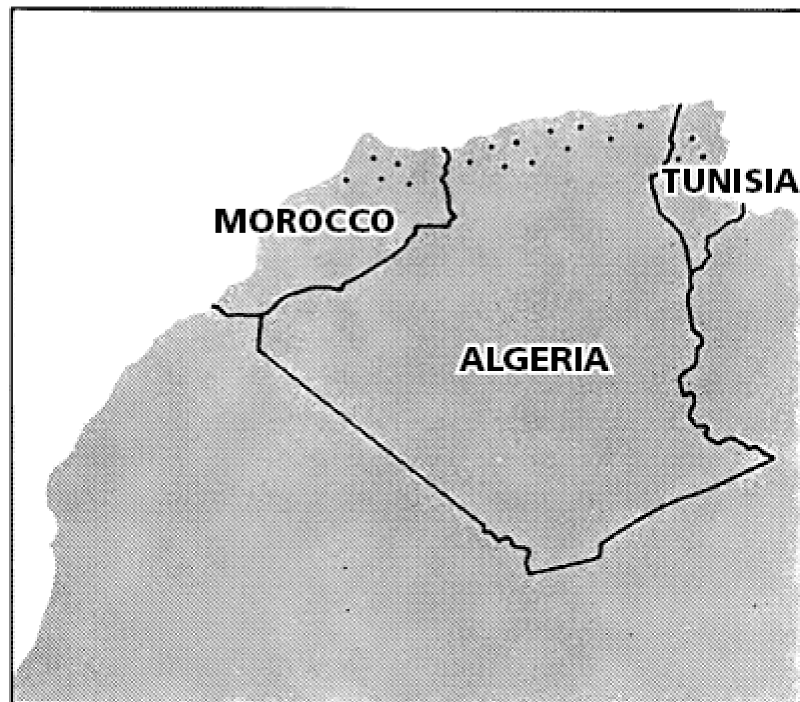

Рис. 9. Французские испытуемые были студенты из Парижа, которых подбирали так, чтобы они как можно лучше соответствовали норвежским испытуемым. Точками отмечены родные департаменты (или города в Северной Африке) 95 участников.

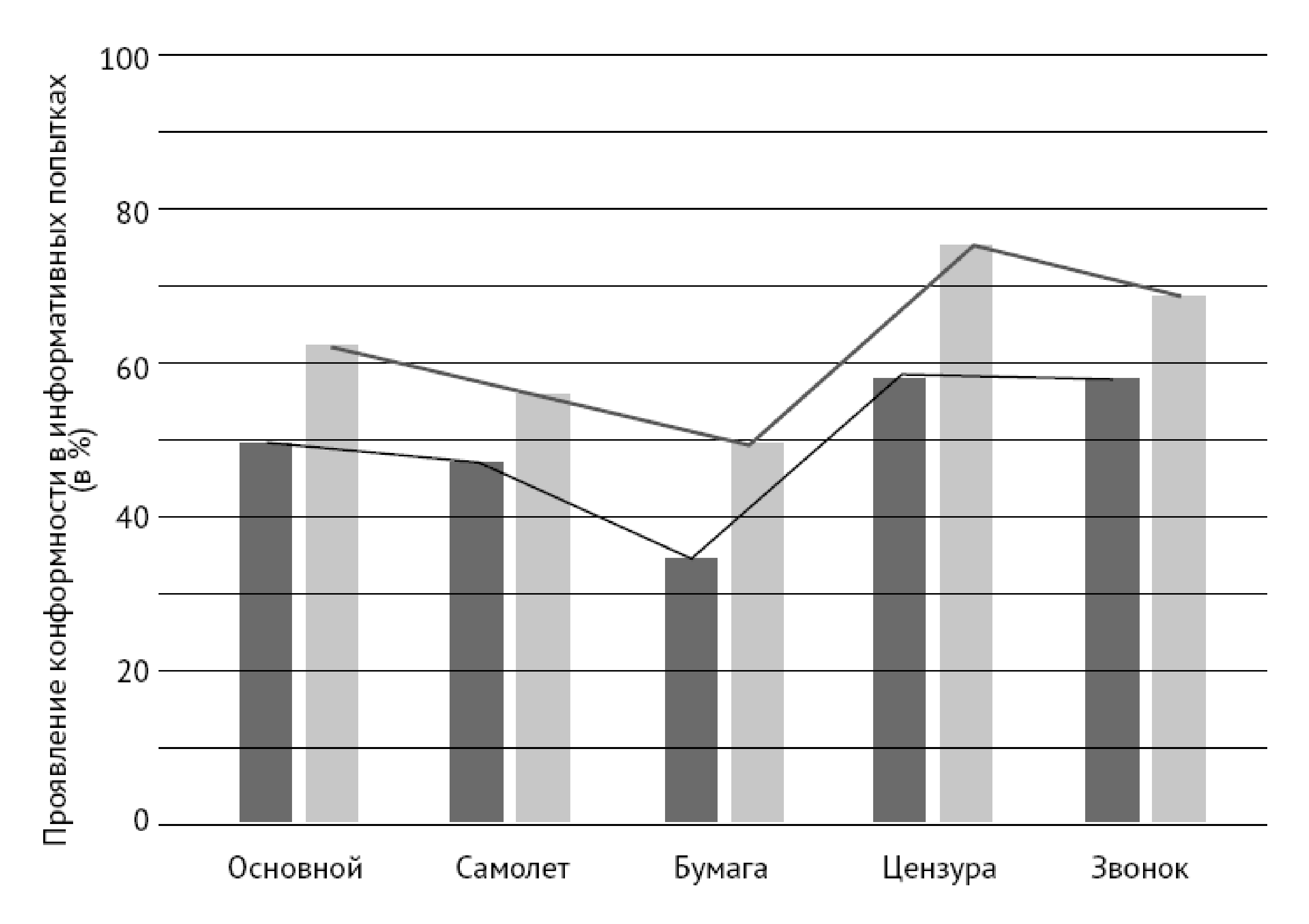

Рис. 10. Уровень конформности у разных национальностей

(В Норвегии и Франции психологические исследования отнюдь не так распространены и интенсивны, как в США, так что испытуемые относительно мало осведомлены о том, каких уловок требуют психологические эксперименты.)

Уровень конформности (см. рис. 10) был у норвежцев (светлая заливка) выше, чем у французов (темная заливка) во всех пяти экспериментальных ситуациях, однако флуктуации у тех и у других наблюдались одинаковые. Черная ломаная линия отмечает уровень ошибок у контрольных групп в отсутствие давления. Первый набор прямоугольников показывают результаты основного эксперимента. В следующей ситуации значимость повышена объявлением, что результаты эксперимента будут учтены при разработке систем безопасности для самолетов. «Фактор самолета» сохранялся и во всех последующих экспериментах, в одном из которых испытуемые не давали ответы устно, а записывали их на бумагу. В ситуации «цензуры» давление на испытуемых повышалось критическими замечаниями (записанными). В последнем эксперименте цензура продолжилась, и все испытуемые получили возможность потребовать повторить тестовые гудки, позвонив для этого в звонок; норвежцы «отваживались» на это реже французов.

Разумеется, было бы легкомысленно проводить всего по одному эксперименту в Норвегии и Франции, а затем делать из них какие-то выводы. В ходе второго эксперимента мы решили изменить отношение испытуемого к важности самого эксперимента и посмотреть, как это повлияет на результаты. Во втором цикле (как и во всех последующих) испытуемым сказали, что результаты эксперимента будут использованы в разработке сигналов безопасности в самолетах. Так мы связали ответы испытуемых с вопросами жизни и смерти. Как можно было ожидать, на сей раз испытуемые проявили несколько большую независимость от группы, однако уровень конформности опять оказался выше в Норвегии (56%), чем во Франции (48%). Среди обстоятельств, которые нужно было учитывать с самого начала, была вероятность, что норвежцы и французы обладают разной способностью определять долготу звуков, поэтому норвежцы в групповой ситуации чаще ошибаются.

Однако мы провели с каждым испытуемым тест на восприимчивость к долготе звука и смогли показать, что она одинакова у студентов в обеих странах. В первых двух экспериментах по изучению конформности от испытуемых требовали не только принять решение перед лицом единодушной оппозиции, но и открыто, во всеуслышание объявить о нем (по крайней мере, испытуемые так думали). Таким образом, это действие приобрело окраску публичного заявления. Все мы понимаем, что очевиднее всего конформность проявляется именно публично. Например, когда нарушаются преобладающие стандарты в одежде или поведении, как правило, немедленно следует критическая реакция. Поэтому мы решили, что лучше будет проверить, правда ли, что норвежцы больше склонны к конформности лишь в публичной ситуации, когда им приходится произнести ответ вслух. Тогда мы провели в обеих странах эксперимент, в ходе которого испытуемому разрешалось не объявлять ответ группе, а записывать его на бумаге. Этот эксперимент проводили с новыми группами из 20 студентов-норвежцев и 20 студентов-французов.

Когда мы перестали требовать публичного ответа, уровень конформности в обеих странах существенно упал. Однако испытуемые-французы в третий раз повели себя более независимо, чем норвежцы. В Париже студенты соглашались с группой в 34% информативных попыток. В Осло этот показатель приблизился к 50%. Так что исключение требования публичности снизило конформность на 14% во Франции, но лишь на 6 – в Норвегии.

Очень странно, что норвежцы так часто соглашались с группой даже в условиях тайного голосования. Можно, в частности, предположить, что средний норвежец по тем или иным причинам полагает, что его тайные действия рано или поздно станут явными. Беседы с норвежцами косвенно подтвердили это предположение. Несмотря на заверения, что ответы будут проанализированы тайно, один испытуемый сказал, что боится, что раз он так часто не соглашался с группой, экспериментатор соберет группу и обсудит его несогласие с остальными участниками. Другой норвежский испытуемый, согласившийся с группой 12 из 16 раз, предложил такое объяснение: «В современном мире нельзя придерживаться слишком оппозиционных взглядов. В старших классах я был более независимым. Современный образ жизни таков, что нужно соглашаться чуть больше. Если все время противопоставлять себя другим, тебя будут считать плохим. Может быть, это и повлияло». Тогда его спросили: «Несмотря на то, что вы не оглашали свой ответ?» – и он ответил: «Да, я пытался представить себе, что на меня все смотрят, хотя сидел в кабинке и меня никто не видел».

Целью четвертого эксперимента было проверить чувствительность испытуемых-норвежцев и французов еще к одному аспекту группового мнения. Что будет, если подвергнуть испытуемых открытой, гласной критике группы заговорщиков? Казалось бы, в таких условиях логично ожидать большей конформности. С другой стороны, активная критика могла бы в принципе подтолкнуть к демонстрации независимости. Более того, норвежцы могли повести себя иначе, чем французы. Некоторые мои коллеги предполагали, что явно выраженная критика рассердит испытуемых-французов, пробудит в них упрямство и придаст сил в противостоянии группе.

Чтобы проверить эти гипотезы, мы записали ряд соответствующих реплик, которые собирались проигрывать каждый раз, когда испытуемый давал ответ, противоречивший мнению большинства. Первой ступенью и в Норвегии, и во Франции был просто еле слышный смешок одного из большинства. Дальнейшие санкции были более суровыми. В Норвегии они были основаны на фразе «Skal du stikke deg ut?», которую можно перевести как «Хочешь быть не как все?». Примерно эквивалентную фразу слышали в наушниках испытуемые, пошедшие против мнения группы, и в Париже: «Voulez-vous faire remarquer?» («Хотите обратить на себя внимание?»).

Открытая социальная критика существенно повысила конформность и в Норвегии, и во Франции. Во Франции испытуемые теперь соглашались с большинством в 59% информативных попыток. В Норвегии доля возросла до 75%. Однако еще удивительнее оказались реакции испытуемых в обеих странах. В Норвегии испытуемые воспринимали

критику бесстрастно. Зато во Франции более половины испытуемых в отместку отпускали язвительные замечания. Два студента-француза, один из района Вогезских гор, другой из департамента Эр и Луар, так разъярились, что обрушили на задир потоки нецензурной брани.

Даже когда мы объяснили в ходе беседы после эксперимента, что всю процедуру записали на пленку, многие испытуемые нам не поверили. Они не понимали, как нам удалось вставлять реплики настолько правдоподобно, ведь мы не могли предсказать, как они ответят в каждый конкретный момент. Для этого мы применяли два магнитофона. Один проигрывал стандартную запись с гудками и ответами группы и с «пробелами» для реплик испытуемого; на другой были только «критические замечания» участников группы. Магнитофонами можно было управлять независимо, так что мы могли вставлять замечания всякий раз, когда это было уместно благодаря ответам испытуемого. Замечания следовали непосредственно за независимыми ответами испытуемого, так что возникало впечатление спонтанности.

Затем мы разработали еще одну серию экспериментов, которые помогли истолковать первые результаты. Например, многие испытуемые-норвежцы подводили под свои действия рациональную базу и утверждали на беседе после эксперимента, что соглашались с остальными, поскольку сомневались в своей правоте, и если бы у них была возможность развеять сомнения, они вели бы себя более независимо. Поэтому был проведен эксперимент с целью проверить эту гипотезу. Испытуемому давали возможность еще раз прослушать стимульный материал и лишь затем давать окончательный ответ. Если он хотел заново прослушать пару гудков, ему нужно было позвонить в звонок в своей кабинке. Как и раньше, группа открыто осуждала испытуемого, если он с ней не соглашался, однако если он просто просил повторить гудки, его никто не критиковал. Оказалось, что даже относительно простой акт – просьбу о повторении – следует считать выражением значительной независимости. За все время эксперимента хотя бы раз попросили повторить гудки лишь пятеро норвежцев, тогда как из испытуемых-французов «храбрости» на это хватило у 14 человек. Французы снова проявили больше независимости: они соглашались с группой в 58% информативных попыток, а норвежцы – в 69%.

Затем исследование переместилось из университета на завод. Когда мы провели эксперимент с 40 норвежскими рабочими, оказалось, что уровень конформности у них примерно такой же, как и у норвежских студентов. Однако было одно существенное различие. Во время эксперимента студенты часто были напряжены и взволнованны. Рабочие воспринимали происходящее добродушно, с юмором, и когда им раскрывали подлинную природу эксперимента, это их скорее забавляло. Провести эксперимент с сопоставимой группой рабочих во Франции нам пока не удалось.

При любом анализе данных они указывают на то, что французы в целом более независимы, чем норвежцы. В каждой из 16 информативных попыток конформность к группе проявляли 12% норвежских студентов и лишь 1% французов. Упорную независимость проявили 41% французов и лишь 25% норвежцев. И в каждом из пяти экспериментов, проведенных в обеих странах, французы оказались более устойчивыми к давлению группы.

Эти результаты ни в коем случае нельзя считать окончательными. Лучше относиться к ним как к началу исследования, которое, пожалуй, имеет смысл продолжить и расширить. Однако при всей своей неполноте эти результаты гораздо более надежны, чем кабинетные размышления о национальном характере.

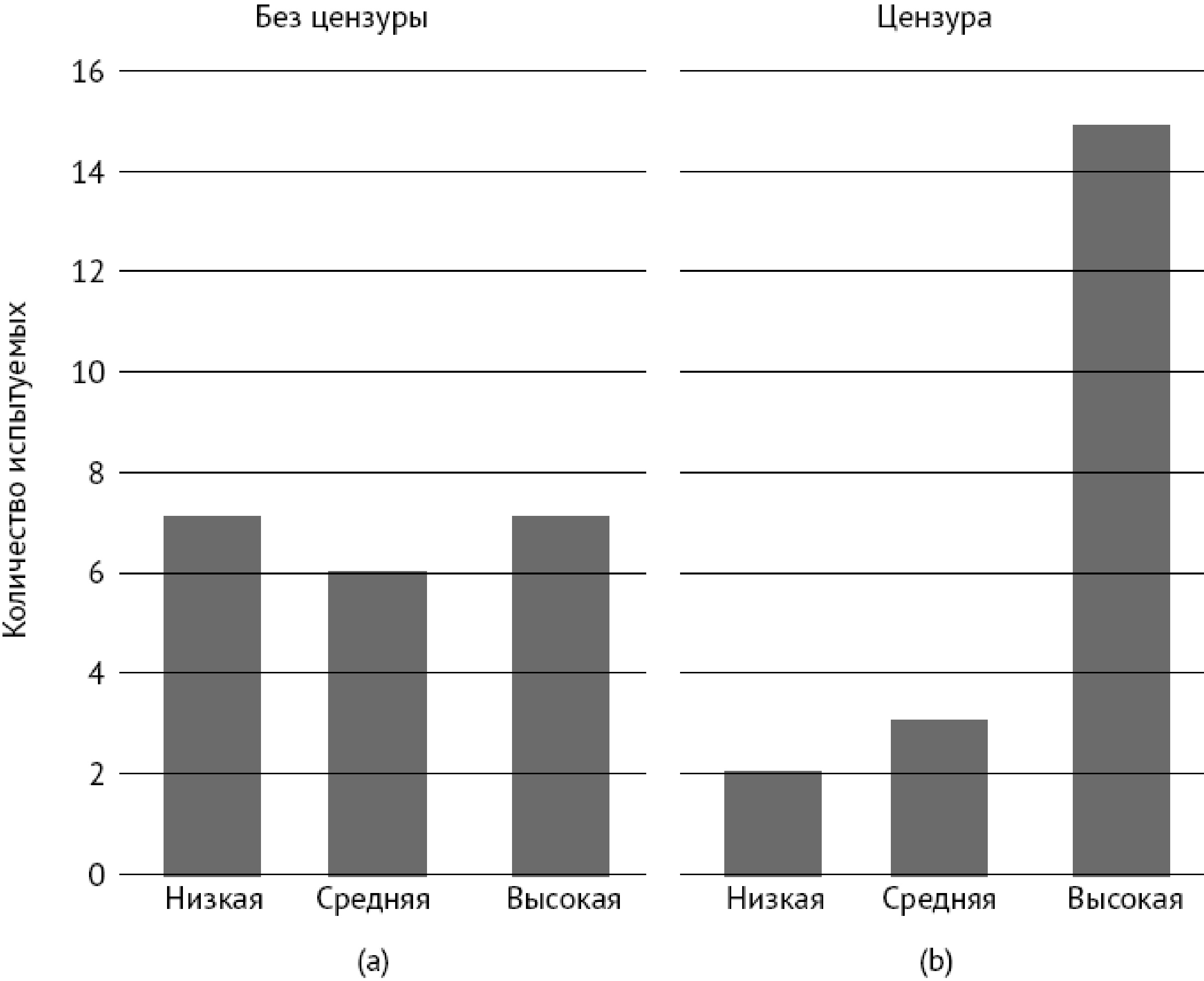

Рис. 11. Цензура как фактор, усиливающий конформность. На диаграмме показана степень конформности у 20 норвежцев в отсутствие цензуры (a) и при введении цензуры в форме критических замечаний (b). В категорию «низкой конформности» входили те, кто из 16 ответов соглашался с большинством не более 6 раз, «средней» – 7–11 раз, «высокой» – 12 раз и более

Полезно, однако, посмотреть, как соотносятся результаты экспериментов с национальной культурой повседневной жизни. Если бы наблюдался конфликт между экспериментальными находками и общим впечатлением, понадобились бы дальнейшие эксперименты и анализ, пока конфликт не удалось бы разрешить. Вполне возможно, что расхождение возникает, когда смотришь на культуру не беспристрастно, а сквозь призму стереотипов и предрассудков. Так или иначе, в нашем исследовании данные наблюдений и экспериментов, похоже, вполне согласуются. Представлю мои собственные впечатления от двух изучаемых стран – пусть даже они субъективны. Мне видится, что норвежское общество очень сплоченное. Норвежцы обладают глубоким чувством принадлежности к группе, они сильно настроены на потребности и интересы окружающих. Это чувство социальной ответственности находит выражение в том, как сильно защищает и опекает своих граждан норвежское государство. Норвежцы охотно платят огромные налоги на поддержку обширных программ социального обеспечения. Неудивительно, что подобная социальная сплоченность влечет за собой высокую степень конформности.

Французы по сравнению с норвежцами гораздо меньше склонны к консенсусу и в социальной, и в политической жизни. Норвежцы обходятся одной-единственной конституцией, составленной в 1814 году, а французы так и не смогли добиться политической стабильности в рамках четырех республик. Едва ли мне стоит формулировать это как закон социальной психологии, однако, похоже, разнообразие мнений, которое мы обнаруживаем во французской общественной жизни, проявляется и на более интимном масштабе. Традиция

несогласия и критических суждений просачивается вплоть до бистро на углу. Критическое суждение ценится настолько высоко, что это зачастую выходит за рамки логики, однако само по себе это может объяснять относительно низкий уровень конформности, которая выявлена во французском цикле экспериментов. Более того, как показал Стэнли Шехтер, постоянное наличие широкого спектра мнений помогает личности освободиться от социального давления. Примерно об этом же говорят и недавние исследования поведения американцев на выборах. Выяснилось, что чем больше разных точек зрения знакомы человеку, тем скорее он при голосовании будет придерживаться иного мнения, чем его родная группа. Все эти факторы помогают объяснить, почему студенты-французы выносили относительно независимые суждения.

Так или иначе, эксперименты показывают, что социальная конформность – явление не только американское, как убеждают нас некоторые критики. Определенная доля конформности, похоже, необходима для функционирования любой социальной системы. Проблема в том, чтобы нащупать идеальное равновесие между личной инициативой и подчинением власти.

Можно задаться вопросом, действительно ли при изучении поведенческих различий мы имеем право опираться на границы между странами. Мне представляется, что на них можно ориентироваться только в той степени, в какой они совпадают с различиями в культуре, биологии, окружающей среде. Довольно часто границы представляют собой историческое признание общей культурной практики. Более того, стоит их установить, и они сами по себе задают ограничения на социальную коммуникацию.

С учетом всего этого сравнение национальных культур не должно затемнять колоссальный диапазон привычек и поведения в пределах одной страны. И норвежцы, и французы проявляли всю гамму действий – от полной независимости до полной конформности. Вероятно, невозможно провести никаких исследований национального характера, в которых масштабы общего не приближались бы к масштабу различий и не соответствовали бы ему. Однако это не должно помешать нам в попытках сформулировать нормы и сделать статистически достоверные обобщения паттернов поведения в разных странах.

Сейчас мы планируем дальнейшие исследования национальных черт характера. Недавно на семинаре в Йельском университете студентам дали задание выявить поведенческие характеристики, которые описывали бы эпоху фашизма в истории Германии. В основном студенты предполагали, что немцы агрессивнее американцев, охотнее подчиняются власти и более дисциплинированны. Выдержат ли эти предположения экспериментальную проверку – вопрос пока открытый.

Литература

ASCH, S. E. «Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgement». В кн.: H. Guetzkow (ed.), *Groups, Leadership and Men* . Pittsburgh: The Carnegie Press, 1951.

BLAKE, R. R., & BREHM, J. W. «The use of tape recording to simulate a group atmosphere».*J. Abnorm. and Soc. Psychol.* , 1954, 49, 311–3.

CASTBERG, F. *The Norwegian Way of Life* . London: W. Heinemann, 1954.

GORER, G. *Exploring English Character.* New York: Criterion Books, 1955.

INKELES, A., & LEVINSON, D. J. «National character: the study of modal personality and sociocultural systems». В кн.: G. Lindzey (ed.). *Handbook of Social Psychology* (Vol. II). Cambridge, Mass.: Addison-Wesley, 1954, pp. 977–1020.

MCGRANAHAN, D. V., & WAYNE, I. «German and American traits reflected in popular drama». *Human Relations* , 1948, 1, 429–55.

RODNICK, D.*The Norwegians: A Study in National Culture* . Washington, D. C.: Public Affairs Press, 1955.

SCHACHTER, S., NUTTIN, J., DE MONCHAUX, C., MAUCORPS, P. H., OSMER, D., DUIJKER, H., ROMMETVEIT, R., & ISRAEL, J. «Cross-cultural experiments on threat and

rejection».*Human Relations* , 1954, 7, 403–39.

Конформность в повседневной жизни норвежцев[42]

Норвежское общество отличается сплоченностью. Норвежцы обостренно ощущают принадлежность к группе и всегда стараются учитывать желания и интересы окружающих. Каждый поступок оценивается с точки зрения того, как он повлияет на других, и это соответствующим образом влияет на поведение. Норвежцы – люди весьма деликатные, уровень социальной ответственности у них очень высок. Социальная близость, чувство сплоченности и забота о других просматриваются во многих особенностях норвежской жизни: с одной стороны, они выражаются в мощной системе защиты граждан. В современной Норвегии разработаны сложные и продуманные схемы социального обеспечения. Общество постоянно заботится о всеобщем благополучии и готово платить на поддержание системы социального обеспечения огромные налоги.

С другой стороны, подобная социальная близость и сплоченность находит выражение в крайней степени демократического конформизма. В обществе царит убеждение, что нельзя выставляться, не нужно стараться быть лучше соседа. Блестящие личные достижения не поощряются. Даже в начальной школе детям не советуют слишком часто поднимать руку. Норвежцы стремятся сгладить качественные различия между людьми, это входит в их эгалитарную этику.

Важничать в Норвегии не разрешается даже королю. Он символизирует единство норвежского народа, однако носит простой деловой костюм, ходит за покупками в обычные магазины и отправляет детей в государственную школу. Договориться о встрече с ним может практически каждый. Считается, что он не обладает никакими особыми личными качествами, не присущими среднему норвежцу.

Если норвежец предпринимает какие-то действия, чтобы выделиться из среды, не хочет быть таким, как все, это воспринимается как нарушение приличий. Эта норма глубоко укоренена в норвежской общественной жизни и отражается в поведении норвежцев в ходе нашего эксперимента.

В Норвегии есть существенные региональные различия, однако в пределах одного региона к принципиальным вопросам относятся вполне единодушно. Норвежцы много спорят и дискутируют, однако формулируют свои доводы в рамках основополагающих ценностей и почти никогда за них не выходят. Приведем бытовой пример: норвежцы спорят о том, в каком районе города строить мусороперерабатывающий завод, однако никто – ни один человек – не станет спорить о значении грязи в городской культуре. Многие французы тоже убеждены в важности санитарии и гигиены, однако это не помешало одному парижскому студенту сказать мне: «Мусороперерабатывающий завод! Зачем вообще перерабатывать отходы? Грязь – дар Божий роду людскому, почва для творчества, из которой произрастают искусство и воображение. Если мне покажут чистый город, я скажу, что это бесплодная культура, стерильный бульон!» Большинство французов скажут такое разве что в шутку, однако именно этот студент, похоже, говорил серьезно. Ни один норвежец даже смеха ради не станет спорить ни о чем помимо местоположения, финансирования и устройства мусороперерабатывающего завода – не более того. Споры в Норвегии возможны лишь в рамках четко определенной структуры консенсуса.

В политической сфере норвежцы разделяются по партиям, однако в целом все настолько согласны в том, как должно быть организовано государство, что любые дискуссии

---

[42] Отрывок из докторской диссертации Стэнли Милгрэма «Conformity in Norway and France: An Experimental Study of National Characteristics» («Конформность в Норвегии и Франции. Экспериментальное изучение особенностей национального характера»), Cambridge, Mass.: Harvard University, 1960, p. 197–203.

в Стортинге проходят с поразительной гладкостью, а члены разных политических группировок охотно идут друг другу навстречу.

Поэтому неудивительно, что у норвежских испытуемых эксперимент вызвал особенно сильный внутренний конфликт: он требовал нарушения согласия по весьма фундаментальному вопросу.

Хотя Осло и столица Норвегии, атмосфера в нем провинциальная, будто в маленьком городке, – в противоположность высокоцивилизованным городам вроде Парижа и Копенгагена. Здесь в большей степени поддерживаются традиции сельского уклада – большинство нынешних жителей Осло выходцы с хуторов самое большее в третьем поколении. В городе живет всего 400 000 человек, а по ощущениям и того меньше. В любом кругу, будь то студенты или юристы, подавляющее большинство так или иначе сталкивается друг с другом лично. Так что культура Осло до некоторых пределов – это культура маленького городка. Здесь уместно упомянуть «Janteloven» – «Законы Янте», отсылка к которым очевидна для любого образованного норвежца. Это своего рода десять заповедей, которые провинциальное общество навязывает личности.[43] Три «заповеди» звучат следующим образом:

> Du skal ikke innbille dig at du er bedre enn oss.
> *(Не думай, что ты лучше нас.)*
>
> Du skal ikke tro at du vet mere enn oss.
> *(Не думай, что ты знаешь больше нас.)*
>
> Du skal ikke tro du er klopere enn oss.
> *(Не думай, что ты умнее нас.)*

Возникало впечатление, будто многие норвежские испытуемые изо всех сил старались соблюдать эти «заповеди». Вероятно, на высокий уровень наблюдаемой конформности повлиял небольшой разброс мнений в норвежском обществе.

Если норвежское общество так настойчиво требует конформности и так навязывает нормы приличного поведения, есть ли у норвежцев социально приемлемые механизмы, позволяющие облегчить это бремя? Пожалуй, такие механизмы есть, и их по меньшей мере два: пьянство и побег из сферы действия правил при помощи спорта и путешествий. Что касается пьянства, поражает не столько количество потребляемого в Норвегии алкоголя, сколько способы его потребления. Норвежцы выпивают помногу и очень быстро с единственной целью – захмелеть. На вечеринке, где встречается образованная молодежь, первые 15 минут проходят, как правило, тихо, даже скованно. Гости сидят вокруг стола, негромко беседуют и пьют аквавит. Не проходит и часа, как все уже пьяны, причем сильно. Гуляки кричат, буянят, бесчинствуют. Осло в субботу вечером представляет собой поразительное зрелище. То и дело натыкаешься на шатающиеся по улицам пьяные компании, отовсюду слышны песни. Алкоголь – важнейший инструмент, позволяющий обеспечить передышку от жестких требований конформности и необходимости хорошо себя вести – а для норвежцев характерно именно хорошее поведение.

Второй механизм избавления от давления группы – побег из сферы действия правил в форме дальних одиночных пеших или – зимой – лыжных походов, причем общество это

---

[43] Выражаю признательность господину Ульфу Торгерсену, который познакомил меня с «Законами Янте» (помимо множества прочих особенностей норвежского общества). «Janteloven» сформулировал датский писатель Аксель Сандемусе в сатирическом романе, который в Норвегии вышел под названием «En Flyktning Kryser Sitt Spor» («Беглец пересекает свой след»). Oslo: Tiden Norsk Forlag, 1933.

одобряет. Норвежцы часто говорят, что иногда им хочется побыть одним в горах. Один студент из западной Норвегии заметил, что у него часто возникает потребность сбежать в долину, что там он находит покой и утешение. Подобные мысли и чувства у норвежцев встречаются сплошь и рядом.

Другой вариант механизма, позволяющего сбежать из сферы действия правил, – поездки за границу, и норвежцы путешествуют много и часто. Конечно, в Норвегии принято искренне интересоваться другими странами и народами, однако путешествия помогают и отдохнуть от жестких социальных требований, которые предъявляет родина. Многие норвежцы в заграничной атмосфере несколько раскрепощаются, однако редко способны сохранить это настроение и дома.

Итак, для норвежского общества характерны небольшой диапазон мнений и сплоченность, сильное ощущение причастности к группе и внимание к чужому мнению и благополучию. Практически все члены общества разделяют общую систему ценностей, отличаются высокой социальной ответственностью и склонны сглаживать индивидуальные различия (а в особенности характеристики, выгодно отличающие одного человека от другого). Наблюдается высокая степень демократического конформизма.

Однако из этого не следует, что конформность к групповым нормам приводит к мучениям и, если можно так выразиться, к деградации. Все зависит от сути этих норм. Норвежский образ жизни по сути своей опирается на человечные, эгалитарные и прогрессивные ценности. Подобные стандарты возвышают человека.

Этическая сторона эксперимента по изучению конформности. Эмпирический подход[44]

В рамках исследования группового давления в Норвегии я изучал и реакцию испытуемых на этическую сторону эксперимента. В лаборатории многие испытуемые проявляли себя, казалось бы, не с лучшей стороны, и испытуемые-конформисты, узнав в ходе беседы о подлинной сути эксперимента, зачастую смущались или даже чувствовали себя униженными. Более того, испытуемого приглашали в лабораторию под ложным предлогом, а экспериментатор во время эксперимента намеренно вводил его в заблуждение. Испытуемых обманом заставляли думать, что (1) кроме них, в лаборатории есть еще кто-то, другие испытуемые честно отвечают на вопросы и (3) полученные данные послужат важным гуманитарным целям. Хотя о подлинной сути эксперимента испытуемым рассказывали сразу после него, этический вопрос остается открытым. Чтобы количественно оценить реакцию испытуемых на эту сторону эксперимента, участвовавшим в нем норвежским студентам предложили специально разработанный вопросник.

120 экземпляров вопросника разослали испытуемым примерно через два месяца после эксперимента. 96 экземпляров вернулись заполненными. Мы полагаем, что несколько из тех 24, которые мы не получили, не дошли до адресатов из-за ошибок в адресах и т. п. Однако это не единственная причина. В табл. 4 мы сопоставляем поведение испытуемых в ходе эксперимента с количеством невозвращенных вопросников.

---

[44] Отрывок из докторской диссертации Стэнли Милгрэма «Conformity in Norway and France: An Experimental Study of National Characteristics» («Конформность в Норвегии и Франции. Экспериментальное изучение особенностей национального характера»), Cambridge, Mass.: Harvard University, 1960, p. 170–6. Copyright © Александра Милгрэм. Печатается с разрешения правообладателя Александры Милгрэм.

Степень конформности	*Количество возвращенных вопросников*	*Количество невозвращенных вопросников*	*Процент возвращенных вопросников*
Низкая	29	0	100
Средняя	25	6	80,6
Высокая	42	18	70,0

Таблица 4

Процент испытуемых, вернувших вопросник, как функция поведения в ходе эксперимента

Легко видеть, что вопросники заполнили и прислали 100% испытуемых, выказавших низкий уровень конформности, 81% тех, у кого оказался средний уровень конформности, и лишь 70% тех, кто подчинялся мнению большинства 12 раз и больше.

Таким образом, в том, что касается вопросников, следует учитывать, что налицо систематическая ошибка – они отражают в основном мнение испытуемых, проявивших независимость. В частности, мы спросили испытуемых, как они чувствовали себя сразу после участия в эксперименте. Вопрос был построен в виде предложения, которое испытуемый должен был закончить, и такая форма обеспечивала максимальную свободу; испытуемые говорили о своем состоянии по-разному, однако никто, похоже, не был слишком уж потрясен. Один испытуемый употребил слово «жестокий», однако этот эпитет относился лишь к ощущениям в ходе эксперимента, а не к его отдаленным последствиям. Большинство испытуемых говорили, что сердились на себя за то, что не распознали подлинную природу эксперимента.

Кроме того, мы спросили, каким видится эксперимент испытуемым сейчас, считают они его этичным или нет. Чтобы избежать искажения данных в пользу экспериментатора, мы включили два отрицательных, два нейтральных и один положительный вариант ответа. Результаты приведены в табл. 5.

Крайне неэтичным	0
Неэтичным	8
Этичным	14
Ни этичным, ни неэтичным	69
ИТОГО	91
(Нет ответа)	5
	N = 96

Таблица 5

Каким, с вашей точки зрения, был эксперимент – этичным или неэтичным?

Восемь человек назвали эксперимент неэтичным, однако некоторые присовокупили и оценочные замечания:

> Эксперимент неэтичен, поскольку к участию в нем привлекают под ложным предлогом, однако, по-моему, подобный эксперимент невозможно организовать иначе.

> Наверное, это стоит потерпеть ради науки. И все равно нехорошо так обманывать.

По свободным замечаниям к этому вопросу очевидно, что если испытуемые считали эксперимент «этичным», то имели в виду, что опыт оказался для них полезным и познавательным. Так, один испытуемый из этой категории писал:

> У меня было такое чувство, что мне преподали урок. И хорошо – это было как прививка против массовой ментальности.

Другие испытуемые также отмечали, что эксперимент многому их научил, хотя и причинил некоторое неудобство.

Подавляющее большинство испытуемых ответило, что эксперимент не был ни этичным, ни неэтичным. Многие отметили, что не понимают, как можно оценивать научный эксперимент по подобной шкале. Кто-то ответил общим утверждением: «Научный эксперимент стоит вне этики». Кто-то полагал, что этичность эксперимента зависит от применения полученных данных.

Некоторые студенты отметили особенности экспериментальной процедуры, благодаря которым эксперимент стал для них этически приемлемым. Один студент написал:

> Мне кажется, если эксперимент остается сугубо конфиденциальным, а испытуемые вызвались принимать в нем участие добровольно, он не может быть ни этичным, ни неэтичным.

В ответах студентов прослеживалось несколько сквозных тем: испытуемые участвовали в эксперименте по доброй воле; результаты эксперимента хранились в тайне; испытуемым объяснили, в чем цель эксперимента. С точки зрения большинства испытуемых все это говорило в пользу эксперимента и компенсировало обман в начале. Один студент из Осло удачно сформулировал это распространенное мнение:

> Должен сказать, что ни разу не связывал в мыслях слово «этичный» – ни с «не», ни без него – с этим экспериментом. Я имею в виду, что сам по себе тест не этичен и не неэтичен, не морален и не аморален. С другой стороны, он может служить благородным целям – помогает быть интеллектуально честнее. Если эксперимент послужит этой цели, то принесет нам огромную пользу.

К этой проблеме применялся и относительно непрямой подход: мы спросили студентов, как они в целом относятся к своему участию в эксперименте. В табл. 6 показано распределение пяти вариантов ответа.

Я очень рад, что участвовал в эксперименте	22
Я рад, что участвовал в эксперименте	48
Я не рад, но и не жалею, что участвовал в эксперименте	22
Я жалею, что участвовал в эксперименте	1
Я очень жалею, что участвовал в эксперименте	0
ИТОГО	93
(Нет ответа)	3
	N = 96

Таблица 6

Как вы сейчас относитесь к своему участию в эксперименте?

Похоже, в основном испытуемые были рады, что поучаствовали в эксперименте,

несмотря на все трюкачество. Видимо, это объясняется следующими причинами. Во-первых, студенты понимали, что если их и обманывали, то в первую очередь не ради личной выгоды, а ради научных знаний. Они ценили, что им сразу же раскрыли подлинный характер эксперимента. Во-вторых, они понимали, что, как бы они себя ни повели, мы отнеслись к ним с доверием, раскрыв подлинные цели и методы эксперимента, и знали, что успех экспериментального проекта зависел от их готовности оправдать это доверие. Если мы и попирали их достоинство в течение 20 минут, то сразу же возместили моральный ущерб, поскольку выразили свое уважение и доверие к испытуемым. В-третьих, у магнитофонных записей оказалось неожиданное преимущество: для большинства испытуемых стало большим облегчением узнать, что на самом деле в лаборатории больше никого не было. Особенно радовались конформисты: ведь никто, кроме экспериментатора, оказывается, не слышал их ответов, а теперь все останется в тайне.

Лишний раз напомним читателю, что 24 испытуемых не прислали вопросник, и все они принадлежали к категории конформистов. Если бы мы получили их ответы, то, вероятно, располагали бы куда более суровыми критическими замечаниями. Более того, результаты основаны лишь на примере норвежских студентов. Можно предположить, что ответы французских студентов были бы гораздо жестче. Однако на основании полученных результатов, пожалуй, резонно заключить, что большинство испытуемых согласны, что подобный эксперимент невозможно провести, не прибегая к обману, и не осуждают это с моральной точки зрения. Из этого не следует, что их мнение закрывает вопрос об этичности эксперимента. Нельзя оправдывать неэтичные поступки общественным мнением, но полностью отбрасывать результаты подобных исследований тоже нельзя.

Влияние группы и действия, направленные против человека[45]

Всевозможные варианты парадигмы, которую задал Аш (Asch, 1951), показывают, что существует умопостигаемая связь между несколькими чертами социальной среды и степенью, в которой человек полагается на других при принятии публичных решений. Эта парадигма отличается простотой и ясностью и позволяет воспроизвести в лаборатории мощные, социально значимые психологические процессы, а потому повсеместно признана основной техникой исследования процессов влияния.

У всех вариантов работы Аша есть одна общая черта: конечным продуктом и основным показателем конформности служит вербальное суждение. Если выразиться более обобщенно, исследовался именно *сигнал* , которым испытуемый выражал свое суждение. Чаще всего этот сигнал принимал форму вербального высказывания (Asch, 1956; Milgram, 1961), хотя иногда задействовались и механические устройства, при помощи которых испытуемый сигнализировал о своем суждении (Crutchfield, 1955; Tuddenham & MacBride, 1959).

Однако следует провести различие между *конформностью на уровне сигнала* и *конформностью на уровне действия* , поскольку первая влечет за собой чисто информационные последствия – испытуемый высказывает свое мнение или сообщает о своем восприятии какой-то черты его окружения. А конформность на уровне действия, с другой стороны, не просто передает информацию, но и непосредственно влияет на окружающую среду или меняет ее. В этой ситуации групповые силы побуждают человека к действию, к поступку, последствия которого не сводятся к коммуникации. Иногда это действие направлено на благо ближнему, например, когда групповое давление побуждает человека разделить хлеб с нищим, а иногда ориентировано на несоциальные объекты среды,

---

[45] Исследование выполнено при поддержке гранта NSF G-17916 Национального научного фонда. Приношу благодарность Такето Мурате из Йельского университета за помощь в вычислениях и статистических расчетах.

Статья впервые опубликована в журнале «Journal of Abnormal and Social Psychology», Vol. 69, No. 2 (August 1964), p. 137–43.

скажем, когда малолетний хулиган под влиянием банды разбивает витрину магазина.

Было бы неразумно *a priori* обобщать наблюдения относительно вербальной конформности на конформность действия. Вполне может быть, что человек на словах поддерживает нормы группы, однако совсем не хочет вести себя в соответствии с этими требованиями. Более того, зачастую человек на вербальном уровне принимает и даже пропагандирует групповые стандарты, однако обнаруживает, что *не способен* воплотить эти убеждения в поступках. Здесь мы имеем в виду не разницу между внешним подчинением группе и внутренним согласием с ее требованиями, а отношение между искренним убеждением и воплощением его в действиях.

Главная цель настоящего эксперимента – проверить, будет ли человек под влиянием группы совершать действия, на которые не пошел бы в отсутствие социального давления. В рамках экспериментальной модели по изучению группового давления возможны самые разные действия. Можно предложить испытуемым сортировать перфокарты, вырезать фигуры из бумаги, есть печенье. Поскольку организовать это достаточно просто, исследователи любят такие задания и с их помощью провели целый ряд прекрасных и полезных экспериментов (Frank, 1944; French, Morrison, & Levinger, 1960; Raven & French, 1958). Однако в конце концов социальная психология должна заняться и более значимым поведением, которое интересно само по себе, а не просто служит простым и удобным заменителем психологически осмысленных действий. Руководствуясь этим соображением, я выбрал для изучения группового давления относительно более значимые и психологически нагруженные действия. Мы задались вопросом, способна ли группа заставить отдельную личность наказывать другого человека все более жестоко, невзирая на его протесты. Аш и другие исследователи показали, каким образом групповое давление способно заставить человека высказывать суждения, противоречащие его мнению, а наш эксперимент изучает, может ли групповое давление заставить человека совершать поступки, отличающиеся от его поведения в отсутствие влияния извне.

Метод исследования

О том, как набирали испытуемых, каков был состав выборки, как именно экспериментатор вводил испытуемых в курс дела и как формулировалось обучающее задание, подробно рассказано в другой работе (Milgram, 1963), а здесь будет достаточно лишь краткого очерка.

Испытуемыми были 80 взрослых мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, в экспериментальной и контрольной группах было поровну испытуемых и соблюдалось одинаковое распределение по возрасту и роду занятий.

Процедура эксперимента

Общие характеристики. В целом экспериментальная ситуация состояла в том, что группа из трех человек (двое из них – подставные) оценивает ответы четвертого, который выполняет обучающее задание: называет пары слов. Каждый раз, когда испытуемый дает неверный ответ, группа наказывает его ударом тока. Двое подставных испытуемых предлагают постепенно повышать силу удара, а экспериментатор наблюдает, в какой степени третий участник (наивный испытуемый) соглашается с давлением подставных испытуемых и повышает силу удара либо идет против них.

Подробности. Четверо взрослых прибывают в университетскую лабораторию, чтобы принять участие в исследовании памяти и обучения. По прибытии каждый испытуемый получает 4 доллара 50 центов.[46] Экспериментатор указывает, что в ходе эксперимента

[46] С учетом инфляции за 50 лет, прошедших с момента эксперимента, в наши дни эта сумма приблизительно эквивалентна 40 долларам. – *Прим. ред.*

придется играть различные роли, и чтобы честно их распределить, испытуемые тянут жребий – не глядя вынимают из шляпы бумажки, на каждой из которых напечатана та или иная роль. На самом деле трое из четверых испытуемых – подставные, а объектом исследования каждый раз становится четвертый, наивный испытуемый. Жеребьевка подстроена так, что наивный испытуемый всегда получает роль Учителя-3, а подставной-В всегда становится Учеником. На бумажках, которые испытуемые вытягивают из шляпы, указаны и описания ролей, которые мы приводим ниже (см. табл. 7).

Роль	*Участник*	*Задание*
Учитель-1	Подставной-С	Сначала вы должны зачитывать Ученику пары слов. Затем зачитайте слово-стимул и четыре варианта ответа
Учитель-2	Подставной-А	Когда Ученик выберет ответ, ваша задача — отметить, верный он или нет. Если Ученик ошибся, скажите ему верный ответ
Учитель-3	Наивный испытуемый	Если Ученик дал неверный ответ, вы должны наказать его, включив генератор тока
Ученик	Подставной-В	Ваша задача — запоминать пары слов, которые будет вам зачитывать Учитель-1

Таблица 7
Ход эксперимента

Экспериментатор объясняет, что цель исследования – изучить влияние наказания на память в контексте «коллективного обучения». Подставного-В уводят в смежную комнату и пристегивают к аппарату, напоминающему электрический стул, причем испытуемые прекрасно видят происходящее. Экспериментатор рассказывает Ученику, в чем состоит обучающее задание, и, отмахнувшись от его жалобы на слабое сердце, уводит троих учителей в главную лабораторию.

Испытуемых сажают передвнушительного вида генератором; особенно бросается в глаза горизонтальная линия из 30 тумблеров, размеченных от 15 до 450 вольт с шагом в 15 вольт. Кроме того, вдоль линии размещены таблички с вербальными обозначениями: «Слабый ток», «Умеренный ток», «Сильный ток», «Очень сильный ток», «Интенсивный ток», «Крайне интенсивный ток» и «Осторожно! Опасно для жизни».

Экспериментатор повторяет, что Ученик должен выполнить обучающее задание – назвать пары слов, – а Учителя проверят, насколько верно он их называет (подробнее см. Milgram, 1963). Учителям велят наносить Ученику удары током каждый раз, когда он ошибается. Экспериментатор объясняет, как следует выбирать силу удара:

Насколько строгим должно быть наказание при каждом вопросе, Учителя решают сами. Каждый предложит свой вариант силы удара. В результате будет нанесен удар наименьшей силы из трех предложенных. Чтобы не тормозить эксперимент, предлагайте варианты в следующем порядке: первым – Учитель-1, вторым – Учитель-2, а третьим – Учитель-3. Не забывайте, что при желании вы можете оставаться на прежнем уровне или повышать силу удара, но при каждом вопросе будет нанесен удар наименьшей силы из трех предложенных вариантов.

Таким образом, наивный испытуемый оказывается в положении, когда он при каждом вопросе вполне способен контролировать максимальную силу удара, наносимого Ученику, то есть, по сути дела, сами правила эксперимента позволяют ему на протяжении всей сессии удерживать силу удара на уровне 15 вольт. С другой стороны, он может и соглашаться с мнением группы либо склоняться к нему и повышать силу удара. Именно наивному

испытуемому поручается наносить удар, нажимая соответствующий тумблер на генераторе (то есть в результате подтасованной жеребьевки он всегда становится Учителем-3).

Троим учителям еще раз зачитывают роли, после чего остается лишь нанести каждому из них удар током от генератора, чтобы они на своем опыте ощутили, что это такое, – и эксперимент начинается.

Поведение Учителя-1 и Учителя-2 (подставные испытуемые). Согласно предварительной договоренности, два подставных испытуемых у генератора требуют при каждой ошибке Ученика повышать силу удара на один шаг. При первой ошибке они требуют применить первый уровень (15 вольт), при 20-й – 20-й уровень (300 вольт) и так далее. Такое единодушие на сторонний взгляд вполне правдоподобно, поскольку Учитель-1 играет роль человека властного, а Учитель-2 – робкого и склонного к подчинению. Подставные испытуемые – актеры – всем своим видом показывают, что жалобы Ученика их не трогают.

Поведение Ученика. Согласно предварительной договоренности, Ученик отвечает на вопросы в пропорции три неверных ответа на один верный. Всего ему задают 40 вопросов, 30 из них (те случаи, когда Ученик дает неверный ответ) становятся критическими пробами.

Реакция Ученика не ограничивается ответами. Когда удары, которые ему наносят, становятся сильнее, он кряхтит, протестует, требует отпустить его и прекратить эксперимент. На самом деле все жалобы Ученика заранее записаны на магнитофон и поставлены в соответствие с конкретной силой удара. Жалобы и протесты следуют сразу же после удара.

При ударах слабее 75 вольт Ученик не выказывает никаких признаков недовольства, при 75 вольтах слегка кряхтит. Подобные реакции следуют за ударами в 90 и 105 вольт, а при 120 вольтах Ученик кричит экспериментатору, что ему становится больно. При ударе в 135 вольт слышен стон от боли, а при 150 вольтах Ученик кричит, что хочет, чтобы его отпустили, и жалуется, что у него нехорошо с сердцем. Подобные жалобы продолжаются и дальше, но становятся все настойчивее, и при 150 вольтах Ученик кричит: «Я не могу это вынести! Больно!», а после удара в 285 вольт слышен оглушительный вопль. При 300 вольтах жертва отчаянно кричит, что больше не будет отвечать на вопросы, и так продолжается до 450 вольт. Иначе говоря, чем сильнее удар, тем интенсивнее реакция жертвы.

Следует помнить, что это лишь *потенциальный* набор реакций. Если сила удара не превышает 75 вольт, слышно лишь кряхтение. Процедура предполагает, что при ударах одной и той же силы протесты не повторяются, то есть если нанесен удар в 75 вольт, кряхтение жертвы слышится лишь в первый раз, а в дальнейшем она реагирует только в том случае, если сила удара повышается.

Изменяемые параметры. Таким образом, главным критерием становится сила ударов, которые наносит испытуемый при каждой из 30 критических проб. Сила удара автоматически регистрируется при помощи датчика фирмы «Эстерлин-Энгус», подключенного непосредственно к генератору, что обеспечило нам полный отчет о поведении каждого испытуемого.

Пост-экспериментальная беседа. Сразу после эксперимента с каждым испытуемым проводилась беседа с полным разъяснением сути и хода эксперимента. Это позволило собрать всевозможные данные об испытуемых, а также качественно оценить их реакцию на эксперимент.

Контрольная ситуация

Цель изучения контрольной ситуации – определить, удары какой силы наивный испытуемый станет наносить Ученику в отсутствие влияния группы. В каждой сессии участвуют один наивный испытуемый и один подставной (Ученик). Процедура тождественна экспериментальной с одной лишь разницей: здесь испытуемый исполняет и обязанности Подставных А и С. Вводная о коллективном обучении опускается.

Наивному испытуемому дают задание наносить удар током каждый раз, когда Ученик ошибается, и говорят, что наивный испытуемый как Учитель может выбрать при каждой пробе удар любой силы. Во всем остальном контрольная процедура не отличается от экспериментальной.

Результаты

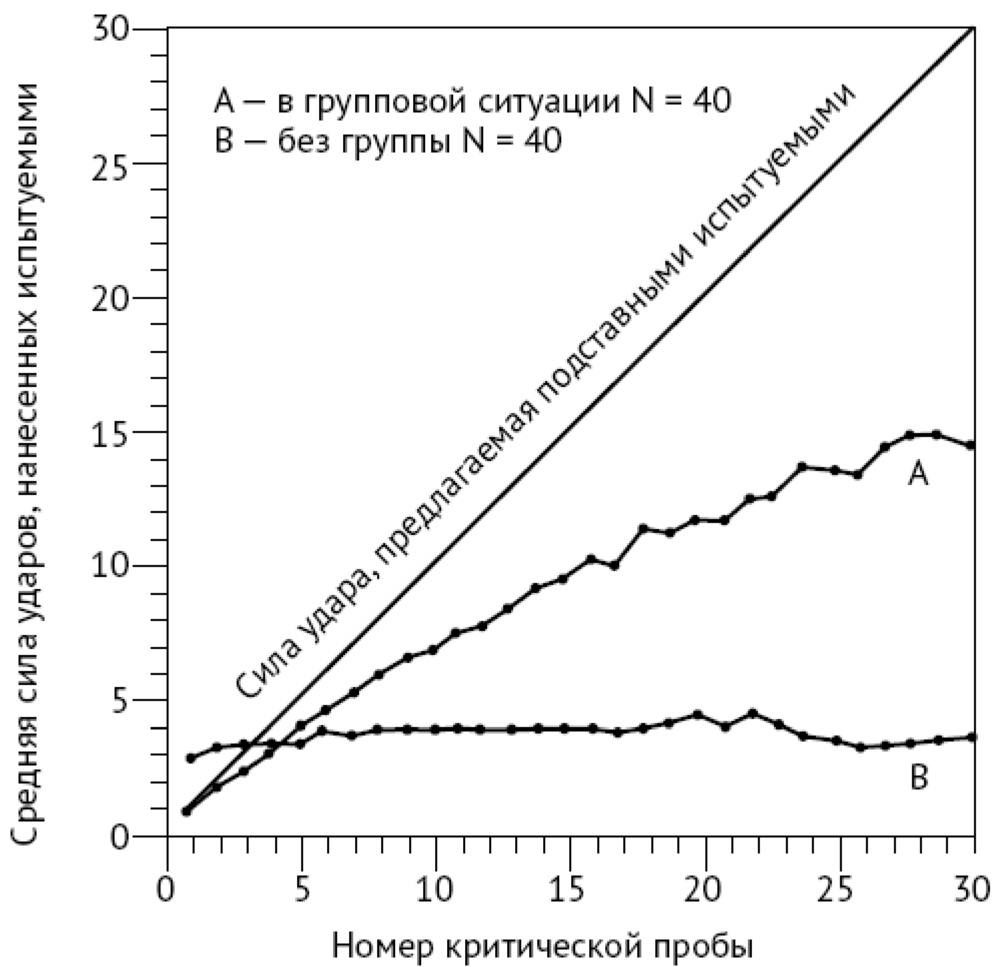

Рис. 12. Средняя сила удара в экспериментальной и контрольной ситуации при 30 критических пробах

На рис. 12 показана средняя сила удара при каждой критической пробе в экспериментальной и контрольной ситуации. Кроме того, на нем отмечена диагональ, отражающая силу удара, которую предлагают подставные испытуемые при каждой критической пробе. Степень отклонения данных экспериментальной ситуации от данных контрольной ситуации в сторону «подставной диагонали» и отражает влияние группы. Легко видеть, что подставные испытуемые существенно влияли на силу ударов, наносимых Ученику. Разберем результаты подробно.

В экспериментальной ситуации стандартное отклонение силы удара повышалось регулярно с каждой пробой и примерно соответствует повышению средней силы удара. Однако в контрольной ситуации не наблюдается никаких значимых колебаний стандартного отклонения от 1-й до 30-й пробы. В табл. 8 сопоставлены средние уровни удара и стандартные отклонения в обеих ситуациях. Проверка однородности вариаций при помощи критерия Хартли подтвердила, что ситуации существенно различаются. Поэтому перед

дисперсионным анализом было применено преобразование обратного корня.

Номер пробы	Экспериментальная ситуация		Контрольная ситуация	
	Средний уровень силы удара	Стандартное отклонение	Средний уровень силы удара	Стандартное отклонение
5	4,03	1,19	3,35	2,39
10	6,78	2,63	3,48	3,03
15	9,20	4,28	3,68	3,58
20	11,45	6,32	4,13	4,90
25	13,55	8,40	3,55	3,85
30	14,13	9,59	3,38	1,98

Таблица 8

Сравнение среднего уровня силы удара и стандартных отклонений в экспериментальной и контрольной ситуациях

Источник	df	SS	MS	F
Совокупные межиндивидуальные показатели	79	966 947,1	12 239,8	
Между экспериментальными ситуациями	1	237 339,4	237 339,4	25,37*
Между испытуемыми	78	729 607,7	9353,9	
Внутрииндивидуальные	2,320	391 813,5	168,9	
Между пробами	29	157 361,7	5426,3	96,04*
Проба × ситуация (тенденция)	29	106 575,4	3675,0	65,04*
Прочее	2,262	127 876,4	56,5	

*$p < 0{,}001$

Таблица 9

Дисперсионный анализ уровня силы удара в экспериментальной и контрольной ситуациях

Как видно из табл. 9, дисперсионный анализ показывает, что в целом средний уровень силы удара в экспериментальной ситуации был значительно выше, чем в контрольной (*p* < 0,001). Однако самое интересное даже не это, а разница в наклоне двух графиков, которая указывает на влияние группы в экспериментальной ситуации.[47] Анализ критерия вариаций этой тенденции подтвердил, что наклоны графиков контрольной и экспериментальной ситуаций существенно различаются (*p* < 0,001).

Изучение стандартных отклонений в экспериментальной ситуации выявило

---

[47] При первых четырех пробах средняя сила удара в контрольной группе была выше, чем в экспериментальной; это артефакт, объясняющийся тем, что в экспериментальной ситуации сила нанесенного и зарегистрированного удара по условиям эксперимента была минимальной из предложенных всеми участниками группы, так что если наивный испытуемый предлагал нанести удар сильнее, чем требовали подставные, датчик этого не регистрировал. (Подобное положение дел наблюдалось лишь при нескольких первых пробах.) К 5-й критической пробе наивные испытуемые повышали средний уровень силы удара, в чем и проявлялось влияние группы.

значительные индивидуальные различия в реакции на давление группы: одни испытуемые во всем следовали за группой, другим удавалось ей сопротивляться. Испытуемые были распределены на категории в соответствии с общим отклонением от требований подставных испытуемых. На 30-й критической пробе среднее значение уровня удара у четверти испытуемых, проявивших больше всего конформизма, составляло 27,6, а у четверти самых упорных нонконформистов – 4,8. Были учтены и особенности биографии испытуемых: возраст, семейное положение, род занятий, опыт службы в армии, политические предпочтения, религиозная принадлежность, сведения о порядке рождения и образование. Относительно необразованные испытуемые (среднее образование и ниже), как правило, шли на поводу у группы чаще, чем обладатели высшего образования (критерий Пирсона = 2,85, *df* = 1, *p* < 0,10). Испытуемые-католики соглашались с группой чаще, чем протестанты (критерий Пирсона = 2,96, *df* = 1, *p* < 0,10). Остальные переменные, учтенные в ходе исследования, никак не коррелировали со степенью подчинения группе, однако небольшой объем выборки не позволяет сделать окончательных выводов.

Кроме того, данные о силе удара можно рассмотреть с точки зрения максимального удара, который наносили испытуемые в экспериментальной и контрольной ситуациях, то есть выяснить, какой самый сильный удар наносил тот или иной испытуемый за все 30 критических проб. Эти сведения представлены в табл. 10. В контрольной ситуации лишь двое испытуемых превысили 10-й уровень силы удара (на этом уровне Ученик впервые начинает всерьез протестовать), а в экспериментальной этот рубеж перешли 27 испытуемых. Медианный критерий показал, что максимальный уровень силы удара в экспериментальной ситуации был выше, чем в контрольной (критерий Пирсона = 39,2, *df* = 1, *p* < 0,001).

Вербальные обозначения и вольтаж	*Количество испытуемых, для которых это была максимальная сила удара*	
	Эксперимент	*Контроль*
Слабый ток		
15	1	3
30	2	6
45	0	7
60	0	7
Средний ток		
75	1	5
90	0	4
105	1	1
120	1	1
Сильный ток		
135	2	3
150	5	1
165	2	0
180	0	0

Очень сильный ток		
195	1	0
210	2	0
225	2	0
240	1	0
Интенсивный ток		
255	2	0
270	0	0
285	1	0
300	1	0
Крайне интенсивный ток		
315	2	0
330	0	0
345	1	0
360	2	0
Осторожно! Опасно для жизни		
375	0	1
390	0	0
405	1	0
420	2	0
XXX		
435	0	0
450	7	1

Таблица 10

Максимальный уровень силы удара в экспериментальной и контрольной ситуациях

Таким образом, главный вывод гласит, что давление группы оказывало существенное влияние на поведение испытуемых в экспериментальной ситуации. Если рассмотреть средний уровень силы удара за 30 критических проб в том виде, как он представлен на рис. 12, функция эксперимента напоминает вектор, который делит угол между «подставной диагональю» и графиком поведения в контрольной ситуации приблизительно пополам. Возникает искушение заявить, что действия испытуемого в экспериментальной ситуации вызваны двумя основными факторами: отчасти они определяются уровнем силы удара, который выбрал бы испытуемый в контрольной ситуации, а отчасти – решением подставных испытуемых. Эти факторы влияют на среднее поведение испытуемых в экспериментальной ситуации примерно одинаково. Какой из них возьмет верх, очень сильно зависит от индивидуальных различий.

Дискуссия

Значение нашего исследования заключается в том, чтобы показать, что влияние группы способно формировать поведение в сфере, которую принято считать защищенной от

подобных воздействий. Под влиянием группы испытуемые причиняли боль другому человеку в степени, далеко превосходящей уровень, избранный в отсутствие социального давления. Причинить боль человеку – поступок, для большинства людей несущий большую психологическую нагрузку, он тесно связан с вопросами совести и морально-этических суждений. Казалось бы, протесты жертвы и внутренние запреты причинять боль окружающим должны были перевесить у испытуемого стремление подчиниться группе. Но хотя в ходе эксперимента наблюдалось большое разнообразие поведения, существенное число испытуемых были готовы поддаться давлению со стороны подставных испытуемых.

Когда речь заходит о ситуации, которую смоделировал Аш, зачастую возникают вопросы, можно ли делать на основании подчинения у испытуемых какие-то осмысленные выводы, ведь задача сопоставить длину отрезков для многих испытуемых не имела никакого самостоятельного значения.[48] Однако к нашему эксперименту такая критика едва ли применима. Здесь испытуемый не просто изображает согласие с группой при ответе на вопрос о личном восприятии, не имеющий определенного личного значения, и не может отмахнуться от своего поступка, списав его как тривиальный жест, поскольку на кону стоят страдания ближнего. Изучаемое поведение наблюдалось в обстановке лабораторного исследования, которое проводил экспериментатор. В какой-то степени за группой стоит его авторитет и его власть. Когда он давал указания, то ясно и очевидно позволил наносить удары любого уровня, указанного на шкале. Предполагается, что он согласен с выбором испытуемых – ведь он не возражает, когда они наносят жертве удары. То есть хотя влияние группового давления при сопоставлении экспериментальной и контрольной ситуаций очевидно, оно оказывается в контексте санкции со стороны представителя власти. Это очень важно учитывать при любых попытках оценить относительную эффективность *конформности* и подчинения как средств побуждения к поведению, которое противоречит желаниям и представлениям испытуемого (Milgram, 1963). Если бы экспериментатор не одобрил применения всех уровней силы удара на шкале или вышел из лаборатории в самом начале эксперимента, исключив тем самым любые намеки на одобрение власти в ходе эксперимента, оказала бы группа такое же сильное влияние на наивного испытуемого?

Между исследованием Аша и процедурой настоящего эксперимента налицо много существенных различий, которые здесь можно обрисовать лишь в общих чертах.

1. В исследовании Аша адекватная реакция привязана к внешнему стимульному событию, а в настоящем исследовании мы имеем дело с внутренним стандартом, который ни с чем не связан.

2. Ошибочно высказанное суждение в принципе можно взять назад, но здесь мы имеем дело с поступком, имеющим непосредственные необратимые последствия. Его необратимость объясняется не внешними ограничениями, а сутью самого действия: если Ученику нанесен удар, этого уже не отменишь.

3. В нашем эксперименте, несмотря на несколько мнений, в ходе каждой критической пробы можно нанести только один удар. Так что налицо состязание за результат, чего нет в эксперименте Аша.

4. В эксперименте Аша давление направлено на суждение испытуемого, а неверный общепринятый ответ служит лишь промежуточной стадией влияния, однако в нашем эксперименте давление направлено на действие как таковое. Послушный испытуемый Аша в принципе может тайно остаться при своем мнении, но когда объектом социального давления становится исполнение действия, о подобном двуличии не может быть и речи. Если испытуемый совершил действие, которого требует группа, значит, он безоговорочно подчинился ей.

5. В ситуации Аша подчиняющийся испытуемый вынужден втайне нарушать свои обязательства перед экспериментатором. Он условился сообщать экспериментатору, что он

---

[48] Дж. Броновски, частное сообщение, 10 января 1962 г.

видит, и если идет на поводу у группы, то нарушает это соглашение. Напротив, в нашем исследовании подчиняющийся испытуемый действует в рамках «контракта между испытуемым и экспериментатором». Соглашаясь с двумя подставными испытуемыми, наивный испытуемый нарушает свои внутренние стандарты и права Ученика, однако его отношения с экспериментатором остаются в целости и сохранности – и внешне, и внутренне. Испытуемые в этих экспериментах сталкиваются с разными паттернами социального давления и при подчинении требованиям социума нарушают разные отношения.

Литература

ASCH, S. E. «Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgment». В кн.: H. Guetzkow (ed.), *Groups, Leadership, and Men* . Pittsburgh: Carnegie Press, 1951.

ASCH, S. E. «Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority». *Psychol. Monogr* ., 1956, 70 (9, Whole No. 416).

CRUTCHFIELD, R. S. «Conformity and character».*Amer. Psychologist* , 1955, 10, 191–198.

FRANK, J. D. «Experimental studies of personal pressure and resistance».*J. Gen. Psychol* ., 1944, 30, 23–64.

FRENCH, J. R. P., JR., MORRISON, H. W., & LEVINGER, G. «Coercive power and forces affecting conformity».*J. Abnorm. Soc. Psychol.* , 1960, 61, 93–101.

MILGRAM, S. «Nationality and conformity».*Scient. American* , 1961, 205, 45–51.

MILGRAM, S., «Behavioral study of obedience».*J. Abnorm. Soc. Psychol.* , 1963, 67, 371–378.

RAVEN, B. H., & FRENCH, J. R. P. «Legitimate power, coercive power, and observability in social influence». *Sociometry* , 1958, 21, 83–97.

TUDDENHAM, R. D., & MACBRIDE, P., «The yielding experiment from the subject’s point of view». *J. Pers.* , 1959, 27, 259–71.

Групповое давление как путь к освобождению[49]

В лабораторных условиях чаще всего изучались отрицательные стороны группового давления – показано, что группа подставных «заговорщиков» ограничивает, сковывает и искажает реакцию личности (Asch, 1951; Blake & Brehm, 1954; Milgram, 1964). А образовательное воздействие группы редко удостаивалось такой наглядной и убедительной демонстрации, как ее разрушительный потенциал. Экспериментаторы, как правило, изучают давление, сужающее диапазон индивидуального действия, особенно в тех областях, где затрагиваются морально-этические вопросы. При этом упускается из виду, что группа способна и укрепить чувство собственного достоинства у отдельного человека, дать ему возможность действовать и помочь справиться с противоречивыми чувствами, приведя их в соответствие со своими идеями и ценностями.

Хотя в повседневной жизни давление группы то и дело служит во благо человеку, в лаборатории «мыслители и исследователи сосредоточились на конформности в ее самых стерильных формах – и их страсть граничит с одержимостью (Asch, 1959)».[50]

---

[49] Исследование выполнено при поддержке двух грантов Национального научного фонда – G-17916 и G-24152. Эксперименты проводились в период, когда автор учился и работал в Йельском университете. Пилотные исследования, завершенные в 1960 году, финансировались грантом Фонда Хиггинса при Йельском университете. Благодарю Рею Мендоза-Даймонд за помощь в пересмотре первоначальной рукописи.

Статья впервые опубликована в журнале «Journal of Personality and Social Psychology», Vol. 1, No. 2 (February 1965), p. 127–34. Copyright © 1965 Американская психологическая ассоциация. Авторское право возобновлено в 1993 году Александрой Милгрэм. Печатается с разрешения правообладателя.

[50] Если перейти из области экспериментальной психологии в сферу групповой терапии и групповых

Продемонстрировать, что давление группы способно и подкреплять систему ценностей, непросто, это сопряжено с техническими трудностями. Они связаны с точкой отсчета, от которой следует отмерять степень воздействия группы. Сложность в том, что испытуемый в нормальной ситуации ведет себя социально приемлемым образом. Если он пришел в лабораторию, чтобы поучаствовать в эксперименте по восприятию длины отрезков, то в целом будет честно говорить, что он видит. Если цель исследования – показать, что группа оказывает на испытуемого воздействие и меняет его поведение, единственная возможность для демонстрации перемен – создать какой-то недостаток в его поведении, который затем можно приписать влиянию группы. В обычных обстоятельствах люди склонны вести себя конструктивно, поэтому очевидно, в каком направлении надо действовать: заставить человека вести себя неподобающе. И суть подавляющего большинства экспериментальных лабораторных моделей построена именно на этом принципе, что вызвано сугубо технической необходимостью, а вовсе не идеей, что групповое воздействие будто бы по природе деструктивно. Организовать какой бы то ни было эксперимент по изучению конструктивной конформности трудно, поскольку нужно создать ситуацию, в которой регулярно наблюдается нежелательное поведение, а затем посмотреть, можно ли эффективно направить групповое давление так, чтобы добиться ценимого в обществе поведения.[51]

Эксперимент I. Исходная экспериментальная ситуация

Уже разработана экспериментальная ситуация для изучения деструктивного подчинения, которая задает требуемую точку отсчета (Milgram, 1963). В этой ситуации испытуемый получает приказ все более и более жестоко наказывать другого человека. Несмотря на то что жертве явно неприятно, она кричит и отчаянно протестует, экспериментатор требует, чтобы испытуемый постоянно повышал силу удара.

Методика

Два человека приходят в университетскую лабораторию, чтобы принять участие в исследовании памяти и обучения. Один из них – подставное лицо, сотрудничающее с экспериментатором. Каждый по прибытии получает 4 доллара 50 центов,[52] и им разъясняют, что сумма никак не зависит от их поведения в ходе эксперимента. Экспериментатор дает вводную – рассказывает о процессах запоминания и обучения, а затем сообщает испытуемым, что один из них сыграет роль учителя, а другой – ученика. Проводится жеребьевка, подтасованная так, чтобы наивный испытуемый всегда получал роль учителя, а подставной – ученика. Ученика отводят в смежную комнату и пристегивают к электрическому стулу. Наивному испытуемому сообщают, что его задача – заставить ученика выучить список пар слов, проверить, как это ему удалось, и наказывать его за ошибки. Наказанием служит удар электрическим током, который наивный испытуемый должен наносить ученику при помощи генератора. Учитель получает указание при каждой

тренингов, исключений станет больше, а *философия* групповой динамики, несомненно, делает упор именно на продуктивный потенциал группы (Cartwright & Zander, 1960).

[51] Другой вариант решения проблемы – дождаться, пока в лабораторию придут люди, от природы ведущие себя деструктивно, и сделать из них испытуемых. Можно преднамеренно набрать группу преступников-рецидивистов, которые в обычной обстановке ведут себя вопреки общественным ценностям, и затем изучить влияние группы на их поведение. Такое исследование, разумеется, будет ограничено рамками атипичной выборки.

[52] С учетом инфляции за 50 лет, прошедших с момента эксперимента, в наши дни эта сумма приблизительно эквивалентна 40 долларам. – *Прим. ред.*

ошибке повышать силу удара на одно деление на шкале. На генераторе отмечено 30 уровней силы удара от 15 до 450 вольт с вербальными пометками – от «Слабый ток» до «Осторожно! Опасно для жизни». Согласно плану, ученик часто дает неверные ответы, поэтому вскоре испытуемый уже вынужден нанести ему самый сильный удар на шкале. Чем сильнее удары, тем настойчивее ученик требует остановить эксперимент, поскольку ему становится совсем нехорошо. Однако экспериментатор приказывает учителю продолжать процедуру, не обращая внимания на протесты ученика.[53]

Поведение испытуемого оценивается количественно на основании максимального уровня напряжения, после которого он отказывается от дальнейшего участия в эксперименте. Таким образом, оценка каждого испытуемого может варьироваться от 0 (испытуемый не пожелал наносить удар первого уровня) до 30 (испытуемый дошел до самого высокого уровня напряжения на шкале).

Испытуемые

Испытуемыми в нескольких экспериментальных ситуациях были взрослые мужчины, жители Нью-Хэйвена и окрестностей, в возрасте от 20 до 50 лет и самых разных профессий. В каждой экспериментальной ситуации, описанной на этих страницах, были задействованы 40 испытуемых, которые ранее в этих экспериментах не участвовали, и каждая группа была тщательно сбалансирована по возрасту и роду занятий (подробнее см. Milgram, 1963).

Трактовка результатов

В этой ситуации испытуемый получает указания совершать поступки, которые в несовместимы с его нормальными стандартами поведения. Столкнувшись с яростными протестами невинной жертвы, многие испытуемые отказываются исполнять приказы экспериментатора и продолжать процедуру наказания. Они отвергают навязанную им роль испытуемого в эксперименте, самоутверждаются как личности и не желают совершать действия, нарушающие личные стандарты поведения. Распределение точек отказа в этой экспериментальной ситуации приведено в таблице 11, колонка 1. От дальнейшего участия в эксперименте в тот или иной момент отказались 14 из 40 испытуемых.

---

[53] Описание электрогенератора, распорядок протестов ученика и прочие подробности процедуры описаны в других работах, поэтому здесь мы их опускаем (Milgram, 1963, 1964).

Уровень силы удара	*Вербальное обозначение и вольтаж*	*Основная экспериментальная ситуация (N = 40)* (1)	*Гипотетические испытуемые (N = 40)* (2)	*Непослушные группы (N = 40)* (3)	*Послушные группы (N = 40)* (4)
	Слабый ток		3*		
1	15	0	0	0	0
2	30	0	0	0	0
3	45	0	1	0	0
4	60	0	1	0	0
	Средний ток				
5	75	0	7	0	1
6	90	1	1	0	0
7	105	0	1	1	1
8	120	0	3	0	0
	Сильный удар				
9	135	0	2	0	0
10	150	6	9	3←	2
11	165	0	2	4	0
12	180	1	3	1	1
	Очень сильный удар				
13	195	0	1	4	0
14	210	0	0	12←	0
15	225	0	1	0	0
16	240	0	1	0	0
	Интенсивный ток				
17	255	0	1	0	0
18	270	2	0	4	4
19	285	0	0	0	0
20	300	1	3	2	0

	Крайне интенсивный удар				
21	315	1	0	3	2
22	330	1	0	0	0
23	345	0	0	0	0
24	360	0	0	1	0
	Осторожно! Опасно для жизни				
25	375	1	0	0	0
26	390	0	0	1	0
27	405	0	0	0	0
28	420	0	0	0	0
	XXX				
29	435	0	0	0	0
30	450	26	0	4	29
Средний максимальный удар		24,55	9,00	16,45	25,70
Процент непослушный испытуемых		35,0	100,0	90,0	27,5

Таблица 11

Распределение точек отказа в зависимости от экспериментальной ситуации

* Эти трое испытуемых сказали, что отказались бы наносить даже первый, самый слабый удар.

Однако большинство испытуемых полностью подчинились приказам экспериментатора, хотя зачастую необходимость бить жертву током вызывала у них острейший дискомфорт. Как правило, послушные испытуемые сообщают, что не желают бить жертву током, но чувствуют себя обязанными исполнять приказы экспериментатора. При опросе они часто говорят, что было бы «лучше» не бить жертву током самого высокого напряжения. Рассмотрим, к примеру, реплики одного послушного испытуемого. Он прошел эксперимент до конца и теперь отвечает на вопросы интервьюера (не экспериментатора).

Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов. Как вы себя чувствуете?

Хорошо, но мне не нравится, что произошло с тем человеком [жертвой]. Он так кричал, а мы должны были бить его током и не останавливаться. Мне это совсем не понравилось. То есть мы хотели прекратить эксперимент, но он [экспериментатор] заставлял нас продолжать и дошел до 450 вольт. Мне это не понравилось.

Кто включал генератор?

Я, но он настаивал. Я говорил ему «нет», но он сказал, надо двигаться дальше. Я говорил ему, что пора остановиться, когда мы дошли то ли до 195, то ли до 210 вольт.

Почему вы просто не перестали включать генератор?

Он мне не разрешал. Я хотел прекратить. Я требовал, чтобы мы прекратили эксперимент, а он говорил – нет. Я понял, что удары-то очень сильные. И хотел остановиться, но он [экспериментатор] требовал, чтобы я продолжал. Ну, понимаете, тот человек кричит: «Не хочу! Отпустите меня! Я хочу уйти!»…

Почему вы не пропустили мимо ушей требования экспериментатора?

Он говорит – надо продолжать, эксперимент нужно довести до конца.

Похоже, вы несколько расстроены?

Ну, я, конечно, волнуюсь за того господина, честное слово, сэр… Я все собирался с силами, чтобы встать и уйти… Не видел смысла продолжать эксперимент – зачем человека мучить? Я вообще испугался, что у него сердечный приступ. Потому и хотел прекратить…

Затем испытуемого деликатно посвятили в курс дела, рассказали, в чем суть

эксперимента, а затем состоялось дружеское примирение с актером, игравшим роль ученика.

Есть и другие свидетельства, что испытуемые, доходя до конца шкалы, совершали тем самым поступки, которые сами не одобряли и считали, что они противоречат их личным и общественным идеалам.

Произвольный выбор силы удара. В контрольном эксперименте, о котором рассказано в другой работе (Milgram, 1964), испытуемые должны были сами выбирать уровень напряжения – на них не влияла ни группа, ни властная фигура. В этой ситуации среднее максимальное напряжение у 40 испытуемых составляло 82,5 вольта (уровень = 5,50); а в ситуации, когда приказы отдавал экспериментатор (в основной экспериментальной ситуации, описанной выше) среднее максимальное напряжение у 40 испытуемых составило 368,25 вольта (уровень = 24,55). Будучи предоставлены сами себе, испытуемые наносят жертве гораздо более слабые удары, чем в ситуации, когда они подчиняются приказам.

Представление о себе. Когда экспериментальную ситуацию описали людям, не участвовавшим в эксперименте, а затем попросили их предсказать, как бы они сами повели себя, почти все испытуемые были уверены, что в тот или иной момент отказались бы продолжать эксперимент. Более того, они объясняли свое гипотетическое поведение положительными чертами характера: «Я не из тех, кто станет мучить других даже ради науки».

В колонке 2 табл. 11 показаны предсказанные точки отказа у 40 взрослых респондентов, которых попросили спрогнозировать свое поведение в подобном эксперименте. Гипотетические испытуемые в своих ответах упоминали об идеалах, ценностях, о положительном представлении о самих себе, однако все это зачастую перевешивают силы, пробужденные в конкретной лабораторной ситуации.

Морально-этические суждения. Мы попросили 20 студентов-старшекурсников дать морально-этическую оценку подчинению или неподчинению приказам экспериментатора в такой ситуации. Описав респондентам эксперимент во всех подробностях, экспериментатор спросил:

Как бы вы поступили в экспериментальной ситуации с учетом самых важных для вас морально-этических ценностей, с одной стороны, и научных целей эксперимента – с другой? Дошли бы вы до конца эксперимента или отказались бы от участия в какой-то момент?

Предполагаемые точки отказа, по мнению респондентов, лежали в диапазоне от 0 до 225 вольт, среднее значение составило 150 вольт. Кроме того, испытуемых попросили подробно рассказать, на каких ценностях было бы основано их поведение в лабораторной ситуации. Приведем ответ одного из студентов:

По-моему, нельзя даже начинать наносить удары: нужно решительно прекратить эксперимент в тот момент, когда станет очевиден его общий характер. Причины, по которым я это говорю, очень сложны… во-первых, общественная мораль, которую я усвоил, учит, что нельзя никого мучить. Обычно мораль связана с религией, особенно в христианстве. Поскольку меня воспитывали строго, в традициях лютеранства, я усвоил, что причинять боль другому человеку дурно, и никакие интеллектуальные обоснования не могут поколебать этого убеждения.

Налицо полное единодушие: и общественные ценности, и личная совесть требуют одной линии поведения – в какой-то момент до завершения эксперимента воспротивиться приказам экспериментатора. Однако очевидно и заметное расхождение между этими морально-этическими суждениями и реальным поведением испытуемых в лаборатории. Несмотря на протесты самих испытуемых и очевидный внутренний конфликт, который вызывала необходимость бить жертву током, значительная доля испытуемых не в состоянии сопротивляться власти экспериментатора и доходит по его приказу до самого конца шкалы.

Эксперимент II. Группа как фактор неподчинения

Теперь рассмотрим, в какой степени влияние группы помогает испытуемому освободиться от контроля власти и дает ему возможность действовать в соответствии с собственными ценностями и личными стандартами.

Стратегия состоит в том, чтобы повторить Эксперимент I с одной лишь разницей: испытуемый находится в обществе двух других, которые отказываются подчиняться экспериментатору и наказывать жертву против ее воли. В какой степени давление, созданное их действиями, повлияет на поведение наивного испытуемого?

Методика

В эксперименте участвовало 40 новых испытуемых. Процедура идентична Эксперименту I со следующими коррективами. Четыре человека приходят в лабораторию, чтобы принять участие в эксперименте по изучению «воздействия коллективного обучения и наказания на усвоение учебного материала». Трое испытуемых – подставные, один – наивный испытуемый. Экспериментатор объясняет, что в ходе исследования будут задействованы три учителя и один ученик, и посредством подтасованной жеребьевки наивный испытуемый получает роль Учителя-3. Роли Учителя-1, Учителя-2 и ученика исполняют подставные испытуемые. Ученика пристегивают к электрическому стулу, троих учителей усаживают перед электрогенератором. Учитель-1 получает указание зачитывать пары слов по списку. Учитель-2 должен сообщать ученику, верный ли он дал ответ, а Учитель-3 (наивный испытуемый) наказывает ученика. Как и в Эксперименте I, испытуемые получают приказ повышать силу удара на шаг каждый раз, когда ученик ошибается. (Подробнее о групповой методике см. Milgram, 1964.)

Поведение подставных испытуемых. До удара в 150 вольт подставные испытуемые подчиняются экспериментатору. После удара в 150 вольт Учитель-1 сообщает экспериментатору, что не желает дальше участвовать в эксперименте из-за жалоб ученика. (При ударе в 150 вольт жертва заявляет первый протест.) Экспериментатор настаивает, что надо продолжать. Однако приказы экспериментатора не могут поколебать решимости Учителя-1: он встает со своего места у генератора и пересаживается на стул в другом конце комнаты. Поскольку все попытки экспериментатора вернуть испытуемого к генератору терпят провал, он велит оставшимся двоим испытуемым продолжать эксперимент. Теперь Учитель-3 (наивный испытуемый) должен не только наносить жертве удары током, но и зачитывать пары слов.

После удара 14-го уровня (210 вольт) Учитель-2 выражает озабоченность состоянием ученика и отказывается продолжать эксперимент. Экспериментатор всячески уговаривает его остаться, однако он тоже встает со своего места у генератора и пересаживается в другой конец комнаты со словами: «Я готов ответить на любые ваши вопросы, но не желаю больше наносить этому человеку удары током против его воли, я отказываюсь иметь к этому отношение». Наивный испытуемый остается у генератора в одиночестве. Он стал свидетелем неподчинения двух своих товарищей. Экспериментатор приказывает наивному испытуемому продолжать процедуру эксперимента в одиночку и подчеркивает, что очень важно довести эксперимент до конца.

Трактовка результатов

Точки отказа наивных испытуемых в Эксперименте II указаны в табл. 11, колонка 3. Стрелки на уровнях 10 и 14 отмечают моменты, в которых подставные лица отказываются подчиняться экспериментатору.

Сопоставление доли послушных и непослушных испытуемых в Экспериментах I и II показывает, что давление подставных лиц оказывает на наивных испытуемых существенное влияние. В ходе Эксперимента I до конца шкалы дошли 26 испытуемых, однако в обстановке группы полностью подчинилась экспериментатору лишь одна шестая этого числа

(отношение послушных и непослушных испытуемых: критерий Пирсона = 25,81, $df = 1$, p < 0,001). Эти результаты графически представлены на рис. 13. Средний максимальный уровень удара в Эксперименте II (16,45) также был существенно ниже, чем в Эксперименте I (24,55, p < 0,001).[54]

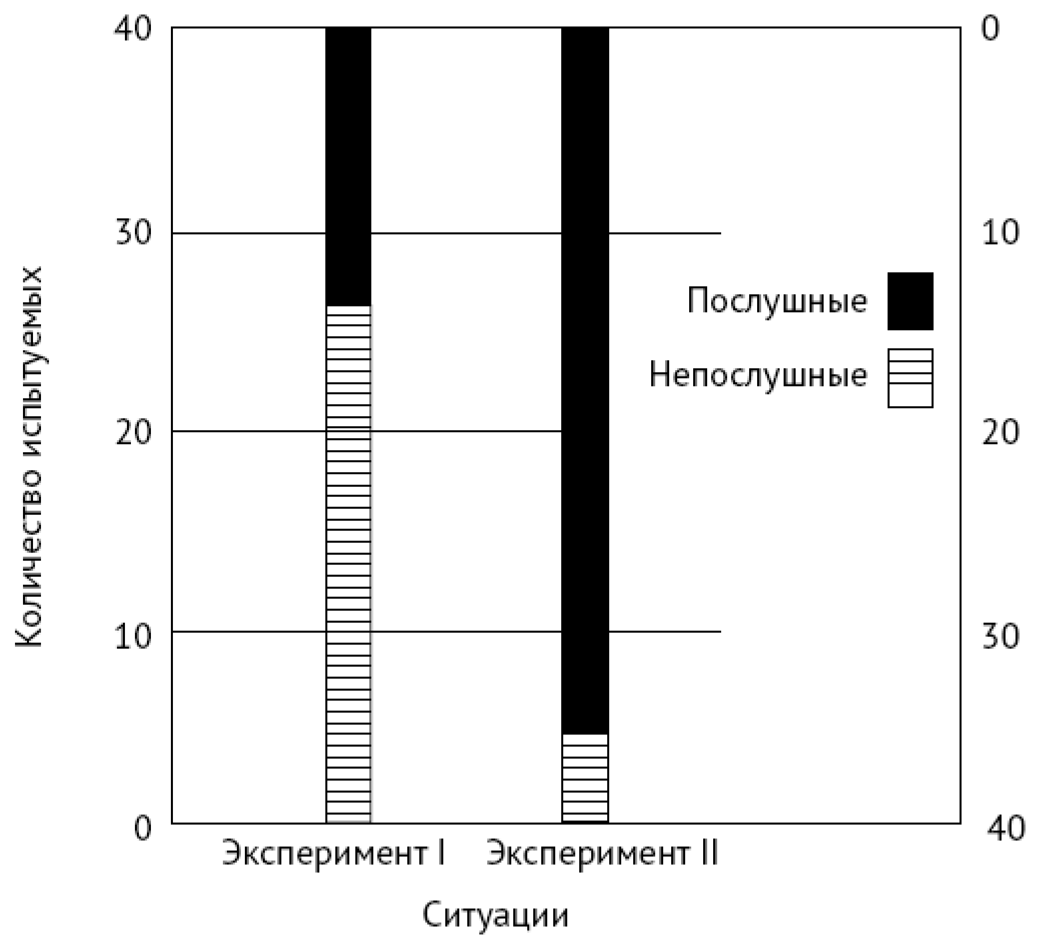

Рис. 13. Доля послушных и непослушных испытуемых в Экспериментах I и II

После того, как нанесен удар 14-го уровня, продолжать эксперимент отказывается второй подставной испытуемый. До нанесения удара 15-го уровня примеру непослушной группы последовали 25 наивных испытуемых, однако в ходе Эксперимента I исполнять приказы экспериментатора на этот момент отказались лишь 8 испытуемых. Однако подставные лица, похоже, оказывают некоторое влияние даже на тех испытуемых, которые не следуют их примеру непосредственно. В ходе Эксперимента II между уровнями 17 и 29 отказались от участия 11 испытуемых, а в Эксперименте I – лишь 6.

В целом в обстановке группы отказались подчиняться экспериментатору 36 из 40 испытуемых, а в отсутствие группового давления при прочих равных условиях – только 14. Влияние товарищей-мятежников особенно ярко выражается в подрыве власти экспериментатора. И в самом деле, оказалось, что из всего множества экспериментальных моделей в рамках Йельского исследования подчинения власти именно вышеописанная манипуляция подрывает авторитет экспериментатора лучше всего.[55]

---

[54] Разумеется, средний максимальный удар в экспериментальной ситуации связан с точкой на шкале, когда подставные испытуемые демонстрируют неподчинение. В этом эксперименте наивный испытуемый остается один после 14-го уровня.

[55] О других экспериментах см. Milgram, 1965/1974.

Чем объяснить такое мощное воздействие экспериментальной манипуляции? Возможно, в ходе Эксперимента I многие испытуемые были очень близки к проявлению неподчинения, однако не находили в себе сил для решительных действий. Дополнительное давление товарищей по группе приводит к приращению сил, направленных на неподчинение, и это приращение так существенно, что в сочетании с уже имеющимся давлением в сторону мятежа позволяет многим испытуемым перейти порог неподчинения.

То, что группа так успешно помогает личности сопротивляться власти экспериментатора, заставляет вспомнить мощный эффект союзника, наблюдавшийся в исследовании Аша (Asch, 1951). В этом эксперименте отрицательное давление генерировалось в пределах самой группы: обе противоборствующие силы (союзник против большинства) исходили из самой группы. Но в нашем исследовании союзники освобождают испытуемого от влияния, исходящего *извне* группы. Кроме того, поддержка союзника в исследовании Аша ведет к реакции, фундаментально сходной по форме с реакцией «ошибающегося большинства», однако отличающейся от нее по содержанию. В нашем эксперименте товарищи по группе вызывают реакцию кардинально иного порядка – у нее нет никаких предвестников в рамках эксперимента, и она подрывает самые его основы.

Реакция на подставных испытуемых. Реакция наивных испытуемых на мятежных подставных была очень разной и отчасти зависела от того, когда сам испытуемый перестал подчиняться экспериментатору. Испытуемый, отказавшийся продолжать эксперимент одновременно с первым подставным испытуемым, заметил: «Честно говоря, когда тот парень вышел из игры, я уже подумывал, что пора заканчивать». Самые непокорные испытуемые хвалили подставных: «Думаю, они были хорошие ребята, да-да! Когда жертва сказала „хватит“, они сразу перестали» (уровень 11)[56] «По-моему, они были люди сострадательные… и не представляли себе, что их ждет» (уровень 14). Испытуемый, ослушавшийся экспериментатора на уровне 21, уточнил: «Ну, по-моему, могли бы еще немного продержаться, но я понимаю, почему они сошли с дистанции именно в тот момент».

Несколько испытуемых признали роль товарищей по группе, которые помогли им ослушаться экспериментатора: «Пока те двое не прекратили эксперимент, мне и в голову не приходило, что так тоже можно (уровень 14)». «Я не стал продолжать по той простой причине, что не хотел показаться черствым и жестоким тем двоим, которые уже отказались от дальнейшего участия в эксперименте (уровень 14)». Однако большинство испытуемых отрицали, что поступки товарищей по группе существенно повлияли на их собственное поведение.[57]

Если послушные испытуемые не смогли последовать примеру мятежной группы, из этого не следует, что они не ощущали давления со стороны подставных испытуемых. Один послушный испытуемый заметил:

> У меня было ощущение, что, если я и дальше буду хладнокровно наносить удары, эти ребята посчитают меня настоящим киношным злодеем. Мне кажется, они-то повели себя нормально, и первой моей мыслью было повести себя так же. Но я этого не сделал: раз они повели себя нормально и прекратили эксперимент, на сколько же лет у вас затянется эксперимент, если и я откажусь участвовать?

Таким образом, этот испытуемый ощущал бремя группового решения, но чувствовал,

---

[56] В скобках указывается, на каком уровне испытуемый прекратил эксперимент.

[57] Досрочно прекратившие эксперимент 37 испытуемых утверждали, что отказались бы продолжать и без примера подставных испытуемых; лишь четверо откровенно признали, что мятеж товарищей по группе послужил важнейшей причиной их отказа. Остальные непокорные испытуемые не имели определенного мнения по этому вопросу. Таким образом, в целом сами испытуемые недооценивают, в какой степени их мятежные действия зависели от поддержки группы.

что с учетом двух дезертиров именно он обязан помочь экспериментатору доделать начатое. Другой послушный испытуемый в ответ на вопрос, почему во время эксперимента он так нервничал, сказал:

> Наверное, в первую очередь из-за их поведения. Я чуть было не решил последовать их примеру. Но потом вдруг понял, что они ведут себя просто по-дурацки. Что же мне, следовать за толпой?.. Конечно, у них было право выйти из игры, но у меня было ощущение, что они просто не в состоянии держать себя в руках.

А третий послушный испытуемый выступил с жесткой критикой в адрес подставных:

> По-моему, они не должны были отказываться. Они пришли сюда, чтобы поучаствовать в эксперименте, и я считаю, что им следовало идти до конца.

Более подробный анализ экспериментальной ситуации указывает на целый ряд конкретных факторов, усиливающих влияние группы.

1. Товарищи по группе внушают испытуемому саму *идею* , что экспериментатора можно не послушаться. Некоторым испытуемым не приходит в голову, что такая реакция возможна.

2. Одинокий испытуемый не знает, как будет выглядеть его отказ подчиняться экспериментатору – как странная выходка или как рядовой рабочий момент в лаборатории. Когда он видит два примера неподчинения, это наталкивает его на мысль, что неподчинение в такой ситуации естественно.

3. Реакции непослушных подставных показывают, что акт наказания жертвы – это неподобающее поведение. Подставные испытуемые обеспечивают социальное подтверждение подозрений наивного испытуемого, что наказывать человека против его воли нельзя даже в рамках психологического эксперимента.

4. Непослушные подставные испытуемые остаются в лаборатории даже после того, как отказались продолжать эксперимент (по договоренности, они должны были остаться, чтобы ответить на вопросы после эксперимента). Теперь наивный испытуемый понимает, что каждый дополнительный удар, который он наносит, не одобряется обществом в лице двоих подставных испытуемых.

5. Пока два подставных испытуемых участвуют в процедуре, ответственность за наказание жертвы распределяется поровну среди участников группы. Когда подставные испытуемые отказываются продолжать эксперимент, вся ответственность возлагается на наивного испытуемого.[58]

6. Наивный испытуемый становится свидетелем двух случаев неподчинения и убеждается, что неподчинение экспериментатору влечет за собой минимальные *последствия* .

7. Наивный испытуемый отождествляет себя с непослушными подставными испытуемыми и ощущает, что если он не подчинится экспериментатору, то может обратиться к ним за социальной поддержкой.

8. Кроме того, власть экспериментатора уже не кажется такой незыблемой: ведь он не сумел подчинить себе двоих подставных испытуемых. Это проявление общего правила: каждый случай, когда власть не может добиться точного исполнения своих приказов, подрывает ее авторитет (Homans, 1961).

Гипотеза о произвольности вектора группового влияния

---

[58] Этот вопрос в связи с принятием рискованных решений подробно разобран у Wallach, Kogan, and Bem (1962).

Рассмотренные до сих пор результаты показывают, что влияние группы избавляет человека от необходимости подчиняться деструктивным приказам. Некоторые полагают, что это свидетельствует о произвольности вектора влияния группы: его можно направить и в деструктивную, и в конструктивную сторону с одинаковым результатом, так что, если в любой социальной ситуации поставить себе цель добиться движения в том или ином направлении, надо просто задействовать давление группы с нужной стороны.

Эта гипотеза нуждается в проверке. Неужели из того, что неподчинение группы влияет на поведение испытуемых в ходе Эксперимента II, прямо следует, что давление группы можно направить в другую сторону и получить тот же эффект, но с обратным знаком? Резонно возразить, что направление вероятного влияния группы не произвольно, а сильно зависит от общей структуры ситуации, в которой давление применяется.

Чтобы ответить на этот вопрос, придется проделать еще один вариант эксперимента, в котором группа не противостоит экспериментатору, а действует на его стороне. Принцип очень прост: участники группы должны безоговорочно следовать приказам экспериментатора и тем самым подкреплять их, присовокупляя давление группы к влиянию представителя власти.

Эксперимент III. Послушная группа

В этой экспериментальной ситуации участвовало 40 новых испытуемых, точно таких же по полу, возрасту и роду занятий, что и в Экспериментах I и II. Процедура была такой же, что и в Эксперименте II, за одним исключением: оба подставных испытуемых строго следовали приказам экспериментатора и экспериментальной процедуре. Кроме того, они не выказывали никакого снисхождения к жалобам жертвы и никак их не комментировали. Если испытуемый пытался отказаться от дальнейшего участия, экспериментатор требовал, чтобы он остался, а подставные испытуемые поддерживали экспериментатора и встречали его попытки прекратить эксперимент замечаниями вроде «Сейчас уходить нельзя, надо закончить эксперимент». Как и в ходе Эксперимента II, наивный испытуемый сидел между двумя подставными и играл роль Учителя-3, то есть наносил жертве удары током.

Трактовка результатов

Результаты представлены в табл. 11, колонка 4, и показывают, что послушная группа почти не влияла на общее поведение испытуемых. В Эксперименте I 26 из 40 испытуемых исполнили все приказы экспериментатора, а в этом варианте их число возросло на 3, что дало 29 послушных испытуемых. Такой прирост никак нельзя считать статистически значимым (критерий Пирсона = 0,52, *df* = 1, *p* > 0,50), как и разницу в значениях среднего максимального удара. Итак, подобная манипуляция не может существенно повлиять на поведение испытуемых, и это нельзя объяснить пограничными значениями переменных, поскольку даже если бы 8 из 14 непослушных испытуемых стали послушными, это дало бы прирост значимости по критерию хи-квадрат всего на 0,05.

Почему же групповое давление при всем своем могуществе в этом случае не добивается перемен? Это можно, в частности, объяснить так: давление власти, которое уже присутствует в Эксперименте I, в первую очередь воздействовало на тех испытуемых, которые больше всего подвержены влиянию группы. Резонно предположить, что испытуемые, проявившие в Эксперименте I полное подчинение, – это именно те, кто поддался бы влиянию групповых сил, а те, кто сопротивлялся авторитарному давлению, одновременно обладали и иммунитетом к давлению послушных подставных испытуемых. Давление, которому подвергается испытуемый в Эксперименте III, не оказывает заметного воздействия, поскольку перекрывается с другими давлениями, направленными в ту же

сторону и наблюдаемыми и в Эксперименте I; всех испытуемых, восприимчивых к первоначальному давлению, уже подталкивает в сторону подчинения сила из Эксперимента I. Настоящее исследование делает это очевидным. Однако любая другая ситуация, в которой налицо давление группы, обладает также полевой структурой (особым соотношением стимулов, мотивов и социальных факторов), которая контролирует потенциальное воздействие в пределах поля.[59]

Некоторые структуры позволяют группе оказывать влияние лишь в одном направлении. С этой точки зрения гипотеза о произвольном направлении вектора группового влияния становится несостоятельной.

В настоящем исследовании Эксперимент I задает исходное поле; при наличии группового давления, вектор которого направлен в сторону, противоположную приказам экспериментатора (Эксперимент II), наблюдается мощный сдвиг в сторону группы. Если же изменить направление движения группы (Эксперимент III), добиться сопоставимого сдвига в поведении испытуемого не удается. Успех группы в одном случае и неудачу в другом можно непосредственно возвести к конфигурации мотивов и социальных сил, действующих в исходной ситуации (Эксперимент I).

В любой социальной ситуации сила и направление потенциального влияния группы определяется изначальными условиями. Нам нужно изучить все варианты полевых структур, характерных для типичных социальных ситуаций, и рассмотреть, как именно каждая из них контролирует паттерн влияния социума.

Литература

ASCH, S. E. «Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgment». В кн.: H. Guetzkow (ed.), *Groups, Leadership, and Men* . Pittsburgh: Carnegie Press, 1951.

ASCH, S. E. «A perspective on social psychology». В кн.: S. Koch (ed.), *Psychology: A Study of a Science.* Vol. 3.Formulations of the Person and the Social Context. New York: McGraw-Hill, 1959. Pp. 363–83.

BLAKE, R. R., & BREHM, J. W. «The use of tape recording to simulate a group atmosphere».*Journal of Abnormal and Social Psychology* , 1954, 49, 311–3.

CARTWRIGHT, D., & ZANDER, A., Group Dynamics. Evanston, Ill.: Row, Peterson, 1960.

HOMANS, G. C. *Social Behavior: Its Elementary Forms* . New York: Harcourt, Brace, 1961.

JONES, E. E., WELLS, H. H., & TORREY, R. «Some effects of feedback from the experimenter on conformity behavior».*Journal of Abnormal and Social Psychology* , 1958, 57, 207–13.

MILGRAM, S. «Behavioral study of obedience».*Journal of Abnormal and Social Psychology* , 1963, 67, 371–78.

MILGRAM, S. «Group pressure and action against a person». *Journal of Abnormal and Social Psychology* , 1964, 69, 137–43.

MILGRAM, S. «Some conditions of obedience and disobedience to authority».*Human Relations* , 1965, 18, 57–76.

MILGRAM, S. *Obedience to Authority: An Experimental View* . New York: Harper & Row, 1974.

WALLACH, M. A., KOGAN, N., & BEM, D. J. «Group influence on individual risk

---

[59] См., например, Jones, Wells, and Torrey (1958). Исследователи отталкиваются от экспериментальной модели Аша и показывают, что посредством обратной связи экспериментатор способен пробудить в испытуемом стремление к независимости, однако этот вектор лишь незначительно перевешивает стремление подчиниться заблуждающемуся большинству. То есть первоначальная структура поля и здесь накладывает ограничение на направление попыток влияния.

taking».*Journal of Abnormal and Social Psychology* , 1962, 65, 75–86.

О размерах толпы и силе ее притяжения[60]

В типичной городской среде группа людей, одновременно занимающихся какой-то деятельностью, обладает способностью втягивать в нее окружающих. Действия первоначальной группы служат стимулом, и другие их имитируют. Подробный анализ процесса формирования толпы, очевидно, идет на пользу обществу, в котором коллективные акции играют все более важную роль в общественной жизни. Теоретическую формулировку этой задачи предлагают, в частности, Коулман и Джеймс (Coleman and James, 1961).

Коулман и Джеймс исходят из того, что существует «естественный процесс», в ходе которого свободно формирующиеся группы приобретают и теряют членов и тем самым достигают конкретных максимальных размеров. Исследователи разработали модель, генерирующую распределение размеров, вполне совпадающее с распределением размеров нескольких тысяч реальных групп. Основной принцип этой модели прироста и потерь – «постоянная тенденция члена группы отколоться, стать независимым от группы, из-за чего темпы потерь у группы пропорциональны ее размеру, а темпы прироста у каждой группы пропорциональны количеству одиночек, которых можно „прихватить“ (р. 44)». Таким образом, рост группы не зависит от размера группы, а зависит только от количества одиночек, которые могут присоединиться к ней. Однако Коулман и Джеймс указывают, что их модель нуждается и в «предположении о заразительности – то есть предположении, что одиночка скорее примкнет к большой, а не к маленькой группе (р. 44)». (Слово «заразительность» здесь не очень удачно, поскольку не дает никакого указания, что большая группа привлекает новых участников лучше маленькой.В этой связи лучше, пожалуй, употребить выражение «изначальный размер группы».)

В этой статье рассмотрено воздействие толп различного размера на прохожих на основании количественного подхода, заданного в исследовании поведения толпы Милгрэма и Тоха (Milgram and Toch, 1969).

Следует прояснить несколько основных понятий, на которые мы опираемся в этом исследовании. Во-первых, это *стимулирующая толпа* . Ее наличие обеспечивалось исследователями, а размер варьировался от одного до 15 человек. Если мы хотим, чтобы толпа привлекала зевак, следует сделать ее заметной для *доступной выборки* . Эта выборка может быть ограниченной по размеру (и, следовательно, истощимой) или постоянно пополняться, как и было в нашем исследовании. Кроме того, выборка может находиться в разных *состояниях действия* , скажем, сидеть (например, на пляже) или ходить по пешеходным дорожкам. В нашем случае доступная выборка состояла из потока пешеходов, двигавшегося по главной улице большого города. Наконец, толпа должна заниматься *наблюдаемой деятельностью* , которую выборка способна имитировать или как-то на нее реагировать. В нашем исследовании стимулирующая толпа стояла на тротуаре и глядела в

---

60 Это исследование опирается на результаты работы аспирантского семинара по социальной психологии, который вел первый автор в Городском университете Нью-Йорка. В исходном исследовании участвовали среди прочих Стюарт Баум, Шерил Брудер, Фэй Грейн, Виктор Эрну, Сьюзен Флинн, Берт Флагман, Генри Гликман, Майкл Хоффман, Марсия Кэй, Джо Ланг, Элейн Либерман, Николас Папухис, Артур Шульман, Генри Соломон, Шейла Спербер и Марк Сильверман. Исследование велось при поддержке Городского университета Нью-Йорка и небольшого гранта Национального института психиатрии (№ 16284–01).

Статья написана в соавторстве с Леонардом Брикманом и Лоренсом Берковицем и была впервые опубликована под названием «Note on the Drawing Power of Crowds of Different Size» («Заметка о силе притяжения толп различного размера») в журнале «Journal of Personality and Social Psychology», Vol. 13, No. 2 (1969), p. 79–82. (C) American Psychological Association, 1969. Авторское право возобновлено в 1997 Александрой Милгрэм, Леонардом Брикманом и Лоренсом Берковицем. Печатается с разрешения правообладателей.

окно ближайшего здания. Это действие полностью или отчасти может быть воспринято прохожим. Иногда прохожий просто смотрит на здание, на которое глядит толпа, но не замедляет шага, а иногда имитирует действие более полно – останавливается и присоединяется к толпе. Мы анализировали реакцию обоих типов.

В конечном итоге исследователи хотели проверить, в какой степени толпа, размер которой колеблется от одного до 15 человек, занимающихся какой-то наблюдаемой деятельностью, способна вовлекать в свою деятельность новых участников.

Метод исследования

Испытуемые

Испытуемыми стали 1424 пешехода на оживленной нью-йоркской улице, прошедшие по участку тротуара длиной 50 футов (около 15 метров) за 30 интервалов по одной минуте. Исследование проводилось после полудня в течение двух дней зимой 1968 года.

Процедура

Зоной наблюдения послужил участок тротуара длиной 50 футов. По сигналу, подаваемому из окна седьмого этажа в офисном здании на другой стороне улицы от отмеченного участка, группа подставных лиц (стимулирующая толпа) собиралась посреди зоны наблюдения, останавливалась, поднимала головы и смотрела в окно седьмого этажа. Это длилось в течение 60 секунд.

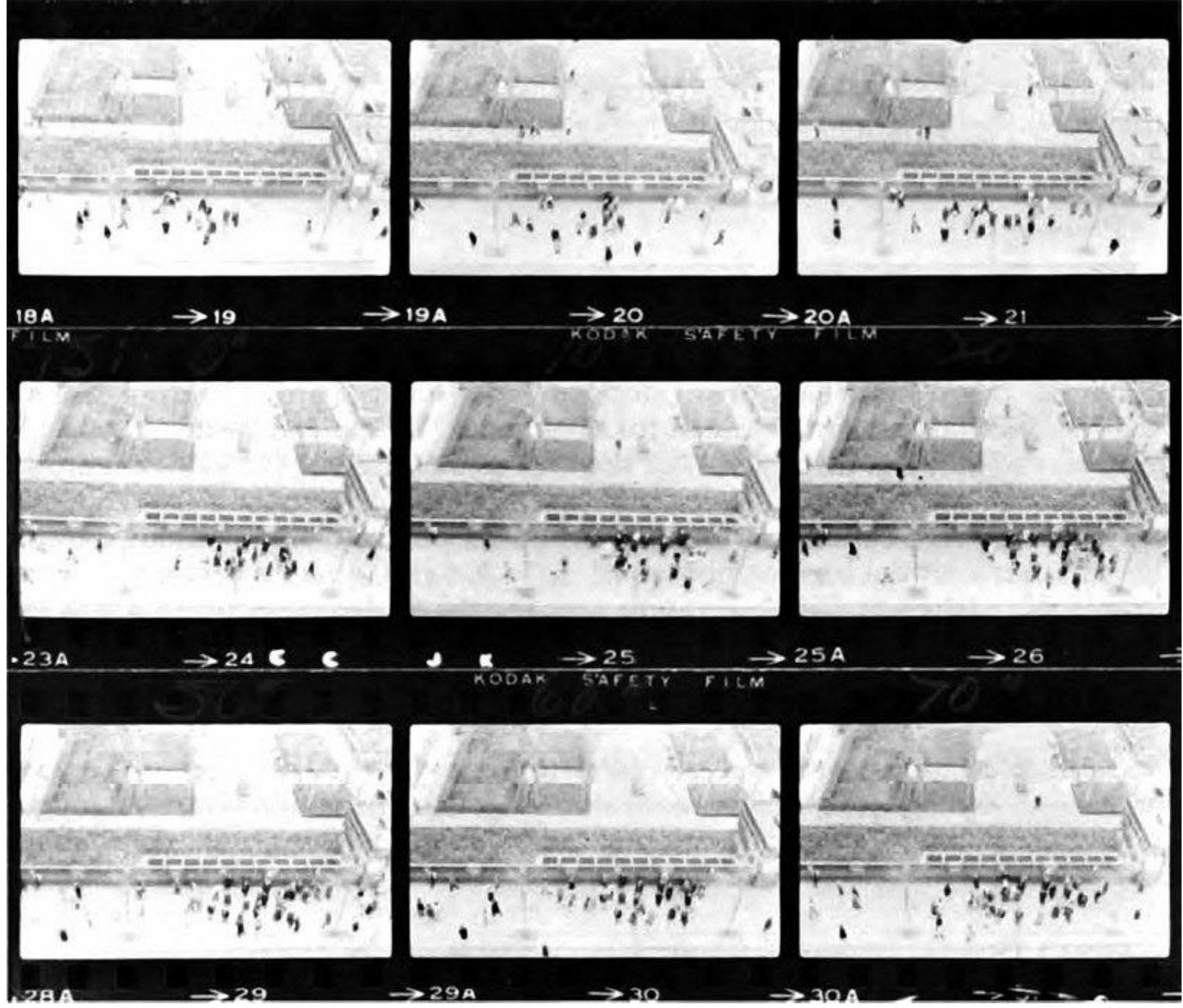

Рис. 14. Фотографии, использованные при анализе роста толпы

По окончании периода наблюдений группа получала сигнал расходиться. После того, как зона наблюдений очищалась от собравшейся толпы, процедуру повторяли, но уже со стимулирующей толпой другого размера. Для каждого из шести размеров стимулирующей толпы проводилось пять испытаний в случайном порядке. Стимулирующие толпы состояли из 1, 2, 3, 5, 10 и 15 человек. В 60-секундные периоды, когда стимулирующая толпа смотрела в окно, происходящее снимали на кинопленку (рис. 14).

Анализ данных

При помощи анализа киносъемки определяли общее число пешеходов, прошедших через зону наблюдения, и изучали их поведение. Исследователи работали в парах и считали общее количество людей, вошедших в зону, и смотрели, сколько из них поднимали глаза, а сколько остановилось.

Результаты

Первый вопрос состоит в том, возрастает ли количество пешеходов, остановившихся рядом с толпой, с увеличением размера стимулирующей толпы. Данные приведены на рис. 15 (пунктир). Когда вверх смотрел один человек, рядом с ним останавливалось 4% прохожих, а возле стимулирующей толпы из 15 человек остановилось уже 40% прохожих.

Был проведен дисперсионный анализ средней процентной доли прохожих, остановившихся рядом с толпой (табл. 12). По данным этого анализа размер стимулирующей толпы существенно влияет на долю прохожих, останавливающихся рядом с ней.

Источник	*SS*	*df*	*MS*	*F*
Между	0,423	5	0,085	20,63*
Внутри	0,999	24	0,004	
Всего	0,522	29		

* $p < 0{,}001$.

Таблица 12

Дисперсионный анализ доли остановившихся прохожих как функция размера стимулирующей толпы

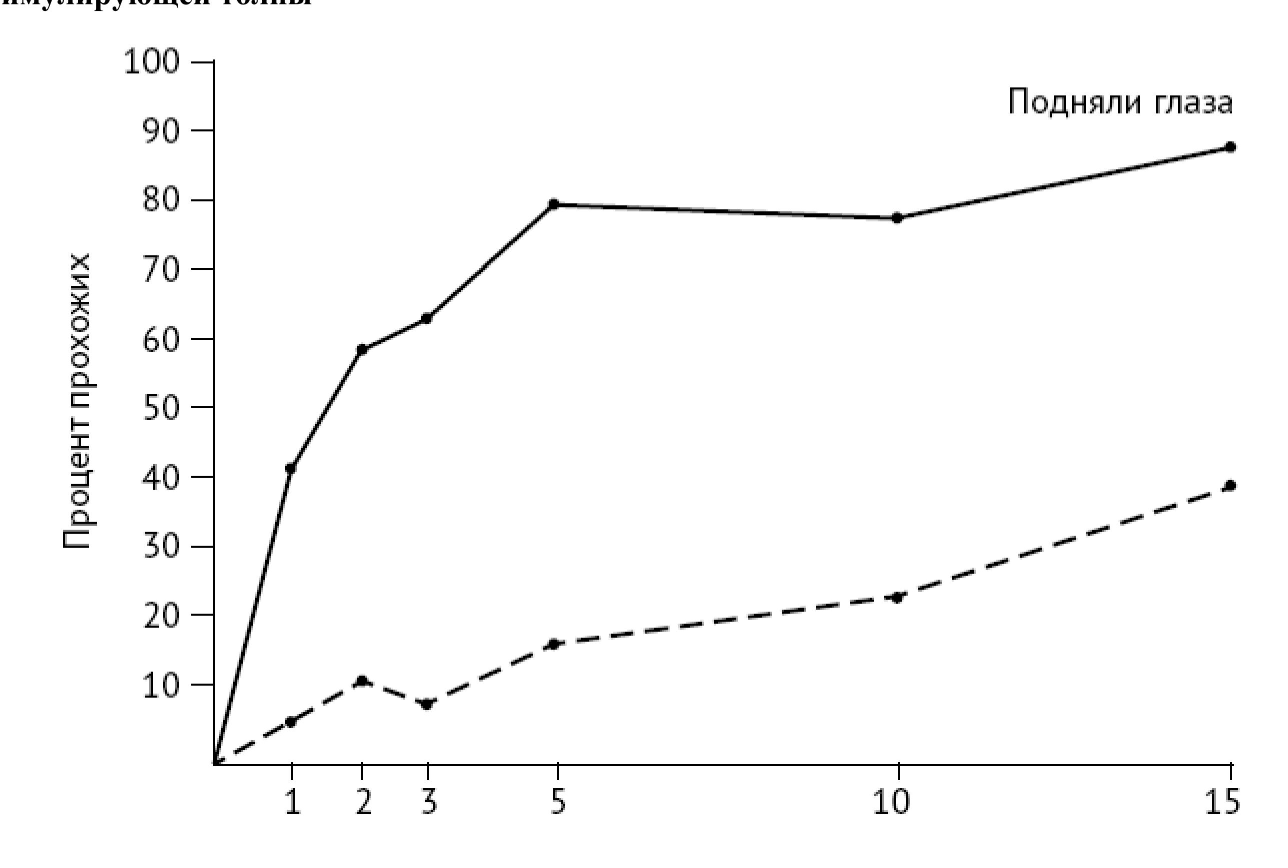

Рис. 15. Средний процент прохожих, которые подняли глаза и остановились, как функция размера стимулирующей толпы

Однако влияние стимулирующей толпы не ограничивается теми, кто останавливается постоять рядом с ней. Дело в том, что еще больше прохожих перенимают ее поведение лишь отчасти – смотрят в направлении взгляда толпы, однако не замедляют шага и не останавливаются. Их число также возрастает с увеличением стимулирующей толпы. Один человек заставил поднять глаза лишь 42% прохожих (и остановившихся, и нет), а стимулирующая толпа из 15 человек, глядевшая в одном направлении, заставила сориентироваться в том же направлении уже 86% прохожих (рис. 15), сплошная линия). Дисперсионный анализ опять же подтверждает различие в средних значениях (табл. 13).

Источник	*SS*	*df*	*MS*	*F*
Между	0,628	5	0,125	16,28*
Внутри	0,187	24	0,008	
Всего	0,815	29		

* $p < 0,001$.

Таблица 13

Дисперсионный анализ доли прохожих, поднявших взгляд, как функция размера стимулирующей толпы

Данные были также подвергнуты анализу тренда изменений для неравных интервалов (Gaito, 1965). Для остановившихся прохожих выявлен существенный линейный тренд (F = 101,7, p < 0,01) и несущественный квадратичный тренд (F = 0,42). Однако для прохожих, поднявших взгляд, существенными оказались и линейный (F = 57,2, p < 0,01), и квадратичный (F = 11,6, p < 0,01) тренды. Это имеет отношение к одному недавнему исследованию (Gerard, Wilhelmy, and Conolley, 1968). По его данным, конформность возрастает линейно как функция размера группы – в противоположность выводам Аша (1951), который выявил нелинейную зависимость. Наш эксперимент показывает, что единый набор манипуляций с размером группы может порождать функции обоих типов в зависимости от того, какая именно зависимая переменная выбрана для анализа.

Сравнение остановившихся и поднявших глаза показывает, что частотность этих вариантов реакции прямо пропорциональна размеру стимулирующей толпы, однако процент тех, кто лишь поднял глаза, всегда больше, чем процент остановившихся, независимо от размера стимулирующей толпы. Судя по всему, чем больше времени и сил отнимает та или иная поведенческая реакция, тем меньше вероятность, что она возникнет у прохожего.

Осталось сделать еще два замечания. Во-первых, очевидно, что, хотя изучалось влияние группы определенного размера на дальнейший рост толпы, размер стимулирующей толпы возрастает, когда к ней примыкают новые участники. Таким образом, мы не изучали воздействие стимулирующей толпы *постоянного размера* . Для этого нужно было бы всякий раз, когда к толпе примыкал новый прохожий, изымать из нее одного из членов.

Во-вторых, максимальный размер толпы зависит не только от первоначального размера, но и от природы стимула, привлекающего прохожих. В нашем исследовании прохожие ориентировались на направление взгляда толпы, однако открывающееся зрелище не обладало особой притягательной силой. (Прохожие смотрели на окно седьмого этажа офисного здания, где можно было лишь смутно различить какие-то фигуры, которые смотрели вниз на толпу.Не слишком увлекательное зрелище.) Если бы, например, на карнизе крыши выступал акробат, такая картина была бы очень занимательной и, скорее всего, удерживала бы толпу дольше, а сама толпа за минуту набирала бы более крупный максимальный размер (размер толпы в каждый момент равен размеру исходной стимулирующей толпы плюс присоединившиеся минус ушедшие).

Логично, что прохожие охотнее присоединяются к более крупным толпам: при прочих равных условиях, чем больше толпа, тем с большей вероятностью ее участники смотрят на что-то интересное. Результаты нашего исследования показывают, что количество людей, реагирующих на наблюдаемое поведение стимулирующей толпы и присоединяющихся к ней, зависит от размера стимулирующей толпы. Эти результаты противоречат предположению о приросте толпы, которое выдвинули Коулман и Джеймс. Темп прироста зависит не только от размера выборки доступных одиночек. (В нашем исследовании среднее количество таких одиночек лишь незначительно меняется с изменением размера стимулирующей толпы.) Как видно, обязательно следует учитывать и размер исходной группы.

Литература

ASCH, S. E. «Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgment». В кн.: H. Guetzkow (ed.), *Groups, Leadership, and Men* . Pittsburgh: Carnegie Press, 1951.

COLEMAN, J. S., & JAMES, J. «The equilibrium size distribution of freely-forming groups».*Sociometry* , 1961, 24, 36–45.

GAITO, J. «Unequal intervals and unequal N in trend analysis». *Psychological Bulletin* , 1965, 63, 125–7.

GERARD, H. B., WILHELMY, R. A., & CONOLLEY, E. S. «Conformity and group size».*Journal of Personality and Social Psychology* , 1968, 8, 79–82.

MILGRAM, S., & TOCH, H. «Collective behavior: crowds and social movements». В кн: G. Lindzey & E. Aronson (eds.), *The Handbook of Social Psychology* . Vol. IV (2nd ed.). Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1969.

Толпы[61]

Толпа – общий термин, описывающий скопления людей, возникающие при самых разных условиях: толпы образуются и в театрах, и на стадионах, и во время уличных беспорядков, и на митингах, и при панике. Сродни этому понятию мысль о том, что достаточно большие и тесные скопления людей влияют на их поведение. Толпы в общественной жизни встречаются очень часто и при некоторых обстоятельствах вызывают озабоченность общества в целом, а в последние сто лет они стали и предметом рудиментарного научного анализа.

Элементарные характеристики толпы

Любую толпу можно рассматривать как группу точек, образующих скопление; эта группа растет в размерах с измеримой скоростью, приобретает новые формы и обладает определенной динамикой самораспределения – сливается из других крупных групп в ходе измеримого процесса, имеет либо резкие, либо размытые границы, как проницаемые, так и сплошные, через которые не могут проникнуть точки вне пределов группы. Хотя пока нет полной теории, связывающей переменные макроскопического анализа, попытки охарактеризовать толпу на этом уровне выявляют важные закономерности. Более того, такая точка зрения очень подходит для эмпирических исследований. Пространственные характеристики толпы легко зафиксировать при помощи аэрофотосъемки, а покадровая съемка позволяет записать и тщательно изучить временные аспекты ее динамики (Millard, 1963). Подобные техники дадут возможность, например, предсказать конечный размер толпы на основании первоначального темпа прироста – а этот вопрос имеет существенное теоретическое и практическое значение.

---

[61] Автор в долгу перед мистером Джеффри Трэверсом, который подготовил материалы по математической теории толпы, а также перед Элинор Рош, которая провела два упомянутых в тексте эмпирических исследования, и докторам Барри Маклафлину и Чарльзу Троллу за редакторскую правку. Иллюстрацию на с. 215 предоставила миссис Элинор Уайт. В этой главе учтены материалы, опубликованные по 1965 год включительно.

Отрывки из статьи «Collected Behavior: Crowds and Social Movements» («Поведение коллектива. Толпы и общественные движения»), написанной в соавторстве с Хансом Тохом и опубликованной в «The Handbook of Social Psychology» (second edition), Vol. IV, G. Lindzey and E. Aronson (eds.), Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1969, 507–610. Авторское право возобновлено в 1997 году Александрой Милгрэм и Хансом Тохом. Печатается с разрешения правообладателей.

Форма и рудиментарная структура

Типичные конфигурации группы часто отмечают в стаях птиц и животных и в косяках рыб (Hall, 1966; Lorenz, 1966), однако форма спонтанных скоплений людей ускользает от внимания ученых. Отчасти дело в том, что наблюдатели обычно видят толпу под тем же углом, что и сама толпа, в то время как самая выгодная точка обзора для изучения конфигурации – прямо сверху. В отсутствие систематических данных исследователь толпы вынужден довольствоваться лишь несколькими грубыми обобщениями касательно основных структур толпы и их функций. Начнем обсуждение с одной разновидности структуры толпы – с кольца.

Кольцо

Если в стартовой ситуации люди случайно распределяются по плоской поверхности, точка на той же поверхности, вызывающая общий интерес, создает толпу, форма которой тяготеет к кольцу. Такая организация не случайна, она обладает важной функцией: обеспечивает самое эффективное распределение людей возле точки, привлекающей общее внимание (см. рис. 16). В экспериментальных целях идеальное кольцо создается, если вытащить из океана на многолюдный пляж что-нибудь интересное. Хорошо подходит для этого, скажем, сундук с сокровищами – вокруг него тут же сформируется кольцо зевак.

Рис. 16. Толпы в виде колец. На фото изображены толпы, собирающиеся вокруг циркачей на ярмарке в Марокко (© Кристофер Дин.Фотограф Лумис Дин)

Квадратная толпа противна природе. Толпа создается в форме приращений к первоначальному кольцевидному ядру. Круглые очертания сохранятся даже после того, как к толпе прирастет несколько слоев. Иногда круг или кольцо получаются неполными из-за факторов среды – например, стен или ограждений, – однако зачастую легко различить сегменты в виде дуг. Каждый раз, когда мы видим скопление людей прямоугольных очертаний, можно предположить, что это не спонтанное скопление: такая форма наталкивает на мысль об организованной толпе.

В центре кольца обычно находятся те, кто прибыл первым, а опоздавшие оказываются ближе к границе круга. Однако наблюдается и движение самых энергичных и заинтересованных участников к центру кольца, так что возникает расслоение на фракции – аналогично расслоению на фракции тяжелых и легких частиц в центрифуге. Циркуляция толпы, которая традиционно считается средством обмена информацией (Blumer, 1946), также помогает людям найти свое место в структуре толпы, передвинуться ближе к центру или к периферии. Поэтому напрашивается гипотеза, что те, у кого особенно сильна мотивация исполнить цели толпы, будут непропорционально широко представлены в структурном ядре толпы.

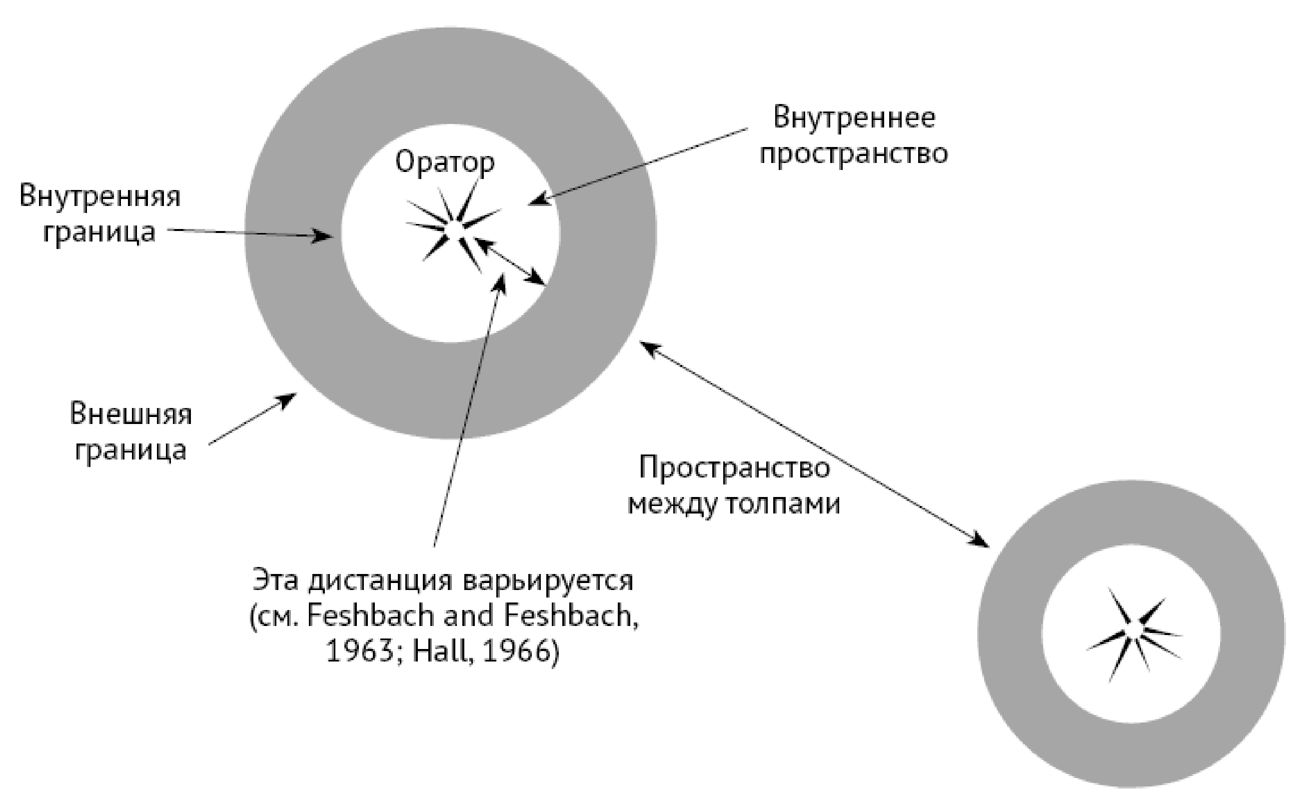

Рис. 17. Структура кольцевидной толпы

Структура кольцевидной толпы приведена на рис. 17. Следует отметить несколько характерных черт. Внутренняя зона обеспечивает пространственное отделение ораторов от зрителей. Чем больше протяженность внутренней границы, тем больше зрителей сможет увидеть оратора без помех – голов и тел других участников толпы. Кроме того, внутреннее пространство подчеркивает функциональное отличие оратора от зрителей. Параметры внутреннего пространства зависят от целого ряда переменных – степени привлекательности или, наоборот, непривлекательности оратора, его положения (на возвышении или без), размерами кольца и напором задних рядов. Фешбах и Фешбах (Feshbach and Feshbach, 1963) говорят об изменении параметров кольца. Они усадили в круг группу мальчиков, а затем напугали их страшными рассказами о привидениях и наблюдали, как это повлияет на конфигурацию группы. Хотя в начале диаметр круга составлял около 11 футов (примерно 3,5 метра), к концу последнего рассказа кольцо спонтанно сжалось примерно до трех футов (90 см).

Борис Сидис (Sidis, 1895) предложил рудиментарную структуру враждебной толпы и описывал ее организацию как «чувствительное цепкое ядро», формирующееся в центре толпы, однако вытесняемое вперед, и «микроядро внутри ядрышка» – то есть героя толпы в окружении самых преданных последователей. Клеточные аналогии Сидиса не очень полезны, однако стоящей за ними идеей структуры в пределах толпы пренебрегать не стоит. Из современных авторов особенно внимательны к структурным особенностям толпы Канетти и Холл (Canetti, 1962; Hall, 1966).

Границы

Граница определяет пределы и протяженность толпы. Основные характеристики границы – (1) проницаемость и (2) резкость.

Проницаемость

Открыта или закрыта граница для новичков, зависит как от физических, так и от идеологических факторов. С описательной точки зрения мы должны провести различие между проникновением через границу и приращением к ней. Проникновение – это вход из точек вне толпы, за которым следует движение к центру. Приращение – это скопление людей по краям. Плотное кольцо вокруг циркача не всегда пропускает новых зрителей в самую середину, но позволяет им накапливаться у внешнего края. Однако даже приращение иногда пресекается в интересах соблюдения частного пространства уже собравшейся группы. Толпы не обязательно должны быть полностью открытыми или замкнутыми, но иногда прибегают к отбору по идеологическим критериям. Толпа линчевателей в процессе формирования обычно открыта для белых, однако яростно изгоняет чернокожих (Cantril, 1941).

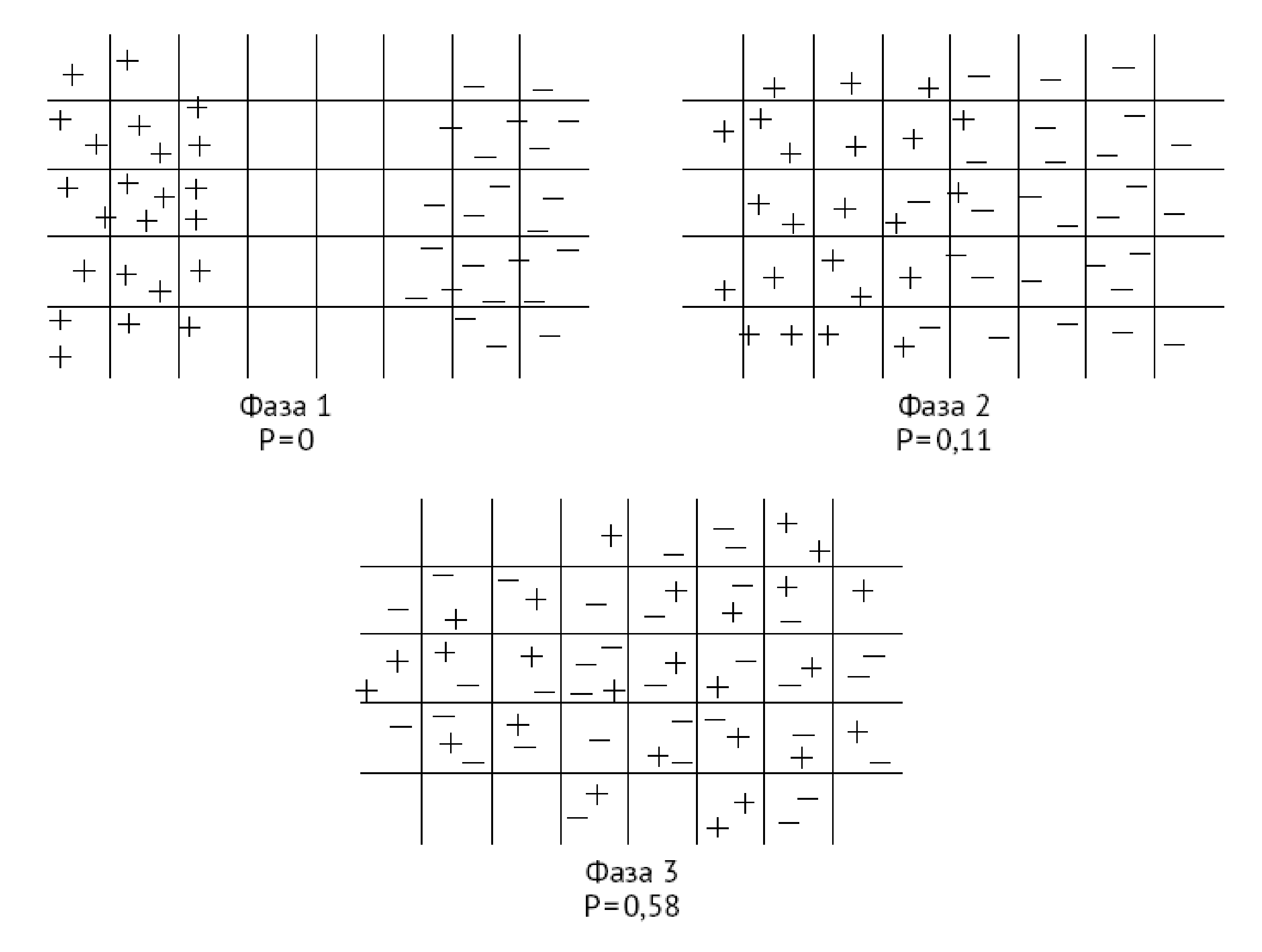
Проницаемость действует в обе стороны. Иногда, очутившись в толпе, человек уже не может пересечь внешнюю границу. Толпы, забрасывавшие своих жертв камнями, как в Ветхом Завете, окружали их плотным кольцом, создавая непроходимую преграду. Знаменитостям зачастую трудно выбраться из плотного кольца поклонников.

Резкость границы

Иногда границы толпы четко определены, а иногда размыты. Дать им количественную оценку не всегда просто, особенно когда толпа сгустилась из другой, более многолюдной толпы, которая по-прежнему функционирует вокруг ядра, однако лишена фокуса. В таких случаях единственным критерием оценки остается поляризация: если рассматривать концентрические круги от центра кольца в сторону внешней границы, пропорция людей, поляризованных в направлении центра, резко падает, однако бывает трудно определить, какое значение поляризации соответствует точной границе толпы.

Границы толпы интересны еще и тем, что на стыке двух толп возникает целый ряд характерных явлений. Столкновение двух враждебных группировок, например, политической демонстрации с полицией, – это в основном приграничный конфликт. Все самое драматичное происходит на линии фронта, именно тут наносят удары и обрушивают дубинки на первый ряд демонстрантов. Зачастую после первой стычки передовых фаланг с обеих сторон толпа рассеивается. Но когда границы сливаются, становится понятно, что возникает своего рода свободное взаимодействие и кризис усугубляется.

Чтобы провести количественную оценку, вполне можно измерить степень взаимопроникновения двух сторон в статистических терминах смешанных и несмешанных пробежек. А можно наложить палетку на фотографии, сделанные на разных фазах беспорядков, и определить, сколько квадратов получились смешанными, а сколько содержат несмешанные элементы, как показано на рис. 18.

$$P = \frac{\text{количество квадратов, содержащих смешанные элементы толпы}}{\text{количество квадратов, содержащих любые элементы толпы}}$$

Рис. 18. Взаимопроникновение двух толп

Степень, в которой один коллектив сливается с другим, когда они встречаются, а самоотождествление с первоначальными группировками постепенно исчезает, называется *растворимостью* . Парад, как правило, нерастворим, даже если проходит сквозь зрителей, но иногда зрители с такой силой вторгаются в ряды марширующих и перемешиваются с ними, что форма парада распадается. Сохранение границ – важная задача организованных коллективов. Но есть и исключения: марш протестующих против ядерного оружия из Альдермастона, как правило, приглашает зрителей присоединиться к группе (Lang, 1960). Здесь размытость границы между протестующими и зрителями даже приветствуется.

Границы толп часто меняются из-за приращения, это не всегда зависит от намерений тех, кто уже составляет толпу, и положение участника относительно границы впоследствии может измениться. По поводу демонстрации в защиту прав человека в Бостоне 14 марта 1965 года автор отмечает:

Я стоял на самом периметре толпы, однако к 14:50 обнаружил, что я больше не на краю, хотя ничего для этого не делал. За спиной у меня скопилась масса народу, и теперь я очутился более или менее в центральной части толпы. Я ничего не делал, однако мое положение в меняющейся структуре стало другим.

Это наблюдение говорит об общем свойстве толп. Намерения и последствия здесь никак не связаны между собой. Человек оказывается в ситуации, свойства которой постоянно меняются. Он решает постоять с краю – и оказывается в самом ядре; он хочет остаться на месте, однако плотный поток тел несет его вперед. Решения, принимаемые численным большинством в процессе взаимной стимуляции, меняют окружение каждого отдельного человека независимо от его намерений, а его реакция на эти перемены создает, в

свою очередь, ограничения и давление на окружающих.

Внутренние подструктуры

На первый взгляд однородное собрание при ближайшем рассмотрении иногда имеет внутренние границы, которые разделяют его на несколько подгрупп. При формировании групп нередок эффект расслоения. Например, перед Кау-Палас в Сан-Франциско во время собрания по выдвижению кандидатур от Республиканской партии состоялась манифестация Конгресса расового равенства против кандидатуры сенатора Барри Голдуотера, однако демонстрантов окружила толпа сторонников Голдуотера, которые хотели, чтобы демонстрация Конгресса расового неравенства не произвела никакого впечатления (White, 1965). Расслоившиеся толпы, состоящие из подгрупп-антагонистов, создают идеальную среду для беспорядков.

В тоталитарных странах вошли в привычку организованные массовые демонстрации (Methvin, 1961), стабильность которых зависит от создания невидимых, однако тщательно спланированных внутренних подструктур. По улице маршируют рабочие – на первый взгляд полные энтузиазма, независимые и не связанные друг с другом. Однако каждый участник демонстрации окружен группой знакомых, зачастую товарищей по заводу. Так что недостаточный пыл или неспособность в должной степени продемонстрировать, что решение участвовать в демонстрации принято добровольно и спонтанно, не поощряется.

Даже в толпе подлинно спонтанной возникают подструктуры на основе дружеских и семейных связей и ролевых отношений, и здесь они управляют участниками более жестко, чем в нормальных обстоятельствах. Большинство толп нельзя считать скоплением изолированных точек, поскольку заметная доля участников, скорее всего, находится во вполне определенных родственных или дружеских связях по крайней мере еще с одним участником толпы.

Более того, в пределах однородной на первый взгляд толпы наблюдается куда более разнообразная деятельность, чем принято думать. Приведем пример из наблюдений автора: на пике демонстрации в защиту прав человека в Бостоне 14 мая 1965 года все собравшиеся на первый взгляд были поглощены выступлением оратора, который рассказывал о том, как жестоко обращались с ним в полиции штата Миссисипи. Однако более подробное наблюдение над толпой показало, что ее участники заняты самой разной деятельностью. Львиная доля демонстрантов и в самом деле слушала оратора. Однако некоторые увлеченно беседовали друг с другом. Мать завязывала ребенку шнурок на ботинке. Налицо была даже деловая активность: в толпе сновал фотограф с «Полароидом» и снимал участников, после чего ему было нетрудно наладить с теми, кого он сфотографировал, отношения «продавец-покупатель». Новые теории (Turner and Killian, 1957; Lang and Lang, 1961) подчеркивают, что различная степень вовлеченности участников толпы – это важнейшая черта ее деятельности.

Поляризация

Поляризация задает один из параметров «ментального единства» толпы. Ведь один из аспектов этого единства – это внимание: если все участники группы смотрят на один объект, например, на оратора, поляризация у группы высокая; если они смотрят в разных направлениях, поляризация невысока. Публика в театре, объединенная интересом к спектаклю, выказывает практически полную поляризацию, однако если существенная доля зрителей не смотрит на сцену, дела у актеров плохи.

У большинства групп поляризация связана с важными аспектами функции и структуры. Обычно поляризация в центре толпы выше, чем по краям. В некоторых ситуациях поляризация, наоборот, окаймляет толпу. Рассмотрим многолюдную ярмарку. Многие наблюдатели в каждый момент времени случайно перемещаются от одного прилавка или

шатра к другому, однако у каждого из них скапливается поляризованная подгруппа. Если границы подгрупп не очень резкие, количественная мера поляризации поможет определить, где кончаются отколовшиеся группы и начинается свободное движение масс. Короче говоря, толпа отличается от простого скопления людей общностью целей или интересов. Приблизительной мерой этой общности и может служить поляризация, позволяющая определить границы толпы и выделить подгруппы в пределах крупного скопления.

Подобным же образом поляризация связана и с распадом толп. Спонтанному распаду толпы зачастую предшествует снижение поляризации: отдельные участники толпы теряют интерес к происходящему и готовятся отделиться. Колебания поляризации в зависимости от времени многое говорят о механизмах, управляющих толпой.

Последовательная запись колебаний поляризации в толпе, наблюдающей дебаты политических кандидатов, многое говорит о мастерстве ораторов. Например, у кого чаще возникали высокополяризованные толпы слушателей во время президентских выборов 1960 года – у Кеннеди или у Никсона?

О поляризации написано довольно много (Brown, 1954; Woolbert, 1916), однако почти ничего не говорится о возможностях ее эмпирического применения. Чтобы представить себе, как можно вести подобного рода исследования, рассмотрим фотографию губернатора Нельсона Рокфеллера в окружении толпы в Беркли (рис. 19). У каждого запечатленного на фотографии человека стрелкой указано направление взгляда. На толпу наложена радиальная сетка, Рокфеллер попадает в кружок в центре. Получившаяся в результате схема (рис. 20) дает более ясную общую картину поляризации, чем сама фотография.

Каждая стрелка экстраполирована, чтобы проверить, пересекает ли она кружок, в котором находится Рокфеллер. Если стрелка пересекает кружок, человек поляризован, и ему приписывается значение 1. Если нет, он не поляризован, и ему приписывается значение 0. Поляризацию толпы в целом можно представить в виде дроби:

$$\frac{\text{Сумма поляризационных значений толпы}}{\text{Размер толпы}}$$

Рис. 19. Губернатор Нельсон Рокфеллер в окружении толпы в Беркли (© Эрнест К. Беннетт/AP/Press Association Images)

Толпа на фотографии состоит из 266 человек, 148 из которых ориентированы на Рокфеллера. Таким образом, коэффициент поляризации составляет 148/266, то есть приблизительно 0,56. Казалось бы, для такой толпы он достаточно низок, ведь на первый взгляд кажется, будто все внимание устремлено на губернатора. И в самом деле, если попросить человека оценить, какая часть толпы смотрит на губернатора Рокфеллера, оценки обычно окажутся завышены. Это открытие подтверждает теорию Тернера (Turner, 1964), согласно которой сторонние наблюдатели склонны приписывать всем членам толпы чувства и поведение, подобающие в той или иной ситуации.

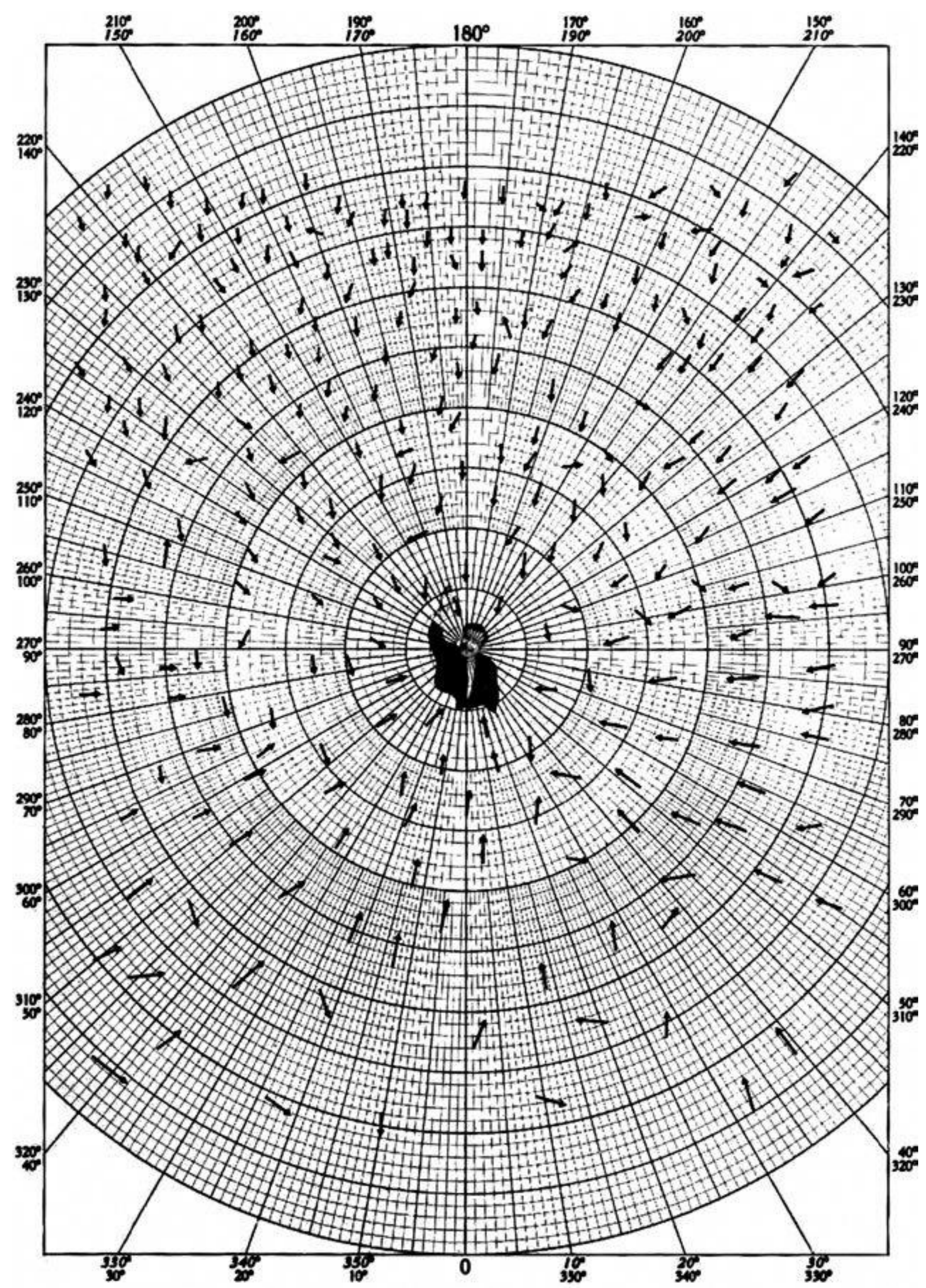

Рис. 20. Схема поляризации в толпе, изображенной на рис. 19)

Окружающая среда. Зависимость толпы от физических условий окружения

Окружающая среда радикально влияет на функционирование толпы в бесчисленном множестве случаев. Хаусман планировал широкие бульвары в Париже именно с такой мыслью, чтобы толпы восставших не могли строить баррикады на узких улочках (Pinkney, 1958). Возникновение паники зависит от особого набора физических черт: большое скопление людей в замкнутом пространстве с ограниченными возможностями для выхода – те, кто первыми бросятся туда, могут спастись, а те, кто окажется позади, уже нет. Если отрицательный стимул, например, пожар, случается в полностью замкнутой зоне, откуда невозможно вырваться, паника не возникает (Brown, 1965). Паника редко возникает и тогда, когда выходов достаточно много (Schultz, 1964).

Типичный пример зависимости поведения толпы от физических особенностей среды – «нарушение приличий в театре Браттл», которое наблюдал автор:

Когда зрители приходили в театр Браттл в Кембридже, то покупали билеты, а потом выстраивались в очередь вдоль стены А (см. рис. 21а). Став достаточно длинной, очередь изгибалась и шла вдоль стены В.

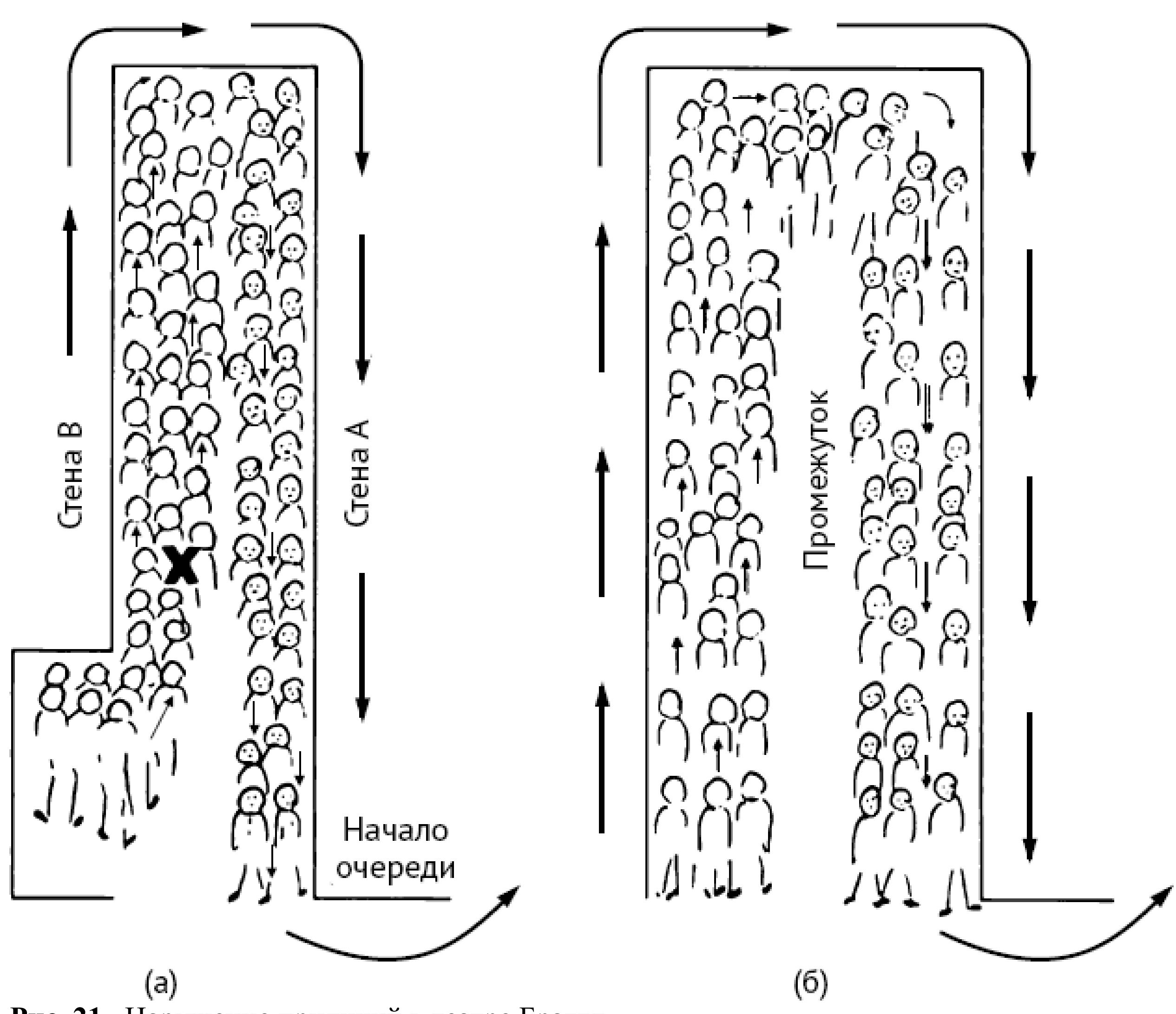

Рис. 21. Нарушение приличий в театре Браттл

Тех, кто первыми покупал билеты, первыми впускали в зал согласно негласному закону, общепринятому среди завсегдатаев театра. Когда двери в зал открывались, зрители входили в зал в том порядке, в котором прибыли в театр, и выбирали себе места. Однако коридор, в котором создавалась двойная очередь, был необычайно узок, поэтому, если зритель Х хотел пройти предписанный путь, ему зачастую приходилось задевать и толкать других зрителей, продвигавшихся в противоположном направлении. Толкучка в очереди

нарастала, и в конце концов люди, стоявшие вдоль стены B, начинали разворачиваться и тоже проходить в зал – что нарушало все установленные нормы. В результате последними в зал входили те, кто оказывался в середине очереди. Такое происходило постоянно. Решением проблемы стало расширение коридора (рис. 21б) – между изгибами очереди образовался промежуток, зрители перестали толкать друг друга и теперь входили в зал чинно и с соблюдением всех приличий.

Плотность

Плотность толпы определяется количеством людей в конкретном пространстве. Джейкобс (Jacobs, 1967) вычислил плотность нескольких толп, собравшихся на выступления ораторов в студенческом культурном центре Спрул-Плаза в кампусе Беркли. При помощи аэрофотосъемки Джейкобс подсчитал количество присутствующих и разделил на площадь зоны наблюдения. Самая высокая плотность, которую он наблюдал, составляла одного человека на четыре квадратных фута (примерно 0,4 м2) во время религиозного собрания (у выступающего не было микрофона, и слушатели были вынуждены подойти поближе, чтобы расслышать его). При наличии микрофона плотность оказывалась ниже. Когда выступал активный борец за права чернокожих Стокли Кармайкл, Джейкобс насчитал плотность толпы 5,7 квадратных футов (0,5 м2) на человека, в других случаях встречалась также плотность в 6,5 и 8,5 квадратных футов (0,6 и 0,8 м2 соответственно) на человека. Джейкобс указывает, что применение этой формулы позволит показать, что официальная оценка количества присутствующих зачастую грубо преувеличена.

В повседневной жизни самые плотные толпы встречаются в токийском метро. Чтобы затолкать в вагоны как можно больше пассажиров, привлекаются особые служащие – «толкатели». Высокая плотность, как и в случае с театром Браттл, всегда создает осложнения из-за внутреннего трения. В Токио тем, кто часто ездит в метро, продают скользкие плащи, облегчающие маневры в тесноте (Clark, 1965).

Холл (Hall, 1966) утверждает, что психологическое ощущение от толпы нельзя приравнивать к простой плотности – числу человек на единицу пространства. То, как человек реагирует на толчею, зависит от того, как он относится к чужим прикосновениям. Более того, толерантность к скученности в толпе зависит от культуры: «Арабы и японцы гораздо более толерантны к толпам в общественных местах и транспорте, чем американцы и жители северной Европы» (Hall, 1966, p. 58).

Исследования норвежских крыс (Calhoun, 1962), пятнистых оленей (Christian, 1960) и других животных (Parkes and Bruce, 1961) показывают, что популяции млекопитающих контролируются физиологическими механизмами, реагирующими на плотность популяции, скученность приводит к крайней социальной дезорганизации, а при превышении критической плотности у животных начинаются биохимические расстройства, что иногда приводит к гибели. Последствия скученности у людей пока что исследованы не были.

Рационализация толпы

Для регулирования отношения толпы к физическим ограничениям применяется целый ряд общественных механизмов (Cox and Smith, 1961). Некоторые магазины, в которых бывает много посетителей, с самого начала проводят профилактику, чтобы не допустить создания враждебно настроенной толпы: выдают посетителям номерки и обслуживают их по очереди. В больших офисных зданиях время окончания рабочего дня у сотрудников преднамеренно разводят, чтобы избежать толпы возле лифтов. В опасной ситуации действуют культурные нормы – например, правило «Сначала женщины и дети». На автобусных остановках ожидающие не бросаются к дверям одновременно, что было бы чревато травмами, а выстраиваются в очередь, обеспечивая рациональный порядок входа в автобус – первым садится тот, кто первым пришел на остановку. Чем выше плотность

населения, тем сильнее обычно рационализируется поведение толпы.

Невозможно переоценить, как важно вписать движение толпы в соответствующую физическую среду; проектировщики театров и других арен в наши дни очень заботятся о плавном течении потоков посетителей и следят, чтобы их сооружения было легко покинуть. Социальные психологи, которые ввели саму идею феномена толпы, должны внести более существенный вклад в решение этой технической задачи.

Успешное применение компьютерной стимуляции к динамике жидкостей показывает, что и движение толпы также поддается симуляции, а значит, можно проводить эксперименты, не прогоняя по лабораторным коридорам армию испытуемых (Harlow and Froom, 1965). Исследователи феноменов толпы могут воспользоваться естественными потоками толпы на выходе со стадионов и других общественных мест, где плотность толпы высока, и при помощи фотографирования и методов слежения непосредственно зафиксировать поток толпы.

Толпа в движении

Разработчики дорог и специалисты по дорожному движению считают, что люди ходят со средней скоростью четыре фута (1,2 м) в секунду (Bruce, 1965), причем с увеличением плотности толпы эта скорость в целом снижается. Отношение между скоростью ходьбы, плотностью толпы и временем суток показано на рис. 22.

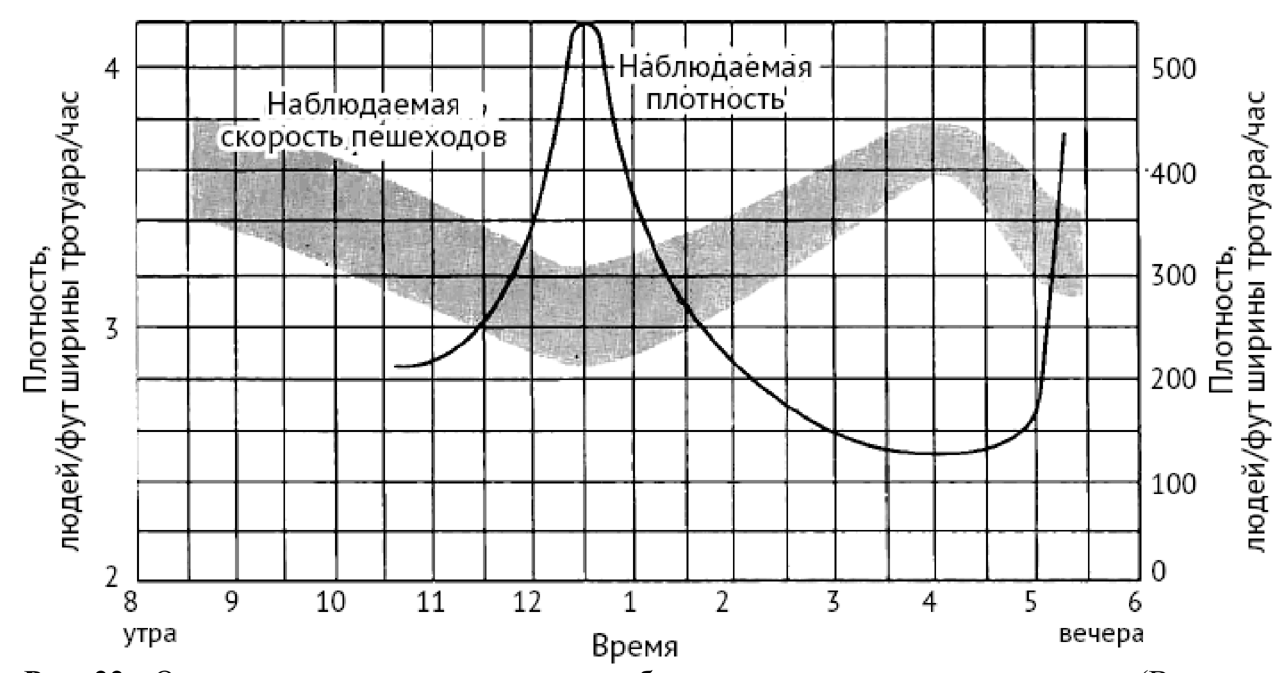

Рис. 22. Отношение между скоростью ходьбы пешеходов и плотностью толпы (Bruce, 1965)

Ускорение

Термин «синхронизированное ускорение» описывает ситуацию, в которой все участники толпы начинают двигаться одновременно. Это происходит в армии, когда подразделение слышит приказ «Марш». Также это случается, когда все участники толпы воспринимают общий стимул, побуждающий к движению, например, загорается зеленый свет. Однако в целом такое бывает относительно редко. Чаще всего толпа переходит из неподвижного в подвижное состояние не вся сразу, а поэтапно. Прежде чем начать двигаться, человек ждет, когда с места сдвинется тот, кто стоит перед ним. Очевидно, что поэтапное движение менее эффективно, чем синхронизированное, поскольку при поэтапном

движении время на перемещение толпы зависит от времени, которое уходит у первой единицы на то, чтобы отреагировать на стимул, плюс время реакции второй единицы – и так до единицы *n–1* . Таким образом,

$$Td = f(r) \quad \text{при синхронизированном движении,}$$
$$Td = f(r1 + r_{2,1} + r_{3,2} + \ldots + r_{n,n-1}) \quad \text{при поэтапном движении,}$$

где T – это время, за которое толпа проходит данное расстояние d , а r – время реакции на стимул.

Когда все участники толпы движутся в одном направлении, происходят столкновения, если единица *n* приходит в движение раньше, чем единица *n–1* успела достаточно ускориться. В общем можно сказать, что количество столкновений между людьми в толпе – сложная функция, главные переменные которой – плотность толпы, темп ускорения и количество направлений, в которых движутся участники.

Человек и транспортное средство как единое целое

Проблема обостряется, когда нормальный темп передвижения пешеходов повышается из-за транспортных средств. Разновидность современной толпы – это тесное скопление автомобилей, перемещающееся по городской улице или стоящее в пробке у перекрестка. Когда смотришь на перебранку водителей в пробке, легко забыть, что мы прежде всего имеем дело с поведением именно людей – конечно, они сидят в машинах, но реагируют по-прежнему согласно принципам психологии толпы. Один из аспектов этой проблемы исследовал урбанист Риттер (Ritter, 1964). Он пишет (p. 34):

Любой водитель, облачившись в стальные доспехи, забывает о своей пешей ипостаси и превращается в существо куда более агрессивное… привязавшись к машине, люди утрачивают общительность, умение сотрудничать, здравый смысл, сострадание и доброту.

Современные урбанисты приписывают толпе водителей многие неприятные характеристики, которые Лебон (Le Bon, 1895) находил у уличных толп. Если 6–7 человек затаптывают насмерть во время давки в театре, это вызывает мощный общественный резонанс – однако гибель такого же числа людей в автокатастрофе не находит такого отклика. Если бы люди ходили с такой же скоростью, с какой ездят на машинах, формальная идентичность этих проблем была бы признана более широко. Толпы машин уже подвергались теоретическому анализу, и некоторые соображения в этой области вполне применимы к описанию толп людей.

Современные транспортные средства привели к появлению особых форм активности толпы. В наши дни не редкость беспорядки, устраиваемые мотоциклистами (Shellow and Roemer, 1966). Участник беспорядков полагает, что благодаря наличию мотоцикла сможет быстро покинуть место действия и тем самым избежать преследования по закону – современное обобщение чувства анонимности.

Примечание . Теоретики рассматривают дорожное движение как движущийся поток, обладающий текучестью и плотностью, в котором возникают волны (Gazis, 1967). Волна – это тенденция автомобилей в потоке движения в одних местах скапливаться плотнее, а в других – держаться на большей дистанции.

Эди и Фути (Edie et al., 1963) показали, что волны пробок можно уменьшить, если разделить автомобили на группы – «взводы». Взводы сглаживают общий поток и сокращают количество остановок и стартов, поскольку он становится не таким скученным. Очевидно, что это имело бы огромное значение для общества. Герман и Ротери (по данным Schmeck, 1966) показали, что быстрая машина ускоряет движение в потоке, поскольку соседние водители хотят догнать лидера. Эти исследователи установили, что если одна машина следует за другой, то автомобиль-преследователь больше озабочен тем, чтобы развить ту же скорость, что и машина-лидер, однако не заботится о сохранении постоянной дистанции.

Размер толпы

Рост

Недавно в одной телепередаче продюсер инсценировал автомобильную аварию на улицах Рима. С разрешения местных властей столкнулись две машины. Хотя на улицах на первый взгляд было сравнительно пусто, у места происшествия начала собираться толпа. Она разрослась до определенных размеров и остановилась, когда машины окружило, скажем, около 100 зевак, то есть увеличивалась не беспредельно. Конечный размер, до которого разрастается толпа вокруг места происшествия, ограничена плотностью населения в непосредственно прилегающей зоне, а также другими факторами – временем суток и уменьшением видимости из-за скопившихся людей. Эти особенности формирования толпы нуждаются в дальнейшем изучении: хотя о воздействии уже существующих толп написано очень много, о процессе формирования толп почти ничего не говорится. Канетти (Canetti, 1962) пишет о «кристаллах толпы» – первоначальных скоплениях людей, форсирующих возникновение более крупных толп. Смелсер (Smelser, 1963) обсуждает условия в обществе как таковом, порождающие активность толп.

Первый автор и его ученики провели полевой эксперимент по изучению роли форсирующих групп разного размера в образовании толп. На оживленной нью-йоркской улице с сильным пешеходным потоком создавали в случайном порядке форсирующие группы из 1, 2, 3, 5, 10 и 15 человек. Члены группы совершали отчетливо наблюдаемое действие – поднимали головы и смотрели на окно небоскреба и сохраняли эту позу в течение одной минуты. Каждый тестовый эпизод повторяли пять раз. Исследователи фотографировали сцену при помощи раскадровки кинопленки, а затем, проанализировав отснятый материал, подсчитали, какая доля прохожих подражала этому действию. Результаты показаны на рис. 23. Доля прохожих, подражавших «взгляду вверх», возрастает по мере увеличения форсирующих групп от 1 до 5 человек, однако остается постоянной при группах из 5, 10 и 15 человек. Дополнительный анализ показал притягательную силу толп большего размера. Рядом с одиночкой, который смотрел вверх, останавливались 4,05% прохожих, а возле форсирующей группы из 15 человек – уже 39,98%.

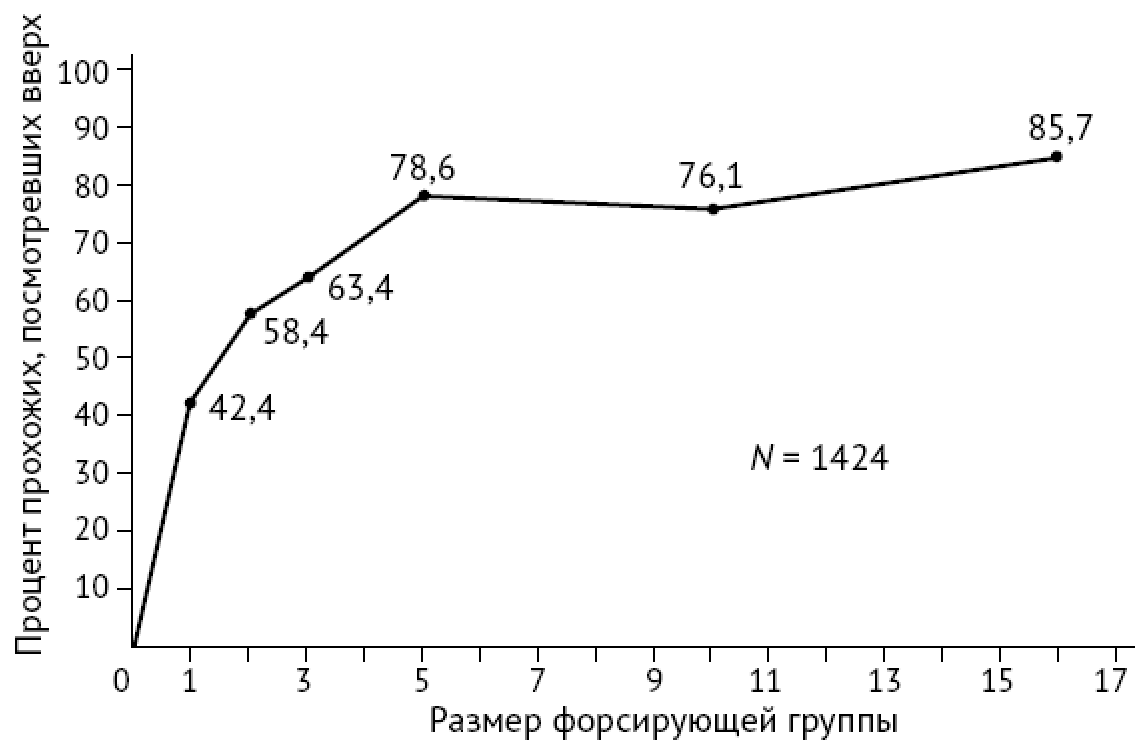

Рис. 23. Процент прохожих, посмотревших вверх, как функция размера форсирующей группы

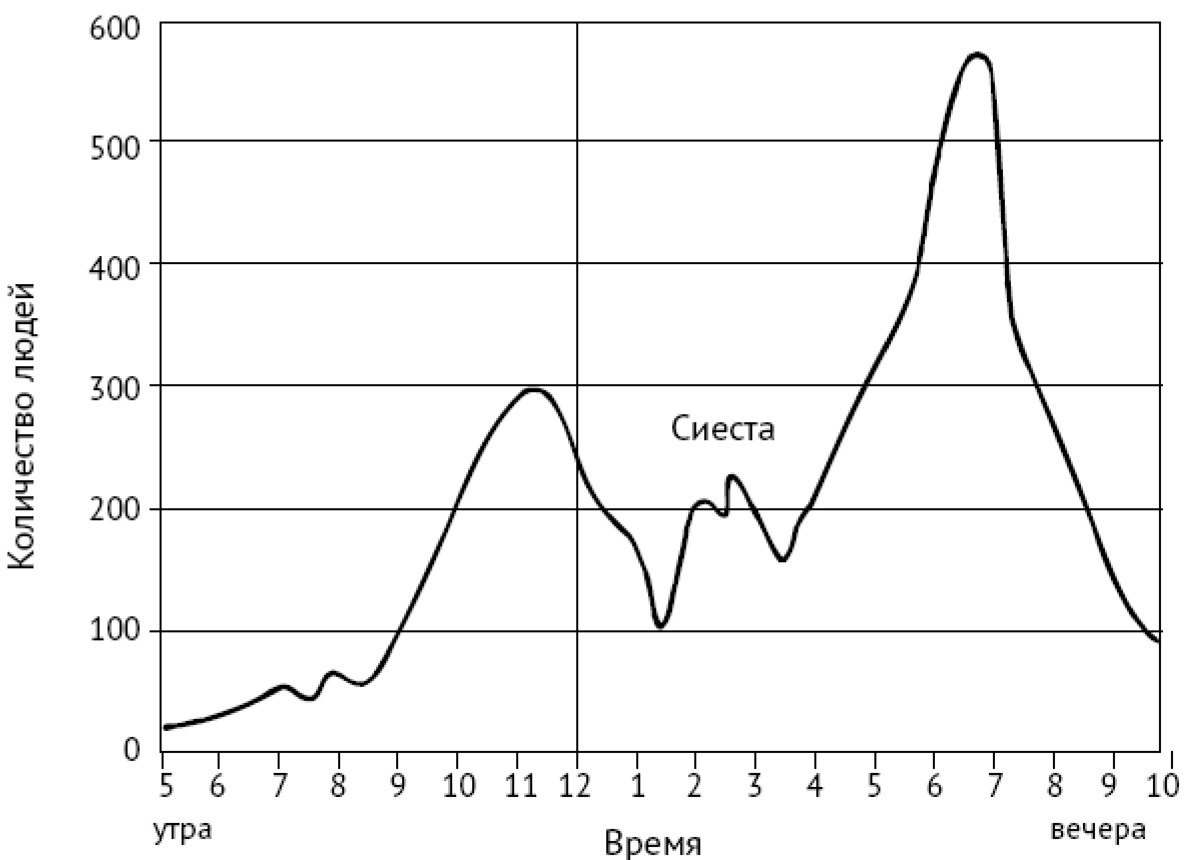

Рис. 24. Колебания размеров толпы на Пьяцца дель Палио (Millard, 1963, воспроизведено в Ritter, 1964)

Дополнительные эмпирические наблюдения за изменением размера толпы дает исследование Кристофера Милларда (Millard, 1963), который изучал толпу на Пьяцца дель Палио. Ученый поминутно фиксировал количество входящих и выходящих людей и сумел

построить график, отражающий количество людей на площади в течение дня (рис. 24). С помощью фотосъемки и подробных заметок Миллард зафиксировал также 1050 инцидентов, произошедших за период наблюдения – эту разновидность методики наблюдений социальные психологи вполне могут перенять для изучения толп; в ограниченном виде ее применял и Тернер (Turner, 1964).

Эффект дистилляции

Уменьшение размера толпы зачастую существенно влияет на состав толпы и, следовательно, на ее предрасположенность к действиям. В момент кульминации демонстрация в защиту прав человека в Бостоне 14 марта 1965 года насчитывала несколько тысяч участников. К 16.05 (по наблюдениям автора) в результате ухода тех, кого предмет демонстрации интересовал относительно мало (отчасти уход стал функцией скуки и похолодания), осталось лишь несколько сотен самых идейных. Поскольку недостаточно рьяные сторонники демонстрантов, праздные зеваки и просто любопытные ушли, теперь толпа представляла собой плотное, концентрированное скопление пламенных защитников прав человека. При условиях, когда сторонние и недостаточно преданные делу люди выборочно изымаются из общей массы, уменьшение размера толпы приводит к более чистой концентрации поборников идеи – и ее предрасположенность к действиям возрастает. Толпа обладает структурой, которую можно изучить как функцию времени. Чтобы узнать, кто больше всего предан общей идее собравшейся толпы, достаточно изучить общую продолжительность участия в толпе, а также отметить, кто уйдет последним.

Оценка размеров толпы

Современные методы оценки размеров толпы далеки от совершенства, и это особенно заметно при изучении противоречащих друг другу отчетов о случаях массовых беспорядков. Чаще всего источником для оценок служат полицейские отчеты, однако Джейкобс (Jacobs, 1967) подчеркнул, что полицейские отчеты «зачастую завышают реальную численность вдвое, втрое, а иногда и в 20 раз». Оценка толпы, собирающейся на площади Святого Петра в Риме, к примеру, доходит подчас до полутора миллионов. Однако измерения показывают, что три больших участка перед базиликой, составляющих в совокупности площадь Святого Петра, не могут вместить больше 240 000 человек из расчета два квадратных фута (0,2 м2) на одного стоящего.

Джейкобс предложил формулу для оценки размеров толпы, которую могут применить наблюдатели на месте событий. Нужно сложить длину и ширину участка, который занимает толпа, и умножить на коэффициент плотности – например, на 7 при достаточно неплотной толпе или на 10, если толпа более компактна. Исследователь утверждает, что эта формула, которую легко применять, дает оценку размера толпы с точностью 20% от того числа, которое получается, если сфотографировать толпу и пересчитать участников по головам. Очевидно, формула Джейкобса зависит от формы толпы, и ее нельзя применить к скоплению людей, которое вытянуто в фигуру, приближающуюся к линии. Точнее будет умножить длину на ширину и поделить произведение на коэффициент плотности.

Оценка усложняется, если состав толпы не стабилен, а постоянно меняется, то есть когда кто-то постоянно покидает толпу, а кто-то к ней присоединяется. Тогда возможны две оценки: оценка максимального размера толпы в какой-то момент и оценка общего числа людей, побывавших участниками толпы за все время ее существования. Было бы хорошо найти способ оценить оборот участников толпы и на его основании провести оценку размера толпы. Однако темпы оборота могут различаться в зависимости от места в структуре толпы, где проводятся измерения, и потому очень важно иметь возможность адекватно выбирать показательные участки толпы. Методы оценки следует проверять, проводя прямые подсчеты численности; задача эта трудная, однако без нее невозможно установить, насколько

адекватна та или иная процедура выборки.

Значение чисел

Теоретическое значение численных оценок коллективных акций до сих пор остается предметом споров. Например, Браун (Brown, 1965) полагает, что для возникновения паники достаточно всего двух человек – как в ситуации матрицы выигрыша, сопоставимой с «дилеммой заключенного» в теории игр.

Однако определенные явления в поведении толпы проявляются, несомненно, лишь при большом количестве участников. Скажем, *пульсация* толпы неосуществима, если в ней всего человек 10. С другой стороны, очевидно, что в какой-то момент толпа переполняется. В марше на Вашингтон в 1963 году, по оценкам, участвовало более 100 000 человек (Waskow, 1966). Возникали ли какие-то новые феномены после первых 10 000, 30 000, 50 000 человек? При каком размере проявляются все сущностные черты большой толпы? Не исключено, что толпа может быть на удивление маленькой. Например, в результате знаменитого лабораторного исследования давления группы, которое провел Соломон Аш, выяснилось, что наибольшее давление оказывают группы из 3–4 подставных испытуемых. Если увеличивать численность большинства даже до 15 человек, это не породит новых явлений и не усилит давления группы. Каково же асимптотическое число участников толпы?

Аргайл (Argyle, 1959) в своем исследовании молельных собраний обнаружил, что доля людей, объявляющих о своем приходе к вере (для этого они в конце собрания выходят на трибуну), повышается при увеличении числа слушателей. Это, вероятно, вызвано увеличением давления на потенциальных неофитов. А может быть, состав больших аудиторий чем-то отличается от относительно маленьких – в них больше доля людей на пороге обращения.

Пожалуй, из всех исследователей-социологов сильнее всех был убежден в важности *абсолютных* чисел для определения качества социально-политических событий Георг Зиммель (Simmel, 1964, p. 98; написано в 1908 году):

…Армии из 100 000 человек проще держать под контролем население в десять миллионов, чем сотне солдат удерживать город с населением 100 000 человек или одному солдату – деревню, где сотня жителей. Как ни странно, именно абсолютная численность группы… на удивление полно определяет отношения внутри группы – несмотря на то, что пропорция остается постоянной.

Пенроуз (Penrose, 1952) показал, что даже при демократии относительно небольшое число людей, убежденных в своей правоте, постоянно выражая свое мнение на выборах, могут в итоге захватить контроль над непропорционально большим числом людей, в котором наблюдается случайное распределение мнений.

С точки зрения активности толпы это наталкивает на вопрос: какая доля толпы должна действовать в определенном направлении, чтобы ее поведение распространилось и охватило толпу в целом? Решить эту задачу математически попытался Николас Рашевский (Rashevsky, 1951; см. раздел «Теория заразительности Рашевского»). Традиционно считается, что беспорядки мотоциклистов устраивает 1%, служащий катализатором и провоцирующий смуту. Шеллоу и Ремер (Shellow and Roemer, 1966) отмечают, что «смутьяны с гордостью, словно почетный титул, носят прозвание „один процент“ и даже зачастую нашивают эту надпись на куртки, словно символ преданности общему делу».

Иногда воздействие собрания никак не связано с его намерениями и объясняется исключительно размерами толпы. Если три человека выйдут на мост и одновременно топнут, ничего не случится. Если же это сделают три тысячи человек, мост может рухнуть – и это вызвано исключительно увеличением массы, то есть размера собрания. Подобную закономерность можно усмотреть в заметной доле случаев так называемого иррационального поведения толпы. Заторы в узких коридорах могут возникать просто из-за огромного количества тел, а поскольку сзади на них напирают другие, то совокупное

давление множества тел друг на друга лишь усугубляет положение. Налицо несоответствие воздействия и намерения, объясняющееся только лишь большим числом участников.

Размер и анонимность

В числе прочих факторов, которые, судя по всему, возникают в толпах достаточно больших размеров, есть и анонимность. Под покровом анонимности, согласно Лебону и Ф. Х. Олпорту, высвобождаются разнообразные антиобщественные импульсы. В целом исследователи согласны, что участник толпы зачастую ведет себя необычно, поскольку природа и размер группы не позволяют выделить его из среды и привлечь к ответственности за свои поступки – в этом и состоит анонимность. Это предполагает наличие у личности целого ряда преступных наклонностей, которые удается обуздать лишь общественным мнением или страхом общественного порицания либо преследования по закону.

Тернер (Turner, 1964), напротив, полагает, что человека заставляет действовать заодно с толпой именно то, что другие участники толпы *способны его опознать* . Тогда резонно задать вопрос: анонимность по отношению к кому имеется в виду? Можно представить себе, что антиобщественные импульсы легче всего высвобождаются, когда человека могут опознать участники толпы, нарушающие общественные нормы, однако он сохраняет анонимность по отношению к тем, кто находится вне пределов толпы, например, к сотрудникам правоохранительных органов.

Разумеется, полиция больше всех заинтересована в том, чтобы развеять защитный покров анонимности, который так мешает надежно выявлять зачинщиков. Хорошо зарекомендовали себя некоторые технические средства – в том числе фотография. Во время беспорядков в Гарлеме в 1964 году полиция распыляла на мятежников флуоресцентный порошок. При дневном свете порошок не было видно, но при особом освещении полиция имела возможность выявить тех, кто побывал в районе беспорядков. Впоследствии их можно было привлечь к ответственности в соответствии с законом.

В главе «Анонимная стая» Конрад Лоренц (Lorenz, 1966) подчеркивает, что выявлены еще далеко не все свойства анонимности. Когда особь оказывается в массе себе подобных, это приводит еще и к тому, что хищнику трудно выявить конкретную жертву (р. 142):

Попробуйте сами вытащить одну птицу из клетки, в которой их много. Даже если вам вовсе не нужна какая-то определенная птица, а просто нужно освободить клетку, вы с изумлением обнаружите, что необходимо твердо сконцентрироваться именно на какой-то определенной, чтобы вообще поймать хоть одну. Кроме того, вы поймете, насколько трудно сохранять эту нацеленность на определенный объект и не позволить себе отвлекаться на другие, которые кажутся более доступными. Другую птицу, которая вроде бы лезет под руку, почти никогда схватить не удается, потому что вы не следили за ее движениями в предыдущие секунды и не можете предвидеть, что она сделает в следующий момент (пер. Г. Швейника).

Состав толпы

Каковы характерные особенности людей, составляющих толпу? Когда огромная масса народа хлынула на парижские улицы и штурмовала Бастилию – кто были эти люди? Булочники, нищие, женщины, дети, преступники, мелкие буржуа? Довольно долго на этот вопрос удавалось дать лишь на удивление мало точных ответов. Типичную точку зрения высказывали Тэн и Лебон: революционные толпы состояли из преступных элементов, черни, бродяг и людей, не нашедших себе места в обществе. Недавние исторические исследования эмпирически ориентированных ученых (Soboul, 1964; Rudé 1959, 1964; Tilly and Rule, 1964) заставили усомниться в традиционных представлениях. В частности, Руде указывает, что хотя в 1789 году Париж был переполнен безработными крестьянами, их роль в потрясениях,

охвативших столицу в том году, была минимальной: «Из 68 человек, арестованных и убитых в ходе мятежей в Фобур-Сент-Антуан в конце апреля, лишь трое не имели определенного места жительства и лишь трое ранее отбывали наказание в тюрьме…» (p. 200). Все 662 человека, которые, по документам, погибли при взятии Бастилии, имели постоянное место жительства и работу. Сегодня ученые тщательно исследуют не только классовую принадлежность, но и сведения о возрасте, образовании, религиозной принадлежности и географическом происхождении толп, сыгравших важную роль в истории.

Что касается относительно недавних времен, то полезным источником информации об участниках беспорядков (по крайней мере, тех, кто понес ответственность за свои действия) служат тюремные архивы. Экерс и Фокс (Akers and Fox, 1944) в своем исследовании хулиганов и мародеров, оказавшихся в тюрьме после знаменитого Детройтского мятежа в 1943 году, отметили следующие характеристики 97 чернокожих и восьми белых, помещенных под стражу. Непропорционально большой процент мятежников был из штатов южнее линии Мэйсона-Диксона (по сравнению с контрольной группой, состоявшей из людей, не участвовавших в мятеже). Они оказались старше контрольной группы, а интеллект и образование у них были ниже. В основном это были неквалифицированные рабочие, многие из них (74%) вступали в конфликт с правоохранительными органами не в первый раз.

Уада и Дэвис (Wada and Davies, 1957) изучали выборку американцев японского происхождения, устроивших беспорядки в американском лагере для интернированных лиц в 1942 году. Мятежники, по сравнению с контрольной группой из людей, не участвовавших в беспорядках, выделялись в основном тем, что занимали маргинальное положение между американской и японской культурой, не имели особых родственных обязательств и не были экономически заинтересованы в американском обществе. Авторы заключили, что мятеж – дело рук меньшинства, в силу личных обстоятельств обладавшего некоторой свободой, которая и позволила восстать против невыносимых условий содержания.

Гленн Лайонс (Lyonns, 1965) собрал демографические сведения о студентах, которые во время беспорядков в Беркли в 1964 году препятствовали задержанию Джека Вайнберга, окружив полицейскую машину с ним. Оказалось, что демонстранты придерживались более либеральных взглядов, чем студенческое сообщество в целом, и жили, как правило, в условиях относительной свободы (в квартирах, а не в студенческих общежитиях). Таким образом, демонстрантам тоже была свойственна некоторая маргинальность, и их образ жизни отличался от общепринятого.

Изменения состава толпы

Даже если толпа на первый взгляд неизменна в течение достаточно долгого времени, личный состав ее зачастую меняется – к ней примыкают новые элементы, отличающиеся от первоначальных участников, а кто-то ее покидает.

Когда к митингу или демонстрации уже в процессе примыкает новый социальный элемент, это иногда служит механизмом изменения деятельности и направленности толпы. Джордж Крек (Craik, 1837) писал, что в революционные толпы во Франции часто внедрялись преступники, так что собрания, поначалу отстаивавшие революционные идеалы, превращались в банды хулиганов и воров. Во время беспорядков преступную составляющую общества часто привлекает возможность воспользоваться сумятицей и склонить толпу к мародерству.

Состав толпы функционально связан с ее действиями, и точные знания о нем помогают определить, какая форма коллективного поведения будет ей свойственна. Скопление людей, в котором велика доля детей и женщин, скорее всего, воздержится от уличных боев, поскольку их присутствие ослабляет вектор насилия. Кроме того, состав толпы определяет и реакцию на нее. В демонстрациях в защиту прав человека в 60-е годы принимало участие довольно много служителей церкви – они понимали, что бросаются в глаза, и рассчитывали, что их присутствие в толпе удержит противников демонстрантов от насильственных

действий. И во Французской революции в XVIII веке, и в Венгерском восстании 1956 года важную роль сыграли толпы, состоявшие в основном из женщин. В последнем случае считалось, что против толпы женщин военные с меньшей вероятностью предпримут карательные действия, чем против мужчин.

Состав толпы можно классифицировать по степени готовности ее участников нарушать общепринятые нормы. Браун (Brown, 1954, p. 846–7) выделил несколько категорий личностей, составляющих мятежную толпу («mob», «сборище»), с точки зрения готовности нарушать нормы поведения.

1. В толпе могут быть закоренелые правонарушители, чье жестокое поведение не слишком отличается от манеры себя вести в повседневной жизни.

2. Есть и те, кто легко поддается гипнотическому воздействию отцов-вдохновителей – не обычные преступники, а просто люди, очень восприимчивые к лидерству особого рода.

3. Когда две первые группы спровоцируют толпу на решительные действия, утрата ответственности в результате анонимности развяжет руки и осторожным. В толпе найдется много тех, кто сильно предрасположен к противоправным действиям и воздерживается от них лишь из страха быть наказанным.

4. …найдутся и те, кто не способен действовать, пока не возникнет полномасштабная толпа. Когда удастся набрать достаточно много людей, чтобы перейти нижний порог и создать иллюзию универсальности или позволить массам заменить собой суперэго, в деятельность толпы будут вовлечены и резервы.

5. Далее, у толпы есть и пассивные сторонники, которых не удается вовлечь в действие, однако и активно противодействовать толпе они не станут. Активное участие в деятельности толпы для них неприемлемо, однако они не прочь насладиться зрелищем или даже подбодрить толпу выкриками…

6. Наконец, в толпе найдутся и сопротивленцы, которые не приемлют поведения толпы, поскольку этого не допускает их система ценностей, и не поколеблются под временным давлением…

Толпы особого состава

Иногда в толпе наблюдается высокая концентрация особых человеческих черт в соответствии с той или иной разновидностью коллективных акций. В частности, толпам нередко приписывают иррациональность (Le Bon, 1895; Martin, 1920). Однако не так уж часто ученые наблюдали поведение толп, участники которых заведомо иррациональны, то есть поведение толпы душевнобольных. Если толпе, как иногда говорят, свойственна паранойя, резонно спросить, как выглядит толпа настоящих параноиков. Похожа ли она на картину «нормальной» толпы, которую дает Лебон? Можно ли на основании разных психиатрических диагнозов делать разные прогнозы поведения толпы?

Подобным же образом часто говорят, что толпа ведет себя «по-детски» (Strecker, 1940). Значит, имеет смысл исследовать толпу детей. Ведь мы точно знаем, что дети ведут себя по-детски. Похожа ли толпа детей на толпу взрослых – или в коллективной психологии важную роль играет степень развития и принципы поведения толп детей и взрослых различаются?

Роль языка и коммуникации символических смыслов посредством лозунгов можно изучать, наблюдая тех, для кого фактор языка исключен. Может ли активно действовать толпа глухих – ведь у нее отсутствует слуховой канал связи? Может ли многоязычная толпа, например, в иммиграционном центре, добиться такого же единства, которое, как часто считается, зависит от общепонятных лозунгов и пламенной речи вожака? (Согласно книге Бытия, вавилонские толпы не добились ничего, кроме путаницы, и не смогли наладить совместную деятельность.) Довольно легко внедрить в англоговорящую толпу человека, не знающего английского, и пронаблюдать его реакцию. Передастся ли ему энтузиазм толпы? Если да, следует переосмыслить роль языка в процессе заразительности.

Поток информации в толпе. Слухи

Зачастую участники толпы налаживают процесс поиска и передачи информации. Например, перед беспорядками участники передают друг другу очень много искаженной и преувеличенной информации (Lee and Humphrey, 1943; Norton, 1943).

Коммуникационный процесс как неотъемлемую часть теории толпы изучали несколько теоретиков. Смелсер (Smelser, 1963) полагает, что слухи и связанные с ними представления возникают, когда в существующей структуре действий неконтролируемо нарастает напряжение. Таким образом, следует ожидать появления слухов при панике, бунтах, мятежах – однако они также наблюдаются и во время длительных периодов общественных волнений, в том числе и в рамках революций или религиозных расколов. Слухи реструктурируют неоднозначную ситуацию – объясняют, что произошло, докладывают, что происходит, и предсказывают, что произойдет (Smelser, 1963).

Тернер и Киллиан (Turner and Killian, 1957) и Ланг и Ланг (Lang and Lang, 1961) также подчеркивали информационную функцию слухов. Слухи позволяют отдельному человеку опираться на мнение группы при создании надежной концепции ситуации. Если участник толпы уверен, что его концепцию разделяют и другие, у него крепнет готовность к действиям. Согласно такому представлению слухи следует считать процессом коллективного принятия решений, при котором создаются нормы, координирующие действия отдельных участников. Слух сохранится в тех случаях, когда необходимо коллективно определить дальнейший образ действий, а прежние концепции этого не позволяют либо институциональные структуры не в состоянии координировать эти действия.

Эти теоретические формулировки во многом опираются на труд Олпорта и Постмана (Allport and Postman, 1947), в котором утверждается, что интенсивность слухов (как само возникновение слухов, так и скорость и экстенсивность их передачи) – это неизвестная функция произведения интересности передаваемой информации и ее неоднозначности (то есть неполноты или недостоверности информации). То есть

Интенсивность слухов = f (интересность × неоднозначность).

Далее Олпорт и Постман (Allport and Postman, 1947) соглашаются, что в процессе пересказа слухи подвергаются *сглаживанию* (становятся короче, лаконичнее, их легче воспринять) и *обострению* (становятся выборочными, воспринимается лишь ограниченное количество деталей, на которых и сосредоточено внимание). Какие именно элементы слухов будут сглаживаться и обостряться, зависит от процесса усвоения, который зависит от когнитивного и эмоционального содержания мыслей слушателя.

Теория Олпорта—Постмана и лабораторные эксперименты, на которых она основана, стали предметом жарких споров. Дефлер (DeFleur, 1962) подкрепил их теорию данными как полевых исследований, так и лабораторных экспериментов. Он роздал домохозяйкам по фунту кофе и сообщил простой рекламный слоган, а затем пообещал дать еще фунт, если они вспомнят слоган через три дня. Кроме того, было разбросано 30 000 листовок, предлагающих фунт кофе каждому, кто знает слоган. По данным Дефлера, слоган претерпел как сглаживание (сокращение), так и обострение (отбор и преувеличение).

Петерсон и Джист (Peterson and Gist, 1951), напротив, не обнаружили никаких существенных искажений в общине, где изнасиловали и убили 15-летнюю девушку, за период обсуждения этой трагедии в обществе. О ней высказывали самые разные предположения, по-разному толковали ситуацию, однако не нашлось никаких признаков ни сглаживания, ни обострения. Петерсон и Джист пришли к выводу, что нельзя обобщать лабораторные эксперименты на ситуации из реальной жизни (куда более серьезные). Они критиковали и исследование Дефлера, поскольку в нем, как и в лабораторных экспериментах, почти не задействовались эмоции.

Представление о слухе как о череде искажений приводит к убеждению, что беспорядки можно предотвратить, если доносить до их участников факты. Предполагается, что слухи

будоражат воображение, а факты – нет. Так, в полицейском руководстве по борьбе с беспорядками дается следующий совет: «Единственное противоядие против слуха – факт. Точно опишите факты и распространите их как можно шире» (International Association of Chiefs of Police, 1963, p. 19). К сожалению, это излишне оптимистичное представление об условиях в обществе, согласно которому объективные факты общественной жизни всегда лучше слухов и потому их недостаточно, чтобы спровоцировать мятеж. Более того, преувеличение – отнюдь не единственная разновидность искажения в потоке информации. Информация искажается, когда официальные средства массовой информации скрывают и преуменьшают реальные, объективно страшные факты.

До недавних пор поток информации можно было описать как процесс, в ходе которого единица информации исходит непосредственно от источника. Можно было проследить географическое распространение информации в скоплении людей. Каждая точка передачи была физически «заразной». Однако современные технологии погубили всю красоту этого процесса. В последнее время на митингах и демонстрациях применяют рации, чтобы передавать информацию между физически отдаленными зонами. Во время восстания в Уоттсе видели людей с портативными транзисторными радиоприемниками, которые слушали выпуски новостей, а затем пересказывали их на местах событий (Cohen and Murphy, 1966). Скорее всего, новые средства связи еще сильнее повлияют на характер деятельности толпы – это предсказывал и Лебон (Le Bon, 1895), первым отметивший потенциальное воздействие средств массовой информации на поведение толпы.

Однако речь идет не только о циркуляции информации в толпе – информация о самой толпе распространяется за пределы непосредственной зоны ее влияния и сама по себе способна спровоцировать дальнейшие действия толпы. В 1964 году запустилась настоящая цепная реакция беспорядков – Гарлем, Рочестер, Джерси-сити и, наконец, Чикаго потрясли мощные вспышки расовых мятежей. Самый тщательный анализ подобных явлений провел Руде, когда исследовал голодные бунты XVIII века и проследил их географию от Южной Англии до Центральных графств. Ученый сумел установить отчетливую закономерность распространения беспорядков, которые по очереди запускали друг друга (см. рис. 25).

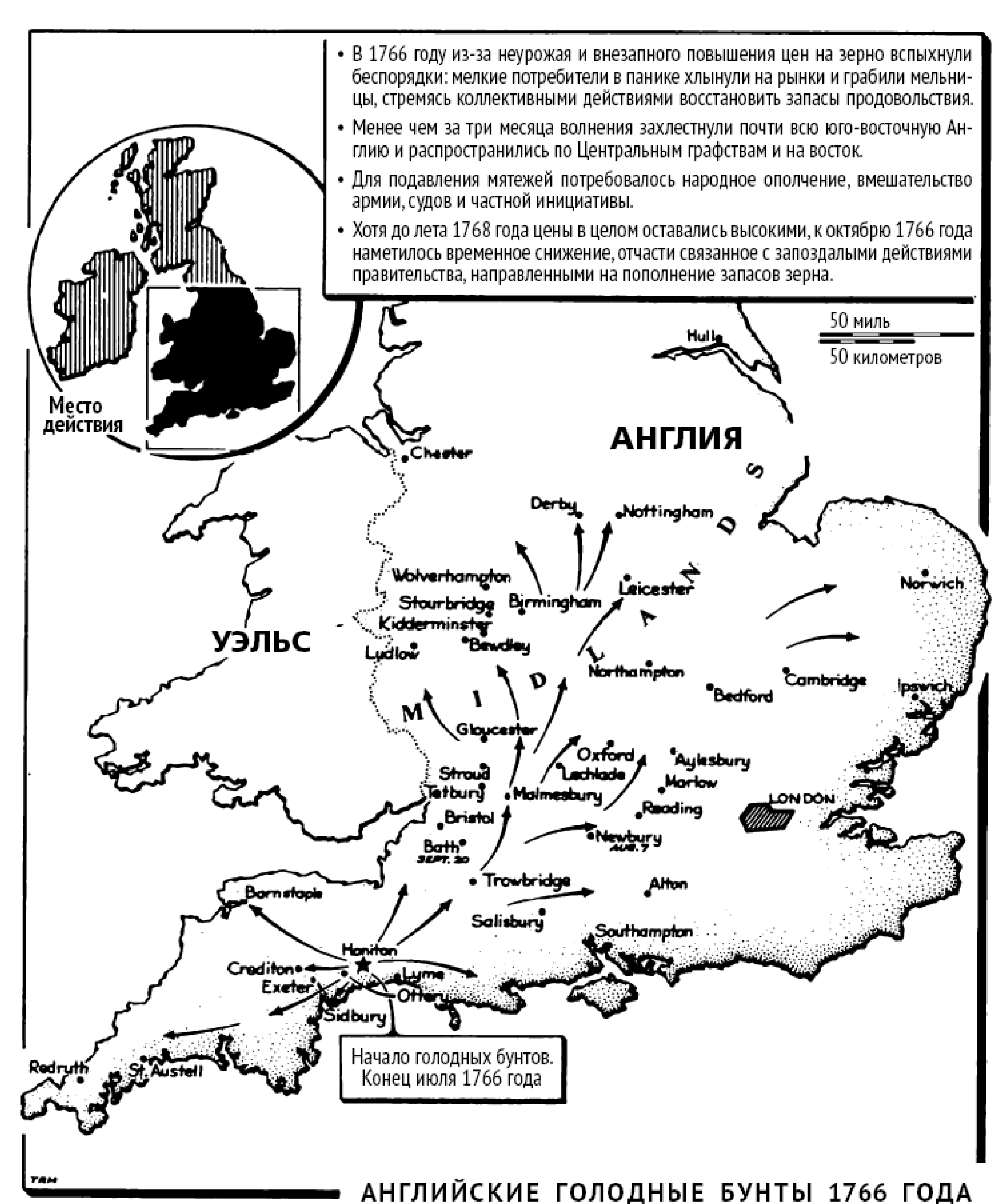

Рис. 25. Распространение деятельности толп во время голодных бунтов в Англии (Rudé, 1964)

Восприятие толпы как явления

Восприятие толпы – отнюдь не периферийная тема в исследовании толп; напротив, по ряду причин ему отведено центральное место. Во-первых, описание толп, на основании которого строятся теории, основано на докладах живых наблюдателей. Более того, поскольку толпа по природе своей спонтанна и несколько непредсказуема, ее изучение и впредь будет основано на человеческих наблюдениях невооруженным глазом, а не на других источниках информации. А специалисты по теории толпы будут иногда дезориентированы из-за искажений в отчетах – о чем и писал Тернер (Turner 1964, p. 390).

Во-вторых, то, как конкретный участник воспринимает окружающую толпу, сильно влияет на его собственное поведение. В обычной обстановке участник толпы осознает лишь крошечную долю деятельности толпы в каждый момент времени. Резонно предположить, что он реагирует в основном на подсказки, которые получает от непосредственных соседей. Ф. Х. Олпорт (Allport, 1924) указывал, однако, что, хотя человек воспринимает лишь стимулы со стороны ближайших соседей, реагирует он так, словно они исходят от неизмеримо большего числа людей, и иллюзия универсальности служит важнейшим механизмом высвобождения антиобщественного поведения.

Необходимо изучить, какие именно процессы способствуют созданию «иллюзии универсальности». Подобным же образом мы говорили об анонимности как о механизме, влияющем на действия отдельного человека в толпе. Однако мы очень мало знаем о том, насколько хорошо люди в толпе опознают друг друга. Изучать этот процесс нужно с опорой на работу Ниссера о сканировании элементов в крупных наборах (Neisser, 1964). Следует запустить программы исследований о влиянии предвзятости на восприятие активности толпы.

Названия и эпитеты толпы

Вероятно, уже само название, которое мы даем конкретному скоплению людей, занятому какой-то деятельностью, не лишено социально-политической окраски. Если назвать собрание людей словом «mob» – «сборище», – это само по себе обвинение и порицание (рис. 26). Выбор названия как такового способен оказать организующее воздействие на восприятие коллективной акции.

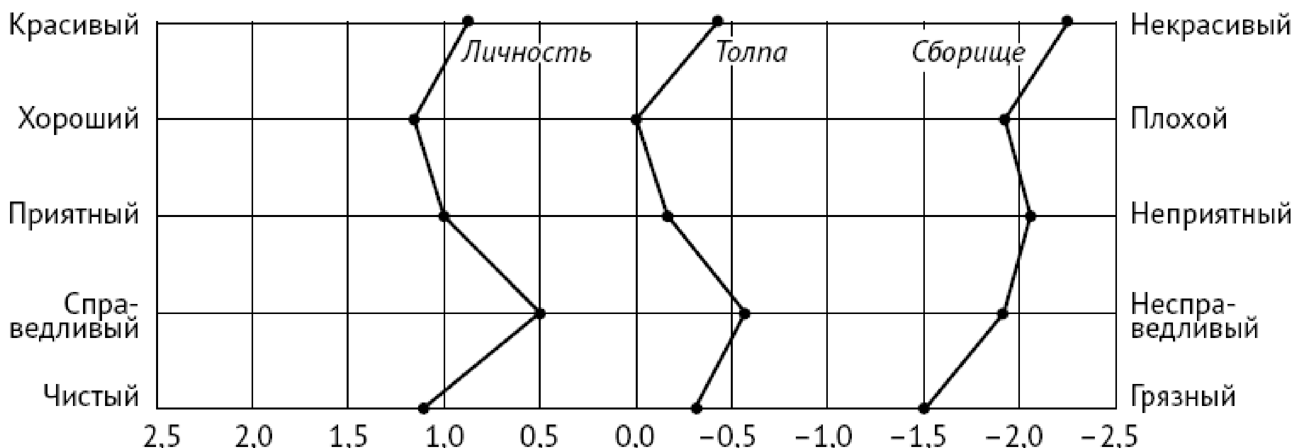

Рис. 26. Отношение к словам «толпа» («crowd»), «сборище» («mob») и «личность» («person»). Гарвардских студентов попросили оценить эти слова по шкале отношения, основанной на семантических дифференциалах. С точки зрения оценочных эпитетов – «красивый» и «некрасивый», «хороший» и «плохой», «чистый» и «грязный» – слово «сборище» получило крайне отрицательную оценку. Слово «толпа» также оказалось менее привлекательным, чем слово «личность»

Гарлемский инцидент 1963 года белые радио- и телеведущие называли «бунт» («riot»). Один гарлемский негр сказал, что считает такое название несправедливым и явно «политизированным»: «Это были волнения („spree“) или на худой конец стычка („melee“)». Он отметил, что в подобных волнениях участвовали и белые студенты на побережье и в Ньюпорте – и никто не называл это бунтом. Стоит вспомнить различие, которое Роджер Браун (Brown, 1954) проводил между «массами» («mass») и «людьми» («people»).

Таким образом, при каких условиях активность группы называется «бунт», «волнения» или «стычка» («riot», «spree» или «melee») – это, оказывается, сложный вопрос, ответить на который можно лишь с учетом факторов определения и восприятия рассматриваемой группы

и предвзятого отношения к ней.

Теории толп

Пожалуй, теснее всех связано с изучением толпы имя Гюстава Лебона. Лебон, конечно, не первым поднял эту тему. К примеру, еще в 1837 году Джордж Крек опубликовал свой труд «Заметки о народных беспорядках», где описывал соответствующие эпизоды точно так же живо и образно, как и Лебон полвека спустя. Почему же мы придаем трудам Лебона особое значение? Работа Крека, как и труды других летописцев коллективного поведения (скажем, Holinshed, 1577), не ставит целью выявить общие принципы. Скорее она сосредоточена на конкретных эпизодах – Неаполитанской революции 1799 года или Бирмингемских беспорядках 1791 года. Лебон также во многом опирался на хроники и рассказы очевидцев, однако, исходя из конкретных инцидентов, стремился к более масштабной цели: он хотел выявить общие характеристики толп как таковых. Одна из причин, почему его работы особенно значимы, и заключается в попытке вывести общую теорию толп, пусть и индуктивную.

Теория Гюстава Лебона

Теория Лебона была впервые опубликована в виде двух статей в «Revue Scientifique» (Le Bon, 1895), где соседствовала с заметками об абсорбции света и анализе органических соединений. Впоследствии статьи были объединены и вышли отдельным солидным изданием. Однако уже то, что Лебон предложил свою теорию толп в естественнонаучный журнал, свидетельствует о ее особой значимости. Несмотря на несовершенство методов, Лебон стремился найти феномену коллективной акции подобающее место в сфере научного анализа.

Нельзя не упомянуть о том, что приоритет Лебона оспаривал Сигеле (Sighele, 1901): он обвинял Лебона в краже идей, однако уделять особое внимание этому обвинению не стоит, поскольку оба автора во многом опирались на популярные интеллектуальные течения Европы XIX века. Независимые труды по поведению толпы появились в нескольких странах почти одновременно. Больше всего интереса эта тема вызвала во Франции, где о мятежных толпах писали и Лебон (Le Bon, 1895), и Тарде (Tarde, 1898), и Сигеле (Sighele, 1901), и в Италии, где Энрико Ферри пустил в обращение термин «коллективная психология» и натолкнул Сигеле на мысль исследовать группы (Sighele, p. ii). Занимались поведением толп и в Америке, где Борис Сидис (Sidis, 1895) опубликовал анализ психологии мятежной толпы, используя термины, лексикон и идеи, удивительно напоминающие труды Лебона. Однако именно работа Лебона оказала самое существенное влияние на научную мысль.

В чем же состояла теория толп Лебона? Главный ее элемент, о котором, однако, часто забывают, – то, что коллективные волнения возникают не в вакууме, а происходят в особые исторические эпохи, обусловлены общекультурными факторами и, в свою очередь, накладывают отпечаток на свою эру. Поэтому Лебон подходит к теории толп двояко. С одной стороны, он описывает долгосрочные массовые течения, характерные для эпохи в целом, а с другой – говорит о конкретных, относительно ограниченных скоплениях, например, об уличных толпах, и описывает, какие психологические механизмы в них действуют (König, 1958). Предмет его исследований вызвал волну интереснейшей критики – в основном общей критики народных масс. Толпу считают основным признаком нашего времени, красной нитью эпохи. Личность погружена в массы, в обществе превалирует ментальность толпы. Эту концепцию с самых разных сторон подают и «Восстание масс» Ортеги-и-Гассета (1932), и «Бегство от свободы» Фромма (1941), и «Государство масс» Ледерера (1940), и «Истоки тоталитаризма» Арендт (1954).

Вторая тема работ Лебона – тема конкретной уличной толпы, механизмы ее

формирования, то, как она меняет отдельных людей, за счет чего это происходит – приближается к сфере психологии и социальной психологии. Многие вопросы функционирования уличных толп, которые поставил Лебон, впоследствии разбирали, среди прочих, Макдугалл (McDougall, 1920), Фрейд (Freud, 1922), Парк и Берджесс (Park and Burgess, 1921), Блумер (Blumer, 1946), Тернер и Киллиан (Turner and Killian, 1957) и Ланг и Ланг (Lang and Lang, 1961).

Фундаментальная идея Лебона состоит в том, что человек в толпе подвергается радикальному преображению. Под давлением «закона ментального единства толп» пробуждаются первобытные иррациональные стихии. Человек, погруженный в толпу, теряет контроль над собой и ведет себя как животное. Он может стать жестоким, злобным, иррациональным – доктор Джекил превращается в мистера Хайда под воздействием зелья-толпы. Он совершает поступки, которые потрясли бы его, соверши он их в одиночку. Когда человек присоединяется к одухотворенной толпе, то неузнаваемо преображается.

Такая толпа зависит не от числа участников, а от «исчезновения сознательной личности»: чувства и помыслы отдельного человека направлены туда же, куда и помыслы остальных людей, составляющих подобную толпу. Для формирования одухотворенной толпы необходим общий стимул. Характеристики толпы – это качества, которые проявляются лишь в чрезвычайных обстоятельствах, обычное знакомство с одиночкой-участником не позволяет их предсказать. Толпой управляет не что иное, как *коллективная душа* (Le Bon, 1903, p. 27):

Под словом «толпа» подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание. Но с психологической точки зрения слово это получает уже совершенно другое значение. При известных условиях – и притом только при этих условиях – собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. (Здесь и далее пер. А. Фридмана и Э. Пименовой.)

Свойства толпы

1. Толпа оказывает на всех своих участников сильнейшее уравнивающее воздействие. Поодиночке они могут обладать любыми способностями и талантами, любым темпераментом, но в толпе все одинаковы. Лебон объясняет *однородность* толп не только эффектом заразительности идей, но и отсылками к рудиментарной концепции личности. Личность состоит из двух частей: поверхностный слой сознания, где и сосредоточены различия между людьми, и бессознательная часть, которая у всех людей принципиально одинакова. В толпе сознательная личность испаряется, а с ней и все наблюдаемые различия между отдельными людьми.

2. Интеллект толпы ниже, чем интеллект составляющих ее личностей, и она проявляет все признаки умственной отсталости. Толпа ни на чем не может надолго сосредоточиться, легко соглашается с фантастическими предположениями в отсутствие доказательств, подвержена влиянию лозунгов, ярких образов, риторики лидера.

3. Обычные люди, очутившись в толпе, становятся способны на насильственные действия, чуждые одиночке. Ограничения, которые человек накладывает на свои поступки в обычной жизни, отбрасываются, на первый план выходит насилие и разрушение. «Поддаваться этим инстинктам опасно для изолированного индивида, но когда он находится в неответственной толпе, где, следовательно, обеспечена ему безнаказанность, он может свободно следовать велению своих инстинктов» (1903, p. 57). Толпы, состоящие из достойных людей, предаются беспричинным разрушениям и убивают без разбора.

4. Кроме того, толпе свойственны преувеличенные эмоции. Участники толпы, возбужденные лидерами-фанатиками, становятся импульсивны и склонны к крайностям. Однако, по правде говоря, описание характеристик толпы, которое дает Лебон, – это скорее

не перечисление конкретного списка свойств, а практически бесконечный каталог с упором на все глупое, животное и первобытное в человеке. (Некоторое исключение делается для толп, проявляющих героизм.)

Механизмы

Проявление свойств толпы обеспечивается тремя основными механизмами.

1. **Анонимность.** Человек в толпе исключительно из соображений количества ощущает свою *непреодолимую силу* . Это ощущение возникает, когда исчезает чувство личной ответственности, что, в свою очередь, объясняется более фундаментальным фактом – *анонимностью личности в толпе* .

2. **Заразительность.** По образованию Лебон был врачом и под впечатлением того, как люди невольно заражаются болезнями друг от друга, предположил, что в толпе действует похожий механизм. Он считал, что состояние отдельных участников толпы распространяется на окружающих, словно инфекционная болезнь.

3. **Внушаемость** , третий и самый главный механизм, провоцирующий поведение толпы, – это некритичное восприятие отдельным участником навязываемых ему императивов: «… различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность, и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его прийти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам» (1903, p. 31). Примером тому служит гипноз.

Внушаемость, как и заразительность, – открытый механизм. Лебон не объясняет, почему толпе легче внушить разрушительные, чем созидательные тенденции.

Критика

В наше время труды Лебона подвергаются массированной критике (Hofstätter, 1957; Merton, 1960; Turner and Killian, 1957). Каковы же недостатки его подхода?

1. Значительная доля критики нацелена на стиль Лебона. Лебон был практикующим журналистом и отнюдь не стремился выражать свои идеи аккуратно и упорядоченно. Напротив, на читателя обрушивают бурный бессистемный поток соображений и наблюдений, полный повторов и преувеличений.

2. Лебон постоянно противопоставляет иррациональность толпы и модель нормального изолированного индивида. Хофштеттер (Hofstätter, 1957) утверждает, что такая модель неприемлема, поскольку индивид-одиночка точно так же глуп, иррационален и эмоционален.

3. Лебон постоянно меняет тему обсуждения – то говорит о мятежных толпах, то об общественности как таковой, а иногда о парламентах и суде присяжных, не проводя соответствующих различий между отдельными типами. Более того, Лебон в качестве модели всех толп выбрал толпу в крайнем ее проявлении – толпу мятежную.

4. Соображения Лебона во многом отражают предрассудки его эпохи. Лебон был расистом и свое представление о толпе привел в соответствие с мнением, что различные расы стоят на разных ступенях эволюционного развития. Он придерживался консервативных политических взглядов и боялся народных масс, поэтому ни один абзац его труда не свободен от оценочных суждений, отражающих его патрицианскую позицию.

5. В ходе рассуждений Лебон постоянно переключается с характеристик толпы на характеристики составляющих ее одиночек и обратно. Вполне можно толковать выражения вроде «толпа считает, толпа думает, толпа чувствует» как краткий способ описать реакции отдельных людей, составляющих толпу. Однако, если принять во внимание понятие «коллективной души», которое Лебон всячески продвигает, зачастую неясно, что он имел в виду. Толпа иногда рассматривается как супра-индивидуальная сущность, наделенная когнитивными процессами и способностью думать и чувствовать. Типичную точку зрения

современных позитивистов представляет Флойд Олпорт (Allport, 1924), который отрицает понятие «коллективной души», поскольку оно мешает научному анализу поведения толп.

6. Обобщения Лебона основаны по большей части на исторических анекдотах, рассказах очевидцев и несистематизированных данных. Такое ощущение, что он в лучшем случае чуть-чуть раздвигал бархатные шторы на окне собственной квартиры, чтобы одним глазком взглянуть на беснующуюся внизу чернь, а затем, поспешно задернув занавеси, мчался к письменному столу и ваял свою классику.

Несмотря на эту критику, работа Лебона по-прежнему не лишена интереса. Он излагает свою теорию очень образно. А главное – у Лебона были способности к предвидению, которые позволили ему успешно предсказать роль толпы в наши дни. Его анализ приемов влияния на толпу с упором на повторение вполне соответствует методам, которые впоследствии применяли диктаторы XX века.

Кроме того, работа Лебона оказалась очень полезной в социальной психологии. В его книге едва ли найдется раздел, не нашедший отражения в экспериментальной социальной психологии нашего века. Представления Лебона о заразительности были эмпирически подтверждены в ходе экспериментов по изучению группового давления и исследованиях процессов влияния. Анализ систем убеждений и их модификации в наши дни задействован в огромном количестве исследований изменения установок. И дело не только в том, какие общие вопросы поднял Лебон, но и в его сокровищнице остроумных гипотез, которые вполне можно проверить. (Приведем первый попавшийся пример: «Спустя некоторое время мы забываем, кто был автором утверждения, повторявшегося столько раз, и в конце концов начинаем верить ему» – в сущности, это определение «эффекта спящего», наличие которого подтвердили Ховланд, Ламсден и Шеффилд (Hovland, Lumsdaine, and Sheffield, 1949).

Однако главный вопрос, касающийся теории Лебона, звучит следующим образом: верны ли его основные утверждения? Действительно ли достойный одиночка преображается в толпе именно так, как описывает Лебон? Неужели он утрачивает способность к критическим суждениям, впадает в излишнюю эмоциональность, совершает чудовищные поступки только потому, что находится в толпе? Зрелище бушующей толпы показывает, что такое бывает не всегда. Есть и альтернативная точка зрения, опирающаяся на фактор конвергенции: мятежная толпа формируется из людей, которые на самом деле уже привыкли к антиобщественному поведению, именно поэтому их влечет к толпе. Так что вопрос остается открытым – однако Лебона следует благодарить уже за то, что он задал вопрос, до сих пор не потерявший значимости.

Психоаналитическое представление о коллективном поведении

Описание иррациональности толпы по Лебону произвело такое впечатление на Фрейда, что когда сам он писал книгу на эту тему (Freud, 1922), то шестую часть рукописи посвятил цитатам из работ французского исследователя. Он был уверен, что Лебон описал феномен необычайной значимости, однако был так же твердо убежден, что описание Лебона неадекватно. Идея Фрейда состояла в том, чтобы обобщить психоаналитическую теорию на область групповых процессов и тем самым пойти дальше Лебона и выявить бессознательные источники поведения толпы.

По мысли Фрейда отдельные люди в толпе связаны узами либидо. Эти узы накрепко сплачивают участников и составляют суть «групповой души». Важнейшую роль в этом играет лидер. У отдельных участников толпы возникают узы либидо, связывающие их с лидером, но не взаимные, поскольку лидер не может любить всех участников толпы «тотальной любовью». Поскольку участники толпы в этом смысле фрустрированы выбором объекта, отношения либидо с лидером основываются на более примитивных процессах идентификации. Это предполагает интроекцию объекта любви, который затем занимает место идеала эго. Иными словами, под влиянием лидера участник толпы отказывается от

своего суперэго и делегирует его лидеру. Отношения лидера с участниками толпы такие же, как отношения гипнотизера с гипнотизируемым. Таким образом, лидер берет на себя управление их способностью к критике, а они регрессируют в состояние детской зависимости. Отношение участников к лидеру – главная сила, сплачивающая толпу, однако есть здесь и второй пласт отношений. Каждый участник понимает, что все остальные участники толпы видят в лидере общий идеал. Именно понятие об общем идеале позволяет участникам идентифицироваться друг с другом («они похожи на меня, поскольку у нас с ними общий лидер»). Однако узы с лидером остаются главными, и исчезновение лидера ведет к распаду толпы, если не найдется замены. Фрейд определял «лидера» весьма широко, так что в это понятие включаются и символические главы коллективов – Христос, Бог или царь. Годится даже идеал, например, революционный лозунг «Liberté, égalité, fraternité» – «Свобода, равенство, братство», – и толпа, свободная от ограничений совести, готова проливать кровь во имя революции.

Следовательно, насилие в толпе становится возможным, поскольку участник толпы больше не подчиняется ограничениям собственного суперэго, а зависит от совести лидера. Если это так, то объяснение природы насилия в толпе, которое дает Фрейд, в общем и целом не зависит от самой толпы – необходимо и достаточно лишь наличие лидера. Следовало бы ожидать такой же способности к насилию в ситуации с участием минимальной власти, когда власти лидера по своей воле отдается один человек – как в присутствии других, так и в одиночку.

Кроме того, Фрейд согласился с тем, как Лебон описывал однородность участников толпы. Отчасти однородность вызвана тем, что все участники разделяют общий идеал эго. Однако дело не только в этом. Нарциссизм – направленность энергии либидо на самого себя – в обычных обстоятельствах помогает сохранять индивидуальные отличия и пробуждает неприязнь к особенностям окружающих (Freud, 1922, p. 43):

> Вся эта нетерпимость, однако, исчезает, кратковременно или на долгий срок, при образовании массы и в массе. Пока продолжается соединение в массу и до пределов его действия, индивиды ведут себя, как однородные, терпят своеобразие другого, равняются и не испытывают к нему чувства отталкивания. Согласно нашим теоретическим воззрениям, такое ограничение нарциссизма может быть порождено только одним моментом, а именно, либидинозной связью с другими людьми. Себялюбие находит преграду лишь в чужелюбии, в любви к объектам. (Пер. Я. Когана.)

Для объяснения природы однородности группы привлекается, таким образом, принцип сохранения энергии. В толпе энергия, которая требуется отдельному человеку, чтобы индивидуализировать себя, изымается у «Я» и идет на укрепление связей между членами толпы и их отношений с лидером.

Проверить теорию Фрейда эмпирически не так уж просто. Исследования подчинения власти, которые провел Милгрэм (Milgram, 1965), дали некоторые экспериментальные результаты, подтверждающие представление, что обычные люди способны перекладывать функции суперэго на лидера и воздействовать на других людей, не испытывая угрызений совести. Но как показать, что отношения между участниками группы коренятся в налаженной связи с лидером? Поскольку моделью отношений лидера-последователя служит гипноз, вероятно, можно было бы загипнотизировать группу не знакомых друг с другом людей, и тогда, как только будет налажена связь каждого участника группы с гипнотизером, должны автоматически возникнуть связи и между участниками, и прочность этих связей можно было бы измерить соответствующими социометрическими инструментами. Однако ортодоксальный фрейдист, разумеется, не оставит от подобной концепции камня на камне. Для него достаточными доказательствами могут служить только стандартные методы психоаналитического анализа – кушетка, свободные ассоциации и т. д. и т. п.

Кроме того, бросается в глаза относительное *отсутствие* всякого лидерства в

коллективных акциях последнего времени и, более того, неспособность потенциальных лидеров взять бесчинствующую толпу под контроль. Так, во время демонстраций за права человека в 60-е в нескольких случаях (Waskow, 1966) ответственные члены негритянской общины пытались усмирить мятежные толпы, которые, судя по всему, черпали энергию не у лидеров, а из спонтанного выражения давнего недовольства. Так что лидеры не были инициаторами мятежей и не могли их остановить.

Значимость подхода Фрейда отчасти лежит в том, как велик его авторитет. На психоаналитический подход опирается огромное количество книг по поведению толпы.

Одним из первых, кто применил фрейдистские принципы для толкования поведения толпы, был Э. Д. Мартин (Martin, 1920) – он даже опередил Фрейда на год (первое немецкое издание книги Фрейда по психологии толпы было опубликовано в 1921 году). Мартин был согласен с идеей бессознательной психологической жизни и с соответствующей доктриной, согласно которой подлинные мотивы часто подавляются, если они носят антиобщественный характер: «Общая маскировка реального мотива – характерное явление в снах и при душевной патологии, а в толпе оно проявляется в том, что внимание всех присутствующих сосредоточено на общем, на абстрактном» (p. 49).

Каждый тип толпы (мятежная, паническая и т. д.) соответствует определенному типу подавленного импульса, который ищет высвобождения. Высвобождение антиобщественных импульсов в толпе маскируется при помощи возвышенных лозунгов и идеологии – например, «Свобода, равенство, братство» или «Верните мальчиков домой». Эти кредо относятся к реальным мотивам толпы так же, как манифестное содержание снов – к подавленному желанию. Более того, похожа и природа подавленного материала: в обоих случаях это материал, не приемлемый по стандартам общепринятой морали. Согласно Мартину, «Дух толпы чаще всего проявляется в отношении тех самых общественных формаций, где подавление сильнее всего, – в вопросах политики, религии и морали» (p. 50). Однако Мартину не удается объяснить, почему в толпе не находят столь яркого выражения – не считая случайных вакханалий – сексуальные импульсы, то есть та самая область, где подавление, согласно психоаналитической теории, сильнее всего.

Мартин утверждает, что у толпы есть патологический компонент. Толпа, на манер параноиков, страдает и манией величия, и манией преследования. В ней налицо отрицание. Зачастую толпа проецирует на других импульсы, неприемлемые для самой себя. Однако (p. 106):

> Мания преследования, заговора, притеснения у толпы – это… защитный механизм… Проекция этой ненависти на тех, кто вне толпы, служит, в отличие от паранойи, не для того, чтобы оградить личность от осознания собственной ненависти, сколько для того, чтобы дать ей предлог ее выразить.

Толпа позволяет высвободить запретные импульсы лишь при условии, что ее участники не осознают, что все эти выспренние лозунги – сплошное притворство. Она сопротивляется проникновению в замаскированный материал. Подобно опасливому анализируемому, толпа зачастую крайне нетерпимо относится к тем, кто грозит вскрыть ее подлинные мотивы. Она не выносит несогласия со своими декларируемыми целями и всех несогласных заставляет замолчать – физически, кулаками. Редль (Redl, 1942) попытался дополнить фрейдистский анализ роли лидера. Предметом его интересов было примерно то же самое – исследование динамики эмоций и инстинктов у участников групп, особенно тех, которые сосредоточены вокруг какой-то фокусной личности. Однако эта фокусная личность – не совсем то же, что и «лидер» во фрейдистском смысле. Вклад Редля состоит в оттачивании терминологии: по его мысли, слово «лидер» подходит лишь к одному типу роли личности, занимающей центральное место при формировании группы и играющей центральную роль в отношениях с участниками группы. Другим типам ролей подобраны другие названия.

Редль выделил десять типов центральных личностей, вокруг которых идут процессы

формирования групп. Разница между различными типами основана на дифференциации ролей, а точнее – на том, служит ли центральная личность объектом идентификации, объектом влечения или поддержкой эго. Если центральная личность служит объектом идентификации, ее инкорпорируют либо по принципу любви в совесть («патриарх-повелитель») или в идеал эго («лидер»), либо по принципу страха через идентификацию с агрессором («тиран»). Центральная личность может также быть объектом любви («объект любви») или агрессивного влечения («агрессивный объект»). Наконец, центральная персона как поддержка эго может давать средства для удовлетворения влечения («организатор») или средства для разрешения конфликтных ситуаций через смягчение гнева и тревоги.

Дженис (Janis, 1963) применил психоаналитические формулировки к поведению групп, подвергнутых крайней степени тревоги в условиях внешней опасности (например, солдаты в бою, пациенты хирургических отделений). Он отметил существенное усиление реакций зависимости в таких группах и высказал гипотезу, что это продукт реактивации сепарационной тревоги. Дженис утверждал, что страх быть отвергнутым родителями в латентной форме сохраняется и у взрослых и проявляется в потребности людей, попавших в опасную ситуацию, в уверенности, что значимые фигуры в их жизни не разорвут существующие отношения привязанности к ним. В подобных обстоятельствах часто происходит процесс психологического замещения, когда главнокомандующий становится символическим заместителем отца, а сосед по окопу – заместителем брата.

Далее перечислены несколько авторов, которые изучают участие в массовых мероприятиях с точки зрения психоаналитически ориентированных концепций, хотя и не придерживаются во всех подробностях теории группового поведения, которую выдвинул сам Фрейд.

Одни исследователи подчеркивают роль психологических проблем у лидеров в формировании разрушительных толп (Gilbert, 1950). По мнению других, лидеры всего лишь обеспечивают авторитарные доктрины, необходимые их последователям в силу особенностей личности. Эта точка зрения доведена до крайности в работе «Психология масс и фашизм» Вильгельма Райха, опубликованной в Германии в 1933 году. Райх утверждал, что «фюрер или борец за идею может достичь успеха (если не в исторической, то по крайней мере в ограниченной перспективе) только в том случае, если его личная точка зрения, идеология или пропаганда имеет определенное сходство со средней структурой широкой категории индивидуумов» (1946, р. 29) (пер. Ю. Донца). Привлекательность Гитлера Райх возводит к патриархальному положению отца в немецкой семье, которое требует «подавления и вытеснения сексуальных влечений» и впоследствии приводит к подчинению любой власти. Эрих Фромм в «Бегстве от свободы» (Fromm, 1941), подобно Райху, также подчеркивает роль авторитарных настроений у представителей нижнего слоя немецкого среднего класса в подготовке благоприятной почвы для Гитлера. Однако, в отличие от Райха, Фромм объяснял авторитарный характер как психологическими, так и экономическими факторами. В сочетании эти факторы могут пробудить желание подчиняться власти, которое, по мнению Фромма, определяется «социальным характером» группы и заставляет ее тянуться к идеологии, предлагаемой авторитарными лидерами.

Гипотеза фрустрации-агрессии

Гипотеза фрустрации-агрессии – обобщение психоаналитического направления – была выдвинута группой психоаналитиков из Йельского университета в 30-е годы и применялась к анализу некоторых форм коллективных акций. Основной постулат йельской группы гласит, что «агрессивное поведение всегда обусловлено фрустрацией и, напротив, наличие фрустрации всегда ведет к той или иной форме агрессии» (Dollard et al., 1939, р. 1). Следствия из этой предпосылки дают возможность предсказывать относительное количество агрессии в разных обстоятельствах и то, на кого будет эта агрессия направлена. Один прогноз касательно количества агрессии состоит в том, что яростность деструктивной

реакции зависит от того, насколько человек оскорблен и разочарован, или, по словам теоретиков, от «степени вовлеченности в проблему, вызвавшую реакцию фрустрации» (p. 30). Авторы приводят следующий пример подобных отношений в коллективном поведении (p. 31):

> Был подсчитан ежегодный средний урожай хлопка с акра в 14 южных штатах в 1882–1930 гг. В этих же 14 штатах наблюдалась отрицательная линейная корреляция между урожайностью хлопка и количеством линчеваний на уровне 0,67, то есть количество линчеваний (агрессия) повышалось при повышении вовлеченности в проблему.

Здесь «вовлеченность в проблему» определяется падением цен на хлопок из-за условий рынка или неурожая. Низкие цены на хлопок особенно сильно влияли на «белых бедняков», которые и составляли основу толпы линчевателей. Ту же группу исследовали по другим показателям, и статистика в числе прочего показала, что южные округа с самой бедной экономикой ответственны за самое большое число линчеваний (Hovland and Sears, 1940, p. 301–10).

Что же касается мишени агрессии, то теория предсказывает, что жертв отбирают в таком порядке: (1) «источник» фрустрации, другие люди, (3) вымышленные объекты и (4) сам агрессор.

Выбор предпочтительной формы агрессии (мести) иллюстрируется расовыми беспорядками после Первой мировой войны, когда «было точно известно, кто именно из чернокожих мешает жить и вызывает фрустрацию, и их наказывали лично» (Dollard et al., p. 152). Примером механизма невольного смещения агрессии служит антисемитизм в нацистской Германии (p. 154–156). В последнем случае все осложняется тем, что выявить подлинный источник агрессии не так-то просто – скорее всего, это не только Версальский договор и влияние безработицы и инфляции (Dollard et al., p. 153–154), но и подавленные обиды у немецких детей, выросших в авторитарных семействах перед Первой мировой (Adorno et al., 1950; Fromm, 1941). Кроме того, нужно учитывать, что многие фашисты считали именно евреев первопричиной своих экономических бедствий, так что им не приходилось ничего «смещать». Иначе говоря, теория, безусловно, проливает свет на механизм разрушительного коллективного поведения, однако не очень подходит для выявления природы вовлеченных сил.

Теории заразительности, конвергенции и порождения норм

Тернер (Turner, 1964), главный автор теории порождения норм, неизменно противопоставляет этот подход теориям, организованным вокруг понятий заразительности и конвергенции. Две последние теории – это механизм, отвечающий за единообразие поведения толпы, нагнетание эмоций и жестокость и противоправность поведения.

Заразительность

Заразительность – это передача аффекта или поведения от одного участника толпы к другому: один человек служит стимулом для подражательных действий другого. Упор на механизм заразительности делали Бэджет (Bagehot, 1869), Лебон (Le Bon, 1895) и Тард (Tarde, 1903).

Макдугалл (McDougall, 1920) объяснил феномен заразительности чувства теорией «симпатической индукции эмоций»: он утверждал, что позы и выражение лица, соответствующие какой-то эмоции, инстинктивно вызывают такую же эмоцию у зрителя. Он не смог объяснить случаи, когда гнев у одной стороны вызывает страх у другой или когда выражение сексуального влечения у мужчины вызывает отвращение у женщины.

Флойд Олпорт (Allport, 1924) обобщил идею заразительности и выдвинул гипотезу

циркулярной реакции . Проще говоря, человек, стимулирующий соседа в толпе, слышит или видит, что его поведение вызвало у другого усиленную реакцию, и, в свою очередь, от этого получает обратный стимул для повышения уровня своей активности – и так далее, причем пик активности становится все выше и выше. Блумер (Blumer, 1946) придал циркулярной реакции статус фундаментального механизма коллективного поведения, определив ее как «тип взаимной стимуляции, при котором реакция одного индивида воспроизводит стимуляцию, полученную от другого индивида, и при отражении обратно на этого индивида усиливает стимуляцию. Таким образом, взаимная стимуляция приобретает циклическую форму, при которой индивиды отражают состояния чувств друг друга и тем самым усиливают это чувство». Все это, как предполагается, происходит грубо, механически и не подлежит контролю участников.

Заразительности способствует процесс *дрейфа* в толпе. При дрейфе отдельные люди двигаются друг относительно друга более или менее бесцельно – будто коровы или овцы в стаде. Они становятся стимулом друг для друга и, в свою очередь, реагируют на эмоциональный настрой окружающих. Процесс дрейфа способствует гомогенизации толпы и повышает общий уровень возбуждения. Согласно Блумеру, у общественной заразительности есть яркая черта – она «привлекает и заражает отдельных людей, многие из которых изначально были просто отстраненными, безразличными зрителями или прохожими. Поначалу им просто любопытно или интересно наблюдать то или иное поведение. А затем им передается дух возбужденной толпы, они внимательнее присматриваются к ее действиям и более склонны к ним присоединиться» (Blumer, 1946, p. 176).

Можно ли предположить, что обязательное условие подобной восприимчивости – изначальное сочувствие целям толпы? Рассмотрим человека, которого внедрили в толпу в качестве полицейского агента, чтобы докладывать о случаях вандализма. Едва ли ему передастся нарастающее возбуждение толпы. Из этого, вероятно, следует, что эмоциональная заразительность не чисто механистична, как предполагал Блумер и другие. Главнейшую роль играет здесь отношение участника толпы к происходящему, то, как он определяет себя относительно толпы, поэтому следует учитывать степень его согласия с толпой. Полицейские, отправленные разгонять политическую демонстрацию, крайне редко выкрикивают лозунги в поддержку выступающих.

Все попытки построить теорию заразительности сталкиваются с несколькими препятствиями. Во-первых, так и не удалось адекватно очертить пределы заразительности. Иногда то или иное поведение или чувство и в самом деле распространяется в толпе, но зачастую этого не происходит. Неспособность определить условия для успешного заражения – недостаток этого подхода, заставляющий всерьез усомниться в нем. При каких условиях возникает сопротивление? Возможно, к ситуации толпы можно было бы применить экспериментальные методы анализа, которые предлагает Макгуайр (McGuire, 1962), изучавший, при каких условиях человек способен сопротивляться убеждению. Кроме того, этот подход не определяет и пространственно-социальных границ, в которых возможна заразительность. Если распространение мародерства и антиобщественной деятельности во время беспорядков в Лос-Анджелесе в 1965 году определялось законами заразительности, почему подобные настроения не охватили все население Лос-Анджелеса? Какие факторы ограничили распространение заразы? (Один из них очевиден: мятежный район оцепили вооруженные силы охраны правопорядка.Впрочем, даже в этой «карантинной» области остались отдельные участки, не охваченные беспорядками.)

Наконец, заразительность сама по себе ничего не говорит ни о содержании распространяемого поведения, ни о разнообразии его вариантов, распространяющихся в толпе. Остается открытым вопрос о первоисточнике распространяемого поведения и об условиях, при которых один источник оказывается предпочтительнее другого. Однако заразительность – не столько теория, сколько конкретный механизм, который может функционировать в контексте других теоретических механизмов.

Конвергенция

Если аналогом моделей заразительности служит распространение инфекционных заболеваний, то примером конвергенции можно считать больничную палату, где лежат больные лейкемией. У них один недуг, однако однородность не вызвана тем, что они заразили друг друга, – нет, они словно бы стянулись в одну палату, потому процесс и назван конвергенцией. Теория заразительности делает акцент на преображении нормальной достойной личности, заразившейся от толпы, а теория конвергенции утверждает, что толпа состоит из крайне нерепрезентативной группы людей, которые сошлись вместе именно потому, что у них есть общие качества. Общность качеств предшествует формированию толпы. Враждебная толпа состоит из представителей того небольшого сегмента населения, который в целом склонен к агрессивному поведению, и то, что они собрались в толпу, лишь предлог, чтобы выразить качества, которыми каждый из них обладает и в изоляции. Для теорий конвергенции целью внимания становятся не механизмы взаимодействия, а состав толпы.

В середине 60-х на выступлениях популярного эстрадного ансамбля «Битлз» толпы девочек-подростков визжали и теряли сознание от восторга. Сильнейшие эмоции, проявлявшиеся у публики, можно рассматривать как эффект заразительности, но скорее он отражает, по крайней мере отчасти, конвергенцию группы, которая уже была предрасположена кподобного рода реакциям. Когда по южному городку распространяется слух о предстоящем суде Линча, люди реагируют на него выборочно. Хотя сведения о времени и месте доходят почти до всех, приходит туда лишь крошечная доля населения городка. Скорее всего, именно эти люди больше всего склонны к участию в насильственном акте мщения вроде суда Линча даже при минимальной социальной поддержке (Cantril, 1941). То есть ключевым механизмом, похоже, служит все же не заразительность, а конвергенция. Если задействовать теорию конвергенции, отпадает необходимость искать внутри толпы механизмы, обеспечивающие однородность, – ведь сам процесс формирования толпы определяется подобием ее участников. Разные причины привлекают разные подмножества населения.

Один из вариантов теории конвергенции называется *теория чужаков* , и на нее часто ссылаются при объяснении случаев, когда бесчинствующая толпа возникает во вполне мирном городке – и в самом деле, ярким примером, похоже, служат банды байкеров вроде «Ангелов ада» или столкновения модов и рокеров на английских морских курортах (*New York Times* , May 24, 1964). Шеллоу и Ремер (Shellow and Roemer 1966), исследовавшие беспорядки при участии «чужаков» на спортивных состязаниях, отмечают несколько общих для них факторов (p. 12–13):

> Приток чужаков в маленький городок или четко очерченную территорию для развлечений, причем количество чужаков достаточно велико по отношению к количеству местных жителей и полиции.
>
> Чужаки отличаются от «местных» какой-то общей чертой – увлечением (мотоциклисты), возрастом (студенты), расой и т. д.
>
> Различие между «местными» и «чужаками» зачастую бросается в глаза – манера одеваться, жаргон и другие разновидности экспрессивного поведения.

Несколько менее очевидное применение модели конвергенции стремится выявить стоящие за коллективными беспорядками «категории членов общины, не вполне приверженных доминирующим нравам» (Turner, 1964, p. 387). Преобладание чернокожих среди участников инцидентов, при которых имело место масштабное мародерство (Нью-Йорк, Лос-Анджелес), можно объяснить тем, что многие из них не переняли ценностей среднего класса и считают вполне приемлемым брать оставшийся без присмотра товар во время общественных беспорядков. Однако даже в пределах афроамериканской группы в мародерстве принимала участие лишь ничтожная доля членов общины, что опять же говорит

о конвергенции тех, кто более склонен к антиобщественному поведению.

Конвергенция – теория более элитарная, чем заразительность, поскольку предполагает, что все антиобщественные коллективные выступления зарождаются среди черни, а достойных законопослушных граждан невозможно превратить в преступников.

Среди достоинств теории конвергенции – то, что этот механизм описывает весьма широкий диапазон коллективных акций, начиная с бунтов и суда Линча и кончая девиантными общественными движениями. Единообразие действий банды хулиганов, собравшихся подраться, как и единообразие убеждений среди членов праворадикального «Общества Джона Берча», вероятно, свидетельствуют о конвергенции тех, кто обладал одинаковыми убеждениями и склонностью к одинаковым действиям еще до того, как объединиться.

Недостаток теории конвергенции состоит в том, что она не объясняет изменений в направленности действий толпы. Если предположить, что люди, предрасположенные к одинаковому поведению, собираются вместе, поскольку каждый желает, чтобы его присутствие в толпе стало оправданием для воплощения этой предрасположенности в действии, как объяснить, что толпа сохраняет однородность, даже когда ее цели меняются? Конвергенция не объясняет и того, почему единомышленники вообще решают собраться вместе, поскольку в самом рафинированном виде предполагает, что любой из них готов совершить все эти действия и в одиночку. Если это не так, если предрасположенность остается латентной, пока единомышленники не объединятся в толпу, значит, у нас остается без решения задача объяснить, каковы специфические механизмы толпы приводят к преобразованию латентного импульса в открытое действие. Вероятно, на собравшихся воздействуют *анонимность* (Le Bon, 1895), *иллюзия универсальности* (F. H. Allport, 1924) или чувство *непобедимости* (Le Bon, 1895); однако одного факта конвергенции недостаточно, чтобы преобразовать латентный импульс в действие.

Вопрос о том, какую теорию следует предпочесть – заразительность или конвергенцию, сводится к вопросу о том, из кого состоит толпа, предающаяся антиобщественному поведению, из группы обычных людей, которых побуждает к насилию взаимная стимуляция, или из особого типа личностей, которые сходятся вместе уже на месте действия, обуреваемые набором преступных импульсов, которые не характерны для населения в целом? Разумеется, эти концепции не исключают друг друга. Не исключено, что действуют оба механизма.

Теория порождения норм

Концепции поведения толпы Лебона, Фрейда, Сигеле и Макдугалла исходят из структуры личности и того, как толпа меняет человека. Теория порождения норм в том виде, в каком ее выдвинули Тернер и Киллиан (Turner and Killian, 1957) и Тернер (Turner, 1964), заимствует понятия из теории малых групп. Многочисленные исследования в этой области показывают, что если группе людей дать возможность свободно взаимодействовать, она со временем выработает общие стандарты поведения (Asch, 1951; Lewin, 1947; Sherif, 1936). Установленный стандарт (норма) сразу начинает оказывать ограничительное воздействие на участников группы. Возникает давление, требующее придерживаться стандарта, и нежелание нарушить его. Порождение правил поведения, с этой точки зрения, – это и главная проблема изучения коллективного поведения, и его самая яркая характеристика.

Согласно теории порождения норм, несостоятельна сама идея однородности действий толпы, которой придерживаются сторонники как теории заразительности, так и теории конвергенции. На самом деле большинство участников так называемой агрессивной толпы не вовлечены в насильственные действия – это просто заинтересованные любопытствующие наблюдатели. Толпе в целом приписывают особо зрелищные действия относительно немногочисленных активистов. Поэтому проблема не в том, чтобы объяснить однородность, а скорее в том, чтобы объяснить, почему возникает иллюзия однородности. Ответ в том, что

в толпе устанавливается консенсус по поводу приемлемого поведения, и как участники толпы, так и наблюдатели, характеризуя толпу, имеют в виду именно эту норму, а не имевшие место действия участников толпы. При установлении норм толпы действия нескольких заметных активных участников воспринимаются как преобладающий образ действий. Поскольку они так воспринимаются, то заставляют остальных действовать в соответствии с ними, препятствуют противоположным действиям и оправдывают вовлечение втакого рода действия новых участников.

Таким образом, теория норм гласит, что человек участвует в деятельности толпы именно тем, а не иным образом, поскольку в его восприятии толпа признает именно такой образ действий и требует его от своих участников, а не потому, что его механически заражают эмоции группы или он просто склонен к слепому подражанию.

Более того, коллективное поведение, как правило, характеризуется попытками искать определенность в неоднозначной ситуации и обеспечивать подсказки, как полагается себя вести. Слухи – это не последовательная передача заранее сочиненной истории, искажающейся со временем (как утверждается в работе Allport and Postman, 1947), а свидетельство стараний группы определить, что происходит. Если группа ищет лидера, то это не «жажда подчинения» Лебона и не идентификационный процесс Фрейда, а желание части толпы заставить кого-то другого взять на себя ответственность за инициацию действий, в законности которых все сомневаются с самого начала.

У теории порождения норм есть шесть существенных отличий от теории заразительности.

1. Согласно теории норм, полное единообразие действий толпы – это иллюзия. Многие участники толпы просто стоят поблизости и своей пассивностью оказывают имплицитную поддержку меньшинству в толпе. Важнейшая черта теории норм – предположение, что однородность толпе не свойственна. Социологи полвека убежденно склоняли слово «однородность» на все лады. Теперь нас призывают в этом усомниться. Более того, найти ответ на этот вопрос можно, просто обратившись к фактам. Нужно тщательно изучить фотографии, фильмы, видеозаписи коллективных беспорядков, причем привлечь наблюдателей, умеющих классифицировать действия в процессе просмотра. Необходимо проделать эту процедуру для всех репрезентативных типов толп, взяв соответствующие образцы материала на разных фазах их развития. То, что на сегодняшний день нет ни единого исследования подобного рода, показывает, что наши представления о толпах находятся пока в зачаточном состоянии.

2. Согласно теории заразительности, люди против своей воли заражаются чужими эмоциями; согласно теории норм, люди подавляют несообразное настроение, но при этом не обязательно разделяют эмоции толпы. Они обращают внимание на стандарт и соответствующим образом регулируют собственное поведение. Жизнерадостный болтун на поминках быстро притихает. Его заставляет умолкнуть не автоматическое заражение настроением скорбящих, а восприятие подобающих норм поведения. В каком-то смысле в теории Тернера действует «закон ментального единства» – однако он ограничивается единством, вызванным общим согласием с нормой, и не распространяется на заражение чувством всех без разбора.

3. Тернер утверждает, что теория заразительности наиболее правдоподобна в ситуациях сильного эмоционального накала, возбуждения и волнения. Этому утверждению соответствует и общий тон трудов Лебона, Олпорта и Блумера. С другой стороны, теория порождения норм в равной мере годится и для случаев, когда толпа настроена сдержанно, серьезно и благочестиво. (Тернер напрасно утверждает, что заражение печалью, уважением и благочестием выходит за пределы понятия о заразительности, а Лебон описывает, как по толпе распространяются волны религиозности.)

4. Теория заразительности утверждает, что коммуникация в толпе состоит из сообщений, которые свидетельствуют о том, какие эмоции преобладают в толпе, и подсказывают, какие действия надо предпринять. Теория норм прогнозирует, что

коммуникация в основном будет направлена (1) на попытки выстроить концепцию происходящего, на оправдание курса действий толпы или (3) на разрушение конвенциональных норм. Чтобы проверить разные прогнозы, необходим анализ содержания коммуникации в толпе.

5. Теория заразительности не в состоянии оценить пределы возбуждения и действий в толпе. Учитывая инфекционное распространение эмоций и циркулярную реакцию, с течением времени толпа должна совершать все более и более вопиющие действия и возбуждаться все сильнее и сильнее. Однако норма может содержать и указание на границы допустимых поступков. Во время беспорядков в Лос-Анджелесе в 1965 году мародерство и грабежи были довольно распространены, однако мятежники не посягали на человеческую жизнь без разбора. Если у них и высвобождались бесконтрольно разрушительные импульсы, как гласит версия теории заразительности по Лебону, то вектор разрушения был на удивление целенаправлен, поскольку снайперский огонь был нацелен исключительно в полицию и ей подобные символы охраны правопорядка. Разрушение было строго ограничено, как будто регулировалось четким пониманием пределов дозволенного и перечнем законных мишеней.

6. Теория норм утверждает, что для того, чтобы групповые нормы действовали на человека, нужно, чтобы у него возникало чувство социальной причастности к группе. Поэтому контроль толпы особенно силен среди тех, кто знает друг друга. Теория заразительности по версии Лебона утверждает обратное – что распространению в толпе эмоций и действий способствует анонимность. И снова эти две концепции коллективного поведения вступают в прямую эмпирическую конфронтацию.

Теория порождения норм резко контрастирует с психоаналитическими толкованиями коллективного поведения. Мартин (Martin, 1920), как мы убедились, признавал, что в толпе выражается много нормативных суждений, однако это не *причины* , а лишь механизмы маскировки, под прикрытием которых могут найти выход подавленные импульсы. Это представление объясняет мнимый парадокс – толпы могут быть одновременно и жестоки, и лицемерны. Напротив, теория порождения норм находит первопричину в том самом материале, который психоанализ считает эпифеноменальным. Теория Тернера гораздо больше склоняется к рационализму.

Как теперь считается, теория порождения норм почти ничего не говорит о содержании норм, возникающих во время коллективных акций, а точнее – о насилии, которое так часто связано с коллективными выступлениями. Почему одни нормы предпочтительнее других, какие импульсы стоят за возникновением норм, которые – что очевидно со всех точек зрения – губительны не только для жертв-чужаков, но и для самих участников толпы?

Теория порождения норм не вполне исключает теорию заразительности. Скорее она ставит иную задачу – не вопрос о том, как распространяется эмоция в толпе, а объяснение, почему собрание отдельных личностей принимает групповой стандарт. То есть мы имеем дело с распространением когнитивного элемента, однако даже когнитивный элемент должен где-то зарождаться, и процесс его распространения остается проблематичным. Теория отрицает однородность чувства и действия, однако задает новую форму однородности – общую веру в стандарт поведения, приемлемый для участников толпы.

Поскольку все это требует эмпирического пересмотра феномена толпы и дает свежее толкование инцидентов с участием толпы, практически все утверждения которого можно проверить эмпирически, теория Тернера заслуживает самого пристального внимания социальных психологов.

Социологический подход Смелсера

Прочие авторы, писавшие о феномене толпы, довольствовались эссеистическими подходами к предмету, однако Смелсер (Smelser, 1963) выдвигает теорию, которая помимо

всего прочего имеет систематический характер. То есть его работа в целом основана на относительно небольшом количестве идей, постоянно применяемых на разных уровнях абстракции, и в конце концов строится сложная теоретическая структура. Два основных принципа, из которых соткана теория Смелсера, – это (1) идея прибавочных детерминантов и идея компонентов социального действия.

По Смелсеру (Smelser, 1963), коллективное поведение имеет место, когда люди готовятся действовать исходя из убеждения, суть которого – изменение какого-то аспекта общества, однако действие это возникает только при условии, что нормальные общественные институции не дают никакой возможности достичь желаемого. Таким образом, это поведение, имеющее место вне институций и сознательно нацеленное на перемены.

Теория Смелсера стремится в перспективе стать полностью социологической. В этом отношении она стилистически отходит от психологического анализа, к которому прибегали Лебон, Сигеле и прочие. Она пытается ответить на два основных вопроса: (1) что определяет, произойдет ли коллективная акция, и что определяет, какой будет эта акция (скажем, не паника, а бунт).

По схеме Смелсера за каждой коллективной акцией стоит последовательность из шести детерминантов: (1) благоприятная социальная структура, напряженность этой структуры, (3) зарождение и распространение убеждений, (4) мобилизация участников акции, (5) способствующие факторы и (6) социальный контроль. Последовательность этих детерминантов не случайна – она организована по логике прибавочной ценности.

Говоря о прибавочной ценности, Смелсер имеет в виду, что каждый из шести детерминантов, начиная с благоприятной социальной структуры, необходим для следующего детерминанта и задает пределы, в которых этот следующий детерминант сможет действовать. Например, напряженность структуры должна возникнуть в границах, заданных благоприятностью структуры , и так далее до конца . При этом о временно́й последовательности речи не идет – Смелсер ставит себе задачу выстроить формальную систему, зависящую исключительно от логических отношений.

Беспорядки в Беркли

Что такое детерминанты, и как они организованы, легче всего понять, если прибегнуть к анализу конкретного случая. Обратимся к студенческим протестам в Беркли в 1964 году. Вот как описывают события в Беркли Липсет и Уолин (Lipset and Wolin, 1965, p. xi—xii):

В итоге цепочки событий, беспрецедентной в истории американских университетов, с сентября по январь обитатели кампуса Беркли жили в состоянии постоянного напряжения и тревоги. Непосредственной причиной было объявление администрации кампуса, что полоска земли шириной в 26 футов[62] у входа в кампус, которая, как полагали большинство студентов и преподавателей, принадлежала городу Беркли, – собственность университета, и, следовательно, происходящее на ней должно соответствовать университетским правилам касательно политической деятельности. По традиции именно на этой полосе земли студенты проводили политические акции, в том числе собирали деньги и привлекали членов в политические группировки вне кампуса, и никто никогда им не препятствовал. Очень быстро было организовано студенческое протестное движение – Движение за свободу слова (Free Speech Movement, FSM), – которое выдвинуло требование кардинально изменить университетские правила, касающиеся студенческой политической деятельности в кампусе. Между администрацией и Движением за свободу слова разгорелась настоящая война, не прекращавшаяся почти семестр. Прежде чем были налажены переговоры, в происходящее втянулся преподавательский состав, и отголоски противостояния ощущались по всему

---

[62] Около восьми метров. – *Прим. перев.*

штату. Привлекли губернатора, члены законодательного собрания штата стали принимать ту или иную сторону, выпускники, видные граждане и все заинтересованные лица и группы завалили Беркли письмами и телеграммами. Между тем в кампусе постоянно разыгрывались события, не имевшие отношения к академической жизни. Бесконечно проходили митинги протеста, демонстрации, молчаливые пикеты, численность толп зачастую доходила до 7000; постоянно нарушались и университетский устав, и гражданское право, дважды в кампус стягивались сотни полицейских, и казалось, что вот-вот вспыхнет насилие, трижды проходили сидячие забастовки, причем кульминацией последней стало то, что в главном административном здании скопилось 800 студентов, и для того, чтобы силой выставить их оттуда, понадобилось почти такое же число полицейских, а кроме того, учебный распорядок грубо нарушили ассистенты преподавателей, устроившие забастовку в поддержку студентов. Один из крупнейших и известнейших учебных центров в мире был на грани краха.

Благоприятная структура. Это первый детерминант из последовательности прибавочной ценности по Смелсеру; речь идет о самых общих условиях социальной структуры, необходимых для коллективной акции. За движением в Беркли стоят определенные фундаментальные общественные условия. Во-первых, в Беркли, как и в других американских университетах, администрация и студенты – это группы с четко определенным составом, и каждая из них преследует свой специфический набор интересов. Подобная дифференциация – необходимая предпосылка любого социального движения. Во-вторых, в отсутствие доступных методов внедрения нормативных изменений движение может деградировать и превратиться в обычную вспышку насилия. Студенты Беркли делали ставку на приемы форсирования нормативных изменений, позаимствованные у движений за гражданские права, точнее, на приемы ненасильственного протеста и сидячих забастовок. Далее, никакое движение не возникнет без коммуникации между потенциальными участниками. В Беркли студенты жили физически скученно, и это облегчало коммуникацию, к тому же широко распространялись размноженные на мимеографе листовки и студенческие статьи, пропагандировавшие идеи движения. Последнее условие благоприятности среды – мало возможностей для иных форм протеста. В частности, студенты не могли *en masse* переместиться в другой колледж, где условия были ближе к идеалу. Это помогло бы выпустить пар и снизить накал протеста. Однако существование благоприятной структуры в кампусе Беркли само по себе не обеспечило бы возникновение общественного движения. Она просто задала для него подходящую основу. Зарождение движения невозможно в отсутствие определенной напряженности структуры.

Напряженность структуры. Второй детерминант последовательности прибавления ценности возникает, когда различные аспекты системы в некоторой степени «разлажены». Напряженность – необходимое условие любой коллективной акции, однако значение детерминанта она приобретает лишь в контексте уже имеющейся благоприятной социальной структуры. Напряженность возникает, когда внезапно появляются новые знания, которые позволяют людям добиться того, чего они давно желали, но не могли получить, поскольку не обладали нужными навыками. Опыт движения за гражданские права и знания о его тактике дали студентам возможность стремиться к той роли в политике, которая раньше представлялась недостижимой.

Важным источником напряженности может стать и лишение прежней привилегии. «Полоса Банкрофта» в Беркли издавна была площадкой для политической деятельности, но в результате решения администрации студенты лишились привилегии вести там политическую агитацию. Кроме того, поступок администрации противоречил идеалам свободы слова. Более того, именно эта напряженность дала протестам в Беркли название «Движение за свободу слова». Однако напряженность как набор объективных социологических условий не может привести к коллективной акции, если люди не сосредоточатся на причинах напряженности и у них не появится убеждения в том, что они знают, как ее ослабить. Поэтому следующим

детерминантом в последовательности Смелсера и стали убеждения.

Зарождение и распространение общих убеждений. При любом анализе коллективного поведения крайне важно оценить, из какого набора общих убеждений исходят участники акции. Общие убеждения состоят из (1) диагноза напряженности, то есть представления о том, какие силы и агенты его вызывают, и представления о программе, которая искоренит источник напряженности – надо лишь воплотить ее в жизнь. Участники протестов в Беркли были убеждены, что университетская администрация лишает их права на свободу слова, более того, что за оскорбительной обезличенностью и бюрократической атмосферой, царящей в университете, стоит идея мегауниверситета, которую предложил президент Беркли Кларк Керр. Студенты полагали, что протесты против политики администрации позволят добиться права для студентов вести в кампусе полномасштабную политическую деятельность и заставят администрацию отказаться от права указывать студентам, как им пользоваться территорией кампуса. Программа требовала, чтобы администрация окончательно решила вопрос о свободе слова в пользу студентов. В ней был и не столь ярко выраженный подтекст – призыв реорганизовать университет, чтобы он лучше удовлетворял потребности учащихся.

Способствующие факторы. Благоприятная структура, напряженность и возникновение убеждений лишь расставляют декорации для коллективной акции, но, чтобы она произошла, нужно какое-то событие-катализатор. Протесты в Беркли вспыхнули после объявления, что на полосе Банкрофта больше нельзя вести политическую агитацию. Дальнейшие события в ходе студенческих волнений в Беркли запускались после других катализаторов. Скажем, сидячая забастовка в Спрул-Холле 2 декабря была вызвана объявлением администрации, что в отношении четырех лидеров одной из протестных акций будут приняты дисциплинарные меры. Однако сам по себе способствующий фактор тоже не может вызвать коллективную акцию. Для этого он должен занять свое место в контексте других детерминантов – благоприятной структуры, напряженности и общих убеждений.

Мобилизация участников акции. Если активированы все перечисленные детерминанты, остается лишь одно необходимое условие, чтобы подверженная их влиянию группа перешла к действиям. В Беркли у политических группировок, недовольных тем, что их трибуны убрали с полосы Банкрофта, были готовые к действию опытные лидеры. Так что движение располагало готовым руководством, имевшим опыт в защите гражданских прав и уверенным в действенности своей тактики. Самым заметным стал Марио Савио, 21-летний студент, популярный в своей среде. Скажем, 2 сентября он взобрался на полицейскую машину и призывал толпу выйти на демонстрацию против закрытия полосы Банкрофта. В отчете ФБР утверждается, что некоторые лидеры студенческих волнений в Беркли были специально обученными агитаторами и действовали в интересах внешних сил.

Наличие социального контроля. Этот детерминант «охватывает» все остальные, поскольку его суть составляют способы, которыми контролирующие агенты социальной системы способствуют или препятствуют коллективной акции. В Беркли действовало много разных контролирующих агентов – администрация, преподавательский состав, полиция. Собрания студентов в кампусе были разрешены, но когда студенты организовали массовую сидячую забастовку в Спрул-Холле, по распоряжению губернатора свыше 800 демонстрантов силой вывели из здания и поместили под арест (кстати, это был один из крупнейших массовых арестов в истории США). Сидячие забастовки уставом университета не разрешались, однако администрация в основном терпимо относилась к протестным акциям. Социальный контроль – это не обязательно плохо. Иногда контролирующие силы особо поощряют те или иные формы коллективного поведения. В некоторой степени эту роль в Беркли играл преподавательский состав, поскольку в целом поощрялось студенческое движение при условии, что оно будет ориентировано на социальные нормы (Lipset and

Wolin, 1965).

Таким образом, основу анализа коллективного поведения по Смелсеру составляет исследование коллективных акций с точки зрения шести перечисленных детерминантов. Те же самые шесть детерминантов следует искать во всех разновидностях коллективного поведения, а в совокупности они необходимы и достаточны для возникновения коллективной акции. Каждый из детерминантов проявляется в самых разных формах, а то, как сочетаются разные формы на всех шести стадиях, и определяет, какое именно коллективное поведение будет иметь место. Одна последовательность приведет к панике, другая – к массовому помешательству, третья и четвертая – к вспышкам насилия или социальному движению. Отношения между детерминантами не случайны: благодаря логике прибавочной ценности они вставляются друг в друга, словно матрешки.

Компоненты общественной акции

Вторая крупная организующая концепция по Смелсеру – это четыре «компонента общественной акции». Эти компоненты он позаимствовал из трудов Тэлкотта Парсонса (Parsons, 1951); они представляют собой фундаментальные черты общества.

1. *Ценности* в самом общем виде выражают, чего желает общество. К числу ценностей принадлежат, например, свобода, а также демократия.

2. *Нормы* несколько конкретнее общих ценностей, поскольку задают правила поведения или руководство к действию, позволяющие воплотить ценности в жизнь. Например, чтобы воплотилась ценность демократии, должны быть сформулированы правила, определяющие принципы выборов.

3. *Мобилизация к организованному действию* уточняет, чьими силами будут достигнуты ценные цели и как действия этих агентов будут структурированы в рамках конкретных ролей. Например, под эту категорию подпадает определение электората, а также утверждение, кто может баллотироваться на тот или иной пост.

4. Наконец, низший компонент общественной акции – это *свойства среды* , то есть пути и препятствия достижению целей. Свойствами среды можно считать, в частности, кабины для голосования, – они обеспечивают выборы и выражают ценность демократии.

Любое изменение высших компонентов неизбежно вызывает перемены во всех компонентах, расположенных ниже, но не всегда меняет расположенные выше. Например, на уровне свойств среды кабины и урны можно заменить скоростными машинами для голосования, что не изменит ни правил проведения выборов, ни статуса демократии как ценности. Но если мы двинемся в противоположном направлении и заменим ценность демократии ценностью автократии, идея выборов или электората – и идея кабин для голосования – окажется излишней.

Каково значение компонентов общественной акции в теории коллективного поведения Смелсера?

1. В каждый момент компоненты можно применить к детерминантам для уточнения анализа причинности. Например, напряженность структуры определяется в терминах компонентов общественной акции. Напряженность возникает на уровне свойств среды, на уровне ролей или на уровне ценностей.

2. Компоненты помогают выделить несколько разновидностей коллективного поведения. В случае *паники* или *массового помешательства* люди действуют исходя из убеждения о *свойствах среды* . При *вспышке насилия* люди действуют исходя из убеждения о тех, кто отвечает за причиненное им зло (*уровень мобилизации*). Далее следует *общественное движение, ориентированное на нормы* , которое стремится изменить способы делать те или иные вещи, но не ценности общества в целом. Американское движение в защиту гражданских прав в 60-е годы, добивавшееся равноправия для чернокожих граждан, – а это общепринятая в американском обществе ценность, – стремится искоренить

сегрегацию, общественную институцию, которая препятствует равенству. Однако оно отнюдь не стремится искоренить основные ценности демократии. Самая радикальная форма коллективной акции – это *общественное движение, ориентированное на ценности* . Такое движение стремится к самым фундаментальным переменам в обществе – то есть переменам на уровне общественных ценностей. Пример такого движения – Французская революция, установившая новый набор ценностей в своей стране. К движениям, ориентированным на ценности, можно отнести и движение чернокожих мусульман «Нация ислама» – в той степени, в какой оно стремится заместить демократическую ценность равенства идеалом превосходства черной расы.

3. Наконец, в терминах компонентов акции можно определить и общую природу коллективного поведения (Smelser, 1963, p. 71):

…Это поиск решений для напряженных ситуаций при помощи перехода на более общий уровень ресурсов. После подобного обобщения делаются попытки переосмыслить компонент более высокого уровня. Однако в этот момент проявляется важнейшая черта коллективного поведения. Переопределив компонент более высокого уровня, люди не продолжают этот процесс и не пересматривают шаг за шагом всю последовательность с целью преобразовать общественную акцию как таковую, а вырабатывают убеждение, которое позволяет «срезать путь» от очень обобщенного компонента непосредственно к очагу напряженности. При этом ожидается, что напряженность можно снизить простым применением обобщенного компонента.

Рассмотрим пример чернокожих из городка в штате Миссисипи, которых не пускают в ресторан. Главные компоненты общественной акции в такой ситуации от общих к конкретным таковы.

1. Ценности: равенство для всех американцев.

2. Нормы: нравы южного городка. Негры не должны есть рядом с белыми. Равные, но разделенные.

3. Мобилизация (роли): роль белого владельца ресторана состоит в охране южных норм. Роль чернокожих – подчиненная.

4. Среда. Невозможность попасть в рестораны для белых.

Эти обстоятельства вносят напряженность в жизнь негритянской общины. Поиск решения не ограничивается уровнем среды. Скорее он стремится вверх. В невозможности посетить ресторан видится противоречие ценности равенства. Суть соответствующей ценности пересматривается следующим образом: хотя равенство и понимается как «равные, но разделенные», напряженность, создающаяся в ресторане, приводит к новому пониманию смысла равенства. Переопределив компонент более высокого уровня – ценность равенства, – негритянская община пытается непосредственно применить эту ценность на уровне среды. Чернокожие граждане устраивают у ресторана демонстрацию под лозунгом «Равенство для всех», а чернокожие студенты – сидячую забастовку в столовой. Итак, участники группы попытались непосредственно применить компонент более высокого уровня (ценность) к более конкретному компоненту. При этом был срезан путь через все промежуточные компоненты общественного действия. Нравы южного общества остались прежними, а люди, играющие соответствующие роли (владельцы ресторанов, посетители, официанты), не согласились с применением переосмысленной ценности на конкретном уровне среды. В описываемой ситуации коллективное поведение из-за этого становится нелепым и зачастую деструктивным.

Таким образом, у коллективного поведения есть два аспекта. Во-первых, конкретная проблема на низком уровне порождает убеждение, нацеленное на компонент более высокого уровня. По Смелсеру, отличительная черта коллективного поведения состоит в том, что группа, переопределив ценность высокого уровня, пытается затем применить ее непосредственно к очагу напряженности. В этом отношении коллективное поведение сродни магическому мышлению: оно точно так же срезает путь и обходит весь промежуточный инструментарий, позволяющий добиться цели. О магическом мышлении толпы задумывался

и Лебон, а концепция Смелсера дает этой идее более строгое теоретическое обоснование.

Критика Смелсера

1. Студенческие волнения в Беркли, которые мы рассмотрели для примера, не совсем точно вписываются в концепцию Смелсера о формах коллективного поведения. Для движения, ориентированного на нормы, у него слишком мало устойчивых черт, которые обычно характерны для подобных выступлений. Волнения носили временный характер, обладали относительно нестойкой организационной структурой, которая быстро возникала, однако так же быстро испарялась. Вспышкой насилия их также нельзя назвать – отчасти потому, что длились волнения несколько месяцев, но более точно будет отметить, что этот инцидент практически не сопровождался насилием. Классификация Смелсера не вполне подходит для точной характеристики этого события.

2. Теория Смелсера опирается как на основной постулат на идею общих убеждений и тем самым придерживается унитарного подхода к истокам коллективного выступления. Однако при анализе волнений в Беркли становится ясно, что в протестах участвовали студенты с самыми разными убеждениями, зачастую противоречившими друг другу; ни о каких общих убеждениях не было и речи, они были разнообразные, зачастую непримиримые, а иногда и сугубо индивидуальные (Lipset and Wolin, 1965).

3. Далее, неясно, отвечает ли теория Смелсера главному критерию научного объяснения – что его истинность может быть опровергнута, если найдутся соответствующие факты. С самого начала невозможно ясно и однозначно соотнести главные концепции благоприятной структуры, напряженности и пр. с эмпирическими событиями (Davis, 1964). Социологи-аналитики, независимо рассматривавшие эпизод в Беркли, не смогли прийти к согласию, в чем именно состояла напряженность, и даже определить, какое событие стало главным катализатором волнений (Feuer, 1964; Glazer, 1965; Selznick, 1965). Во-вторых, даже если бы удалось связать каждое понятие теории Смелсера с конкретными эмпирическими событиями, неясно, какие предпосылки следует опровергнуть. Схема Смелсера – не столько теория, сколько таксономическая структура, общий набор категорий, с помощью которых удобно описывать коллективные акции, однако опровергнуть эту структуру саму по себе затруднительно.

4. Теория прибавочной ценности Смелсера не позволяет генерировать гипотезы. То, что сам Смелсер предложил столько новых представлений, объясняется тем, что сам он прекрасно разбирается в самом широком диапазоне исторических и социологических материалов и весьма изобретателен; теория тут ни при чем. Тернер (Turner, 1964) попытался применить теорию прибавочной ценности и пришел к выводу, что это удобный способ организации материала, однако не был уверен, что так можно получить новые знания.

5. Наконец, мы вынуждены вернуться к вопросу: если все коллективные акции определяются одним и тем же набором из шести детерминантов, почему возникают те, а не иные разновидности коллективных акций? Сами по себе уровни – это просто пустые категории. Тип коллективного поведения определяется конкретными условиями, которые должны характеризовать каждую категорию. Откуда берутся эти конкретные условия? Они заданы изначально или выводятся из общих принципов теории? Конкретные условия существуют *ad hoc* , выводятся из других теорий или просто формулируются интуитивно. Таким образом, основные принципы теории – и шесть детерминантов, и компоненты – на самом деле не теория, а метатеория, на которой Смелсер должен строить подлинную концепцию причинности.

Несмотря на все это, теория Смелсера – блестящая попытка инкорпорировать широкий диапазон детерминантов в систематическую интерпретацию коллективного поведения, уделяя должное внимание и непосредственным, и косвенным источникам коллективной акции.

Математические теории поведения толпы

Математика – это не магия, способная создавать вещество из вакуума ошибочной теории. Однако у символической формализации моделей есть некоторые существенные преимущества.

1. Создатель математической теории обязан идеально задать все переменные и все отношения между ними. Сущность модели не замутнена никакой словесной «водой».

2. Подобным же образом теоретик обязан сформулировать и предположения, необходимые для функционировании модели, но не входящие в саму модель. Скажем, в области коллективного поведения зачастую приходится предположить, что изучаемая группа не меняется в размере или у нее однородный состав. Необходимость в таких предположениях может заставить теоретика рассмотреть важные, но еще не изученные аспекты явления, которое он стремится объяснить.

3. Как только теория переведена на язык математики, для изучения отношений между переменными можно применить прекрасно разработанный набор формальных законов. Подобное изучение зачастую дает неочевидные и неожиданные результаты. Самый, вероятно, значимый вывод, полученный при помощи современных математических подходов к поведению толпы (существование склонности к подражанию) позволяет дать поразительные прогнозы о поведении скоплений людей (быстрое распространение поведения в толпе). Такие предсказания не требуют никакого изменения привычных паттернов поведения отдельных людей. Они всего лишь механически следуют из закона больших чисел.

Попытки математически рассчитать поведение толпы начались еще в 1898 году, когда Борис Сидис выдвинул теорию энергии толпы, которая передается от лидера толпы к его последователям. Сидис сделал достаточно произвольный вывод: энергия, пробуждаемая в каждом последователе, должна составлять половину того, что исходит от лидера, а энергия, пробуждаемая при взаимном возбуждении последователей, у каждого отдельного участника толпы еще в два раза меньше. В итоге получается формула общей «энергии», которая предсказывает рост этой величины примерно пропорционально квадрату размера толпы. Как видно, к количественным результатам Сидиса следует относиться с некоторым скептицизмом, хотя его вывод более или менее соответствует наблюдению, что неистовство толпы растет быстрее, чем можно заключить из простого добавления участников. Случается, что и модели гораздо более утонченные с математической точки зрения дают почти такие же простые выводы, что и теория Сидиса. В любом случае нужно очень осторожно подходить к оценке значимости микроскопических психологических допущений на основании успеха или неуспеха макроскопических прогнозов.

Заразительность

Излюбленной темой для математического обсчета стали процессы заразительности. Как мы видели, заразительность означает, что состояние кого-то из участников толпы способно передаваться другому наподобие инфекции. Теоретики-математики считают, что социальная заразительность формально похожа на процесс диффузии в физике. Рапопорт (Rapoport, 1963) пишет: «Происходящее время от времени взрывное распространение слухов, паники и модных поветрий говорит о глубинном сходстве процессов социальной диффузии с другими видами диффузии и цепных реакций – эпидемиями, распространениями растворяемых веществ в растворах, кристаллизации… и т. д.» (p. 497). Социальную заразительность можно толковать в терминах моделей похожего математического типа.

Рассмотрим толпу на политическом митинге, где началась и, похоже, распространяется драка. Какие черты ситуации следует выявить, прежде чем переходить к математическому анализу заразительности?

Прежде всего следует определить *выборку* – группу людей, для которых этот анализ релевантен. Каждый член выборки может быть в каком-то из множества *состояний* . Например, участник толпы может быть настроен мирно или буйно, а может пребывать в промежуточном настроении, если природа состояний это допускает. Чтобы построить модель, надо понимать, меняется ли размер выборки. Примыкают ли к ней новые участники (*приток* участников выборки)? Покидают ли ее участники (*отток* участников выборки)? Нужно также понимать, *обратимы* или *необратимы* состояния. Если человек, настроенный мирно, становится склонен к насилию, остается ли он в этом состоянии или способен вернуться в прежнее мирное состояние? Передающиеся при заразительности состояния считаются необратимыми, если не ожидается, что зараженные участники толпы вернутся в прежнее состояние за рассматриваемое время. Однако в некоторых случаях участник толпы приходит в себя благодаря иммунитету – то есть, если человек прошел фазу склонности к насилию, то иногда, «выздоровев», больше не может заразиться. А некоторые состояния «засасывают» – если в них прийти, они сохранятся надолго. Например, участник драки может быть нокаутирован. Все эти подробности следует уточнить, прежде чем давать математическое выражение диффузии насилия, однако сам акт выявления этих черт позволяет сосредоточиться именно на важнейших аспектах поведения толпы. Такой образ мысли сразу укажет на то, что мы понимаем феномен заразительности не во всех подробностях: ни одна современная формулировка не учитывает, обратимо или необратимо передавшееся состояние, каков диапазон состояний, в которых может находиться участник толпы, какие виды иммунитета вырабатываются у участников, и как влияет на происходящие приток и отток участников. Однако каждая из этих черт независимо от того, рассматриваем ли мы ее со специфически математической точки зрения, играет заметную роль в понимании распространения поведения в толпе. Рапопорт, о котором мы уже упоминали в этом анализе, пишет (Rapoport, 1963, p. 498):

Чтобы построить обобщенную модель процесса заразительности, необходимо перечислить все релевантные состояния, в которых могут находиться члены выборки, а также отметить вероятность перехода из состояния в состояние. Типичное для процесса заразительности событие, влияющее на вероятность перехода, – это контакт между двумя отдельными людьми, в результате которого один или оба переходят в другое состояние. Однако вполне возможно представить себе и «спонтанные» перемены состояния – например, при смене стадий болезни. Кроме того, при контакте двух участников возможно возникновение нового состояния, в котором до контакта не был ни тот, ни другой.

Теория заразительности Рашевского. Рашевский (Rashevsky, 1939, 1951) предложил две параллельные модели массового заражения, основанного на подражании. Более простая модель предполагает существование двух классов личностей, поведение которых взаимно исключает друг друга. В пределах каждого класса имеется группа «активных» – по определению это те, у которых вероятность конкурирующего поведения произвольно мала, – и группа «пассивных», чье поведение определяется в основном склонностью подражать другим. Рашевский отмечает, что хотя его модель опирается на предположение о пассивной имитации, те же формальные отношения действуют и в случаях, когда активные пытаются убедить или заставить пассивных совершать те или иные поступки (Rashevsky, 1951, p. 116).

Рашевский предполагает, что количество активных каждого типа постоянно, и обозначает его X 0 и Y 0. Количество пассивных, для которых характерно поведение того или иного типа, меняется в зависимости от того, какое поведение уже преобладает в выборке. Точнее, скорость изменения со временем количества пассивных, чье поведение соответствует типу X, dX/dt , прямо пропорциональна имеющемуся количеству X и обратно пропорционально имеющемуся количеству Y :

$$\frac{dX}{dt} = a_0 X_0 + aX - c_0 Y_0 - cY.$$

Из этой модели следует, что стабильные конфигурации поведения существуют лишь при условии, что все пассивные переняли какой-то один паттерн поведения – X или Y. Поведение системы полностью определяется первоначальным условием: если первоначально соотношение X и Y превышает некоторую критическую величину, то все пассивное население переходит на сторону X; если нет – на сторону Y.

Как только достигнуто равновесие, система способна выйти из него только под воздействием внешних сил. Зато к этим внешним воздействиям система крайне чувствительна. Например, небольшое самопроизвольное изменение количества активных любого типа – скажем, повышение X 0 на 100 000 – способно заставить всю выборку в 10 000 000 изменить преобладающий тип поведения.

Более поздняя и относительно сложная модель Рашевского предполагает, что имеет место общая внутренняя тенденция θ вести себя в соответствии с X либо Y: положительная тенденция θ отражает склонность к поведению X, а отрицательная – к Y. Рашевский предположил, что θ распределяется по Лапласу симметрично относительно 0. Таким образом, он выдвинул гипотезу, что средняя склонность выборки нейтральна. Дисперсионная константа распределения σ говорит об однородности группы, то есть о том, в какой степени личные склонности сосредотачиваются вокруг нейтральной точки. Аналогично Рашевский предположил, что склонность отдельного человека к X или Y меняется со временем – опять же согласно распределению Лапласа с дисперсионной константой k. Таким образом, k – это мера стабильности поведения отдельных людей во времени. Наконец, Рашевский предположил наличие склонности к подражанию ψ, которая растет, когда та или иная форма поведения берет верх, но при этом еще и «распадается» с ростом. То есть

$$\frac{d\psi}{dt} = A\ (X - Y) - a\psi.$$

Исходя из этих предположений Рашевский получил комплексное дифференциальное уравнение, которое в принципе может дать решение, однако, как указывает Рапопорт (Rapoport, 1963), скорее всего, не подлежит эмпирической проверке.

При этом модель Рашевского дает набор информативных и, вероятно, проверяемых условий равновесия. Условие равновесия – это условие, при котором у выборки отсутствует спонтанная тенденция двигаться в ту или иную сторону. Равновесие наблюдается при $X = Y$, $\psi = 0$ (то есть оба типа поведения в выборке распространены в равных пропорциях, а общая склонность к подражанию равна нулю). Это равновесие нарушается, если возникают флуктуации в пропорциях X или Y либо при воздействии на систему внешних сил. При малых отклонениях система возвращается в нейтральное равновесие, однако если какое-то неравенство сохраняется, один из типов поведения перевешивает и создается новое стабильное равновесие. Это неравенство описывается формулой

$$N_0 > \frac{a\ (X\sigma + k)}{A\sigma k},$$

где a и A – константы, а N 0 – размер выборки.

Таким образом, если даны отдельные параметры a, A, σ и k, то N 0 – это минимальный размер толпы, которую можно склонить к превалированию одного из двух рассматриваемых типов поведения. Толпа меньшего размера будет проявлять оба типа в равных пропорциях. Момент, в который $N0$ превышает a (σ + k) / (A + k), отражает степень превалирования одного типа поведения над другим. Коротко говоря, формула предполагает, что необратимо вывести из равновесия большую толпу проще, чем маленькую.

Из той же формулы видно, что при меньшем изначальном единообразии толпы

(маленькая a) требуется больше заразительности. Кроме того, можно сделать противоречащий интуиции вывод, что чем стабильнее поведение отдельного человека во времени (большаяk), тем легче происходит заражение. (Нельзя забывать, что, по Рашевскому, выборка не проявляет никакой общей тенденции к X или Y ; поэтому «единообразие» и «стабильность» относятся к склонности к нейтральности. Если снять это ограничение и предположить, что распределение θ асимметрично, то есть имеет место общая наклонность к тому или иному типу поведения, вышеизложенные результаты получить не удастся. В таком случае, как и следовало ожидать, легко достигается равновесие со сдвигом к предпочитаемому поведению.)

Типы моделей

Бейли (Bailey, 1957) проводит существенное различие между детерминистскими и стохастическими, или вероятностными, моделями. Детерминистские теории пытаются предсказать конкретные значения, которые принимают *зависимые величины* в результате изменений *независимых переменных* , например, диапазон распространения информации как функцию времени. Стохастические модели имеют дело с вероятностями, что система придет в данное состояние при данных условиях, например, с вероятностью, что блок информации дойдет за определенное время до половины выборки.

Пожалуй, поведение масс лучше всех явлений, занимающих социальные науки в наши дни, подходит для классического, то есть детерминистского, математического исследования. В основном это объясняется механическим действием тех или иных математических фактов.

1. Для достаточно больших групп пропорцию их членов, вовлеченных в определенное поведение, можно на законных основаниях приблизительно выразить непрерывной переменной. Это допускает выражение темпа изменений этих переменных в форме дифференциальных уравнений, для решения которых существует вполне разработанный аппарат.

2. По «закону больших чисел» важность статистических флуктуаций снижается при росте размера выборки или количества попыток. Поэтому индивидуальные отклонения от ожидаемого поведения в большой группе и вовсе стираются. Таким образом, при массовых явлениях детерминистская теория способна дать приемлемое приближение к реальности. Более того, даже для групп небольшой численности, когда детерминистические теории не могут генерировать предсказания, корректные во всех подробностях, все равно их прогнозы способны служить эвристическим целям как отправная точка для более утонченного стохастического подхода. Учет вероятностных соображений позволяет предсказать, в какой степени заразительность охватит малые подгруппы выборки. Как подчеркивает Бейли, предположение об однородном составе групп, без которого математические методы неприменимы, скорее всего, истинно лишь для таких малых подгрупп. Подобные объединения естественным образом привлекают наше внимание, а следовательно, нас интересуют стохастические процессы.

Главный довод, который Бейли приводит в защиту превосходства вероятностных моделей, – это циклическая природа эпидемий во времени. Бейли говорит именно о распространении инфекционной болезни, однако мы можем обобщить его модель на диффузию определенной разновидности поведения – например, восприятие модного поветрия, распространение танцевальной мании (Hecker, 1885), растущую популярность «Битлз», продажи хула-хупов. В своей ранней детерминистской работе Сопер (Soper, 1929) предпринял попытку рассчитать эпидемические циклы. Однако модель Сопера предсказывает затухающие колебания, то есть утверждает, что последующие вспышки эпидемии будут не такими сильными, а в конце концов и вовсе сойдут на нет. Поскольку это противоречит фактам, необходимо было разработать более точную модель, а для этого следовало обратиться к стохастической теории. Бартлетт (Bartlett, 1957) применил для симуляции эпидемического процесса компьютерный метод «Монте-Карло» (метод

случайных чисел) и успешно описал циклическую природу реальной эпидемии кори. У его модели была интересная особенность: он определил минимальный размер сообществ, при котором эпидемия еще может вернуться, а если численность сообщества ниже – уже нет. Бартлетт предсказал 200 000 заболевших – и это вполне совпадает с 250 000 по данным врачей.

Еще предстоит проверить, существуют ли правдоподобные социальные аналоги эпидемиологических явлений периодического заражения и критического размера выборки. В связи с этим, пожалуй, будет полезно изучить «волновые» феномены наподобие оваций или вспышек антисемитизма.

Модели размера групп

При изучении массовых феноменов важно понимать, как из неструктурированных коллективов возникают толпы. Нашему пониманию закономерностей, согласно которым формируются крупные толпы, могут поспособствовать математические модели, описывающие формирование и распад малых групп в пределах более крупных скоплений.

Джон Джеймс (James, 1951, 1953) изучал свободно формирующиеся группы больших размеров в самых разных социальных ситуациях и строил свои исследования на эмпирической основе. Джеймс писал о частотности возникновения групп разных размеров, спонтанно формирующихся на улицах, в магазинах, на детских площадках, в общественных местах и на рабочем месте. Он обнаружил, что размер группы колеблется от двух до семи, в среднем – около трех. Распределение размеров имеет форму буквы J: с ростом размера группы частота падает.

Отмечая, что большинство групп невелики и что в разных социальных ситуациях распределение размеров примерно одинаково, Джеймс приходит к следующим выводам.

1. Группы, сформированные при личном взаимодействии, тяготеют к минимальному возможному размеру (два) и минимальному количеству возможных отношений (одно).

2. Переменные восприятия, мышления и способности к перемещению влияют на размер группы сильнее, чем мотивация, пространство, социальная ситуация или возраст участников.

Кроме того, Джеймс указывает, что данные соответствуют отрицательному биномиальному распределению, хотя почти ничего не говорит о теоретическом значении этого факта.

Коулман и Джеймс (Coleman and James, 1961) сумели разработать математическую модель, точно описывающую наблюдения Джеймса. Это стохастическая модель, в которой размеры групп названы «состояниями» (в группе в состоянии 2 два участника). Они рассчитали вероятность перехода из состояния в состояние на основании следующих предположений:

1. Изолированные индивиды (состояние 1) имеют постоянную вероятность присоединиться к какой-то группе. Эта вероятность не зависит от размера группы, то есть предположение о «заразности» (что большие группы привлекательнее маленьких) явно опровергается. Как следствие предшествующих постулатов, общий приток к группе зависит исключительно от количества в системе изолированных индивидов.

2. Вероятность покинуть группу у индивидов постоянна, поэтому темп оттока от группы зависит исключительно от количества ее членов.

Эта модель рождения и смерти предсказывает, что при равновесии распределение размера группы будет «усеченно-пуассоновским». Это предсказание оправдалось в 19 из 23 обзоров Джеймса. Авторы предполагают, что поведение равновесия в скоплении людей определяется «параметром» na / b, где n – общее число групп, сформировавшихся в конечном итоге, a – вероятность, что индивид спонтанно примкнет к группе, а b – вероятность, что индивид покинет группу. Коулман и Джеймс предположили, что эта модель могла бы описывать рост толпы, если считать a растущей функцией времени. (Напомним, что они отрицали предположение, что a – растущая функция размера группы.)

Уайт (White, 1962) показал, что успех модели Коулмана—Джеймса лишь кажущийся. Он продемонстрировал, что распределение равновесия в усеченно-пуассоновском виде достигается не менее чем семью разными наборами предположений. Интересно, что одна из моделей Уайта включает в себя предположение о заразительности наряду с другими уравновешивающими предпосылками. Уайт пишет: «Исходя из того, что одна из их моделей хорошо соответствует данным, Коулман и Джеймс ошибочно предположили, что процесс присоединения путем заражения можно исключить из числа компонентов любой модели, подходящей к этим данным» (р. 167). По предположению Уайта, наиболее экономичная модель, предсказывающая правдоподобное распределение равновесия, основана на единственном параметре Y , который отражает долю людей, покидающих группы и затем остающихся в изоляции. По этой модели, когда Y стремится к нулю, группы в среднем становятся все крупнее и крупнее, и создаются скопления, приближающиеся к пропорциям толпы. Таким образом, статья Уайта, пусть и кратко, затрагивает вопрос о соотношении моделей формирования малых групп с моделями поведения масс. А главное, она в очередной раз показывает, как неверно строить выводы об обоснованности набора социально-психологических предположений на основании успеха модели формирования, которую порождают эти предположения.

Итоги

К каким же заключениям мы приходим, закончив этот обзор теоретических подходов к функционированию толпы? Каковы главные идеи? Начиная с Лебона основных вопросов было два. Первый – как объяснить однородность толпы; второй – как объяснить появление нецивилизованного поведения у участников толпы. Таким образом, Лебона в основном занимало преображение одиночки в толпе, его стремление быть как все и проявляющаяся в нем жестокость. Фрейд согласился с описаниями жестокости и однородности по Лебону, однако глубже изучил стоящие за ними психологические процессы. Он считал, что ответы следует искать в отношениях участника толпы и лидера. Тернер и Киллиан (Turner and Killian, 1957), а также Ланг и Ланг (Lang and Lang, 1961) усомнились в некоторых описательных качествах толпы. Тернер заменил идею *однородности* понятием *дифференциального участия* . Лебона и Сигеле больше интересовали конечные результаты участия человека в деятельности толпы. Тернер рассмотрел, как в текучем неопределенном поле *порождаются* нормы толпы и общее понимание. Смелсер задавался совсем другими вопросами – он интересовался не переменами в личности, а условиями в обществе, которые обеспечивают разнообразные, но подлежащие классификации формы коллективной акции. Отсюда следует обобщенная идея, что напряженность, не находящая выхода по обычным общественным каналам, вырывается таким образом во время коллективных выступлений. Как именно это будет выглядеть, зависит от того, в чем участники толпы усматривают очаг напряжения, а также от других условий, например, от природы социального контроля. Теоретики-математики, в том числе Рашевский, ставили перед собой другую задачу – они абстрагировали макроскопические процессы и пытались найти формулу, которая их описывает. Феномен коллективного поведения допускает разносторонние теоретические подходы, и невозможно сформулировать набор вопросов, который был бы единственно верным и охватывал бы все аспекты толпы.

Иррациональность

Один вопрос, которым задавались еще Лебон, Сигеле и Фрейд и который актуален и до сих пор, касается утверждения, что толпы иррациональны. Это требует анализа. Во-первых, мы вправе спросить, что имеется в виду под иррациональностью. Критериев по меньшей мере три: (1) как только поставлена цель, задействуются разумные и действенные способы ее

достижения, сама цель приемлема и человечна и (3) совершаемые действия внутренне непротиворечивы.

Таким образом, прежде чем приписывать толпе иррациональность, нужно учесть определенные черты ситуации толпы:

1. Возможности реакции у толпы как у собрания людей резко ограничены. Отдельный человек может выражать свои мысли и чувства в личном общении сколь угодно тонко и детально, однако толпа в целом располагает ограниченными языковыми средствами. Она может поддерживать утверждения криками и аплодисментами или реагировать на них выражением отрицательного отношения (шиканьем, улюлюканьем, отсутствием аплодисментов). (Единственная возможность коллективного выражения сложных лингвистических суждений – это лингвистические формы, известные всем собравшимся, вроде присяг, речевок или даже песен. В остальных случаях выражения в толпе должны оставаться простыми и ограничиваться несколькими выражениями согласия или протеста. Присяга составляется ради коммуникации в толпе. Ритуал приобретает особое значение именно потому, что последовательность действий известна всем заранее и, таким образом, все могут участвовать в ней одновременно.) Учитывая, что у толпы есть только два фундаментальных модуса ответа (положительный и отрицательный), человек в толпе может вполне рационально соглашаться с высказываниями, которые при более детальном анализе содержат противоречивые элементы, потому что он в общем и целом согласен с этими высказываниями. В толпе из 30 тысяч человек не так уж просто уточнить свою точку зрения.

2. Когда толпа «поддерживает» полностью противоречивые утверждения, нам следует задаться вопросом, кто в толпе реагирует на какие утверждения – одни и те же люди или все же разные. Может быть, разные суждения поддерживают разные подгруппы? Это едва ли говорит об иррациональности – налицо просто обычное распределение мнений в группе. Пока авторы научных трудов продолжают писать «Толпа жарко поддержала утверждение X, а затем иррационально одобрила противоречащее ему утверждение Y», не конкретизируя, какие элементы толпы поддержали X, а какие Y, и были ли это одни и те же люди, говорить о непоследовательности и иррациональности невозможно.

3. Поскольку общепринятые представления о поведении рушатся и инциденты, связанные с толпой, происходят не по плану, участники толпы обнаруживают, что больше не могут действовать исходя из привычных и удобных общепринятых шаблонов. Зачастую отдельному участнику толпы приходится быстро реагировать на новые для него ситуации и обстоятельства, с которыми он раньше никогда не сталкивался. Задним числом, когда времени для анализа достаточно, некоторые подобные поступки могут показаться хаотичными и нерациональными, однако участник толпы редко располагает достаточным временем для анализа и может позволить себе холодные рассуждения.

Иногда показателем иррациональности толпы считают ее эмоциональность, однако Тернер и Киллиан (Turner and Killian, 1957) справедливо возражают, что эмоция и рациональность далеко не всегда исключают друг друга (p. 17):

> В наши дни эмоция и разум не считаются непримиримыми врагами. Эмоция может сопровождать исполнение досконально продуманного плана, а недостаточно разумный план, напротив, не вызывать никакого эмоционального возбуждения. Дихотомия «рациональное-нерациональное», похоже, обладает двумя разными смыслами. Поведение можно назвать рациональным по внешним критериям, если оно представляет собой действенный способ достичь той или иной цели. По этому определению институциональное поведение в большинстве случаев иррационально, а коллективное поведение – рационально. Кто скажет, что суд Линча, применявшийся время от времени, не был в течение нескольких десятилетий вполне действенным способом держать чернокожих в подчиненном положении? По внутренним критериям поведение иррационально, если человек, прорабатывая план действий, не взвесил все возможные варианты, о которых ему в принципе может быть известно. По этому определению институциональное

поведение в большинстве случаев иррационально, поскольку социальные нормы сужают диапазон вариантов, которые человек может рассматривать. Каждый из основных типов коллективного поведения по-своему замыкает внимание в пределах ограниченного набора вариантов, а значит, коллективное поведение в этом отношении ничем не отличается от остальных типов поведения.

Насилие

В сознании большинства первых исследователей толпы и по мнению некоторых современных наблюдателей у толпы есть склонность к насилию и разрушению. При упоминании о толпе невольно вспоминаешь суды Линча, погромы, геноцид, жестокие беспорядки на расовой почве, давку при панике и тому подобные явления. Исторические хроники полны записями о зверствах, которые творила толпа с беспомощными людьми. Едва ли стоит отрицать, что такое бывало, причем довольно часто, однако следует все же провести некоторый анализ.

Во-первых, очевидно, что акты насилия, полностью эквивалентные действиям толпы, зачастую совершали и организованные формирования, а иногда и одиночки. Именно организации, а не толпы, стирали бомбардировками с лица земли целые города и приговаривали к смерти целые народы. На другом полюсе находятся убийцы-одиночки, которые творили свои зверства втайне, без посторонних глаз. Так что вопрос не в том, характерно ли насилие для толп, а в том, представлено ли оно в толпах непропорционально широко по сравнению с насилием у одиночек, с одной стороны, и организованным насилием – с другой. Ответить на этот вопрос не так-то просто. Необходимо дать определение толпы как таковой и отметить долю случаев, когда имело место насилие. Затем эту величину следует сравнить с пропорцией случаев насилия с участием какой-то другой социальной формы, скажем, организованных групп.

Более того, обнаружатся, вероятно, и случаи, когда толпы сдерживают разрушительные импульсы у своих участников. К сожалению, невозможно получить данные об актах насилия, не состоявшихся благодаря присутствию свидетелей или в результате усмиряющего влияния окружения. Подавленное насилие невидимо, зато проявленное предоставляет массу бросающихся в глаза данных.

Образ толпы

Клеймо иррациональности и безнравственности, которое поставил на толпу Лебон, смыть невозможно, и иногда мы забываем, что другие социальные аналитики считали, что толпа исполняет конструктивные общественные функции. Например, Бэджет (Bagehot, 1869), Уоллес (Wallas, 1932), Кули (Cooley, 1909) и Дьюи (Dewey, 1930) подчеркивали, что коллектив освобождает сознание. Карл Маркс (Marx, 1848) в своих авторитетных трудах по социальной философии подает коллективные восстания, мятежи и бунты в положительном свете и приписывает этому поведению конструктивные рациональные функции. Он полагал, что от активности толпы как агента перемен зависит рождение нового общества. Толпа знает, что делает, когда разбойничает, грабит и даже убивает. Маркс полагал, что толпа проявляет глубочайшую рациональность, поскольку ее поведение вызвано исторической необходимостью. А мы в последние десять лет наблюдали, как коллективное поведение служит движению за гражданские права и стремится воплотить в жизнь ценности, о которых говорят многие просвещенные умы.

Крайности

Наконец, в изучении поведения толпы превалирует внимание к крайним проявлениям активности толпы – панике, вспышкам насилия, буйству. Заниматься крайними

манифестациями интересно и увлекательно, однако такой фокус внимания неестествен: мы интересуемся патологией, не задав нормальных условий, от которых следует отсчитывать патологические изменения. Толпу с самого начала изучали в психологии лишь в патологических формах, и такое положение дел сохранилось скорее как историческая традиция, чем как научная необходимость. Это предубеждение поддерживает пресса. Газетные репортажи взахлеб рассказывают о наводнении, но их не интересует нормальное течение реки на протяжении остального года. Но разве можно понять природу наводнения, не обладая полным представлением о самых обычных, нормальных чертах течения реки? Нельзя в полной мере осознать природу паники, если это понимание не основано на твердом понимании того, как течет поток обычных людей в повседневной городской жизни. Изучение толп отойдет от журналистики и сдвинется в сторону зрелой науки в той мере, в какой в поле нашего зрения окажутся не только экстраординарные, но и нормальные сцены.

Методы изучения толпы

Когда пишешь главу о коллективном поведении, принято в первых же абзацах строго предупреждать читателя, как трудно эта область поддается научному изучению, и пояснять, что именно поэтому научных исследований на эту тему относительно немного. Трудность состоит в том, что инциденты с участием толпы не всегда происходят в удобное время и в удобном месте, и непредсказуемость коллективного поведения сильно мешает ученому проводить систематические наблюдения лично. Нелегко и воссоздать коллективные акции с исследовательскими целями в лаборатории или в поле. Зачастую исследователям приходится полагаться на газетные репортажи, исторические хроники, новостные киножурналы, видеозаписи и рассказы очевидцев. И все же удалось разработать целый ряд подходов, которые в сочетании позволяют заложить прочный эмпирический фундамент.

Опросы

При изучении коллективных акций можно задействовать методики опросов. Самый известный случай применения опросов – это исследование Хэдли Кантрила (Cantril, 1940). Он изучал масштабную панику, охватившую восточную часть США 30 октября 1938 года. Поводом для массовой истерии послужила радиопостановка «Войны миров» Герберта Уэллса – так отметил Хэллоуин радиотеатр «Меркурий». Цель исследования Кантрила состояла в том, чтобы определить, почему тысячи американцев пришли к выводу, будто на них напали инопланетяне, и почему от этой ошибки оказались застрахованы другие слушатели той же передачи.

Как рассказывает Кантрил, поскольку изучаемое социальное явление было очень сложным, для ответа на разные вопросы было применено несколько методов, а затем сопоставлялись результаты, полученные разными методами. В исследовательскую программу было включено два типа опросов. Один состоял в цикле длительных, подробнейших ретроспективных бесед со 100 радиослушателями, которые поверили, что Землю захватили марсиане, и с 35 из тех, кто сразу понял, что это постановка. В число опросов второго типа входил опрос общественного мнения с участием выборки взрослого населения по всей стране (с добавлением особого отчета о реакции детей). Кроме того, исследование полагалось на анализ содержания выпусков новостей и писем, полученных радиостанциями.

Среди прочих аспектов паники, рассмотренных в исследовании Кантрила, были особенности трансляции, способствовавшие достоверности, влияние исторической обстановки (опыт Великой Депрессии, представления о современной науке и сведения об угрозе войны в Европе), а также воздействие примера других слушателей – как усиливающее панику, так и успокоительное. В соответствии с целями исследования основные результаты

Кантрила касались умонастроений и психологических стратегий, из-за которых радиослушатели оказывались склонны к панике. Среди демографических факторов, отличавших более внушаемые личности от менее ранимых, особое место занимал уровень образования. Относительно образованные люди могли избежать ошибки, обратившись к надежным источникам информации и призвав на помощь здравый скептицизм (который и заставил их «проверить» источники). Психологический механизм, приводивший к вере во вторжение, похоже, представлял собой сочетание острой потребности «осмыслить» положение дел и либо (1) ригидной системы отсчета, которая поспособствовала интерпретации, вызвавшей панику, либо отсутствия какой бы то ни было системы отсчета.

Скорректировать грубые неточности в прессе помогают объективные техники опросов с упором на строгие методы выборочного исследования. Так что когда в газете написали, что в Лондоне сильнейший смог и в результате «один из крупнейших городов мира балансирует на грани массовой паники», простой опрос показал, что лишь 1% респондентов заявляли, что у них была паника (Killian, 1956, p. 10–11).

Вторичные источники

Представление о приемах создания энергичной толпы можно найти в сочинениях революционеров (Lenin, 1902; Mao, 1938) и других деятелей, широко опиравшихся на массовые акции в рамках своей социальной программы. Не так давно Оппенхаймер и Лаки (Oppenheimer and Lakey, 1965) опубликовали пошаговую инструкцию, как спровоцировать коллективные выступления. Можно также изучить документы, раздаваемые агентами социального контроля. Важным источником по современным представлениям и практикам тех, кто непосредственно имеет дело с толпами и мятежами, служат руководства для полиции и милиции (Bellows, 1920). Такие документы появлялись еще до Лебона. В 1884 году Э. Л. Молину написал книгу «Бунты и их подавление» (Molineux, 1884), где особо подчеркивал, что «на начальной стадии бунт легко усмирить, если ответить на него смело и немедленно начать энергичное, решительное сопротивление». Международная ассоциация начальников полицейских участков (International Association of Chiefs of Police, 1963) рекомендует следующие процедуры для контроля вспышек насилия (курсивом мы добавили ключевые слова, подчеркивающие значение описываемых приемов для вопросов, которые мы разбираем на этих страницах):

1. Если толпа продолжает собираться, он [офицер полиции] должен быстро определить факты и поместить участников под арест. Это резко сократит размеры толпы и не даст инциденту выйти из-под контроля *[кристаллы толпы, событие-катализатор, темпы формирования*].

2. Если толпа уже сформировалась, зовите подкрепление. Здесь необходимо продемонстрировать силу, однако применять ее нельзя. Напряженность в толпе обычно сильнее всего спереди и по центру. Ищите зачинщиков – самых возбужденных. Выведите их *[возможности сил социального контроля, структурные особенности толпы, дифференциальное участие*].

3. Большое подспорье для разгона толпы – система местного оповещения. Оглушительный голос из репродуктора, подкрепленный властной интонацией, немедленно привлечет и удержит внимание каждого и отвлечет его от будоражащего влияния толпы *[разрушительная поляризация на лидера, возможности сил социального контроля, конкурирующие указания*].

4. Полицейский кордон вокруг опасного участка не допустит туда любопытствующих и таким образом убережет их от заражения психозом толпы *[пространственный характер толпы, ограничение заразительности при помощи физической изоляции толпы от остального населения*].

Далее Ассоциация рекомендует «разбить толпу на маленькие изолированные группы» на том основании, что это воспрепятствует заразительности в пределах собрания, а также

внедрить в толпу как можно больше сотрудников в штатском, чтобы распространять конкурирующие лозунги и настроения и тем самым мешать единству толпы (Trivers, 1965).

Уэстли (Westley, 1957) изучил полицейские руководства, опросил сотрудников правоохранительных органов и сделал выводы, которые вносят существенный вклад в теории формирования и контроля толп. Он указал, что полицейских учат (1) не позволять толпам поляризоваться на лидере или на каком-то еще центре внимания, изымать из толпы лидеров и (3) препятствовать чувству анонимности и единодушия у участников. Такая тактика подчеркивает важность лидерства и ощущения общего противостояния при развитии буйных толп.

Проективные методы

Киллиан (Killian, 1956) высказал предположение, что результативным способом изучения мотивов, чувств и восприятия, возникающих в толпе, могут послужить проективные методы. В Гарвардском университете провели неформальное исследование в проективном формате. Пять фотографий толп перемешали с пятью изображениями людей из Тематического апперцептивного теста (ТАТ) и показали испытуемым, дав им обычные инструкции для ТАТ. В число особенностей толп, на которые спонтанно указывали испытуемые, входили размер, плотность, движение, поляризация и то, насколько тесными казались отношения между участниками толпы. Нередко испытуемые выявляли и подгруппы в толпе. Изображения толпы испытуемые были склонны воспринимать как снимки реальных исторических событий и старались определить время и место событий и национальность и социальное положение участников. С картами ТАТ, где были изображены отдельные люди, они так не поступали. Проективные методы – это удобный способ выявления скрытых установок, которые в долгосрочной перспективе, вероятно, связаны со склонностью испытуемого участвовать в массовых выступлениях.

Экспериментальные подходы к коллективному поведению

Для исследований коллективного поведения подходят три разновидности экспериментов. Во-первых, для анализа коллективного поведения можно опираться на общую экспериментальную литературу. Во-вторых, поведение толпы можно симулировать в лаборатории и подвергнуть экспериментальному изучению. В-третьих, можно проводить полевые эксперименты на естественных толпах.

Применение общей экспериментальной литературы

Для анализа поведения толп подходят эксперименты из самых разных областей социальной психологии. Как правило, это результаты, которые лишь косвенно относятся к главной теме исследований, однако проливают некоторый свет на коллективное поведение. Например, Уоллак, Коган и Бем (Wallach, Kogan, and Bem, 1962) отмечали, что при определенных условиях отдельные участники групп отваживались на больший риск, чем поодиночке. Механизм диффузии ответственности, который считается важной причиной риска, помогает объяснить неблагоразумные рискованные поступки, приписываемые некоторым толпам. Аш (Asch, 1951), интересовавшийся в основном конформностью личности к групповым нормам при выполнении задания на восприятие, указывал, что фоновая поддержка группы приводит к шуткам, насмешкам и презрительным репликам в адрес одиночки-ренегата. Очевидно, поддержка группы придает личности ощущение силы и готовность участвовать в атаке. Это подтверждает и исследование Милгрэма (Milgram, 1964), в ходе которого испытуемые под влиянием группы наказывали другого человека, причем степень наказания далеко превосходила ту, которую испытуемый выбрал бы в отсутствие

социального давления.

Очевидно, невозможно перечислить все эксперименты, имеющие отношение к пониманию коллективного поведения. Практически любое исследование процессов социального влияния или групповых действий в лаборатории имеет хотя бы косвенное отношение к поведению более крупных аморфных групп, которые мы называем термином «толпа». Следует упомянуть лишь одну область исследований, поскольку она наводит на мысли о фундаментальных процессах в поведении толпы. Гроссер, Полански и Липпит (Grosser, Polansky, and Lippit, 1951) показали, что через подражание можно подтолкнуть детей к антиобщественным поступкам, которые они иначе не стали бы совершать. Недавно появилась и экспериментальная работа Бандуры и Уолтерса (Bandura and Walters, 1963), отмечающая важность примера для стимуляции агрессивного поведения у отдельного человека. То есть один агрессивный индивид в толпе служит примером для прочих участников толпы, которые начинают подражать его поведению. В принципе, можно изобрести много других лабораторных экспериментов, проливающих свет на поведение толпы. Например, влияние анонимности на высвобождение агрессии, склонность к риску и выражение антиобщественных импульсов очень легко изучать при помощи масок или исследований общественного поведения в темноте.

Симуляция поведения толпы

Любимое прибежище социального психолога – комната для наблюдений, оборудованная окном, прозрачным только в одну сторону, где можно контролировать все условия и точно наблюдать и фиксировать все эффекты. Однако не так-то просто втиснуть в лабораторию ликующую толпу. Даже если собрать под одной крышей достаточно много людей, вовсе не очевидно, что они будут представлять собой толпу, достойную изучения. Ведь очень сложно воспроизвести все условия, необходимые для настоящей коллективной акции. Иногда для этого нужны годы фрустрации и депривации – ни один экспериментатор по доброй воле не станет обрекать своих испытуемых на такие лишения. Более того, некоторые разновидности коллективного поведения – в том числе бунт и паника – содержат элемент опасности, подвергать которой испытуемых противозаконно. Наконец, испытуемые будут знать, что ходом событий руководит экспериментатор, а это всегда мешает спонтанности и внеплановости, которые обычно характерны для коллективного поведения.

Невзирая на все эти ограничения, было сделано несколько попыток симулировать поведение толпы в лаборатории. В своем знаменитом исследовании Мейер, Менненга и Штольц (Meier, Mennenga, and Stoltz, 1941) попытались воссоздать атмосферу бесчинствующей толпы в экспериментальных условиях. Студентам при помощи «новостной рассылки» сообщили, что тысячи граждан штурмуют местную тюрьму, чтобы учинить самосуд над преступником, похищавшим детей. Исследователи хотели выявить мотивы и состав группы, готовой примкнуть к беспорядкам. В момент «кульминации эксперимента» студентам роздали анкеты. 12% выразили желание примкнуть к толпе, 23% хотели бы на нее посмотреть, 29% сообщили, что отправились бы на место событий, чтобы постараться отогнать толпу от жертвы линчевания, а 35% – что вообще остались бы в стороне. Оказалось, что готовность примкнуть к толпе выразили лишь относительно глупые студенты. Может быть, те, что поумнее, разгадали намерения экспериментаторов? Считается ли письменная декларация о намерениях эквивалентом настоящей реакции в условиях взволнованной толпы? Заполняют ли анкеты настоящие беснующиеся толпы по дороге на суд Линча? Какое отношение эти крайне нерегулярные, искусственные компоненты имеют к нашей интерпретации результатов? Необходимо ответить на все эти вопросы, прежде чем оценивать, какое отношение эта работа имеет к изучению поведения толпы.

Довольно значительная экспериментальная традиция сложилась в области изучения паники как коллективного поведения. Это вызвано не только тем, что паника – явление по сути своей грозное, но и тем, что условия, при которых она возникает, можно мгновенно

воссоздать. Паника зависит от целого ряда пространственных условий, но не требует никакой долгосрочной подготовки. В отличие от многих других видов коллективного поведения, паника лишена истории, а значит, исследователь вполне может запланировать ее и вписать в ежедневник.

В ходе одного из ранних исследований паники Френч (French, 1944) создавал искусственные кризисные ситуации для организованных и неорганизованных групп. Группы запирали в комнате, после чего у испытуемых создавали впечатление, что в здании пожар (из-под двери показывался дым, звучала пожарная сирена). Паники не возникало, однако организованные группы в целом реагировали более единодушно, чем неорганизованные.

Однако у этого исследования есть один недочет: считается, что сущность паники – конкуренция за скудные ресурсы (Brown, 1954; Smelser, 1963). Ресурсами могут быть и выход через узкий коридор, когда в театре случается пожар, и спасательная шлюпка, когда тонет корабль, и возможность купить золото на нестабильную валюту, когда инфляция пожирает все сбережения. Французский эксперимент и не мог привести к панике, поскольку конкуренции за скудные ресурсы в явном виде не было.

К этому критерию приближается исследование Александра Минца (Mintz, 1951). Несколько испытуемых стояли вокруг бутыли с относительно узким горлом. Каждый испытуемый держал в руках веревочку, прикрепленную к алюминиевому конусу в бутылке. Если вытаскивать конусы из бутыли по одному, в узком горлышке не возникнет никакого затора. Но если вытаскивать больше одного конуса за раз, создается затор. Минц менял различные факторы, чтобы изучить, при каких условиях возникает затор. Его аппарат служил аналогом классической давки у выхода из театра при пожаре. На количество заторов влияла структура поощрений и наказаний (в форме небольших наград и штрафов), а также состав групп испытуемых – сотрудники или конкуренты. В некоторых вариантах эксперимента в бутыли медленно прибывала вода, а испытуемые платили штрафы или бывали наказаны как-то еще в зависимости от того, какая часть алюминиевого конуса успевала намокнуть. Минц пришел к выводу, что структура поощрения в данной ситуации и состав группы испытуемых – сотрудники или конкуренты – влияют на заторы сильнее, чем эмоциональная заразительность, и категорически отрицал, что сильный страх или эмоциональное возбуждение приводят к неадаптивному поведению в группе.

На сегодня нет ни одного эксперимента по изучению коллективного поведения, который можно было бы назвать в полной мере удовлетворительным. Эксперимент Минца по-прежнему лучше всех, но и он имеет такое же отношение к настоящей панике, как игра в «Монополию» – к высоким финансам.

Дойч (Deutsch, 1949) полагал, что в ситуации, подобной эксперименту Минца, испытуемые находятся в состоянии *противодействующей* взаимозависимости. Если один человек воспользуется путем к спасению, это снижает шансы на спасение всех остальных. Более того, попытки спастись одновременно снижают проходимость пути. Келли с соавторами (Kelley et al., 1965) указали и на другие недостатки экспериментов Минца. Скромные денежные вознаграждения (от 10 до 25 центов, а штрафы – от 1 до 10 центов) не идут ни в какое сравнение с опасностями того рода, какие возникают при пожаре в театре. Чтобы исправить этот недочет, Келли с соавторами попытались вызвать у испытуемых настоящий страх под угрозой удара электрическим током.

Испытуемых поместили в отдельные кабины, присоединив им к двум пальцам электроды. Перед каждым испытуемым были лампочки, отражавшие их близость к опасной ситуации и положение других испытуемых. Каждый мог попытаться спастись, совершив простое действие (нажав тумблер). Реакция «просьба о спасении» отражалась и в кабинках других испытуемых: загорались сигнальные лампочки. Нажимать тумблер спасения испытуемые могли только по одному, а не одновременно, однако механизм спасения действовал лишь через три секунды. Если тумблер спасения пытались нажать несколько испытуемых одновременно, механизм не срабатывал. В результате создавалась ситуация «давки в узком месте», подобная эксперименту Минца. В качестве базовой зависимой

переменной Келли использовал процент испытуемых, которым удалось спастись за стандартный отрезок времени.

Келли и его коллеги изучали влияние целого ряда переменных на эту зависимую величину, в том числе и размер толпы, пытающейся спастись, и серьезность угрозы, и доступность поддерживающих реакций. Процент испытуемых, которым удалось спастись, снижался при повышении серьезности угрозы – вполне правдоподобный результат, если вспомнить, что бывает во время потрясений в реальном мире. Доступность поддерживающих реакций – то есть сигнал со стороны одного или нескольких участников, что он готов подождать, пока спасутся другие, – повышала количество случаев успешного спасения и снижала количество заторов.

Однако и у экспериментальной ситуации Келли есть несколько существенных отличий от настоящей паники. Общий лабораторный контекст убеждает испытуемого, что, если он не спасется, самое страшное, что его ждет, – это болезненный удар током. Кроме того, заторы сами по себе ничем не опасны, в отличие от настоящей паники, когда много людей зачастую погибает в давке. Строго говоря, Келли описывает способы избежать неприятного стимула, а не спастись от него, тогда как в настоящей панике присутствуют оба элемента – и избегание, и спасение.

Самый значимый вклад эксперимента Келли в исследования коллективного поведения – теоретическое представление о зигзагообразных колебаниях реакций и разработка приемов для создания распределения реакций. Келли утверждал, что важнейший фактор, определяющий общее поведение группы испытуемых, – это распределение отношения к ситуации спасения. Если у всех испытуемых налицо одинаковая тенденция спасаться одновременно (то есть если распределение реакций сконцентрировано на том конце континуума установок, который отражает высокую озабоченность и чувство, что нужно спастись как можно скорее), возможны тяжкие последствия. В число приемов, позволяющих создать равномерное распределение реакций, входит введение поддерживающей реакции: нужно сделать так, чтобы один или несколько испытуемых выразили готовность подождать и пропустить других вперед. Как выяснилось, это оказывает сильнейшее воздействие на установление упорядоченной процедуры спасения.

Полевые эксперименты

Лабораторные исследования по природе своей искусственны, однако этой искусственности можно избежать, если проводить исследования в поле. При этом вполне возможно сохранить за собой способность манипулировать экспериментальными переменными. Шериф и Шериф (Sherif and Sherif, 1953) описали оригинальный эксперимент по изучению процессов в малых группах и наблюдению над спонтанным коллективным поведением. В летний лагерь приехали 20 мальчиков, ранее друг с другом не знакомых, но из примерно одинаковых семей и школ. Мальчиков разделили на две группы и приложили усилия по созданию в каждой группе сильного *esprit de corps* . Как только у мальчиков возникло чувство групповой солидарности, между группами начали проводить различные соревнования. Группы выражали враждебность друг к другу посредством насмешливых лозунгов, набегов на лагерь противника, отрицательных стереотипов и даже требований полной сегрегации. В конце концов исследователям удалось ликвидировать напряженность в отношениях между группами, давая мальчикам задания, выполнение которых зависело от сотрудничества и функциональной взаимозависимости – например, мальчики все вместе чинили поврежденную цистерну, в которой хранились запасы воды для всего лагеря, и собирали деньги на поход на любимое кино.

Вывод из этого исследования гласит, что враждебность между соперничающими группировками в обществе можно снизить, если удастся заставить группировки совместно трудиться ради общей цели. Простого контакта между группами для социальной гармонии недостаточно. Чтобы снизить враждебность между группами, в ситуации контакта следует

соблюдать четыре условия: у групп должен быть (1) равный статус, общие цели, (3) зависимость от сотрудничества друг с другом и (4) положительная поддержка властей, закона или клиента (Allport, 1954). Шериф и Шериф следовали всем этим условиям.

Другие методы изучения формирования и функционирования толпы

При разработке методов изучения коллективного поведения психологи проявляли на удивление мало творческого подхода. Поэтому им есть чему поучиться у тех, кто не имеет отношения к психологии, – вспомним хотя бы эксперимент с постановочной аварией на улицах Рима. Когда заходит речь об исследованиях коллективного поведения, принято возражать, что изучать его очень трудно, поскольку оно возникает непредсказуемо. Однако исследователь вполне способен принять меры, чтобы преодолеть это препятствие.

Можно, например, сделать трамплином для изучения формирования толпы саму толпу как стимул. Здесь можно наблюдать как естественные, так и синтетические толпы и с высоты птичьего полета отмечать, какое воздействие оказывает этот стимул на людей вне толпы. Если просто записать шум толпы – главное, чтобы запись была высококачественной, – и запустить эту запись где-нибудь в центре города, можно наблюдать темп скопления людей, отметить, сколько прохожих устремится к толпе, ускорив шаг, а сколько двинется прочь от источника стимула толпы. При всех наблюдениях такого рода очень полезно и желательно вести постоянную фотосъемку с высоты птичьего полета.

При любом обсуждении новых методов изучения коллективного поведения нужно непременно упоминать и о возможности симулировать толпы на компьютерах, применять современные телеметрические устройства (для изучения как движения толпы, так и психологических реакций ее участников), фотографирование с высоты птичьего полета и видеозаписи. В прошлом исследователи толп были вынуждены полагаться на сведения из вторых рук – словесные описания эпизодов с участием толп, – в наши дни новостные репортажи о коллективных выступлениях обеспечивают обширную базу данных непосредственно с места событий, поскольку исследователи без труда могут получить в свое распоряжение соответствующие видеозаписи и подвергнуть их систематическому анализу.

Дэвис (Davis, 1964) высказал предположение, что с учетом очевидных трудностей, возникающих при изучении коллективных акций, следующим шагом должно послужить создание подлинно компаративистской базы данных, в которую войдут и личные впечатления, и исторические отчеты, и данные опросов по коллективным акциям – по примеру «Ареальной картотеки человеческих отношений». Применив технику, аналогичную кросс-культурному методу, можно сформулировать гипотезы относительно поведения толпы и по возможности проверить их, сопоставив с большим объемом тщательно классифицированного материала.

Для обучения тактике ненасильственного сопротивления применялись и искусственные толпы, которые также могли бы послужить материалом для исследований (Oppenheimer and Lakey, 1965).

Однако в конечном итоге невозможно найти адекватную замену прямому наблюдению и измерению поведения естественной толпы. Если ограничиваться исключительно спорами кабинетных ученых, вся эта область легко может деградировать и превратиться в выхолощенную схоластику. При изучении толпы прежде всего необходимо вывести главные вопросы с теоретической кафедры и перевести на уровень, где выбор между конкурирующими точками зрения можно будет хотя бы отчасти основывать на конкретных измерениях, контролируемых наблюдениях и изобретательных экспериментах.

Литература

ADORNO, T. W., ELSE FRENKEL-BRUNSWIK, D. J. LEVINSON, & R. N.

SANFORD (1950).*The Authoritarian Personality* . New York: Harper.

AKERS, E. R., & V. FOX (1944). «The Detroit rioters and looters committed to prison». *J. Crim. Law Criminol.,* 35, 105–110.

ALLPORT, F. H. (1924). *Social Psychology* . Boston: Houghton Mifflin.

ALLPORT, G. W. (1954). *The Nature of Prejudice* . Boston: Beacon Press.

ALLPORT, G. W., & L. POSTMAN (1947).*The Psychology of Rumor* . New York: Holt.

ARENDT, H. (1954). *Origins of Totalitarianism* . New York: Harcourt, Brace.

ARGYLE, M. (1959).*Religious Behavior* . Glencoe, Ill.: Free Press.

ASCH, S. E. (1951). «Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgment». В кн.: H. Guetzkow (ed.), *Groups, Leadership, and Men* . Pittsburgh: Carnegie Press, pp. 177–190.

BAGEHOT, W. (1869).*Lombard Street: A Description of the Money Market* . Reprinted, London: Murray, 1931.

BAILEY, N. T. J. (1957). *The Mathematical Theory of Epidemics* . New York: Hafner.

BANDURA, A., & R. H. WALTERS (1963).*Social Learning and Personality Development* . New York: Holt.

BARTLETT, M. S. (1957). «Measles periodicity and community size».*J. Roy. Statist. Soc* ., 120, 48–59.

BELLOWS, H. A. (1920). *A Treatise on Riot Duty for the National Guard.* Washington, D. C.: Government Printing Office.

BETTELHEIM, B. (1943). «Individual and mass behavior in extreme situations».*J. Abnorm. Soc. Psychol.* , 38, 417–452.

BLUMER, H. (1946). «Collective behavior». (First published 1939) В кн.: A. M. Lee (ed.), *New Outline of the Principles of Sociology.* New York: Barnes and Noble, pp. 165–220.

BLUMER, H. (1964). «Collective behavior». В кн.: J. Gould and W. L. Kolb (eds.), *Dictionary of the Social Sciences.* New York: Free Press, pp. 100–101.

BONDURANT, JOAN V. (1958). *Conquest of Violence: The Gandhian Philosophy of Conflict.* Princeton: Princeton Univ. Press.

BRINTON, C. (1958). *The Anatomy of Revolution* . New York: Vintage Books.

BROWN, R. W. (1954). «Mass phenomena». В кн.: G. Lindzey (ed.), *Handbook of Social Psychology* . Vol. 2. Cambridge, Mass.: Addison-Wesley, pp. 833–876.

BROWN, R. W. (1965). *Social Psychology* . New York: Free Press.

BRUCE, J. A. (1965). «The pedestrian». В кн.: J. Baerwald (ed.), *Traffic Engineering Handbook* . Washington, D. C.: Institute of Traffic Engineers.

CALHOUN, J. B. (1962). «Population density and social pathology».*Sci. Amer* ., 206, 139–146.

CANETTI, E. (1962). *Crowds and Power* (transl. Carol Stewart).(German original published 1960.) London: Gollancz.

CANTRIL, H. (1940) (with the assistance of H. Gaudet and H. Herzog). *The Invasion from Mars.* Princeton: Princeton Univ. Press.

CHRISTIAN, J. J. (1960). «Factors in mass mortality of a herd of Sika deer (Cervus nippon)». *Chesapeake Sci* ., 1, No. 2, 79–95.

CLARK, S. (1965). *All the Best in Japan and the Orient* . New York: Dodd, Mead.

COHEN, E. A. (1953). *Human Behavior in the Concentration Camp* . New York: Grosset and Dunlap.

COHEN, J., & W. MURPHY (1966).*Burn, Baby, Burn* . New York: Dutton.

COLEMAN, J. S., & J. JAMES (1961).«The equilibrium size distribution of freely-forming groups».*Sociometry* , 24, 36–45.

COOLEY, C. H. (1909). *Social Organization: A Study of the Larger Mind* . New York: Scribner’s.

COX, D. R., & W. L. SMITH (1961).*Queues* . New York: Wiley.

CRAIK, G. L. (1837). *Sketches of Popular Tumults* . London: Knight.

DAVIS, K. (1964). «Something old, something new».*Contemp. Psychol* ., 9, 222–223

DEFLEUR, M. L. (1962). «Mass communication and the study of rumor».*Sociol. Inquiry* , 32, 51–70

DEUTSCH, M. (1949).«A theory of cooperation and competition».*Hum. Relat.,* 2, 129–152.

DEWEY, J. (1930). *Human Nature and Social Conduct* . New York: Modern Library.

DOLLARD, J. (1937). *Caste and Class in a Southern Town* . New Haven: Yale Univ. Press.

DOLLARD, J., L. DOOB, N. E. MILLER, O. H. MOWRER, & R. SEARS (1939). *Frustration and Aggression.* New Haven: Yale Univ. Press.

DOOB, L. (1952). *Social Psychology* . New York: Holt.

EDIE, L. C., R. S. FOOTE, R. HERMAN, & R. W. ROTHERY (1963).*Traffic Engineering* , 33, 21.

FESHBACH, S., & N. FESHBACH (1963). «Influence of the stimulus object upon the complementary and supplementary projection of fear». *J. Abnorm. Soc. Psychol.* , 66, 498–502.

FEUER, L. S. (1964). «Rebellion at Berkeley». *New Leader* , 47, No. 26, 3–12.

FLUGEL, J. C. (1930). *The Psychology of Clothes* . London: Hogarth Press.

FRENCH, J. R. P. (1944). *Organized and Unorganized Groups under Fear and Frustration* . Iowa City: Univ. of Iowa Press.

FREUD, S. (1922). *Group Psychology and the Analysis of the Ego* . (Оригинальное издание на немецком языке вышло в 1921 г.) London: Hogarth Press.

FROMM, E. (1941). *Escape from Freedom* . New York: Farrar and Rinehart.

GAZIS, D. C. (1967).«Mathematical theory of automobile traffic».*Science* , 157, 273–281.

GILBERT, G. (1950). *The Psychology of Dictatorship* . New York: Ronald.

GLAZER, N. (1965). «What happened at Berkeley?» В кн.: S. M. Lipset & S. S. Wolin (eds.), *The Berkeley Student Revolt.* Garden City, N. Y.: Anchor, pp. 285–302.

GROSSER, D., N. POLANSKY, & R. LIPPITT (1951). «A laboratory study of behavioral contagion». *Hum. Relat.,* 4, 115–142.

HALL, E. T. (1966). *The Hidden Dimension* . Garden City, N. Y.: Doubleday.

HARLOW, F. H., & J. E. FROOM (1965). «Computer experiments in fluid dynamics». *Sci. Amer.,* 209, 104–110.

HECKER, J. F. K. (1885).*The Dancing Mania of the Middle Ages* . New York: Fitzgerald.

HOFFER, E. (1951).*The True Believer* . New York: Harper.

HOFSTÄTTER, P. R. (1957). *Gruppendynamik: Kritik der Massenpsychologie* . Hamburg: Rowohlt Taschenbuch.

HOLINSHED, R. (1577). *Chronicles of England, Scotland, and Ireland* . London: Hunne.

HOVLAND, C. I., A. A. LUMSDAINE, & F. D. SHEFFIELD (1949).*Experiments on Mass Communication.* Princeton: Princeton Univ. Press.

HOVLAND, C. I., & R. R. SEARS (1940). «Minor studies of aggression: VI. Correlation of lynchings with economic indices».*J. Psychol.* , 9, 301–310.

International Association of Chiefs of Police (1963).*With Justice for All: A Guide for Law Enforcement Officers.* Washington, D. C., and New York: International Association of Chiefs of Police and the Anti-Defamation League of B'nai B'rith.

JACOBS, H. (1967). «How big was the crowd? – and a formula for estimates».University of California, Berkeley. (Mimeo)

JAMES, J. (1951). «A preliminary study of the size determinant in small group interaction».*Amer. Sociol. Rev* ., 16, 474–477.

JAMES, J. (1953). «The distribution of free-forming small group size».*Amer. Sociol. Rev* ., 18, 569–570.

JANIS, I. L. (1963).«Group identification under conditions of external danger».*Brit. J. Med. Psychol* ., 36, 227–238.

KELLEY, H. H., J. C. CONTRY, A. E. DAHLKE, & A. H. HILL (1965). «Collective behavior in a simulated panic situation».*J. Exp. Soc. Psychol.,* 1, 20–54.

KILLIAN, L. M. (1956). «An introduction to methodological problems of field studies in disasters». *Nat. Res. Council Publ.* (*Nat. Acad. Sci.*), 5, No. 465.

KÖNIG, R. (1958). «Masse». В кн.: R. König (ed.), *Soziologie* . Frankfurt and Hamburg: Fischer, p. 166–172.

LANG, K., & G. E. LANG (1961). *Collective Dynamics* . New York: Crowell.

LE BON, G. (1895). *Psychologie des Foules* . Transl.*The Crowd* . London: Unwin, 1903.

LEDERER, E. (1940). *The State of the Masses* . New York: Norton.

LENIN, V. I. (1902).*What Is to Be Done?* Transl. S. V. Vtechin and Patricia Vtechin, Oxford: Clarendon Press, 1963.

LEWIN, K. (1947). «Group decision and social change». В кн.: T. M. Newcomb and E. L. Hartley (eds.), *Readings in Social Psychology* . New York: Holt, pp. 330–344.

LIEBERSON, S., & A. R. SILVERMAN (1965).«The precipitants and underlying conditions of race riots».*Amer. Sociol. Rev* ., 30, 887–898.

LIPSET, S. M., and S. S. WOLIN (1965), *The Berkeley student revolt* . Garden City, NY: Anchor.

LORENZ, K. (1966). *On Aggression* . New York: Harcourt, Brace, and World.

LYONNS, G. (1965). «The police car demonstration: survey of participants». В кн.: S. M. Lipset and S. S. Wolin (eds.), *The Berkeley Student Revolt* . New York: Doubleday, pp. 519–530.

MCCONE, J. A., ed. (1966). *Violence in the City: An End or a Beginning?* Sacramento, Calif.: Governor’s Commission on the Los Angeles Riots.

MCDOUGALL, W. (1908).*Introduction to Social Psychology* . London: Methuen.

MCDOUGALL, W. (1920).*The Group Mind* . Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press.

MCGUIRE, W. (1962). «Persistence of the resistance to persuasion induced by various types of prior belief defenses». *J. Abnorm. Soc. Psychol.,* 64, 241–248.

MACKAY, C. (1841). *Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds* .Reprinted, Boston: L. C. Page, 1932.

MANNHEIM, H. (1965). *Comparative Criminology* . Boston: Houghton Mifflin.

MAO TSE-TUNG (1938).«On protracted war». Reprinted in *Selected Military Writings of Mao Tse-Tung* . Peking: Foreign Languages Press. 1961, pp. 187–266.

MARTIN, E. D, (1920). *The Behavior of Crowds* . New York: Harper.

MARX, K. (1848). *Manifesto of the Communist Party* . Transl. Chicago: Charles H. Kerr, 1888.

MEIER, N. C., G. H. MENNENGA, & H. Z. STOLTZ (1941). «An experimental approach to the study of mob behavior».*J. Abnorm. Soc. Psychol* ., 36, 506–524.

MERTON, R. K. (1960). «The ambivalences of Le Bon’s „The Crowd“». Introduction to G. Le Bon, *The Crowd* . New York: Viking Press, pp. v—xxxix.

METHVIN, E. H. (1961). «Mob violence and communist strategy».*Orbis* , 5, 166–181.

MICHELET, J. (1848). *Historical View of the French Revolution* (transl. C. Cocks). (Оригинальное издание на французском языке вышло в 1847 г.) London: Bohn.

MILGRAM, S. (1964).«Group pressure and action against a person».*J. Abnorm. Soc. Psychol.,* 69, 137–143.

MILGRAM, S. (1965). «Some conditions of obedience and disobedience to authority». *Hum. Relat.,* 18, 57–76.

MILLARD, C. (1963). Фотографии (январь 1963 г.) в *Survey* , May 1963.

MINTZ, A. (1951). «Non-adaptive group behavior».*J. Abnorm. Soc. Psychol* ., 46, 150–159.

MOLINEUX, E. L. (1884). *Riots and Their Suppression* . Boston: Headquarters First Brigade, M. V. M.

NEISSER, U. (1964).«Visual search».*Sci. Amer* ., 210, 94–102.

NORTON, W. J. (1943). «The Detroit riots – and after».*Survey Graphic* , 32, 317.

OPPENHEIMER, M., & G. LAKEY (1965).*A Manual for Direct Action.* Chicago: Quadrangle.

ORTEGA Y GASSET, J. (1932). *Revolt of the Masses* . New York: Norton.

PARK, R. E., & E. W. BURGESS (1921).*Introduction to the Science of Sociology* . Chicago: Univ. of Chicago Press.

PARKES, A. S., & H. M. BRUCE (1961).«Olfactory stimuli in mammalian reproduction».*Science* , 134, 1049–1054.

PARSONS, T. (1951).*The Social System* . Glencoe, Ill.: Free Press.

PENROSE, L. S. (1952). *On the Objective Study of Crowd Behavior* . London: H. K. Lewis.

PETERSON, W. A., & N. P. GIST (1951).«Rumor and public opinion».*Amer. J. Sociol* ., 57, 159–167.

PINKNEY, D. (1958). *Napoleon III and the Rebuilding of Paris* . Princeton: Princeton Univ. Press.

RAPOPORT, A. (1963). «Mathematical Models of Social Interaction». В кн.: R. D. Luce, R. R. Bush, and E. Galanter (eds.), *Handbook of Mathematical Psychology* . New York: Wiley, pp. 493–579.

RASHEVSKY, N. (1939). «Studies in mathematical theory of human relations».*Psychometrika* , 4, 221–239.

RASHEVSKY, N. (1951). *Mathematical Biology of Social Relations* . Chicago: Univ. of Chicago Press.

REDL, F. (1942).«Group emotion and leadership».*Psychiatry* , 5, 573–596.

REICH, W. (1946).*The Mass Psychology of Fascism* .(German original published 1933.) New York: Orgone Institute Press.

RITTER, P. (1964). *Planning for Man and Motor* . Frankfurt: Pergamon Press.

ROSS, E. A. (1908). *Social Psychology* . New York: Macmillan.

RUDÉ, G. (1959). *The Crowd in the French Revolution* . Oxford: Oxford Univ. Press.

RUDÉ, G. (1964). *The Crowd in History* . New York: Wiley.

SAPIR, E. (1935). «Fashion». В кн.: *Encyclopedia of Social Science* . Vol. 6. New York: Macmillan, pp. 139–144.

SCHMECK, H. M. (1966). «Traffic computerized». *New York Times* , January 16. Section 4, p. 7.

SCHULTZ, D. P. (1964).*Panic Behavior: Discussion and Readings* . New York: Random House.

SEARS, D. O., & T. M. TOMLINSON (1966). *Riot Activity and Evaluation: An Overview of the Negro Survey* . Univ. of California, Los Angeles, Department of Psychology. (Mimeo)

SELZNICK, P. (1965). «Reply to Glazer». В кн.: S. M. Lipset & S. S. Wolin (eds.), *The Berkeley Student Revolt* . Garden City, N. Y.: Anchor, pp. 303–311.

SHELLOW, R., & D. U. ROEMER (1966). «No heaven for hell’s angels». *Transaction* , 3, No. 5, 12–19.

SHERIF, M. (1936).*The Psychology of Social Norms* . New York: Harper.

SHERIF, M., & C. W. SHERIF (1953).*Groups in Harmony and Tension: An Integration of Studies on Intergroup Relations* . New York: Harper.

SIDIS, B. (1895). «A study of the mob».*Atlantic Monthly* , 75, 188–197.

SIDIS, B. (1898). *The Psychology of Suggestion* . New York: Appleton.

SIGHELE, S. (1901).*La Foule Criminelle* . Paris: Alcan.

SIMMEL, G. (1964). *The Sociology of Georg Simmel* (transl. K. H. Wolff). London: Free Press.

SMELSER, N. J. (1963). *Theory of Collective Behavior* . New York: Free Press.

SOBOUL, A. (1964). *The Parisian Sans-Culottes and the French Revolution* 1793–4. (Оригинальное издание на французском языке вышло в 1958 г.) Oxford: Oxford Univ. Press.

SOPER, H. E. (1929). «Interpretation of periodicity in disease-prevalence».*J. Roy. Statist. Soc.* , 92, 34–47.

TARDE, G. (1898). «Le public et la foule». *Revue de Paris* , 5, 615–635.

TARDE, G. (1903). *The Laws of Imitation* (transl. Elsie Parsons). (Оригинальное издание

на французском языке вышло в 1901 г.) New York: Holt.

TILLY, C., & J. RULE (1964).«Measuring political upheaval». Неопубликованная рукопись хранится в архиве Joint Center for Urban Studies of MIT and Harvard University.

TOCH, H. (1965). *The Social Psychology of Social Movements* . New York: Bobbs-Merrill.

TRIVERS, R. (1965). «Riots in American history». Дипломная работа, Harvard College.

TURNER, R. H. (1964). «Collective behavior». В кн.: R. E. L. Faris (ed.), *Handbook of Modern Sociology* . Chicago: Rand McNally, pp. 382–425.

TURNER, R. H., & L. M. KILLIAN (1957).*Collective Behavior* . Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.

WADA, G., & J. C. DAVIES (1957).«Riots and rioters».*West. Polit. Quart* ., 10, 864–874.

WALLACH, M. A., N. KOGAN, AND D. J. BEM (1962).«Group influence on individual risk taking».*J. Abnorm. Soc. Psychol.,* 65, 75–86.

WALLAS, G. (1932).*The Great Society* . New York: Macmillan.

WASKOW, A. I. (1966). *From Race-Riot to Sit-In: 1919 and the 1960s* . New York: Doubleday.

WESTLEY, W. A. (1957). «The nature and control of hostile crowds».*Canad. J. Econ. Polit. Sci* ., 23, 33–41.

WHITE, H. (1962). «Chance models of systems of casual groups». *Sociometry* , 25, 153–172.

WHITE, T. H. (1965). *The Making of a President* , 1964. New York: Atheneum.

WOOLBERT, C. H. (1916). «The audience». *Psychol. Monogr* ., 21, 37–54.

Кто вступает в профсоюзы[63]

Исследования, как и милосердие, начинаются дома. В конце 30-х годов в семействе Милгрэмов было заложено фундаментальное эмоциональное представление о слове «профсоюз». Ведь в профсоюзе состоял мой отец. За обеденным столом стали звучать слова вроде «делегат» и «пикет». Отец объяснил, что профсоюз – это группа рабочих, вроде него самого, которые объединились, чтобы помогать друг другу получать больше денег и улучшать условия труда. Делегат – это было труднее объяснить – это когда рабочие выбирают одного из своих, чтобы он представлял их на более крупных съездах и собраниях. Когда меня привели посмотреть, как отец стоит в пикете, то сначала я смутился при виде того, как взрослые мужчины водят хоровод перед магазином, но все мои сомнения развеялись, когда один из делегатов дал мне подержать транспарант. Для моего отца профсоюз был неотъемлемой частью панорамы американской жизни. Он помогал простым людям влиять на собственную жизнь. Состоять в профсоюзе было хорошо и правильно. Зачастую базовые представления о профсоюзах закладываются именно благодаря таким семейным впечатлениям.

Личные наблюдения подтверждаются и исследованиями. Те, кто выросли в семьях, где поддерживали профсоюзы, вступят в профсоюзы скорее, чем люди из семей, где не участвовали в профсоюзной жизни. Разумеется, тут следует учитывать и другие факторы – неформальное социальное давление на работе, организующие навыки профсоюза, недовольство условиями труда, а иногда и конкретный отрицательный опыт на рабочем месте. Люди, не вступающие в профсоюзы, часто говорят, что могут получить все преимущества, которые дает профсоюз, и при этом не платить взносы, либо они «ориентированы на компанию» и в числе прочего хотят получить повышение по службе, боятся работодателей, не одобряют профсоюзы в целом или считают, что местный профсоюз

---

[63] Статья написана в соавторстве с Д. Немироффом и впервые опубликована в Clarion, Vol. 8, No. 1, Oct. 1978. p. 5. © 1978 Professional Staff Congress/CUNY. Публикуется с разрешения Александры Милгрэм.

ничего не делает для работников. Когда Виктор Перселл спросил работников одного мясокомбината, почему они не вступили в профсоюз, в котором уже состоят 90% их сотрудников, те привели три причины: во-первых, им не нравилось руководство местного профсоюза, которое, как они считали, виновато в провале забастовки, прошедшей пять лет назад. Во-вторых, они полагали, что работодатель и так хорошо обходится с работниками, и в профсоюзе нет нужды. А в-третьих, им не нравилось, что профсоюз оказывает на них всяческое давление и прямо-таки требует в него вступить.

Вопрос о членстве в профсоюзе не так уж прост. Те, кто вступает в союз в момент его создания, сталкиваются совсем не с той ситуацией, в какой оказываются те, кто записывается в сложившуюся действующую организацию, осуществляющую коллективные переговоры. Кроме того, объединение в профсоюз носит один смысл для рабочих и совсем другой – для служащих и специалистов. И в самом деле, поскольку первоначально профсоюзы складывались в среде рабочего класса, членство в них ассоциируется с непрестижными профессиями, что отталкивает многих служащих и квалифицированных профессионалов.

Из общего числа служащих больше всего членов профсоюза среди конторских служащих, и условия труда у них, что интересно, похожи на условия труда заводских рабочих. Вэнс Паккард в своих «Искателях статуса» (Vance Packard, «*The Status Seekers* ») подчеркивает, что в некоторых компаниях сумели воспрепятствовать объединению конторских служащих в профсоюзы, предоставив им некоторые бонусы и символы высокого положения. Когда об этом сообщили заводским рабочим, которые не получили этих бонусов, однако зарабатывали гораздо больше, поскольку состояли в профсоюзе, они ответили на это что-то вроде: «Все это так, но кондиционеры в офисах на хлеб не намажешь!»

Чарльз Райт Миллс провел всестороннее исследования 128 нью-йоркских служащих, по большей части членов профсоюза. Он выявил три фактора, которые, видимо, и склонили их к членству. Во-первых, это *личное знакомство с профсоюзами* . Миллс утверждает, что служащие обычно не состояли в профсоюзах просто потому, что у них не было случая вступить: кампании по организации их не охватили, сосредоточившись в основном на заводских рабочих. Некоторые из служащих, которых изучал Миллс, почти не сталкивались лично с профсоюзными деятелями и с теми, кто сочувствовал профсоюзному движению, и именно поэтому отказались от мысли вступить в союз. Вторым фактором стала *партийная принадлежность* служащего и его семьи: демократы в целом были за профсоюзы, а республиканцы и независимые – против. Третьим фактором послужила *специфика недовольства своей работой* : в числе служащих, вступивших в профсоюз, было много тех, кто считал, что у них минимальные шансы получить повышение. Эту тенденцию Миллс толковал как реакцию на ощущение, что тебя эксплуатируют.

Что касается неэкономических причин, по которым многие служащие *отказывались* вступить в профсоюз, то Миллс указывает, что членство в профсоюзе вредит личному престижу. Работники, которых заботил престиж, вступали в профсоюзы только потому, что считали их безличными экономическими агентами.

Эволюция профсоюзного движения в преподавательской среде отражена в переменах в одной такой организации – Национальной ассоциации работников просвещения (National Education Association, NEA). С начала XX века до 60-х годов Ассоциация, в отличие от Американской федерации учителей (American Federation of Teachers, AFT), была организацией строго профессиональной. Профсоюзное движение, особенно забастовки, в Ассоциации расценивали как принижение идеалов учительства, поскольку преследование собственных экономических интересов считалось несовместимым с философией служения обществу, согласно которой долг учителя перед учениками священен. В наши дни Ассоциация, сохраняя консервативные взгляды, все же отстаивает свои коллективные права во многих областях и жестко конкурирует с Американской федерацией учителей за школы, где профсоюзов еще нет.

Как и в случае с Ассоциацией работников просвещения, многие учителя до последнего времени не спешили вступать в профсоюзы, чтобы не поступиться профессиональным

долгом.

Мостафа Наги исследовал группу преподавателей старших классов, половина из которых были членами Национальной ассоциации работников просвещения, а другая половина – Американской федерации учителей. Он хотел посмотреть, различаются ли у членов разных групп определенные личностные характеристики, которые другие исследователи связывали с членством в профсоюзах. В число этих характеристик входило отношение к престижу, ощущение собственного бессилия и политические взгляды. Что касается престижа, Наги хотел проверить гипотезу Миллса, что с точки зрения служащих членство в профсоюзе вредит личному престижу. Главным отличием между группами, как выяснилось, было то, что члены Ассоциации работников просвещения считали свою работу более престижной, чем члены Федерации учителей. Озабоченность престижем в группе членов Ассоциации работников просвещения проявлялась еще и в том, что чувство принадлежности к среднему и высшему классам у них было сильнее, чем у членов Федерации учителей, хотя доходы у последних были больше. Кроме того, выяснилось, что члены Ассоциации работников просвещения придерживаются более консервативных политических взглядов и считают себя более независимыми на рабочем месте. Наконец, члены Федерации учителей были сильнее недовольны условиями труда и чаще считали, что школьная администрация по природе своей авторитарна.

Подобное исследование жителей престижных пригородов проделал Леве – он сравнил учителей, вступивших в Ассоциацию работников просвещения и Американскую федерацию учителей, а также не вступивших ни в какой профсоюз, по трем параметрам. Его результаты похожи на результаты Наги в том, что относится к удовлетворенности работой и поддержке администрации. Члены Федерации учителей считали, что моральный облик их самих и их коллег ниже, чем у членов Ассоциации работников просвещения и учителей – не членов профсоюза. В число конкретных источников недовольства входило неподобающее использование времени и таланта учителей, неспособность конкурировать с другими профессиями по зарплате и неуважение к учителям со стороны общества и совета по вопросам образования. Что касается администрации, то, по отзывам членов Ассоциации работников просвещения, руководство помогало им больше, чем членам остальных двух групп. Наконец, члены Федерации учителей сильнее всего жалели о том, что согласились занять нынешнюю преподавательскую должность, и выражали больше всего заинтересованности в том, чтобы бросить преподавание, если бы это было возможно без финансовых потерь. В целом Леве заключил, что недовольный учитель скорее вступит в Федерацию учителей, чем в Ассоциацию работников просвещения или ни туда, ни туда.

Стивен Коул в 1962 году провел опрос нью-йоркских учителей. Он получил ответы более чем из 300 школ от учителей, преподававших в начальных, средних и старших классах. Коулу удалось выявить четыре взаимосвязанных фактора, склоняющих учителей к вступлению в профсоюзы: религия, партийная принадлежность, классовое происхождение и возраст.

С точки зрения *религии* Коул обнаружил, что учителя-иудеи в целом более склонны вступать в профсоюзы, чем учителя-христиане. По мнению ученого, это объясняется двумя причинами: тем, что евреи-иммигранты с самого начала поддерживали социалистическое профсоюзное движение, и тем, что евреи по традиции голосуют за демократов и независимых кандидатов – сторонников профсоюзов. Более того, когда Коул отдельно изучал *партийную принадлежность* , оказалось, что за профсоюзы стояли более половины всех опрошенных учителей-демократов, а из республиканцев таких было всего 10%.

Что касается *классового происхождения* , профсоюзы поддерживали почти вдвое больше учителей из семей низшего класса, чем из среднего. У учителей низшего класса чаще были отцы, состоявшие в профсоюзах и голосовавшие за демократов, так что и здесь налицо влияние политических взглядов. С точки зрения *возраста* , чем старше был учитель, тем меньше была вероятность, что он член профсоюза, и тем более он был склонен к консерватизму в политике.

Охват профсоюзным движением в колледжах и университетах – явление сравнительно недавнее. В середине 60-х такого практически не наблюдалось, однако сейчас профсоюзы кампусов защищают интересы преподавательского состава и других сотрудников почти в четверти всех государственных учреждений и в небольшой части частных школ. В работе об истории вопроса Кемерер и Балдбридж приводят результаты исследования, проведенного в Стэнфордском университете в 1971 году, когда изучались симпатии к профсоюзному движению у сотрудников университетов по всей стране. На первом этапе свыше 17 000 сотрудников 240 институтов, не охваченных профсоюзным движением, ответили на вопрос, поддержат ли они создание профсоюза в своем институте. Более трети респондентов сообщили, что поддержат, и все ответы были оценены по четырем личностным характеристикам.

Оказалось, что симпатии к профсоюзам обратно пропорциональны *ученому званию* . Сильнее всего поддерживали профсоюзы сотрудники двухгодичных колледжей и профессионально-технических учебных заведений, а меньше всего – профессора. Похожая закономерность проявилась и в результатах, касавшихся *ученой степени* каждого сотрудника. Эти результаты соответствуют и агрегату данных, показывающих, что членство в профсоюзах больше всего распространено в государственных двухгодичных колледжах.

Еще сильнее обратная зависимость от *возраста* . В частности, профсоюзам симпатизировали 62% сотрудников моложе 30 и лишь 22% старше 50. Следует отметить, что сотрудники государственных колледжей в целом моложе, так что, вероятно, возраст и ученое звание могут быть связаны.

Наконец, симпатии к профсоюзам сильнее среди преподавателей гуманитарных дисциплин, социальных наук и профессионально-технических предметов, в противоположность естественным наукам, инженерным дисциплинам, богословию, праву и медицине. Отчасти это объясняется не только опытом, связанным со специальностью, но и политическими воззрениями. Более ранние исследования показали, что большинство либералов в академических кругах – это преподаватели гуманитарных и социальных наук.

Сотрудники, не склонные вступать в профсоюзы, в целом сильнее доверяли администрации и были больше довольны условиями труда. Под доверием понималось мнение, что администрация в общении с сотрудниками показывает себя профессиональной, энергичной и прогрессивной.

Литература

BAKKE, E. W. «Why Workers Join Unions», в кн.: Bakke, E. W., and Kerr, C. (eds.), *Union Management and the Public.* New York: Harcourt Brace, 1948, p. 41–49.

COLE S. *The Unionization of Teachers* . New York: Praeger, 1969.

GARBARINO, J., *Faculty Bargaining* . New York: McGraw Hill, 1975.

GOLDEN, C. S., RUTTENBERG, H. J.*The Dynamics of Industrial Democracy* . New York: Harper & Brothers, 1942, p. 5.

IMUNDO, L. «Attitudes of Non-Union White-Collar Federal Government Employees Toward Unions», *Public Personnel Management* , Vol. 3, January, 1974, p. 87–92.

IMUNDO, L. «Why Government Employees Join Unions: A Study of AFGE Local 916», *Public Personnel Management* , Vol. 2, January-February, 1973, p. 23–7.

KEMERER, F. R., & BALDRIDGE, J. V. *Unions on Campus* . San Francisco: Josey-Bass, 1975.

KORNHAUSER, R. «Some Social Determinants and Consequences of Union Membership», *Labor History* , Winter, 1961, p. 30–62.

LOWE, W. T. «Who Joins Which Teachers’ Group?», Teachers College Record, Vol. 66 (2), April, 1965, p. 614–9.

MILLS, C. W. *White Collar* . New York: Oxford University Press, 1953.

NAGI, M. «Social Psychological Correlates of Membership in Teachers’ Organizations», Teachers College Record, Vol. 74 (3), February, 1973, p. 369–378.

PACKARD, V. *The Status Seekers.* New York: Pocket Books, 1961.
PURCELL, V. *Blue Collar Man* . Cambridge: Harvard University Press, 1960.
SEIDMAN, J., LONDON, J., KARSH, B. «Why Workers Join Unions», *The Annals of the American Academy of Political and Social Science,* Vol. 274, March, 1951, p. 75–84.
VAN DE VAIL, M. *Labor Organizations: A Macro and Micro Sociological Analysis* . Cambridge: Oxford University Press, 1970.

Социальное значение фанатизма[64]

Слово «*fanaticism* » – «фанатизм» – появилось в английском языке в XVII веке и первоначально означало излишний энтузиазм в религиозной сфере. В наши дни его значение расширилось и охватывает неразумный энтузиазм и в политике, а также в культуре, однако пейоративного смысла оно не утратило, если не считать усеченной формы «*fan* » – «фанат» (например, фанат «Битлз»).

Фанатик – тот, кто доходит до крайности в вере, чувствах и действиях. В принципе крайние проявления чувств нельзя оценивать только отрицательно, их можно назвать и положительно окрашенными словами – «страстная увлеченность», «непоколебимая уверенность» и «глубокая религиозность». Поэтому термин «фанатизм» можно применять к состоянию сознания тех, кто всем сердцем привержен набору убеждений и подвергается за это осуждению.

Но почему нужно осуждать фанатика за то, что он с энтузиазмом относится к своим убеждениям? Во-первых, потому, что такой энтузиазм избыточен – вплоть до того, что действует в ущерб интеллекту. Накал эмоций, связанных с фанатической верой, – не просто замена мысли, но и барьер для нее: фанатик закрыт для споров и здравого смысла. Его мысль скована интеллектуальной ригидностью. Фанатику недостает критического мышления, он не видит противоречий в собственной позиции. (Так, религиозные фанатики среди молодежи превозносят доктрину «любви», однако не распространяют это чувство на родных и близких, которых бросают без зазрения совести.) О фанатиках говорят, что «с ними невозможно разговаривать». Поскольку цель всякого разговора – это обмен идеями и, вероятно, возможность убедить друг друга, фанатик и в самом деле едва ли годится в собеседники.

Зачастую мы разделяем ценности и цели фанатика, однако осуждаем его узколобость и неспособность подчиняться обычным требованиям общественной жизни. Чистая, беспримесная приверженность этим ценностям кажется нам неразумной, избыточной и вредоносной для хитросплетений общественной жизни. Дело в том, что убеждения фанатика играют в его жизни непропорционально важную роль, а все остальные ценности и отношения обесцениваются. Перед лицом фанатичной веры отрицаются даже пожизненные обязательства перед родными и близкими (отсюда жалкое зрелище семей, пикетирующих митинг сторонников преподобного Мун Сон Мена, который приводит свою паству в состояние фанатической преданности).

Одно из условий жизнеспособности общества – способность его членов в какой-то степени приспосабливаться друг к другу. Каждый человек обязан до некоторого предела учитывать потребности других, иначе жизнь была бы чередой непрерывных трений и конфликтов. Но чистота убеждений фанатика не дает такой возможности. Фанатик – угроза обществу, потому что сила и жесткость его убеждений лишает его нормальной способности к взаимному влиянию и приспособлению, без которых в долгосрочной перспективе невозможно поддерживать общественный порядок.

---

[64] Статья впервые опубликована в ETC, Vol. 34, No. 1, March 1977, p. 58–61. © The International Society for General Semantics, 1977. Авторское право возобновлено в 2005 году Александрой Милгрэм. Печатается с разрешения правообладателя.

Если убеждения фанатика изменить невозможно, а когда человек живет в обществе, на него все равно оказывается давление в сторону однородности убеждений, логично, что общество само по себе вынуждено меняться и приспосабливаться. Поэтому в конечном итоге фанатизм может послужить механизмом общественных изменений. И в самом деле, история знает множество примеров, когда группы, чьи фанатические убеждения поначалу подвергались осмеянию, в результате начинали преобладать в обществе, поскольку то полностью переняло их точку зрения.

Среди самых ярких черт фанатизма – расхождение внутреннего опыта и внешних проявлений. Даже если фанатик сознает, что окружающие осуждают его поведение, он уверен, что действует из благородных побуждений. Более того, то, как фанатика воспринимают окружающие, и то, как он сам воспринимает большинство, – картины поразительно симметричные. Большинство думает, что аномальные убеждения и поведение фанатика – проблема для общества, однако фанатик, в отличие от кающегося грешника или преступника, который сознает, что нарушает закон, полагает, что проблема в большинстве. Это они не видят, каким смыслом наделены все его действия. С точки зрения фанатика остальные не улавливают истину и поэтому ведут себя странно и даже деструктивно.

У каждого эпизода фанатизма – своя естественная история. Зачастую имел место момент обращения, когда будущий фанатик «узрел свет», что привело к внезапным переменам в его убеждениях и манере держаться. Фанатический импульс выражается не только в убеждениях, но и в поведении, грубо противоречащем нормам ближайшего окружения. Это зачастую навлекает на фанатика критику и заставляет его близких убеждать его отказаться от аномального поведения. Фанатический импульс при этом зачастую лишь крепнет и превращается в ригидную постоянную черту личности, а иногда проходит сам собой, затухает в отсутствие социальной поддержки. С другой стороны, может сформироваться и группа фанатиков-единомышленников, и тогда образуется община, внутри которой аномальные убеждения взаимно подкрепляются и обретают законный статус.

На улице, на которой я работаю, сейчас часто появляются преданные последователи преподобного Мун Сон Мена, корейского предпринимателя, главы христианской протестантской секты. Сектанты заговаривают с прохожими, раздают листовки, пытаются вербовать новых сторонников секты Муна. Как правило, их высмеивают или даже унижают. Уже не раз говорили, что по остекленелым глазам, жестким целям и странному поведению понятно, что «мунисты» – религиозные фанатики. И в самом деле, это та фаза отношений между аномальной группой и обществом в целом, на которой группа получает название «фанатиков», и осталось еще несколько этапов до того момента, когда все общество капитулирует перед убеждениями фанатиков. Может статься, пройдет сто лет, и общество будет говорить с приспешниками Муна с тем же почтением, с каким сейчас принято обращаться к ученикам Христа. Однако капитуляция, разумеется, далеко не единственный возможный результат. Иногда фанатические убеждения развеиваются сами по себе, иногда фанатики изолируются от общества (их помещают в гетто или отправляют во внутреннюю ссылку), их вынуждают эмигрировать или уничтожают.

Фанатизм во многих отношениях – противоположность «невозмутимости» и, таким образом, оппозиция модной «хип-культуре», сторонниками которой в последнее время стали самые передовые слои нашей молодежи. Вероятно, эти векторы в истории непременно должны чередоваться, и если так, можно ожидать в будущем повышения числа, разнообразия и энергичности групп фанатиков.

С точки зрения социолога фанатизм заставляет задать целый ряд интересных эмпирических вопросов. Во-первых, это вопрос из области исследований личности: есть ли у каких-то людей особая склонность к тому, чтобы стать фанатиками? Если да, каковы личностные характеристики таких людей и условия, при которых возможен подобный переход? На эту тему есть много исследований, в том числе работы профессора Милтона Рокича об открытом и закрытом сознании, и все они указывают на определенные специфические когнитивные стили, которые способствуют предрасположенности к

фанатичной приверженности доктрине.

Во-вторых, что такое фанатизм – всего лишь вопрос степени, легкая интенсификация чувства, или все же значительный качественный сдвиг к новому состоянию ментальной организации? Глядя на мунистов, многие думают, что в них словно бы сломалось что-то фундаментальное, разладился какой-то балансир. Моя гипотеза состоит в том, что для фанатика система убеждений становится центром самосознания, осью системы эго-защиты, и потому любая критика убеждений автоматически становится угрозой чувству собственного достоинства. Фанатические убеждения зачастую служат терапевтическим костылем для тех, кто отчаянно отбивается от надвигающегося краха самоуважения.

В-третьих, какие социологические условия обеспечивают благоприятную почву для фанатических групп и – смежный вопрос – какие структурные условия общества позволяют клеймить других словом «фанатики»? Не может ли быть такого, что чем больше однородность и конформность в обществе, тем скорее аномальные убеждения будут названы фанатизмом? Фанатизм – не только описательный термин, но и толковательная категория. Таким образом, осквернение реформистской церкви якобы «объясняется» утверждением, что это дело рук религиозных фанатиков.

Но все же это слово – уничижительный ярлык, который большинство навешивает на аномальное меньшинство, а потому обладает двусмысленными коннотациями, и избавиться от этой двусмысленности очень трудно. Как отличить фанатизм от похвальной верности принципам? Можно ли считать, что Папа Римский фанатик, поскольку он придерживается устарелых взглядов на контроль над рождаемостью? Фанатики ли амиши, раз они живут по законам старой культуры и сопротивляются влиянию современного мира? Ответов на эти вопросы нет – все зависит от контекста, в котором употребляется термин. Каждому слову, как и большинству уничижительных ярлыков, свое место.

Да, словом «фанатик» необдуманно называют всех тех, кто видит истину, которую остальные еще не восприняли. Таким образом, это слово может исполнять функцию защиты – отрицать законность притязаний тех, чьи убеждения и принципы отличаются от наших.